Краеведы Москвы

Краеведы Москвы

(Историки и знатоки Москвы)

Издательство «Книжный сад»

Москва
1995

ББК 26.891 (2 — 2М)
К78

Издание осуществлено по программе правительства Москвы к 850-летию столицы при содействии московского фонда «Наука».

Составители: Л.В. Иванова, С.О. Шмидт
Художник Александр Волошин

К 78 Краеведы Москвы (Историки и знатоки Москвы): Сборник. /Сост.: Л.В. Иванова, С.О. Шмидт. — М.: Издательство «Книжный сад», 1995. — 304 с.; ил.

Книга составлена из научно-популярных биографических очерков о замечательных людях, посвятивших свое творчество истории Москвы. На научной документальной основе воссозданы портреты москвоведов XIX — XX вв. Это не только историки и архивисты, но и литераторы, искусствоведы, археологи, меценаты. Строгая научная документальность сочетается в книге с доступной самому широкому читателю формой изложения.

Первая книга выпущена издательством «Московский рабочий» в 1991 г.

К $\frac{1805080000}{\text{Ю } 89(63)-95}$ Без объявл. ББК 26.891 (2 — 2М)

ISBN 5— 85676 — 039 — 5

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Первый выпуск приуроченного к 850-летию Москвы трехтомного издания очерков "Краеведы Москвы" вышел в свет в 1991 г. Это очерки о тех, для которых тема Москвы была определяющей в их творчестве, в исследовательской, преподавательской, публицистической, собирательской, музейной, экскурсионной, просветительской работе, в том числе и о вовсе позабытых москвоведах; о деятелях более широкого историко-культурного диапазона, о виднейших ученых, чьи труды о Москве — лишь одна из сфер их многообразной творческой деятельности. Это прошлое и настоящее Москвы, ее история, быт, природные условия и городское хозяйство, живописный облик города, московская благотворительность, достопамятности и их собирание, охрана и изучение. Для того чтобы подход составителей был очевиднее, ко второму выпуску книги "Краеведы Москвы" дан подзаголовок "Историки и знатоки Москвы".

Первая книга, включавшая очерки и воспоминания о 21 москвоведе, была доброжелательно встречена общественностью — рецензиями откликнулись журналы и газеты, книгу обсуждали краеведы, собиравшиеся в Государственной публичной Исторической библиотеке, в Мосгорархиве. Понимание научной и нравственной важности такого издания, особенно в канун юбилея Москвы (напомним, что первой книгой издательства "Московский рабочий" с грифом "850-летию Москвы посвящается" был именно первый том "Краеведов Москвы"), позволило мэрии Москвы включить серию "Краеведы Москвы" в число финансируемых ею юбилейных изданий. Уверены, что все любящие наш город читатели с благодарностью оценят этот знаменательный акт правительства Москвы.

Во втором выпуске помещены очерки и воспоминания о 17 москвоведах. Источниковая база их — прежде всего труды героев очерков и материалы: архивные, печатные, изобразительные, помогающие изучению их жизни и творчества. Научный аппарат книги — примечания, библиографические сведения, так же как и сами очерки и иллюстрации к ним, — содержит много ранее неизвестных, впервые публикуемых сведений. Списки работ, приведенные в книге, не являются исчерпывающими, в них отражена только тематика москвоведения. В следующем выпуске будут даны именной указатель и сведения об авторах очерков по всем трем выпускам издания.

Надеемся, что и исследователи, и просто любознательные люди откроют для себя в этой книге немало нового и ценного о прошлом нашего города и обогатят свои представления о развитии москвоведения.

Список рецензий на первый выпуск "Краеведов Москвы"

Краевский Б. П. Знатоки Первопрестольной //Моск. правда. 1992. 18 февраля.

Кизельштейн Г. Б. Знатоки Москвы // На боевом посту. 1992. 29 февраля.

Рец. Ю. А. Федосюка // Вечерняя Москва. 1992. 11 мая.

Козлов В. Ф. Летописцы великого города // Моск. журнал. 1992. №3. С.59.

Рец. А. А. Формозова // Отечественные архивы. 1992. №4. С. 118—119.

Рец. А. И. Рейтблата // Литературное обозрение. 1993. №5. С.24.

Биографические очерки

В.Ю. Афиани

"КТО БЫЛ В МОСКВЕ, ЗНАЕТ РОССИЮ"

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ КАРАМЗИН. 1766 — 1826

Город и человек. Их судьбы разновелики, но переплетены теснейшим образом и взаимозависимы. Возникновение великого города порождает у изумленных потомков легенды и мифы о его начале, о предначертанной судьбой особой роли в истории народа, государства. Мифотворчество не обходит и города "молодые", чье рождение не теряется в глубине веков, а происходило на глазах не столь далеких предков, например основание Санкт-Петербурга. Город, его реальная среда и его прошлое, сложившийся образ проникают в сознание каждого человека. А творческая деятельность личности, в свою очередь, вносит свои краски, оттенки в многоцветный, полифонический "лик" города. Быль и явь сливаются в индивидуальном образе города. И он живет, развивается в культуре и в общественном сознании.

Три города России могут считать Карамзина "своим": Симбирск, Москва и Петербург. И каждый имеет на то право. С каждым из них связан важный этап, "возраст" жизни писателя и историка. Симбирск — быстролетное детство, утро жизни. Его Карамзин считал своей родиной. Их связь запечатлена в памятнике, пережившем все исторические бури, и в названии публичной библиотеки, исчезнувшем, но вновь возрождаемом.

Петербург — свидетель славы Карамзина-историка — увидел закат его жизненного пути, а прежде — десятилетие напряженной работы над "Историей государства Российского" и исполнение долга государственного историографа, независимого, нелицеприятного советника императора. На Волковом кладбище тело Карамзина нашло вечное успокоение.

А душа Карамзина принадлежит Москве. Здесь прошла его юность. Здесь он прожил больше половины жизни, находил, терял и вновь находил свое счастье, стал знаменитым писателем и журналистом, задумал и воплотил в первых восьми томах "историческую поэму" — "Историю государ-

ства Российского". Он настолько сроднился с городом, что писал: "Я сам москвич!"[1] В Москву он неизменно возвращался: из поездок в Симбирск, из Петербурга, после недолгой военной службы, из путешествия по Западной Европе, из "эмиграции" в Нижний Новгород в 1812 г. В Москву Карамзин стремился вернуться из Петербурга, отправившись в 1816 г. похлопотать об издании "Истории". Здесь, в древней столице он хотел обрести, наконец, свой дом, чему свидетельство его переписка с московскими друзьями. Но не сбылось.

У темы "Карамзин и Москва" множество сторон. Некоторые из них, краеведческие, уже затрагивались в литературе[2]. Но все это только первые подходы к изучению обширной темы.

Время не изгладило память о Карамзине в Москве. Его имя звучит в названии улицы в Ясеневе. Еще стоят здания, в которых бывал Карамзин у своих друзей, хотя перечень домов, где он жил, звучит как синодик: не сохранился, не сохранился, не сохранился... Карамзин был заметной фигурой в московском обществе XVIII — начала XIX в., а его творчество внесло новые элементы в московскую жизнь. Оглушительный успех "Бедной Лизы", сравнимый с популярностью "Вертера" Гёте в Германии, на долгое время установил традицию паломничества к пруду у стен Симонова монастыря почитателей повести и ее героини. Деревья, окружавшие старинный пруд, были испещрены надписями поклонников Карамзина и просто влюбленных: "На каждом почти из оных дерев любопытные посетители на разных языках изобразили чувства своего сострадания к нещастной красавице и уважения к Сочинителю ея повести". Так гласила подпись под гравюрой, изображавшей пруд, в первом отдельном издании повести в 1796 г. (Ныне "Лизин пруд" остался лишь в истории литературы и московской жизни да в памяти московских краеведов.)

До "монастырского", по выражению П. А. Вяземского, уединения в работе над "Историей" Карамзин не чурался мимолетных радостей светской жизни. Его четверку лошадей часто встречали на улицах города. Ездил из дома в дом, танцевал на балах, играл в бостон. "Его любезность, образованность, его слава обеспечивали ему успех в большом свете"[3]. После поездки в Западную Европу Карамзин подчеркивал свой "европеизм", даже щегольство, шокируя прежних масонских наставников. Но это была продуманная поза. Такая позиция и в жизни, и в литературе входила в план реформаторских замыслов преобразования русской культуры, общества, была частью взятой на себя миссии просветителя[4]. Под маской "петиметра", принимавшейся иными современниками за истинное лицо, скрывались серьезные намерения и невидимый постороннему глазу труд. Незамеченным оставалось и то, что Карамзин не только жил жизнью свет-

ского общества, "всей Москвы", но и изучал их, вглядывался, исследовал город и его окрестности. В "Бедной Лизе" автор обмолвился: "Может быть, никто... не знает так хорошо окрестностей города сего, как я..."[5] И это не было литературным приемом. В письме к брату Карамзин писал, что помимо поездок по Подмосковью "всякий день" бродит еще пешком[6].

Отношение к Москве складывалось из множества разнородных элементов — от повседневного московского быта и уклада жизни, который он постарается сохранить и в Петербурге, до глубоких размышлений над смыслом истории, прошлого и будущего России. Несомненно, это отношение окрашено сильным, искренним чувством любви к городу. И о нем мы знаем не только по литературным сочинениям. Отъезд в северную столицу дал возможность проявиться этому чувству в документах, в письмах к московским друзьям. В них он постоянно вспоминает о "доброй" Москве, признается: "Московская жизнь кажется мне прелестнее, нежели когда-нибудь", что любит ее "как душу...".

Но помимо реальной Москвы своего времени, помимо исторической Москвы, сохранившейся в ее облике на рубеже XVIII — XIX вв., для Карамзина существовала и другая Москва — частица истории России, ее олицетворение и ее символ. И к пониманию этого он шел от современной ему Москвы, ее жизни, углубляясь в далекое прошлое.

Истоки интереса Карамзина к отечественной истории, причины, время его возникновения исследователи находят и в детских впечатлениях от книг и рассказов в семейном кругу, и в обсуждениях "Дружеского общества", и в примере исторических изданий Новикова, наконец, в впечатлениях от Западной Европы и французской революции. И для таких утверждений есть основания. Но есть еще одна, на наш взгляд, не менее важная причина, основа для пробуждения исторических интересов. Есть то, что сначала, скорее всего, подсознательно, а потом все более осознанно подталкивало к поискам ответов на вопросы: чем и почему отличается жизнь России от стран Западной Европы, в чем особенности ее исторического развития?

Эти импульсы давала сама Москва, все то "любопытное, особенное, характерное", что наблюдал Карамзин и что во многом определялось ее прошлым. И думается, есть основания утверждать, что многое во взглядах, в исторической концепции историографа можно объяснить не только "книжными знаниями", но и живыми впечатлениями, памятуя, что в Карамзине художник и ученый неразделимы. А для писателя образное видение, личные переживания обладают чрезвычайной глубиной и силой. В самой атмосфере города присутствовало нечто "историческое". Случайно ли то, что все три великих русских историка — Карамзин, Соловьев, Ключевский — москвичи, если не по рождению, то по судьбе?

Если бы попытаться представить облик и жизнь дореволюционной, а тем более "допожарной" Москвы, что, вероятно, уже почти неосуществимо, то мы могли бы лучше понять чувства Карамзина, его ощущения, когда он из "деревенской", "усадебной" Москвы впервые попал в Петербург. Какое потрясение должен он был испытать! "Западный" облик города, стремительный темп жизни, разноплеменное население... "Вот он (думал я) — город... которого имя стало мне известно почти вместе с моим именем; о котором так много читал я в романах, так много слыхал от путешественников, так много мечтал и думал!"[7] Так писал Карамзин о Париже. Но нечто подобное он должен был испытать, впервые после Симбирска и Москвы увидев Петербург. Современники чаще всего сравнивали его со столицей Франции. А при Павле I в Петербурге "начал буквально воспроизводиться" Париж[8].

Первая встреча с северной столицей была недолгой. Как только представилась возможность оставить военную службу, Карамзин ушел в отставку и уехал. Но след в сознании должен был остаться. И может быть, не случайно, что размышления о смысле исторического процесса и месте в нем России в "Письмах русского путешественника" помещены в главах, посвященных Парижу?

Но в те годы Карамзина больше интересовали доказательства просветительской идеи о движении всех народов по пути прогресса и просвещения. Различия находили только в темпах и сроках начала этого движения. Проблемы национального своеобразия занимали меньше, чем единство европейской цивилизации. И хотя в "Письмах" рассыпано немало наблюдений о национальных различиях европейцев, особенностях каждой культуры, обычаев, нравов, Карамзин утверждал: "Все народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не Славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для Русских..."[9] И потому в традициях новой русской культуры вслед за Ф. Прокоповичем и М. В. Ломоносовым он возносил хвалу Петру I в его стремлении победить отечественное "упорство в невежестве" и просветить Россию. Но с жаром оспаривая "странные мнения" Левека и даже некоторых русских, умалявшие величие Петра, Карамзин все больше задумывался над аргументами критиков "дела Петра". И не потому ли замысел похвального слова императору в 1798 г. так и остался невоплощенным, а вместо него вскоре появилось программное похвальное слово Екатерине II? И в 1803 г. в статье "О Тайной канцелярии" он уже писал, что не завидует "щастию" свидетелей "великих дел Петровых"[10].

К тому времени Карамзин, видимо, более обстоятельно познакомился с критическими отзывами о петровских реформах многих зарубежных просветителей (Монтескье, Мабли, Руссо, Кондильяка и др.)[11]. Еще Монтескье писал о вреде

насильственных средств, использованных царем для изменения нравов и обычаев. Дух критики проникал и в русское общество. Известны высказывания на этот счет И. И. Бецкого, И. Н. Болтина, Е. Р. Дашковой, М. М. Щербатова, А. Н. Радищева и других. Далеко не со всем из написанного Карамзин мог познакомиться на рубеже веков. Например, "Записки" кн. Дашковой он прочитал только в 1819 г. Но отзвуки этих идей несомненно находили отклик в интеллектуальных кружках Москвы и Петербурга, в которые был вхож Карамзин. Возникал и вопрос о цене усилий, потраченных на строительство новой столицы, и принесенных жертвах и т. д.[12]

Одновременно начало пересматриваться и отношение к допетровской истории. Историограф XVIII в. Г.-Ф. Миллер замечал, что петровские преобразования были подготовлены в царствования Алексея Михайловича и Федора Ивановича, Новиков призывал читателей "Вивлиофики" "с восхищением познавать великость духа" предков, их нравы и обычаи[13]. Возникает и идеализация допетровской старины, а вместе с ней и старой Москвы. Защитники "прежних времен" ревниво относились к тому, что происходило в новой столице, постоянно сравнивая ее с "порфироносною вдовой". Новиковский "Живописец" так откликнулся на закладку в 1768 г. Исаакиевского собора в виде "Письма уездного дворянина" к своему сыну: "Колокольню строют и хотят сделать выше Ивана Великого, статошное ли это дело; то делалось по благословению патриаршему, а им это как сделать"[14]. И Екатерина II в "Антидоте" в благожелательных тонах описывала Москву и обычай горожан собираться на Ивановской площади в Кремле, "где творился суд и расправа" и где "можно было получить сведения об общественных делах и состоянии государства и видеть знакомых"[15]. Вслед за ней анонимный автор в еще более идеализированном духе описывал "священные собрания" на Красной площади, "где давались и принимались спасительные советы", "где всякий человек... почитал себя приверженным суду народа". А Алексей Михайлович любил смотреть на площадь из окна дворца, и "все знали, что царь был свидетелем случившегося, всякий день доносили ему, что замечательное было говорено на площади и как народ о том думает"[16]. Интересно, что в записке "О московских достопамятностях" Карамзин писал о Москве уже его времени как о средоточии мнения народного в противоположность Петербургу.

"Антипетровские" (и "антипетербургские") настроения тем не менее не были преобладающими в русском обществе. Они отразились в сочинениях, в большинстве своем не предназначенных для публикации, лишь изредка попадавших в печать в XVIII в. Важнее другое, что к концу XVIII в. они получили определенное распространение не в старой, оппозиционной петровским реформам аристократической час-

ти общества и не в среде старообрядцев, а в новой, европеизированной среде. (Знал ли Карамзин об эсхатологических старообрядческих пророчествах о Петербурге?) Осмысление места и роли в истории страны Москвы и Петербурга как бы в миниатюре отражало проблемы отношений России и Запада. В эпоху, когда пришла пора подводить первые итоги петровским преобразованиям, пути, пройденного Россией почти за век, такие вопросы не могли не возникнуть. Русской мысли предстояло сделать важный шаг к новому пониманию истории государства Российского. Предстояло уйти и от уже ставших традицией панегириков Петру поэтов, проповедников и даже авторов учебников географии как "наивеличайшему из всех, доселе бывших российских владетелей", даровавшему "империи своей совсем новый вид"[17], и от первых критических замечаний в адрес преобразователя и наивной идеализации допетровской старины. В концептуальном, историко-философском подходе и выразился новый этап, новый уровень развития отечественной мысли. В этом подходе заключается и то новое, что Карамзин внес в "москвоведение", хотя им не исчерпывается.

Статьи, повести, очерки Карамзина, посвященные Москве, интересны с разных сторон. Они показывают эволюцию его взглядов, то, как он углублялся в изучение истории и преодолевал отвлеченно-идиллические представления о прошлом, характерные и для эпохи, и для его ранних сочинений. Первой повестью Карамзина стала "московская" повесть "Бедная Лиза". И родилась она, как дает знать читателю автор, в путешествиях по окрестностям города, в прогулках пешком "без плана, без цели". Прекрасные описания панорамы города со стороны Симонова монастыря, окрестных пейзажей захватывали первых читателей повести и сейчас не оставляют равнодушным. В начале XIX столетия московская тема определяет содержание немалого числа журнальных публикаций в "Вестнике Европы", редактировавшемся писателем: о примечательных событиях современной жизни города, об его истории, о путешествиях автора по окрестностям Москвы и Подмосковья.

Вероятно, эти статьи имел в виду писатель и краевед Вл. Муравьев, называя Карамзина "хроникером" московской жизни. Термин, конечно, позднейший, но по-своему дополняет классический пушкинский отзыв о Карамзине как о "первом историке" и "последнем летописце". И в злободневных журнальных статьях, и в исторических очерках, и в самой "Истории" писатель и историк стремился запечатлеть то, что он называл "живыми чертами времени"[18]. Но публикации Карамзина многослойны. Вместе с "репортерским" желанием зафиксировать в журнале факты современной и прошлой жизни (периодическая печать уже в те годы получила меткое определение "летописи современной жизни") в этих публикациях присутствует исторический контекст, взгляд автора,

сравнивающего прошлое и нынешнее, показывающего читателю ход и успехи просвещения в русском обществе. Рассказывая о московском землетрясении 1802 г., он непременно вставит упоминание о том, что такое же явление отмечено в летописях при Василии Темном. В "Записках старого московского жителя" собственные наблюдения-воспоминания о жизни москвичей, их привычках сравниваются с нравами и обычаями недавнего прошлого, а те и другие — с жизнью "старинных русских бояр". Автор пишет, что ощущение красоты природы, желание ею наслаждаться, выразившееся в "моде" на жизнь летом в загородных домах, в деревне, в увлечении цветниками и т. п., — свидетельства развивающегося вкуса и прогресса просвещения. А "народные гульбища", гулянья на бульварах "в приятной свободе" "различных состояний" — следствие "утонченного гражданского состояния" русского общества[19]. Он отмечает, что многое из этих изменений произошло на памяти его поколения, вспоминает, что еще недавно "бродил уединенно по живописным окрестностям Москвы и думал с сожалением: "Какие места! и никто не наслаждается ими!""[20]

Карамзин обращался к историческим источникам — летописям и запискам иностранцев, побывавших в России, исследованиям своих предшественников (Татищева, Миллера, Щербатова, Шлецера). В этих "краеведческих" сочинениях он широко использовал и устные источники, память живых свидетелей старины (и свою собственную), предания. О старом немецком кладбище он расспрашивал у пасторов лютеранской церкви в Марьиной роще, в других случаях ссылался на сведения, полученные "от стариков, сведущих в русских преданиях", на то, что слышал подробности "от такого человека, которому они известны по верному преданию"[21]. Это не неразборчивость в выборе источников, нередко встречающаяся у краеведов того да и позднейшего времени, а осознанное стремление расширить уже известный круг источников. Он считал, что "умный историк должен рассказывать такие анекдоты, ибо они любопытны и показывают образ мыслей времен, но он имеет еще и другую обязанность: рассуждать и сказки отличать от истины"[22]. Не отказывался Карамзин от сообщения читателю сказаний, повестей, легенд об основании Москвы по позднейшим рукописям XVII в. (даже в "Истории"), естественно, высказывая свою оценку их достоверности. Все это входило в систему поиска "духа и жизни в тлеющих хартиях", для того, чтобы представить "характер времени". Они помещались в "пеструю смесь" примечаний к "Истории" для того, чтобы служить "иногда свидетельством, иногда объяснением или дополнением"[23].

С первых повестей и очерков об истории и до монументальной "Истории государства Российского" Карамзин сохранял и эстетическое отношение к прошлому. "Прилежно

истощая материалы древнейшей Российской Истории, я ободрял себя мыслию, что в повествовании о временах отдаленных есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображения: там источники Поэзии!"[24] — писал он в предисловии к своему труду. И эту "неизъяснимую прелесть" старины Карамзин хотел передать всеми доступными ему способами, используя разные источники и методы познания прошлого. В прогулках по Москве, в поездках по ее окрестностям, собирая живые свидетельства и предания, знакомясь с памятниками в их историко-культурном окружении и реальном ландшафте, сформированном деятельностью поколений, он будил свое воображение, "вживался" в прошлое. Это был осознанный метод. Не только Карамзин-писатель любил "на быстрых крыльях воображения летать" в "отдаленную мрачность" времен[25]. Это использовал и Карамзин-историк. В Архангельском соборе в Кремле, глядя на "безмолвные гробы", для него "расноречивые", он искал "вдохновения, чтобы живо изобразить Донского и двух Иоаннов Васильевичей"[26]. Эту особенность Карамзина подметил Вл. Муравьев: "Чтобы писать о прошлом, ему нужно было узнать, ощутить прошлую эпоху в ее облике, конкретных формах; он ищет следы прошлой жизни в современности, посещает памятные места, изучает сохранившиеся памятники... призывает на помощь воображение, но не воображение-выдумку, а реконструкцию на основе исторических данных"[27]. Отсюда неповторимый сплав и "загадка" обаяния карамзинской исторической прозы, ее воздействия на читателя. Но это давало повод для критики и иронизирования тем современникам и позднейшим исследователям, которые оценивали творчество историка и писателя с высот "чистой науки", незамутненной такими несерьезными вещами, как воображение. К этому подходу Карамзина мы еще вернемся; следует заметить, что он, видимо, серьезно осложнял для историка работу над "Историей государства Российского". Ведь он не успел побывать во многих местах, где происходили важнейшие события в истории России, даже в Киеве. Но и здесь использовался каждый предоставлявшийся случай, чтобы "изобразить характер времени в его обыкновениях", для уточнения исторических обстоятельств, локализации мест, где происходили события, располагались несохранившиеся здания и т. п. И потому Карамзин не пренебрегал всеми источниками, даже позднейшими, которые содержали хотя бы крохи подлинных исторических фактов. (О том, как Карамзин реконструировал события прошлого, можно судить, например, по тому, как он искал сведения о гробнице Владимира Святого в Десятинной церкви.)[28] Широко использовался такой сложный по составу источник, как "свидетельства" историка и этнографа З. Ходаковского, по собственным наблюдениям в путешествиях, по результатам опросов жителей уточнявшего древние названия поселений, рек и т. п. Столь пристальное

внимание историка к кругу источников, считающихся наукой не слишком надежными, вытекало, в частности, и из убеждения, что память о событии или явлении может вполне сохраняться и в устной традиции. Он заметил как-то, что "изустные" сведения, знания "остаются в памяти долее всего читаемого нами в книгах"[29].

Карамзин, конечно, широко обращался и к традиционным источникам, прежде всего летописным. Примечания к "Истории" содержат в себе обширнейший и подробнейший свод летописных записей о Москве. Здесь собраны выписки и о разных исторических событиях, случившихся в Москве, — радостных и печальных: рождениях, свадьбах, смертях князей, духовных лиц и т. д.; о стихийных бедствиях, пожарах, осадах неприятелем Москвы; наконец, подробно отслеживаются сведения о строительстве на Москве. ("Обновлена бысть на Москве церковь Вознесение Великой Княгинею Марьею Василия Васильевича Темного; заложила ту церковь Великая Княгиня Евдокия Дмитрия Ивановича Донского прежде сего за 60 лет, и при ней не много сделано, понеже того лета преставися; по многих же летех нача ту церковь совершати Великая Княгиня Софья Василия Дмитриевича, и соверши по кольцо, но верху не сведе; по многих же пожарех и сводом двигнувщимся, а внутри все твердо бяше: Великая же Княгиня Марья восхоте розобрати и новую поставити, и помыслив о сем Вас. Дмитриев. Ермолин с мастеры, и не разобраша, но изгорелое каменье обломаша и своды разбиша, и сделаша новым каменьем и кирпичем, яко всем дивитися. Ноября 3 священа сия церковь Филиппом Митрополитом"[30].) И так на протяжении всех томов. Если выделить из "Истории" "московские сведения", то материала набралось бы не на один том. Такое издание рельефнее показало бы то, что внес Карамзин в изучение Москвы. Свод летописных сведений и других источников, возможно, был бы небесполезен и для современных историков Москвы, краеведов. Какие источники использовал Карамзин, рассказывая о Москве, о каких событиях или явлениях сообщал, а о каких не счел нужным сообщить, что знал или чего он не знал, — весь этот комплекс проблем составляет самостоятельную тему для изучения. В этой статье нас по преимуществу интересуют более общие представления историка и писателя о Москве и то, как они возникали у него.

В "Истории" Карамзин уделяет особое место рассказу о Москве, выделяет важнейшие этапы ее развития, отмечая специальными "фонариками" на полях: "Начало Москвы", "Москва усиливается", "Возвышение Москвы", "Москва глава России". В основном тексте повествованию о Москве могло уделяться не так уж и много места. Сообщая о начале Москвы, первом ее упоминании в летописях под 1147 г., историограф кратко пересказывает позднейшие, легендарные известия "повествователей" о селе боярина Кучка, казнен-

ного Георгием (Юрием) Долгоруким, женитьбе сына князя на "прелестной дочери" казненного. Карамзин сожалеет о том, что "летописцы современные не упоминают о любопытном для нас ее (Москвы. — *В. А.*) начале, ибо не могли предвидеть, что городок бедный и едва известный в отдаленной земле Суздальской будет со временем главою обширнейшей Монархии в свете"[31]. Он приводит рассуждение "новейших летописцев", осмыслявших роль Москвы: "Москва есть *третий* Рим... и четвертого не будет", — их утверждение о том, что Москва, как и Рим, была основана "на крови" и также "сделалась Царством знаменитым"[32]. Но значительно больше места отведено истории столицы Российского государства в "Примечаниях". В комментарии к основному тексту о начальной истории города историограф уточняет дату сообщения — 28 марта, споря с Татищевым, относившим ее к июлю, приводит большие выписки из "Летописи о зачале царствующего Великого Града Москвы", пересказывает "Сказание о убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы", цитирует другую летописную повесть XVII в. — "Сказание о зачале Москвы и Крутицкой обители". Карамзин кратко пересказывает еще одну легенду об основании города Мосохом, сыном Иафетовым по рукописной "Книге о древностях Российского государства" Т. Каменевича-Рвовского, хранившейся в Синодальной библиотеке.

Таким образом, приводится основной корпус летописных сообщений и преданий об основании Москвы, дается характеристика источников. Карамзин дискутирует с другими историками, спорит, например, с "Историческим и топографическим описанием Москвы" о названии древнейших сел на территории города, происхождении названия Москвы-реки, с объяснениями названия города Татищевым и Байером. Читатель получал практически все сведения, известные к тому времени, включая, по выражению Карамзина, "сказки" и мнения "новейших историков", "изустные предания", лингвистические изыскания, с оценками самого автора.

Важным элементом текста "Истории" стали знаменитые "апофегмы" историографа — краткие афористические изречения историко-философского (а иногда и историко-публицистического) содержания. Некоторые из них относятся к Москве. В четвертом томе "Истории" он, в частности, написал: "Новгород знаменит бывшею в нем колыбелию Монархии, Киев купелию Христианства для Россиян, но в Москве спаслися отечество и Вера"[33]. Эти строки о роли столиц — центров Русского государства в разные исторические эпохи на разных этапах исторического развития — свидетельство глубоких размышлений Карамзина о символическом значении города-столицы для государства, страны. (Отождествление Москвы со всей страной, идущее из древности, дожило и до нашего времени. Иностранцы, писавшие о России, побывав-

шие в ней в XV — XVII вв., нередко именовали ее "Московиею", а жителей — "московитами". Историки с XIX в. употребляют термин "Московское государство", а зарубежные пропагандисты и политики еще недавно могли говорить о "руке Москвы" и т. д.) Рамки жанра "Истории" не позволяли Карамзину более обстоятельно раскрыть свои представления о месте и роли Москвы в истории. К счастью для нас, он сделал это в своих "записках", которые писались параллельно его труду и в этом дополняют и продолжают его.

Речь идет, прежде всего, о записке "О древней и новой России" и записке "О московских достопамятностях". Многое их объединяет между собой: и обстоятельства появления, и в какой-то степени судьба. Они не предназначались для печати. И если бы не случайные обстоятельства, то "Записку" о Москве могла бы постигнуть участь записки "О древней и новой России", многие годы пролежавшей под спудом и впервые полностью опубликованной более чем полвека спустя со времени ее написания, лишь однажды, в 1914 г., изданной отдельным изданием в России, а затем еще более чем полвека не переиздававшейся. С самого начала эти сочинения не предназначались для постороннего глаза, широкого читателя, и их автор не был скован цензурными соображениями. Записка "О московских достопамятностях" первоначально появилась в печати помимо воли автора. Карамзин был вынужден после этого переиздать ее в своем последнем прижизненном (3-м) Собрании сочинений, а затем она ушла "в тень" и так же, как и первая записка, была переиздана недавно.

Историко-публицистическое сочинение "О древней и новой России" было написано в 1811 г. по просьбе великой княгини Екатерины Павловны и передано ею Александру I. Об этой записке уже немало сказано. Что же писал в ней Карамзин о Москве? Создавалась она одновременно с пятым томом "Истории", и естественно, что многое в ней близко тому, что уже легло на страницы рукописи его исторического труда. Изменился тон повествования, в соответствии с жанром и целью этой записки он стал более эмоциональным. Говоря о последствиях татаро-монгольского нашествия на Русь, он писал: "Казалось, что Россия погибла навеки. Случилось чудо. Городок, едва известный до XIV века, от презрения к его маловажности долго именуемый селом Кучковым, возвысил главу и спас отечество. Да будет честь и слава Москве! В ее стенах родилась, созрела мысль восстановить единовластие в истерзанной России..."[34] Больше автор прямо не затрагивал "московскую тему", но она присутствует в записке, сквозь которую проходит сравнение "московского" и "петербургского" периодов истории России. Она подспудно присутствует, например, в том месте, где Карамзин выносит "приговор" Петербургу, "блестящей ошибке" Петра Ве-

ликого: "Мысль утвердить там пребывание наших Государей была, есть и будет вредною"[35].

Записка "О московских достопамятностях" написана в 1817 г. по просьбе вдовствующей императрицы Марии Федоровны, собиравшейся поехать в Москву вместе с императорской семьей на закладку памятника в честь победы над французской армией. По-видимому, Карамзина попросили подготовить нечто вроде краткого путеводителя по Москве, что он и сделал. Набрасывалась записка, судя по всему, наскоро. Автор в конце говорит: "Я писал на память: мог иное забыть, но не забыл главного"[36]. Возможно, историк действительно писал ее по памяти, но тем не менее обнаруживаются почти дословные текстуальные совпадения и с более ранними опубликованными сочинениями, и с первой запиской, и "Историей". "Кремль есть место великих исторических воспоминаний", — говорилось в записке[37], а в "Записках старого московского жителя" (1803 г.): "Кремль есть любопытнейшее место в России по своим богатым историческим воспоминаниям"[38].

Несмотря на свою главную задачу — дать минимум исторических сведений о Москве, назвать основные историко-архитектурные памятники и достопамятности, это сочинение также имеет остропублицистический характер[39]. В нем, как и в записке "О древней и новой России", хотя и в меньшем объеме, содержится критическая оценка замыслов Александра I. Карамзин осуждает планы строительства на Воробьевых горах храма-памятника по проекту архитектора А. Л. Витберга в честь победы над Наполеоном. Храм должны были заложить во время приезда императора и его семьи. "Ныне, как слышно, хотят там (на Воробьевых горах. — *В. А.*) строить огромную церковь. Жаль! Она не будет любоваться прекрасным видом и покажется менее великолепною в его (городе. — *В. А.*) великолепии. Город, а не природа украшается богатою церковию. Однажды или два раза в год народ пойдет молиться в сей новый храм, имея гораздо более усердия к древним церквям. Летом уединение, зимой уединение и сугробы снега вокруг портиков и колоннад: это печально для здания пышного"[40]. И в то же время многие исторические памятники и здания культурных учреждений, пострадавшие от пожара 1812 г. и забвения, не реставрируются. Карамзин писал, что "гниет и валится" дом А. Л. Нарышкина в Кунцеве, находится "в развалинах" Московский университет, по словам автора, более полезный, чем даже Петербургская академия наук, в селе Алексеевском "еще недавно стоял ветхий дворец и баня царя Алексея Михайловича", а там, где дворец императрицы Елизаветы Петровны, "ныне в саду полынь и крапива, а в пруду тина". Можно понять чувства Карамзина, помнившего эти памятники в начале века, видевшего в селе Алексеевском "почтенное здание, едва ли не старейшее из всех деревянных домов

в России", и именно в связи с плачевным состоянием дворца написавшего: "У нас мало памятников прошедшего: тем более должны мы беречь, что есть!"[41]

В записке отразились и слухи о планах переноса столицы России. Высказывается мнение, что Карамзин имел в виду планы переноса столицы в Нижний Новгород согласно уставной грамоте — конституции, разрабатывавшейся по заданию Александра I[42]. Но скорее всего, он имел в виду проекты введения наместничеств 1815—1816 гг., где также шла речь о перемещении столицы России. А уставная грамота начала готовиться только в 1818 г. Карамзин был посвящен во многое из планов императора до того, как они становились известными более широкому кругу лиц.

В ней нашли отражение и споры с Александром I о самодержавии и конституции, начатые еще в 1811 г. Продолжением их звучат "апофегмы" "в пользу самодержавия" и в этом сочинении о Москве. "Здесь (в Кремле. — *В. А.*), среди развалин порядка гражданского, возникла мысль спасительного Единодержавия, как жизнь среди могил и тления". "Здесь началось, утвердилось Самодержавие, не для особенной пользы Самодержцев, но для блага народного"[43].

Именно публицистические места сочинения, переписанного кем-то из посторонних, думается, привлекли В. Н. Каразина, передавшего список его для публикации в журнале "Украинский вестник" в 1818 г. Мотивы этого поступка остаются не вполне ясными, Каразин в те годы был близок с историографом, чему свидетельство два письма историографа ему в феврале 1818 г. об успехе у читателей опубликованных первых восьми томов "Истории". Идеи Карамзина, критически относившегося к политике Александра I, к проектам его реформ, были близки и Каразину.

Карамзин утверждал, что значение Москвы, ее особая роль для России сохранились, несмотря на то, что столица уже сто лет находилась в Петербурге.

"Москва будет всегда истинною столицею России. Там средоточие Царства, всех движений торговли, промышленности, ума гражданского. Красивый, великолепный Петербург действует на Государство в смысле Просвещения слабее Москвы, куда отцы везут детей для воспитания и люди свободные едут наслаждаться приятностями общежития. Москва непосредственно дает Губерниям и товары, и моды, и образ мыслей. Ее полуазиатская физиогномия, смесь пышности с неопрятностию, огромного с мелким, древнего с новым, образования с грубостию, представляет глазам наблюдателя нечто любопытное, особенное, характерное. Кто был в Москве, знает Россию.

Со времен Екатерины Великой Москва прослыла *Республикою*. Там, без сомнения, более свободы, но не в мыслях, а в жизни; более разговоров, толков о делах общественных, нежели здесь в Петербурге, где умы развлекаются Двором,

обязанностями службы, исканием, личностями. Там более людей, которые живут для *удовольствия*; следственно, нередко *скучают* и рады всякому случаю поговорить с живостию, но весьма невинною. Здесь сцена, там зрители; здесь действуют, там судят, не всегда справедливо, но всегда с любовию к справедливости. Глас народа — глас Божий, а в Москве более народа, нежели в Петербурге.

Во времена Екатерины доживали там век свой многие люди, знаменитые родом и чином, уважаемые Двором и Публикою. В домах их собиралось лучшее Дворянство: слушали хозяина и пересказывали друг другу слова его. Сии почтенные старцы управляли образом мыслей. Ныне уже мало таких домов. Надобно ехать в Английский Клоб, чтобы узнать общее мнение; можно знать его и дома, послушав несколько раз, как судят Москвичи. У них есть какие-то неизменные правила, но все в пользу Самодержавия: Якобинца выгнали бы из Английского Клоба! Сии правила вообще благородны. В Москве с жаром хвалят заслуги Государственные, помнят старое добро и доныне славят бывших ее знаменитых Градоначальников: Долгорукова-Крымского, Графа З. Г. Чернышева, Еропкина и пр. Одним словом: Москва заслуживает имя *доброй*"[44].

В этом заключении к записке, связывающем историческое прошлое Москвы и ее настоящее, в сжатом виде представлено понимание Карамзиным места и роли "истинной столицы" России. Ценность ее не только в том, что крупнейший писатель и историк составил краткий очерк истории Москвы, путеводитель по ее достопамятностям, но и в том, что это едва ли не единственный памятник из наследия Карамзина, в котором достаточно последовательно изложены его взгляды на историю и значение Москвы. Но многое рассеяно и по страницам других сочинений, "Истории", писем.

Если собрать их вместе, то мы получим более полное представление о концептуальных идеях Карамзина. Москва, по его мнению, была и осталась в начале XIX в. центром Российского государства в историческом, экономическом, общественно-политическом плане. Во многих случаях "столичная" роль Москвы более весома, чем Петербурга. Помимо центра торговли, промышленности она еще средоточие "ума гражданского". Москва имеет первенствующее значение в важнейшей для Карамзина области — просвещении. В ней воспитываются молодые россияне, в ней наслаждаются "приятностями общежития". Еще в своих журнальных очерках он рассматривал успехи "общежития" как свидетельство прогресса просвещения и "гражданского состояния" общества.

Здесь, в сочинении, предназначенном только для глаз членов императорской фамилии, Карамзин пишет о том, что Москва слывет еще с конца XVIII в., екатерининского правления, "республикою". В общественно-политических пред-

ставлениях историографа республика виделась идеальной формой государственности. Но он считал, что она остается в большинстве случаев идеалом далекого будущего, ибо требует высокой просвещенности и степени нравственности всего народа. Но себя он называл "республиканцем в душе", "республиканцем по чувствам" и писал, что был и останется республиканцем, и "притом верным подданным царя Русского: вот противоречение, но только мнимое!"[45] Республиканизм для Карамзина — это и высокая личная нравственность, независимость, добродетель, конечно, патриотизм и ревностное участие в общественных делах[46]. Иначе говоря, для Карамзина понятие "республики" не исчерпывалось чисто политическим содержанием, политической свободой или "конституцией". Он не раз писал, что "без высокой народной добродетели республика стоять не может"[47]. И потому он может считать себя республиканцем и одновременно утверждать, что самодержавие спасительно для России в прошлом и настоящем, считать, что отдельная личность, частное лицо могут быть свободными и выстоять перед деспотизмом. Это самоощущение человека, раскрепощенного внутренне, человека нового времени. Таким и был сам Карамзин. Спустя два года он скажет императору Александру I: "Я люблю только ту свободу, которой не отнимет у меня никакой тиран"[48].

В этом, а не в политическом смысле Москва предстает "республикою". В ней выше, чем в Петербурге, степень просвещения, заинтересованности в общественных делах, "любовь к справедливости". Еще одна важная деталь в характеристике Москвы — независимость общественного мнения, "свобода не в мыслях, а в жизни", особый "образ мыслей". Естественно, речь идет о "лучшем Дворянстве". Но одновременно Москва и представительница народа, его голос. Образ сцены (Петербург) и зрителей (Москва), думается, должен был вызывать и другие ассоциации с театром — успех пьесы, играемой на сцене, зависит от зрителей, их восприятия.

Нельзя оставить в стороне и другое карамзинское замечание о приверженности Москвы традиционным политическим ценностям. В Москве "более свободы, но не в мыслях, а в жизни", москвичи настроены "все в пользу Самодержавия" и др. — в этих утверждениях содержится отклик на дискуссии в обществе, которое было взбудоражено слухами о правительственных реформах[49]. В этих словах можно расшифровать намек и на "вольность в мыслях" петербуржцев. Насколько верным было представление Карамзина об общественно-политических настроениях, психологических отличиях москвичей и петербуржцев, можно спорить. Взгляды Карамзина соотносятся с тем, что известно о мнениях разных общественных кружков того времени. Не Москва в конечном итоге, а Петербург стал центром дворянского "вольномыслия", будущих декабристов.

Казалось, что консервативная позиция автора записки о Москве, распространившейся в списках, могла встретить возражения лишь "вольнодумцев", декабристов. Но, насколько известно, ее публикация вызвала один, но весьма агрессивный отклик историка М. Т. Каченовского, укрывшегося под прозрачным псевдонимом "Лужницкий старец". Будущий глава "скептической школы" в историографии писал, что отказывается поверить в то, что записка принадлежит перу Карамзина, так как такое предположение должно быть "оскорбительным для личности писателя, стяжавшего славу". Он обвинял автора записки в ошибках и в "неприличных суждениях", несовместимых "со скромностию" не только литератора, но даже всякого "благовоспитанного человека"[50]. Были обвинения в погрешностях против литературы (!), отмечались расхождения между запиской и "Историей". Каченовский лукавил, возмущаясь, что записка приписывается перу Карамзина. На самом деле его выступление было против "Истории". В полемике вокруг карамзинского труда Каченовский занимал непримиримые позиции[51]. Сказанное не отвергает справедливые замечания о неточностях, например в оценке высоты колокольни Ивана Великого. Помимо косвенной критики "Истории" публикация Каченовского была вызвана и замечанием историографа о "разрушении" Московского университета.

Несанкционированная публикация записки Карамзина, критическое выступление Каченовского стали предметом обсуждения современников, об этом свидетельствуют сохранившиеся заметки Н. М. Лонгинова и В. К. Кюхельбекера[52]. К сожалению, пока еще не изучен весь спектр суждений, современных оценок путеводителя по Москве, написанного историографом. Но можно уже утверждать, что она не прошла мимо внимания читателей тех лет. В итоге Карамзин решил авторизовать свое сочинение и поместил его в Собрании сочинений с примечанием, что автор "согласился напечатать здесь эту записку единственно для того, что она, без его ведома, была напечатана в "Украинском вестнике" с ошибками"[53]. Но кроме исправления ошибок публикация имела и другую цель — Карамзин снял главным образом свои замечания публицистического характера, не предназначенные для широкого читателя. Таким образом, сохранились два варианта записки о Москве.

Записка "О московских достопамятностях" создавалась позднее других произведений Карамзина, в которых так или иначе затрагивалась тема Москвы. Она была написана после войны 1812 г., в иной исторической обстановке, но понимание места и роли древней столицы в истории и в настоящем, как мы видим, не изменилось. Публикация записки имеет и другое значение. Она впервые вынесла на публичное обсуждение столь значимую для русской культуры и общественной мысли тему, как "Москва и Петербург". Вслед за этим

сочинением Карамзина и, вероятно, не без его влияния стали появляться и другие сочинения, осмысляющие эту проблему.

Тема "Москва и Петербург" — часть более глобальной проблемы отношений России и Запада. Карамзин, говоря о различиях двух столиц, придает им символическое значение, обозначающее два пути развития России — эволюционный, национальный и искусственный, искажающий национальные начала, навязанный "сверху" волею Петра I. Карамзина можно назвать "родоначальником" символического, мифологического истолкования сущности двух городов, двух начал в отечественной истории. Новый культурный миф — "петербургский миф" обязан не только "Медному всаднику" Пушкина. Завораживающий пушкинский образ Петербурга — поэтическая форма, в которую отлились возникшие в русском обществе культурно-философские представления о судьбах России[54]. Вопрос о степени воздействия на современников карамзинских образов Москвы и Петербурга, в том числе и на Пушкина, только еще начинает рассматриваться. Но едва ли случайно имя Карамзина мелькает в черновиках "Медного всадника" и "Езерского". Важно и другое: прослеживая рождение карамзинской концепции и исторических образов, в которых сливаются логическое и художественное начала, нельзя не сделать вывода о том, что "петербургский миф" не был изолированным, самоценным явлением. Он существовал и существует как часть историософического, культурно-исторического истолкования диалога Россия—Запад. И можно говорить об одном культурном мифе, объемлющем разные стороны, "элементы" этого диалога.

С другой стороны, мы, может быть, еще недостаточно можем оценить, какое глубокое влияние оказывают на формирование, казалось бы, достаточно отвлеченных от реальной, обыденной жизни теоретических представлений сами жизненные впечатления. Город как историко-культурное явление, его образ существуют и развиваются во времени. Каково место личности в этом процессе? Какую роль она играет в формировании этого образа? Об этом много писал замечательный культуролог Н. П. Анциферов, развивавший идеи о городе и его образе как о саморазвивающемся организме[55]. Вспомнив об именах выдающихся отечественных культурологов XX в., исследователей города — Н. П. Анциферове, И. М. Гревсе и других, следует сказать и об удивительной связи, "перекличке веков", мыслей и идей. Карамзин и некоторые его современники, зачинатели городского краеведения, в практической работе осуществляли многое из того, что спустя век было теоретически осознано и сформулировано в науке. Это идеи о том, что "посещение места облегчает возможность восстановления целостного образа изучаемого явления", о важности "душевной настроенности" самого изучающего, необходимости вживания в ис-

следуемый объект, недостаточности одного лишь рационального, логического подхода и, наконец, чрезвычайно актуальное понимание города как "целостного организма", "неповторимой собирательной личности"[56]. И может быть, это интуитивное понимание важности непосредственного восприятия и сопереживания вместе с научным анализом и сохранило наш интерес к этим краеведческим трудам спустя почти два века со времени их создания?

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 233.

[2] См.: *Верховская Н. П.* Карамзин в Москве и Подмосковье. М., 1968; *Она же.* Николай Михайлович Карамзин // Русские писатели в Москве. М., 1973. С. 125—136.

[3] *Погодин М. П.* Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М., 1866. Ч. 1.

[4] См.: *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* "Письма русского путешественника" Карамзина и их место в развитии русской культуры // *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 526—527.

[5] *Карамзин Н. М.* Бедная Лиза // *Карамзин Н. М.* Записки старого московского жителя. М., 1988. С. 41.

[6] См.: *Карамзин Н. М.* Письма брату В. М. Карамзину // Атеней. 1858. № 19.

[7] *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. С. 214.

[8] *Каганов Г. З.* Париж на Неве: К образу Петербурга в искусстве эпохи Просвещения // Век Просвещения. Россия и Франция: Материалы научной конференции "Випперовские чтения-1987". М., 1989. Вып. XX. С. 166—167.

[9] *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. С. 254.

[10] *Карамзин Н. М.* О Тайной канцелярии // *Карамзин Н. М.* Соч. 3-е изд. М., 1820. Т. 8. С. 154.

[11] Об отзывах см.: *Шмурло Е.* Петр Великий в оценке современников и потомства. СПб., 1912. Вып. 1 (XVIII век). С. 73—79.

[12] См.: *Порошин С. А.* Записки. СПб., 1882. Стб. 86, 89, 94.

[13] Древняя российская вивлиофика. СПб., 1788. Ч. 1. С. 2.

[14] Живописец. СПб., 1773.

[15] Осьмнадцатый век. Вып. IV. С. 293.

[16] *Шмурло Е* Указ. соч. С. 71.

[17] Там же.

[18] *Карамзин Н. М.* Записки старого московского жителя // *Карамзин Н. М.* Соч. Т. 8. С. 167.

[19] Там же.

[20] Там же.

[21] Там же. С. 166.

[22] Там же. Т. 9. С. 184, 204.

[23] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1842. Кн. 1. С. XIII.

[24] Там же.

[25] *Карамзин Н. М.* Соч. Т. 8.

[26] Там же.

[27] *Муравьев Вл. Б.* Путем своего века // *Карамзин Н. М.* Записки старого московского жителя. С. 39.

[28] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1842. Кн. 1. Примечания. Стб. 135.

[29] *Карамзин Н. М.* Соч. Т. 9. С. 157.

[30] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1842. Т. VI. Примеч. 629.

[31] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1991. Т. II—III. С. 133.

[32] Там же. С. 133—134.

[33] Там же. Т. IV. С. 129—130.

[34] *Карамзин Н. М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Лит. учеба. 1988. № 4. С. 98.

[35] Там же. С. 105.

[36] *Карамзин Н. М.* Соч. Т. 9. С. 302.

[37] Там же. Т. 8. С. 169.

[38] Там же. Т. 9. С. 288.

[39] Подробнее см.: *Козлов В. П.* "История государства Российского" Н. М. Карамзина в оценках современников. М., 1989.

[40] Украинский вестник. 1818. Ч. 10. С. 143.

[41] *Карамзин Н. М.* Соч. Т. 9. С. 204.

[42] См.: *Козлов В. П.* Указ. соч. С. 20.

[43] *Карамзин Н. М.* Соч. Т. 9. С. 304.

[44] Там же. С. 302—304.

[45] Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 248—249.

[46] См.: *Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 304.

[47] Вестник Европы. 1802. № 20.

[48] *Карамзин Н. М.* Неизданные сочинения. СПб., [1860]. С. 9.

[49] См.: *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.

[50] *Лужницкий старец.* К господам издателям "Украинского вестника" // Вестник Европы. 1818. Ч. 100. № 13. С. 46.

[51] *Козлов В. П.* Указ. соч. С. 20.

[52] Там же. С. 76—77.

[53] *Карамзин Н. М.* Соч. Т. 9. С. 280.

[54] См.: *Афиани В. Ю.* Н. М. Карамзин: примирение с Петербургом? // Анциферовские чтения. Л., 1989. С. 101—106.

[55] См.: *Зимина С. Ю.* Проблема бессознательного в культурологии Н. П. Анциферова // Анциферовские чтения. С. 89.

[56] *Анциферов Н. П.* Краеведный путь в исторической науке // Краеведение. 1928. № 6. С. 329.

Список работ Н.М.Карамзина

Записки старого московского жителя. 1803 // *Карамзин Н. М.* Соч. 3-е изд. М., 1820. Т. 8. С. 161—170.

Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице. 1803 // Там же. Т. 9. С. 200—252.

О московском мятеже в царствование Алексия Михайловича. 1803 // Там же. Т. 8. С. 229—253.

Путешествие вокруг Москвы. 1803 // Там же. Т. 9. С. 141—151.

Русская старина. // 1803 Там же. С. 160—187.

Записка о московских достопамятностях. [1817] // Там же. С. 280—304.

История государства Российского. СПб., 1816—1829. Т. I—XII.

А.В.Корнеев

БЫТОПИСАТЕЛЬ МОСКВЫ 1830-х ГОДОВ

АЛЕКСАНДР АНФИМОВИЧ ОРЛОВ. 1791 — 1840

"Моя родословная только до дедушки, а как звали прадедушку и кто он был, не знаю. Вот какого я знатного происхождения!"[1] Этими словами начинает Александр Анфимович Орлов рассказ о себе в книге "Моя жизнь, или Исповедь. Московские происшествия Александра Орлова", вышедшей в 1832 г. в Москве. Ее автор не имел никакого отношения к знаменитой дворянской фамилии России, обретшей графское и княжеское достоинство, — он был сыном сельского пономаря. Детские годы писателя, творчество которого тесно связано с Москвой, прошли вне стен древней столицы — в селе Махра Александровского уезда Владимирской губернии.

Воспитывался Александр в семье деда по матери — тамошнего священника Николая Ильича Орлова, почитавшегося самым просвещенным человеком во всей округе, — он окончил полный курс семинарии, что для сельского священника было немалой редкостью. Благодаря наставнику обучение будущего писателя уже в детские годы началось необычно для сына пономаря. Наделенный богатой фантазией дедушка "в самых величественных выражениях" объяснял внуку все, что привлекало внимание мальчика. "Когда с светозарного юга приходила к нам благодатная весна, — вспоминал Орлов, — имея пылкое воображение, он увлекался прелестями расцветающей природы, а потому приучил и меня фантазировать так, что, когда я начал учиться поэзии, я, прочитавши мифологию, начал видеть в каждой рощице нимф и дриад, у каждого ручейка наяд, в темных лесах сатиров и фавнов". В представлении мальчика герои мифов Эллады мирно уживались с персонажами русских преданий и поверий, с которыми знакомила его бабушка, рассказывая "о пещерах, о провалах, о ведьмах, о водяниках, о лесовиках, о дворовиках"[2].

У деда Александр выучился грамоте, а после его смерти был отдан отцом в семинарию Троице-Сергиевой лавры.

Отец, все образование которого сводилось к умению читать и писать, унаследовавший после кончины тестя церковный приход и сделавшийся священником сам, очень своеобразно определил своего сына в семинарию. "Не видавши никогда школ, не зная просвещения, — писал Орлов впоследствии, — он просто привез меня в семинарию и оставил на постоялом дворе с пятнадцатью копейками"[3]. Таким образом, в семинарию будущий писатель определил себя сам. При этом выяснилось немаловажное обстоятельство — для зачисления необходимо было иметь... фамилию. У Александра ее не было, как не было и у его отца. Немного поразмыслив, мальчик назвал фамилию покойного деда и был внесен в списки семинаристов как Александр Анфимов сын Орлов. Отныне, сам того не ведая, он сделался однофамильцем многих знатных вельмож Российской империи.

Три десятилетия спустя, когда Александр Орлов обретет известность в литературе как автор пародий на романы Фаддея Булгарина, обозленный романист, сводя счеты с дерзостным пародистом, печатно объявит того малограмотным невеждой, недоучившимся семинаристом вроде дьячка Кутейкина — персонажа комедии Д. И. Фонвизина "Недоросль", который, "убоясь бездны премудрости, вспять обратился"[4]. Вопреки этому утверждению Орлов отнюдь не был невеждой. Он окончил полный курс духовной семинарии, однако образование его на этом не завершилось.

Родители желали видеть Александра священником, но молодого человека влекло иное поприще. В годы его пребывания в семинарии над Россией взошла звезда М. М. Сперанского. Сын бедного сельского священника (как и Орлов, уроженец Владимирской губернии), он сделался первым лицом в государстве после императора, вознесся выше знатных вельмож. Стоит ли удивляться тому, что многие студенты богословия мечтали в какой-то степени повторить путь Сперанского. Отчасти их мечты разделял и Орлов. "Родительница моя рада была вдруг на меня и скуфью возложить, но у меня было на уме не то, — напишет он позднее, — шпага и мундир с ума не сходили; я не желал видеть на себе рясу..."[5]

С большим трудом добившись увольнения из духовного звания в светское, Орлов уезжает в Москву. "Получивши чистую отставку из духовного ведомства, я пустился в Белокаменную, — вспоминал он. — Вот тут-то увижу я редкости, думал я; вот здесь-то понаберусь ума, разума. Господи Боже мой! я увидел издали Ивановскую колокольню; я мечтал о счастии, я думал так, что счастие мое так же будет пространно, как и Москва"[6]. Счастье на первых порах действительно улыбнулось молодому человеку — вчерашний студент богословия становится студентом Московского университета.

О том, что Орлов действительно посещал лекции в старейшем университете России, было известно давно. Однако на каком отделении слушал он их? Окончил ли он университетский курс? Ответы, дававшиеся на эти вопросы в различных работах, были весьма противоречивы. Так, С. А. Венгеров склонен был считать, что Орлов учился на медицинском отделении[7]. Историк А. В. Смирнов в книге "Уроженцы и деятели Владимирской губернии" предполагает, что будущий писатель был студентом юридического отделения[8]. В статье об Орлове в "Русском биографическом словаре" говорится, что он был некоторое время слушателем Московского университета, в котором курса не окончил[9]. Наконец сам Орлов в книге "Моя жизнь, или Исповедь" пишет, что он окончил университет со званием кандидата, не упоминая, по какому именно отделению[10].

Одни только подлинные документы, свидетельствующие о пребывании Александра Орлова в Московском университете, могли дать точный ответ. Эти документы любезно помог мне отыскать Виктор Васильевич Сорокин — литературовед и превосходный знаток старой Москвы. В фонде Московского университета Центрального государственного исторического архива Москвы, куда я по его совету обратился, действительно нашлись документы, свидетельствующие о пребывании Александра Орлова в Московском университете. Первое из них — его прошение в правление Московского университета, поданное в октябре 1814 г.: "Природою я из духовного звания, от роду себе имею 27 лет. Обучался в Троицкой лаврской семинарии грамматике, арифметике, начаткам геометрии, географии, поэзии, риторике, философии, истории светской и богословской, богословию, истории священной, церковной, немецкому, французскому и латинскому языкам. А ныне желаю слушать в Московском императорском университете профессорские лекции, почему и прошу к слушанию означенных лекций меня допустить и включить в число своекоштных студентов словесного отделения"[11].

Второй документ свидетельствует об успешной сдаче вступительных экзаменов — это донесение в правление университета от профессоров Черепанова и Чумакова и магистра Давыдова: "По назначению правления делали мы испытание студенту Московской академии Алексею Владиславлеву и студенту лаврской семинарии Александру Орлову, уволенным из своих мест в светское ведомство, в русском, латинском, французском и немецком языках, в истории и географии, в арифметике и началах геометрии. Из всех означенных предметов отвечали они удовлетворительно и показали достаточные к слушанию профессорских лекций сведения; особенно же успели они в языках. С таковыми познаниями, в силу 109-го параграфа университетского устава, могут быть удостоены звания студентов университета"[12].

Никифор Евтропиевич Черепанов (1763—1823) — профессор всеобщей истории, географии и статистики Московского университета. Федор Иванович Чумаков (1782—1837) был профессором прикладной математики. Что же касается Ивана Ивановича Давыдова (1794—1863), то это имя хорошо известно историкам науки. Ученый, обладавший многогранным дарованием — филолог, философ, математик, — он читал в 20—30-е гг. в Московском университете лекции, которые пользовались большим успехом. Позднее он переехал в Петербург, стал академиком, директором Главного педагогического института. Ко времени описываемых событий это был молодой, подающий большие надежды ученый — он только что успешно защитил магистерскую диссертацию и не без гордости указал, подписывая донесение об экзаменах, свою ученую степень.

Нелегкой оказалась студенческая жизнь для сына бедного сельского священника. В книге "Моя жизнь, или Исповедь" Орлов ярко и выразительно рассказывает о злоключениях, которые пришлось пережить ему в годы занятий в Московском университете. Вместе со своим другом Алексеем Александровичем (тем самым Алексеем Владиславлевым, с которым он вместе успешно выдержал вступительные экзамены) он бедствовал, делил последнюю копейку, ценой большого труда и усилий постигая премудрость наук.

Именно тут в университете, рядом с отпрысками знатных, а главное, богатых фамилий будущий писатель смог зримо ощутить социальную несправедливость. Его глубоко возмущало граничившее с пренебрежением неуважение, с которым относились к университетским профессорам иные студенты из дворянских семей.

"Дружище! мы с тобою снимали за версту шляпу, увидя идущего учителя своего, а в классе со страхом и трепетом вставали пред ним, а ныне здесь в университете надо мной захохотали, когда я встал перед вопрошающим меня профессором. Не богатство ли вперяет этим гордым, невежествующим мальчишкам, вышедшим из какого-нибудь пансиона, не звание ли отца внушает сидя отвечать перед профессорами, заслуженными мужами, достоуважаемыми не по летам одним и званию, достоуважаемыми по высоким дарованиям и просвещению. Черт ли в нем, прости Господи, и богатство, когда оно негодяя-мальчишку делает высокомерным до того, что он не хочет поднять своего седалища пред особою, может быть, уважаемою не в одной России, но и во всех просвещенных государствах"[13].

В свою очередь, и профессора университета отличали старательных студентов-разночинцев, которые если порой и пренебрегали посещением лекций, то делали это отнюдь не по своей воле. Вот что пишет об этом Орлов:

"Будто не знают профессоры, отчего мы манкируем? Нет, брат! ей-богу, им известно, что мы сидим не у Бажанова

в кофейной, не заспались потому поутру, что по вечеру пробыли в театре и маскераде до полуночи; не провертелись на балу с дамами! нет! знают, что чем свет по холодной матушке-зорюшке от Никитских ворот [торопился] ты в Басманную либо к Симонову монастырю, а я либо в Таганку, либо под Донской монастырь — за рублем. Сии достопочтенные твердо ведают, что, прилетевши в барский дом тогда, как еще не только господа, да и слуги-то лишь глаза продирают, смиренно садимся в неметеной еще зале на необтертый стул и слышим, как нянька и дядька, пробуждая брыкающегося барского детеныша, шепчут: "Вставайте, сударь, учитель пришел", и как благополучный детенышек, зарываясь в одеяла и покатываясь на пуховичках, кричит благим матом: "Черт ли его так носит рано", не ведая, что у педагога горло засохло. Знают, брат, достопочтенные профессоры, как мы, не имея ни уголья, ни самовара, глядим с восторгом на кипящие самовары и дожидаемся чашечки чайку; знают они, что мы, не имея дома не только водки и хорошей закуски, не имеем и щей, а потому, снося все грубости ленивого барчонка, сидим ровным ровно до 12 часов в надежде услышать от глотающего слюны лакея: "Пожалуйте закусить". Знают, брат, и то, с каким восторгом мы дожидаемся окончания билетов, с каким нетерпением дожидаемся того благодатного дня, когда мы скажем: ныне 10-й билет, ныне 20 рублей!.. Ведают достопочтенные профессоры, с каким поспешением и невнимательностию задаем мы уроки и летком летим не оглядываясь в укромную квартиру, даже забывая в то время, есть ли на свете не только московский, но хоть бы какой-нибудь университет... Поверь, друг сердечный, все знают, знают и то, отчего иногда мы отвечаем дурно и с видом пасмурным, отчего иногда бодро и весело. Климат всегда один, да обстоятельства не одни"[14].

Однако грошовые уроки в московских домах не могут дать пропитание бедствующему студенту, и Орлов решается на отчаянный шаг: сказавшись больным, оставить на время университет и уехать за четыреста с лишним верст от Москвы учителем в имение богатого помещика. Вот как объясняет он другу свой поступок:

"Голодному и холодному не пойдут все на свете лекции, хотя бы их преподавала сама Минерва... Ты видел, что у меня из сапогов торчат пальцы, видел, как я дрожал под растерзанным фризовым капотом... Учись тот, у кого обеспечен желудок и все тело, а я буду учиться тогда, когда увижу на себе хоть лоскут платья, когда, приходя на квартиру, не лягу на постель не евши; когда будет у меня достаточно бумаги, чтоб списать лекцию, а то нет, брат, — дело плохое учиться босому и нагому, холодному и голодному. Хорошо учиться тем, кто в университет приедут в каретах, а приедут

домой не только к сытному, но даже к тучному обеду, хорошо им потряхивать на себе капоты ста с два да шубы сот в шесть, хорошо им у Бажанова в кофейне сидеть за кофеем со сливками и разговаривать о дядюшках-графах, о батюшках-генералах тогда, когда у нас нет и черствого хлеба, когда не имеем ни покрова, ни защиты. Просидевши в университете года три, эти господа вдруг сядут на судейские стулья, а мы — в эти же присутственные места пойдем в копиисты и канцеляристы, т. е. что он напишет глупо начерно, то мы должны переписывать умно и на бел"[15].

У друзей не хватает денег и на учебные книги, столь необходимые для постижения наук. "Окаянная ты, проклятая бедность, — возопил однажды Александрыч, — надобно купить книг, а их купить не на что. О глупцы всесветные! у вас книг много, да вы их не читаете, а мы бы ради читать, да не по чем"[16].

Стоит ли удивляться тому, что бедствующие друзья-студенты вместо положенных для прохождения университетского курса трех лет пробыли в университете целых семь. Однако ценой большого труда им все же удалось успешно окончить университет. При этом Орлов принужден был уступить написанную им диссертацию, получившую золотую медаль, за пятьдесят рублей "богатенькому студентику", о чем впоследствии с горечью поведал в книге "Моя жизнь, или Исповедь"[17].

Интересно отметить, что поступивший на словесное отделение Орлов окончил университет уже по другому — нравственно-политическому (теперь бы его назвали юридическим) — отделению. В архивных документах о его пребывании в университете мы находим такую запись: "Своекоштный действительный студент Александр Орлов утвержден его сиятельством г. попечителем в звании кандидата этико-политических наук сего года октября 31 дня"[18].

Не менее интересны и записи, свидетельствующие о том, что помимо лекций на словесном и нравственно-политическом Орлов слушал лекции и на других отделениях. 3 ноября 1821 г. ректор А. А. Прокопович-Антонский делает такую запись: "Нравственно-политического отделения своекоштному кандидату Александру Орлову позволяется брать свидетельства от господ профессоров других отделений, у которых он слушал лекции". Далее следуют записи:

"Своекоштный кандидат Александр Орлов в 1818 и 1819 годах слушал мои лекции из арифметики и геометрии с отличным прилежанием и оказал удовлетворительные успехи, причем в классе вел себя всегда благонравно.

Адъюнкт Дмитрий (фамилия неразборчива).
Ноября 7 дня 1821 года".

"Своекоштный кандидат Александр Орлов в течение двух лет в 1818 и 1819 слушал у меня гисторию военных наук,

а именно гисторию фортификации временной и долговременной с хорошим успехом и вел себя благородно, в чем свидетельствую

Надв[орный] сов[етник] Гаврила Мягков.
1821 год ноября 14".

"Кандидат Орлов слушал физические лекции в течение одного году прилежно и вел себя в классе всегда хорошо.

И. Двигубский.
1821 год ноября 5"[19].

Поначалу удивляет, что все преподаватели университета, в том числе и видный ученый-естествоиспытатель профессор И. А. Двигубский (в будущем — ректор университета), считали необходимым отметить не только прилежание, но и поведение студента Орлова. Однако следует вспомнить, что студенты из дворянских семей зачастую пренебрегали лекциями и не только не слушали то, что читали профессора, но и мешали тем, кто действительно хотел слушать их. Недаром аристократ Д. Н. Свербеев, учившийся в университете одновременно с Орловым, впоследствии отмечал разительное отличие между студентами-разночинцами и дворянами: "Первые учились действительно, мы баловались и проказничали"[20].

Как видим, Александр Орлов отнюдь не был абсолютным невеждой, каковым стремился представить его Фаддей Булгарин: будущий автор пародий на романы Булгарина получил хорошее и разностороннее образование, гораздо лучшее, нежели сам романист, окончивший кадетский корпус.

Перед Орловым открывается путь для дальнейшего преуспеяния. Однако он пренебрегает возможностью сделать карьеру и обрести право на потомственное дворянство. Прослужив несколько лет в Московской уголовной палате, Александр Анфимович в чине коллежского секретаря выходит в отставку. Литература все более властно влечет его.

В 1827 г. в университетской типографии Москвы выходит героическая поэма Орлова "Димитрий Донской, или Начало российского величия". В те годы вся Россия собирала деньги на сооружение памятника великому князю московскому Дмитрию Донскому, который предстояло воздвигнуть на Куликовом поле. Свой вклад в увековечение подвига внес и Александр Анфимович.

Едва ли не первым читателем его поэмы был профессор российского красноречия и поэзии Московского университета Алексей Федорович Мерзляков — он читал поэму в рукописи как цензор и одобрил ее к печати. По всей вероятности, Орлову довелось слушать лекции Мерзлякова в университете, которые пользовались большой популярностью у студентов. К Алексею Федоровичу часто обращались те из них, кто

отважился попробовать свои силы в поэзии, — доброжелательный профессор внимательно читал их произведения, поощряя проблески таланта. Можно предположить, что Орлов, осведомленный о доброте и отзывчивости Мерзлякова, обратился непосредственно к нему с рукописью поэмы как бывший студент словесного отделения. Быть может, Алексей Федорович не только прочитал поэму и как цензор разрешил ее печатать, но и как-то помог с изданием, и не без его помощи она была напечатана в университетской типографии.

Выступавшего за развитие в поэзии возвышенных героических тем, высоко ценившего поэму М. М. Хераскова "Россияда", Мерзлякова не могла оставить равнодушным и героическая поэма Орлова о Дмитрии Донском, созданная по канонам классицизма. Однако у читателей эта поэма, написанная тяжеловесным слогом, с обилием архаизмов, успеха не имела.

Неудача не обескуражила Орлова, но заставила его, не оставляя поэзии окончательно, обратиться к прозе. Тонкие, в тридцать—пятьдесят страниц, книжки небольшого формата, неказисто изданные, небрежно напечатанные на плохой, нередко оберточной бумаге, расходились быстро. Это были короткие нравоописательные или сатирические повести, действие которых очень часто происходило в Москве или ее предместьях. Их читателями были прежде всего разночинцы — мелкие чиновники, вышедшие, как и сам автор, из духовной среды, а также учащаяся молодежь — студенты Московского университета, Медико-хирургической академии, Практической коммерческой академии, училищ — театрального, землемерного, рисования графа Строганова, при Кремлевской экспедиции (архитектурного) и др. Однако круг читателей Орлова был шире — сюда входили также мелкие купцы, мещане, ремесленники, обученные грамоте крестьяне.

Успеху книжек Орлова в немалой степени способствовал язык, которым они написаны, — разговорный язык простого московского люда, обильно пересыпанный поговорками и прибаутками. Вот как начинается его повесть "Московская свадьба, или Торговец Гостиного двора":

"— Что же ты, батюшка Иван Перфильевич! ничего не стараешься об свадьбе и ничего не потолкуешь со мною об этом деле. Ведь сваха-то, Фиона Ермолаевна, приходила ко мне уже три раза — отбою нет — решитесь да и только, а жених-то каждый день пройдет раз пять мимо наших окон, да как увидит нашу Олиньку, так сделается как будто угорелый — прямо бежит к сватеньке да только и твердит ей: "Матушка Фиона Ермолаевна! Сватай за меня Олиньку!" Ведь это, сударь, не жених, а клад в руки дается, а ты только что попиваешь да попировываешь, а об этом деле и не думаешь, лишь бы только была рюмочка да чарочка, а то не нужна ни овечка, ни ярочка. Эа, Иван Перфильевич! куй

железо, пока горячо, неравно случится, что и близок локоть будет, да нельзя укусить его — как жених-то с попыхов сватается, сватается да откажется, так вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Ведь он берет ее без денег — слышишь ли, сударь! без денег!"[21]

Именно такой язык высоко ценил Пушкин. В "Опровержении на критики" он писал: "Разговорный язык простого народа (не читающего иностранных книг и, слава Богу, не выражающего, как мы, своих мыслей на французском языке) достоин также глубочайших исследований. Альфиери изучал итальянский язык на флорентинском базаре: не худо нам иногда прислушаться к московским просвирням. Они говорят удивительно чистым и правильным языком"[22].

Крайне интересное свидетельство о том, как относился к произведениям Орлова И. А. Крылов, мы находим в воспоминаниях книготорговца И. Т. Лисенкова, долгое время бывшего старшим приказчиком в петербургском филиале книжной лавки московского книгопродавца Андрея Глазунова: "Крылов заходил справляться, не получены ли новые сочинения Александра Анфимьевича Орлова из Москвы, посредственного повествователя среднего класса народа. Сочинения Орлова занимали Крылова любознательностью выражений русских редких слов, но весьма метких в его писаниях, а Ивану Андреевичу нужно было заимствовать меткие слова для басен своих..."[23]

Однако наибольшую известность в литературных кругах Орлов получил как автор целой серии пародий, написанных на романы Фаддея Булгарина "Иван Выжигин" и "Петр Иванович Выжигин". 15 апреля 1831 г. газета "Московские ведомости" в числе прочих объявлений о новых книгах поместила четыре извещения о сочинениях, в заглавиях которых встречалось имя "Выжигин". По иронии судьбы, книгопродавец Василий Логинов одновременно извещал о продаже только что поступившего романа "Петр Иванович Выжигин", а немного ниже в том же столбце газетного текста — о подписке на две пародии Орлова: "Смерть Ивана Выжигина" и "Крестный отец Петра Выжигина, или Два кума Ивана Ивановича Выжигина", с таким обращением к читателям: "На известные сочинения под названием: *Иван Выжигин* и *Петр Выжигин*, соч. г-на Булгарина, принималась подписка; ныне же принимается подписка на сочинение под названием: *Смерть Ивана Выжигина,* соч. А. Орлова, известного публике остроумными сочинениями. Книга сия принесет публике удовольствие, потому что кончина сего достопамятного мужа, т. е. Выжигина, есть важное событие для почитателей Ивана Ивановича. Кто читал жизнь Ивана Ивановича, тот с прискорбием прочтет его кончину"[24].

В соседнем столбце на той же странице газеты это обращение к читателям еще раз повторяется полностью —

в объявлении уже другого книгопродавца — Андрея Глазунова, помещенном почти рядом с объявлением о романе Булгарина.

В пародиях Орлова булгаринский герой — добронамеренный Иван Выжигин — объявлялся... сыном Ваньки Каина, предателя, мошенника и полицейского сыщика, персонажа, популярного в среде простого люда лубочного романа. Сопоставление имен Выжигина и Каина весьма знаменательно. Оно имело, по всей вероятности, двойной смысл. Прежде всего, автор пародий напоминал читателям, что биография самого Булгарина сродни Каиновой. В самом деле, разжалованный и опустившийся Фаддей скатился до воровства, затем совершил предательство, перебежав из русской армии в войска Наполеона, в составе которых участвовал в войне 1812 г., и впоследствии окончательно запятнал свое имя негласной службой в тайной полиции и многочисленными доносами. Помимо того, подобное сопоставление наводило читателя на мысль, что творения Булгарина, столь расхваленные на страницах издаваемых им журналов — "Северной пчелы" и "Сына Отечества", на самом деле ничуть не выше по литературным достоинствам лубочного романа о похождениях Ваньки Каина.

Прочитав пародии Орлова, Булгарин был взбешен — только недавно на страницах "Литературной газеты" Пушкин сопоставил его с полицейским шпионом Видоком, а теперь новое сравнение, ничуть не менее унизительное, дискредитирующее его в глазах читателей. Творец "Выжигиных" поспешил перейти в контрнаступление. В "Северной пчеле" и "Сыне Отечества" появились статьи, написанные им самим и его компаньоном по изданию Н. И. Гречем, в которых пародии Орлова назывались глупейшими книжонками и утверждалось, что Булгарин "своими талантами и трудами приносит честь своим согражданам"[25]. Однако, стремясь дискредитировать и уничтожить противника, оба журналиста благоразумно умалчивали, что произведения, вызвавшие столь бурное негодование, были *пародиями*. (Пройдет несколько лет, и творец "Выжигиных" вынужден будет печатно признать это.)

В ответ в московском журнале "Телескоп" появилась статья "Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов". Ее автором, скрывшимся под причудливым псевдонимом "Феофилакт Косичкин", был А. С. Пушкин. Великий поэт противопоставлял продажному Булгарину Орлова как честного и некорыстолюбивого писателя и человека. Пушкин намеревался познакомиться с Орловым во время приезда в Москву в декабре 1831 г. Однако встреча не состоялась, и поэт не без грусти писал пародисту Булгарина, отвечая на его письмо: "Судьба нас не свела, о чем искренне жалею"[26].

Наибольший интерес для нас представляют произведения Орлова, в которых речь идет о Москве. В его коротких повестях часто изображается жизнь неаристократической, непарадной Москвы — Москвы бедствующих студентов и мелких чиновников, мастеровых и ремесленников. Ее хорошо узнал писатель еще в студенческие годы, когда вместе со своим другом он был вынужден поменять не одну квартиру, из-за отсутствия денег часто переезжая из одной части города в другую. В книге "Моя жизнь, или Исповедь" Александр Анфимович с горьким юмором рассказывает о предложенных его товарищем планах, которые бедствующих студентов заставляло претворять в жизнь безденежье:

"— Слушай! мы теперь живем в Тверской части; представим, что это Россия, что уже мы в ней довольно пожили; представим, что мы хотим путешествовать, например, в Париж; давай-ка карту! — с сим словом снял он со стены карту и начал рассматривать. — Вот это Россия — ну, это Никитская, где наша и квартира. Теперь поедем мы чрез Пруссию, а из Пруссии чрез Австрию, т. е. поживем в Пречистенской, яко в Пруссии, в Хамовнической, яко в Австрии; и так, переезжая из части в часть, будем представлять, что мы путешествуем по всей Европе.

— Очень хорошо! — подхватил я. — Мы, странствуя по Москве, увидим различные обычаи, переберемся жить даже за Москву-реку, где по большей части обитает знаменитое наше купечество. О друг! как же ты, страстный охотник до табаку, как же ты будешь жить в Рогожской и Преображенской, где обитают староверы? Каким образом ты при них будешь открывать свою тавлейку? Каким образом будешь ты держать во рту трубку и пускать над главою своею клубки дыму? В каком царстве ты будешь воображать себя живущим?..

— А это-то и хорошо! — подхватил приятель. — Ты будешь представлять себя переехавшим к диким американцам или к горцам на Кавказ... Прелюбезный друг! Тверская и Никитская заняты высоковельможными, Замоскворечье — купечеством, Пресня, Хамовники, Пречистенка — приказною братиею, краешки Москвы — ремесленниками, Бутырки — наборщиками и батырщиками типографскими, Кузнецкий мост — иностранцами, Козиха и Сретенка заняты веселыми гражданками. Словом сказать, переменивши двадцать квартир, мы узнаем более, нежели путешествователи, батюшкины детки, посылаемые не для испытания полезного, но для того только, чтобы детки могли рассказать, где какая колокольня, как она высока, какой выкрашена краскою и тому подобное"[27].

Действие большинства произведений Орлова и происходит в различных частях Москвы и ее предместьях — от Кремля до Измайлова и Преображенского, Марьиной рощи и Крестовской заставы.

"Ни один город не носит такого отпечатка древности, какой носит Москва, — читаем мы в повести "Горькая участь", — Москва есть соединение многих городов. Преображенское и Рогожское кладбища напоминают нам наших праотцов... Начиная идти от Кремля до Преображенского, можно, так сказать, в лицах видеть историю Москвы. Кузнецкий мост и Преображенское суть две противоположные точки"[28].

В Измайлове живут героини повести "Четыре сестры невесты, или Крестьянки в госпожах". Начинается она так:

"За Преображенскою заставою есть село Измайлово. Восхитительное местоположение всегда привлекало туда московских жителей во время благодатной весны наслаждаться чистым воздухом, разбирать остатки старины, размышлять о временах прошедших. Старинный готический храм и доднесь поражает взоры человеческие готическою своею древностию.

Во времена древние в этом селе на пригорке стояла простая хижина, в которой обитал почтенный крестьянин Самойло Перфильич с честною своею женою Феклою Исаевной. Бог благословил их четырьмя дочерьми..."[29]

Действие повести происходит не только в московском предместье, но и в самой Москве: "В один праздник собрались две сестрицы, Федосья и Пелагея, в Москву, одна со сливками, другая с лентами и чулками. В Преображенском нечего было сбыть с рук — сестрицы пошли далее и дошли до Красных ворот. С сего пункта начинается настоящая Москва, совершенно, можно сказать, отдельная от Преображенского. Идя от Красных ворот до самой Преображенской и Семеновской заставы, не увидишь человека, одетого в немецкое платье: эта часть города совершенно может назваться старообрядческою; но начиная от Красных ворот, уже не увидишь почти человека, одетого по-русски, — с сего пункта начинаются жилища людей светских"[30].

Герои Орлова избегают улиц, где селится московская знать, — где фасады богатых домов украшают золоченые гербы, а ворота стерегут каменные львы. И хотя автор приводит порой своих героев в центр Белокаменной, они выглядят там чужими среди праздной нарядной публики.

"В Кремлевском саду 22 августа было пышно, расстилался свет огней по зеленым аллеям, большими толпами расхаживали в богатых нарядах московские госпожи, сопутствуемые услужливыми кавалерами; важные, степенные купцы с почтенными супругами выступали медленными шагами; но простой народ, не любящий понапрасну смотреть огни и наряды, сперва посетил трактиры, герберги, шинки, а потом, в избытке своей радости, от чистого сердца, будучи доволен своим состоянием, благодарил Бога, что и он [был] участником в столь веселом гулянии, — так начинается повесть "Потеря любовницы, или Обмоченный слезами платок". —

Экипажи двигались медленно, везде изображались веселие и радость"[31].

С изумлением взирают москвичи на приехавших в столицу из далекой Чухломы провинциалов — закадычных приятелей помещиков Скудоумова и Кручинина — персонажей повести "Неколебимая дружба... Кручинина и Скудоумова, или Митрофанушка в потомстве", самим автором обозначенной как "московская повесть".

"Бричка, или лучше сказать, колымага, сделанная еще во времена царя Алексея Михайловича, ввалилась в Крестовскую заставу. Она была везома тройкою тощих деревенских лошадей, убранных такою сбруею, что пристав, на заставе стоящий, покачал головой и сказал: "Отроду не видал такого экипажа!" — а когда увидал Кручинина с длинною косою, отпечатком времен очаковских, в красном камзоле с резными костяными пуговицами, выказывающими самую глубокую древность, выглянувшего из этой колымаги, то в изумлении воскликнул: "Что-нибудь да недаром!"

Шествие сей колымаги продолжалось до ближайшей гостиницы. Кручинин, как человек, лет за 20 тому в Москве бывавший, подъехавши к гостинице, вызвал слугу и спросил: "Что стоит в день за квартиру?" — и когда слуга отвечал, что пять рублей в сутки с персоны, то Кручинин взмахнул руками и закричал: "Назад! ко Кресту на постоялый двор!"

Но вожатый их, живший всегда средь чухломских лесов и не только Москвы, но ниже других городов не видавший, не слыхал приказания господского, потому что загляделся на львов с раскрытыми пастями, поставленных на воротах одного знатного дома, а потому Кручинин принужден был отвесить ему полновесный удар тростью с медным набалдашником, и опять повторил: "Ко Кресту на постоялый двор!" Вожатый по показанию места привез их туда, где объявили им цену, а именно 40 к[опеек] с каждого в сутки, кроме содержания"[32].

Отдохнув с дороги, приятели отправляются поглазеть на Белокаменную, людей посмотреть и себя показать: "...Сначала пошли они в Кремль. Скудоумов, никогда не бывший в Москве, только размахивал руками. Они приехали в тот самый день, как происходило торжество о совершенном поражении верховного турецкого визиря. Стечение народа, выставленная артиллерия, съезд генералитета, которому везде отдаваемы были воинские почести, присутствие гражданских чиновников столь изумило чухломцев, что Скудоумов, глядя на свой кафтан, сказал Кручинину: "Брат! не убраться ли нам домой? Что-то пристально на нас посматривают!"[33]

Действие повести "Зеваки на Макарьевской ярмарке, или Московский купец Савва Саввич..." начинается на другой заставе Москвы: "Из Рогожской заставы, помнится мне, в один Ильин день выехало человек сто купцов с раскладистыми бородами, означающими старинную степенность, в длинных со сборами кафтанах, обстриженных в кружок,

человек двести нынешнего фасона, т. е. во фраках с бритыми рыльцами, только обстриженных по-боярски, человек с триста мещан, придерживающихся и старинных и новых нарядов, ищущих милости то у бородатых, то у бритых. Выехали еще человек четыреста женщин — все на Макарьевскую"[34].

Прощаясь с молодой женой, один из купцов наказывает ей: "По гуляньям, по рощам не езди — что за езда без мужа жена!" Однако жена думала иначе — в отсутствие супруга она намеревается посетить все излюбленные места гуляний и веселий москвичей.

"Слушаю, — думала жена, — дни красные, да и я еще не бледна. От Ильина дня до Семиона Столпника и под Новинским, и под Андроньевским, и под Донским, и под Девичьем будут гулянья; роща Марьина сама по себе; Царицыно, Останкино, Коломенское, Кусково, Кузьминки, Воробьевы горы, Архангельское, дача за Преснею, три горы с простыми, но прелестными видами, по расположению хозяина к публике, устроившего все для увеселения, будут посещены. Так что хотят говорят хозяева дач, а мы все-таки погуляем в них, сердись не сердись, а мы похаживаем по аллеям, кривым и прямым... Побываю везде", — так думала Маша"[35].

Гулянье в Марьиной роще — одном из наиболее любимых мест прогулок москвичей — описывается в повести "Горькая участь":

"Хороша ты, московская Марьина роща! Хорошо в тебе погуливают отеческие сыночки и, не жалея червончиков, слушают с восторгом цыганок. Притом, сидя за бутылками, выдумывают верные средства подбирать ключи к заржавленным замкам обитых железом сундуков, которые их батюшки поставили на многие лета в темные кладовые. Особенно хорошо в тебе, московская Марьина роща, в благословенный семик, когда кареты, наполненные белоликими московскими барынями, тянутся в два ряда, представляя движущиеся тюрьмы красавиц, завидующих свободному гулянию мещанок...

Хорошо в тебе тогда, московская Марьина роща, ибо тут не наглядишься и не нарадуешься на поседелых в волокитстве старичков, которые увиваются около белокуренькиx и черноволосеньких горожаночек. Хорошо тогда в тебе, московская роща Марьина, ибо тут увидишь отцветших красавиц, прикрывающих морщины свои белилами и румянами, усиливающихся пятидесятилетние свои лица посредством шляпок и чепчиков превращать в двадцатилетние.

Право, хорошо в тебе тогда, роща Марьина, потому что нигде больше в одном месте не увидишь столько шалунов, вертопрахов, празднолюбцев, невежд и — если угодно — *дураков!* да еще каких же? самых отменных. Они ходят там станицами, прохаживаются вереницами, с цигарками и трубками и, к счастию, отличаются или очками, или лорнетами, или какою-нибудь косыночкою, а вообще — спесивым видом

и диктаторским тоном барства. Хорошо в тебе, московская роща Марьина, но только тем, у коих, как говорится, вольные денежки, тем же, которые не запаслися ими, хуже степи, хуже смрадного болота; ибо глядеть на чужую радость не слишком приятно, не имея случая быть самому радостным"[36].

Не раз Орлов иронически изображает в своих произведениях Кузнецкий мост — место пристанища в тогдашней Москве многочисленных иностранных торговцев, приехавших из разных стран в древнюю русскую столицу со своими товарами в поисках наживы.

На Кузнецкий мост попадают, блуждая по Москве, уже знакомые нам Кручинин и Скудоумов: "Кузнецкий мост представился им весь в вывесках точно как в картинах. Но ничто их так не удивило, как шляпный магазин, над коим были прибиты три деревянные красные шляпы. Долго они рассуждали и не понимали, что бы это значило. Наконец, когда мимоходящий человек растолковал им все это, Скудоумов закричал: "Эй! хозяин! покажи-ка на свет одну шляпу!" Скудоумов думал разговаривать с здешними шляпниками так же, как с чухломскими, но, увидя вышедшего продавца шляп в модном богатом сертуке с французскою прическою, попятился назад; особенно изумился он, когда чрез растворенную дверь открылась богато убранная зала. "Што за шерти! нарот неутшивец", — сказал сердито шляпопродавец, но, взглянув на их костюмы, сделанные еще во времена очаковские, улыбнулся и сказал: "Коспота! продажа нет". Он проник, что у щеголей такого рода нет для него лишнего империала. "Пойдем, брат, — сказал Кручинин, — скверный здесь народ, очень пересмешлив. То-то Чухлома-матушка; поди куда хочешь, никто и не взглянет, а здесь на нас смотрят как на оборотней"[37].

О Кузнецком мосту идет речь и в стихотворной сатире Орлова "Французская беглянка, или Мадам Фено из Москвы, с Кузнецкого моста, в Париже", героиня которой, некогда бежавшая из парижской тюрьмы в далекую Россию, возвращается домой разодетая в пух, точно знатная госпожа, и рассказывает о своих похождениях там:

В Москве местечко есть, куда все иностранцы,
Французы, пруссаки, и немцы, и голландцы
Со всех концов земли с товарами сошлись
И, как бы русские, в России обжились.
Кузнецкий мост слывет местечко дорогое,
Для иностранцев он там море золотое.
Там шляпки, чепчики, пристанище там мод —
От утра до ночи волнуется народ.
Там вдовушки себе морщины притирают,
Щипцами волосы седые вырывают,
Шнуруют там невест, чтоб меньше был живот,
И в модны платьица там рядится урод,
Гербы под капюшон; там и глаза вставные,
Там расправляются и ноги уж кривые.

Тот мастер там на все, кто был здесь дураком:
Осел в Париже здесь не будет там ослом"[38].

Иронически описывет Орлов и сборище крючкотворцев-стряпчих, каждодневно собирающихся возле Казанского собора, неподалеку от расположенных в Кремле Присутственных мест, и всегда готовых за определенную мзду написать прошение, витиеватым слогом излагающее жалобу не обученного грамоте просителя.

Вот что советует персонажам сказочной повести "Васильи Косые, или Оптическое путешествие по столам приказных" — двум крестьянам, едущим в Москву судиться и желающим отыскать стряпчего помудренее, — встретившийся им по дороге черт: "Не спрашивая ничего в Москве о стряпчих, подойдите вы прямо к присутственным местам к Казанскому собору. "По платью встречают, а по уму провожают" — есть русская пословица. Так и вы не смотрите там на платья цветные, нет! вы увидите людей во фризовых с дырами капотах, в ермолках, в баварках, в картузах без козырьков, в шляпах без днов, в сертуках с разноцветными фалдами, и всякий из них есть стряпчий. Но что касается до того, чтоб сыскать вам помудренее, то это сделать вот как: много ли лет сидел сей стряпута в яме, в остроге и частных домах? Тем стряпчий мудрее, чем долее содержался, ибо в означенных местах навидался и наслыхался всех тех неслыханных клевет и изветов, за которые правительство принуждено было засадить их в оные места. Но сии чада, исторгшись из означенных мест, не имея у благомыслящих людей доверия, толкутся с утра до вечера около мест присутственных и ждут простячков!"[39]

Орлов был составителем едва ли не первого московского некрополя. Обойдя все кладбища Белокаменной, он переписал наиболее примечательные стихотворные надписи, украшавшие могильные памятники. Так была составлена книжка "Надгробные надписи, собранные Александром Орловым из всех монастырей и со всех кладбищ московских".

Первым ее читателем был цензор — профессор Московского университета Иван Михайлович Снегирев. Бесспорно, его внимание привлекла столь знакомая ему эпитафия — посвященная памяти его отца, Михаила Матвеевича, также профессора Московского университета, принадлежавшая перу А. Ф. Мерзлякова и выбитая на памятнике на Лазаревском кладбище:

Науки, знания, правдивы, честны нравы
Цветами скромными почтить сей гроб должны.
Все Снегирева дни добру посвящены.
Ученый без сует, без блеска разум здравый,
Наставник, друг, отец; он как учил, так жил
И в скудном жребии богат для бедных был.
Тобой путь кончен сей, тобой путь начат новый.
О вера! друг и вождь для душ благих готовый[40].

Хотя имена авторов надписей на других могилах неизвестны, тем не менее эти эпитафии представляют немалый интерес. В одной звучит отзвук оды Г. Р. Державина "Бог":

Я прах и тление и в прах преображуся,
Но я бессмертья сын и смерти не боюся.

Несмотря на лаконичность надгробных надписей, из них можно узнать и о похороненных, и о похоронивших.

Малютка милая! Сей памятник священ.
Мать здесь покоится, почтенная из жен[41].

Памяти видного сановника Александра Васильевича Алябьева, действительного тайного советника, сенатора, главного директора межевой канцелярии, отца знаменитого композитора, посвящена такая эпитафия:

И встретил радостно бессмертия зарю
Не титлом судии, вельможи.
Он ими не сиял, они сияли им,
Но человеку здесь ты поклонись, прохожий.
И жить и умереть учись над прахом сим[42].

В некрополь, составленный Орловым, вошли надгробные надписи с Ваганьковского, Дорогомиловского, Пятницкого кладбищ, из Донского, Даниловского, Симонова, Спасо-Андрониевского, Девичьего и Спаса-Нового монастырей.

Орлов был одним из немногих писателей своего времени, пытавшихся прожить литературным трудом. Написанные им книжки раскупались быстро, однако наживались на этом только издатели. Зачастую их выручка в стс раз превышала гонорар, который получал бедствующий сочинитель.

Вынужденный кое-как перебиваться более чем скромными литературными заработками, Орлов страшно бедствовал, но не падал духом и даже гордился своей нищетой. "Что-то такое есть, что, так сказать, гонит от меня счастие, — писал он. — Может быть, это потому, что я внутренне счастлив и что предназначено мне гордиться бедностию. Упрекают меня, почему я занимаюсь столь ничтожными произведениями тогда, когда бы я мог произвести что-нибудь лучшее. Но это знает моя одна нужда. Ежели другие имеют годового дохода тысячи, а мне в год не дают и двухсот рублей, ежели другие занимают стулья, а мне не дают места на скамейке в числе самых ничтожных писцов, ежели другой встает окружен изобилием, а я не имею куска черствого хлеба и не в состоянии заплатить пяти рублей за квартиру, ежели у другого полки заставлены книгами, а у меня не на что купить пера, чернил и бумаги, то между мною и другими разница велика, а по сей причине мне ничего не остается делать, как смеяться над несчастиями! и готовить себе после смерти другим воспоминание: Орлов умер в нищете! и был Олицетворенная Нищета!"[43]

Постоянное обращение писателя к бедному люду, понимание его нужд и забот, исподволь внушаемое ему сознание социальной несправедливости не могли не привлечь пристального внимания цензуры. Усмотрев в произведениях Орлова возможность их "вредного влияния на нравы низшего класса людей, для коего большей частью они назначаются", она не раз решительно запрещала их. Так, в 1831 г. в число запрещенных попала книжка Орлова "Ужас, или Странствующая холера", а три года спустя — два его сочинения: "Союз трех братцев: голода, холода и во всем недостатка" и "Дядя Влас на пепелище своего постоялого двора". В этих произведениях речь шла о таких бедствиях, как эпидемия холеры в 1831 г., неурожай 1833 г., вызвавший многочисленные волнения в деревнях и отразившийся на жизни горожан значительным возрастанием цен, и, наконец, пожары в Москве летом 1834 г.

Составленные С. А. Венгеровым и И. А. Шляпкиным библиографические указатели произведений Орлова свидетельствуют о том, что его творческая деятельность, весьма интенсивная в начале 30-х гг., в 1834 г. резко идет на убыль и в следующем году прекращается совсем. Правда, два года спустя она возобновляется, но каким образом! Если раньше на протяжении года в свет выходило пятнадцать — двадцать произведений Орлова, то теперь — два-три. Ни крайняя бедность, ни пренебрежительное отношение маститых критиков не могли охладить любовь Орлова к литературе. Какие же иные, более серьезные обстоятельства стали причиной того, что его произведения почти совсем перестают издаваться?

Ответ на этот вопрос дают хранящиеся в архивном фонде Московского цензурного комитета документы, которые коренным образом повлияли на литературную деятельность Орлова и, если можно так выразиться, убили в нем писателя. 1 февраля 1834 г. в журнале заседаний записано:

"Слушали:

...5) Донесение цензора Каченовского, в коем прописывает, что назначенную ему для прочтения рукопись под заглавием *Союз трех братцев: голода, холода и во всем недостатка"* он сомневается одобрить.

Места на стр. 6-й и на стр. 15-й решительно подлежат запрещению: первое как пасквиль на известное лицо и второе как клевета на комитет человеколюбивого общества. Но и то недовольно: все сочинение, написанное для низшего класса людей, может иметь весьма неприятное впечатление в читателях, особенно при нынешней дороговизне. Наконец, дух и направление текста почитает он несовместимым с требованиями ценсурного устава.

Определено: поелику комитет неоднократно имел случай заметить, что сочинения губернского секретаря Орлова не могут споспешествовать успехам словесности нашей, но по

духу и направлению оных могут еще иметь вредное влияние на нравы низшего класса людей, для коего большею частию они назначаются, посему на основании предписания г. министра народного просвещения от 31 марта 1831 года за № 135 о губернском секретаре А. Орлове, коего сочинения показывают дух неблагонамеренный, довести до сведения высшего начальства, причем препроводить на благоусмотрение оного и вышеупомянутую поданную им в комитет рукопись: *Союз трех братцев: голода, холода и во всем недостатка*"[44].

Отосланная на рассмотрение высшего начальства рукопись вызвала крайнее недовольство возглавлявшего Главное управление цензуры С. С. Уварова. Она была запрещена, и далее в предписании, датированном 14 марта 1834 г., говорилось: "Управление находит нужным, чтобы Московский цензурный комитет и впредь не позволял к печатанию сочинений А. Орлова, которые по содержанию и направлению своему могут иметь вредное влияние на низший класс читателей"[45].

В ноябре того же 1834 г. М. Т. Каченовский вносит на заседание Московского цензурного комитета предложение испросить разрешения высшего начальства впредь вообще не пропускать в печать сочинений Орлова, и 30 ноября С. С. Уваров, уже утвержденный в должности министра, подписывает очередное предписание Главного управления цензуры, в котором идет речь об Александре Орлове: "...не представлять к печатанию представленных г. Орловым и другими подобными писателями сочинений"[46].

Имя Орлова на два года исчезает с титульных листов выходящих в свет книг. На что же жил бедствовавший сочинитель, даже в годы наиболее интенсивного издания книжек испытывавший нужду? Вновь, как в студенческие годы, давал уроки нерадивым недорослям? Писал прошения для не знавших грамоты простолюдинов? Обращался за помощью к меценатам? Мы, вероятно, так никогда и не узнаем ответа на эти вопросы.

Когда Орлову два года спустя удается преодолеть тягостный "заговор молчания" и порой выпускать свои произведения, ему приходится быть более осмотрительным. И хотя его "сочиненьица" становятся теперь более безобидными для неустанно наблюдавшей за ним цензуры, адресует он их по-прежнему тому же читателю.

В предисловии к краткому путеводителю по древней столице, озаглавленному "Панорама Москвы и ее окрестностей в новейшем их виде и положении", Александр Анфимович пишет: "Предлагаю я сию мою книжку классу самому среднему, которому и в самые благодатные весенние и летние дни нельзя оторваться от своих занятий дальше Марьиной рощи; да ежели бы другой и мог иметь свободное время, то, не имея в кармане более гривны меди, уйдет не далее той же рощи. Вот я издаю для какого класса — для класса, которо-

му некогда да и не с чем расхаживать и разъезжать по Архангельским и далее. Не придет охота рассматривать статуи, фонтаны, любоваться статуями, ежели желудок тощ"[47].

Одна из последних книжек, вышедших из-под пера Александра Анфимовича, посвящена знаменательному в истории Москвы событию: закладке храма Христа Спасителя по проекту архитектора К. А. Тона, очевидцем которого был автор.

"День заложения храма, 10-го сентября 1839 года, велик в летописях, и будет велик в сердцах россиян, — пишет он.— Я не ездил в колясках, я стоял на кирпичах — слушал народные воззвания, которые слышать удается только тому, кто стоит на кирпичах же; а я слышал нелицемерные восклицания, я видел слезы радования"[48].

Обстоятельное описание торжества, увиденного глазами очевидца, представляет для нас большой интерес: "После Божественной литургии в большом Успенском соборе начато в половине 12-го часа молебное пение, по чину освящения воды, а с сим вместе начался из оного собора крестный ход с хоругвями и чудотворными иконами Владимирской и Иверской Богородицы. В шествии находились преосвященный митрополит московский Филарет, 3 епископа, 9 архимандритов, 200 протоиереев и священников и 100 диаконов. Крестный ход, вышед из Кремля в Никольские ворота, проходил около Кремля мимо Спасских ворот, потом по набережной до западной башни и, наконец, по Пречистенской улице; по всему протяжению сего пути стояли с одной стороны войска, а другая и все окрестные возвышения заняты были бесчисленным народом"[49].

Как писала "Литературная газета", Александр Анфимович Орлов "в нищете и болезни кончил дни свои" в марте 1840 г. в Мариинской больнице для бедных[50]. В этой обители страданий, находившейся на окраине тогдашней Москвы, находили пристанище преимущественно отверженцы общества — бездомные бедняки и бродяги. Среди них и умер труженик литературы, которому дружески протягивал руку Пушкин. Сбылось предсказание самого Орлова: он умер в нищете.

Тщетно было бы имя Александра Анфимовича искать в "Московском некрополе". Писатель, составивший едва ли не первое описание надгробных надписей древней русской столицы, не удостоился строки в фундаментальном издании такого рода. Однако не стоит винить в этом его составителей — ко времени выхода в свет "Московского некрополя" надпись на могиле бедного литератора (если только она была) не сохранилась: ведь там не было ни памятника, ни надгробной плиты.

...А где нет ни плиты, ни креста,
Там, должно быть, лежит сочинитель[51].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Моя жизнь, или Исповедь. Московские происшествия Александра Орлова. М., 1832. Ч. 1. С. 15.

[2] Там же. С. 25—26, 28.

[3] Там же. С. 31.

[4] Северная пчела. 1831. № 46. Этот отзыв цитирует А. С. Пушкин в статье "Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов".

[5] Моя жизнь, или Исповедь... Ч. 1. С. 59.

[6] Там же. С. 112—113.

[7] См.: Полн. собр. соч. В. Г. Белинского / Под ред. и с примечаниями С. А. Венгерова. Т. IV. СПб., 1901. С. 495.

[8] См.: Уроженцы и деятели Владимирской губернии, получившие известность на различных поприщах общественной пользы / Собрал А. В. Смирнов. Вып. IV. Владимир, 1910. С. 80.

[9] Русский биографический словарь. Том "Обезьянинов — Очкин". СПб., 1910. С. 321.

[10] Моя жизнь, или Исповедь... Ч. 2. С. 103.

[11] ЦИАМ, ф. 418, оп. 110, д. 167, л. 5.

[12] Там же, л. 9.

[13] Моя жизнь, или Исповедь... Ч. 2. С. 85—86.

[14] Там же. С. 74—77.

[15] Там же. С. 71—72.

[16] Там же. С. 85.

[17] Там же. С. 88—89.

[18] ЦИАМ, ф. 418, оп. 118, д. 287, л. 6.

[19] Там же, л. 5 и об.

[20] Записки Д. Н. Свербеева. Т. 1. М., 1899. С. 86.

[21] Московская свадьба, или Торговец Гостиного двора: Русская быль. М., 1831. С. 3—5.

[22] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10-ти т. 2-е изд. М., 1958. Т. VII. С. 175.

[23] Материалы для истории русской книжной торговли. СПб., 1879. С. 66—67.

[24] Московские ведомости. 1831. 15 апреля.

[25] Сын Отечества. 1831. № 27. Этот отзыв цитирует А. С. Пушкин в статье "Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов".

[26] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10-ти т. Т. X. С. 399. Подробнее о борьбе Орлова с Ф. В. Булгариным см. в моей работе "Оправданный Александр Орлов" // Встречи с книгой. Вып. 2. М., 1984. Гл. "В борьбе с Булгариным". С. 252—264.

[27] Моя жизнь, или Исповедь... Ч. 2. С. 37—41.

[28] Горькая участь / Сочинение Александра Орлова. М., 1831. С. 37.

[29] Четыре сестры невесты, или Крестьянки в госпожах / Сочинение Александра Орлова. М., 1832. С. 5—6.

[30] Там же. С. 25.

[31] Потеря любовницы, или Обмоченный слезами платок: Трагическая повесть / Сочинение Александра Орлова. М., 1833. С. 1—3.

[32] Неколебимая дружба чухломских жителей Кручинина и Скудоумова, или Митрофанушка в потомстве: Московская повесть / Сочинение Александра Орлова. В Москве на Никольской улице у книгопродавца Василия Логинова, 1830. Ч. 1. С. 3—5.

[33] Там же. С. 7—9.

[34] Зеваки на Макарьевской ярмарке, или Московский купец Савва Саввич, каких купцов мало / Сочинение Александра Орлова. Ч. 1. М., 1831. С. 5—6.

[35] Там же. С. 17.

[36] Горькая участь. С. 5—7.

[37] Неколебимая дружба чухломских жителей... Ч. 1. С. 16—17.

[38] Французская беглянка, или Мадам Фено из Москвы, с Кузнецкого моста, в Париже / Сочинение Александра Орлова. М., 1831. С. 11.

[39] Васильи Косые, или Оптическое путешествие по столам приказных / Сочинение Александра Орлова. М., 1834. С. 36—37.

[40] Надгробные надписи, собранные Александром Орловым из всех монастырей и со всех кладбищ московских. М., 1834. С. 9.

[41] Там же. С. 10.

[42] Там же. С. 20.

[43] *Шляпкин И. А.* Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903. С. 154—155.

[44] ЦИАМ, ф. 31, оп. 5, д. 97.

[45] Там же.

[46] Там же, д. 101, л. 40.

[47] Панорама Москвы и ее окрестностей в новейшем их виде и положении / Собрано и составлено Александром Орловым. М., 1836. С. II.

[48] Торжественное заложение святого храма во имя Христа Спасителя в Москве, или Благоденствующие чада церкви к зиждителю его. М., 1840. С. 6—7.

[49] Там же. С. 13—14.

[50] Литературная газета. 1840. № 39.

[51] *Некрасов Н. А.* О погоде.

Список сочинений А. А. Орлова

Моя жизнь, или Исповедь. Московские происшествия Александра Орлова. Ч. 1—2. М., 1832.

Надгробные надписи, собранные Александром Орловым из всех монастырей и со всех кладбищ московских. М., 1834.

Торжественное заложение святого храма во имя Христа Спасителя, или Благоденствующие чада церкви к зиждителю его. М., 1840.

Панорама Москвы и ее окрестностей в новейшем их виде и положении. М., 1836.

Неколебимая дружба чухломских жителей Кручинина и Скудоумова, или Митрофанушка в потомстве: Московская повесть. Ч. 1—3. М., 1830.

Московская свадьба, или Торговец Гостиного двора. М., 1831.

Четыре сестры невесты, или Крестьянки в госпожах. М., 1832.

Горькая участь. М., 1831.

Васильи Косые, или Оптическое путешествие по столам приказных. М., 1834.

Французская беглянка, или Мадам Фено из Москвы, с Кузнецкого моста, в Париже. М., 1831.

Тяжба купцов Продувалы и Облизалы, или Стряпчий Труболет, а кого он в руки приберет, того и обдерет. М., 1831.

М. А. Полякова, А. И. Фролов

РЕВНИТЕЛИ МОСКОВСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ УВАРОВ. 1825 — 1884
ПРАСКОВЬЯ СЕРГЕЕВНА УВАРОВА. 1840 — 1924

В условиях глубокого и затяжного кризиса, в котором уже несколько десятилетий находится вся сфера охраны историко-культурного наследия нашей страны, когда ежегодно гибнут сотни якобы охраняемых государством памятников культуры, когда начался, наконец, поиск путей создания действенных механизмов защиты отечественных достопамятностей, — в этих условиях в высшей степени актуально и поучительно обращение к опыту, накопленному в этой области еще в дореволюционной России.

Мы по праву гордимся отечественным историко-культурным наследием, памятниками истории и культуры, радуемся каждой новой встрече с ними, но отнюдь не всегда помним о тех, чьими стараниями, заботой, порою самопожертвованием дошли до наших дней эти бесценные реликвии. Мы воздаем должное зодчему, по проекту которого возведено старинное здание, но чаще всего ничего не знаем о тех людях, кто в свое время предотвратил искажение памятника позднейшими перестройками, уберег его от натиска разного рода разрушителей, отстоял от гибели.

К счастью, в нашем отечестве всегда были такие люди. Ярким и беспрецедентным примером плодотворного и бескорыстного заступничества за памятники отечественной старины, за сохранение десятков архитектурных сооружений Москвы является деятельность на этой многотрудной ниве супругов — графа Алексея Сергеевича и графини Прасковьи Сергеевны Уваровых. Велика их роль и в изучении памятников культуры Москвы, в формировании и исследовании музейных коллекций, в создании новых музеев. С полным правом их имена могут быть названы среди тех, чьими трудами, энергией, волей и знаниями закладывался фундамент современного москвоведения.

Граф Алексей Сергеевич Уваров — сын известного филолога, президента Академии наук, министра народного про-

свещения С. С. Уварова — получил солидное образование. Закончив в 1845 г. историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, он продолжил занятия за границей — в Берлинском и Гейдельбергском университетах, впоследствии в Петербурге сблизился с учеными-археологами и нумизматами в кружках Бартоломея, Кёне, Сабатье. А. С. Уварова ждала заманчивая дипломатическая карьера, но интересы исследователя памятников древностей взяли верх[1]. С конца 40-х гг. он предпринял несколько поездок по Черноморскому побережью с целью проведения археологических раскопок памятников Крыма. В 1853—1854 гг. им были исследованы памятники Ольвии, крепости Неаполиса (недалеко от Симферополя), Херсонеса. Результатом этих многолетних изысканий стал фундаментальный труд А. С. Уварова "Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря" (вып. I—II. М., 1851, 1856).

Одновременно А. С. Уваров вел археологические раскопки в районе древних городов Суздаля и Ростова. В 1851—1854 гг. он исследовал 7729 курганов, чтобы определить географическое распространение вымершего финского племени мери. Обобщающим трудом в этой области стало сочинение "Меряне и их быт по курганным раскопкам" (напечатан в "Трудах" I археологического съезда в 1869 г. в Москве).

В 1864 г. ученому удалось осуществить свой давний замысел — объединить специалистов, прежде всего московских, — археологов, историков, архитекторов — для археологических изысканий и разработки мер по сохранению памятников старины. Устав нового Общества был подготовлен А. С. Уваровым, и уже в октябре 1864 г. первые заседания Московского археологического общества стали проходить в Москве, в доме Уваровых. Впоследствии Обществу были пожалованы палаты Аверкия Кириллова на Берсеневке, пришедшие к тому времени в крайне ветхое состояние. Напомним, что этот памятник открывает собой перечень объектов, сохраненных при самом непосредственном участии Московского археологического общества. Это редчайший образец древнерусской усадьбы, сложившейся в XVI—XVIII вв., ядром которой служат палаты думного дьяка Аверкия Кириллова. Близ них возвышается церковь Николы на Берсеневке (1657 г.). Палаты Кириллова, сменив множество хозяев, в середине XIX в. пришли в ветхость и требовали восстановительных работ. Эти работы и осуществило Московское археологическое общество, ставшее в 1870 г. хозяином особняка. Были разобраны позднейшие пристройки и заново отделана просторная палата на первом этаже. Здесь в нарядном зале, стены которого были расписаны "во вкусе допетровского времени", в дальнейшем проходили все публичные заседания Общества.

Душой Московского археологического общества был его пожизненный председатель А. С. Уваров. Открывая первое

заседание Общества, он определил направления его деятельности: исследование древних русских памятников, забота об их сохранении, организация периодических археологических съездов. А. С. Уваров подчеркнул, что перед Обществом стоят не только научные, но и чисто просветительные задачи, одна из которых заключалась "в возбуждении сочувствия к остаткам старины русской, к разработке разных вопросов, касающихся произведений русского духа, русского искусства, и к уничтожению среди общей массы народонаселения равнодушия к этим произведениям"[2].

Соратниками А. С. Уварова были известные ученые, архитекторы, художники: историки М. П. Погодин, С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров, В. О. Ключевский, И. Е. Забелин, М. И. Семевский, архитекторы Н. А. Артлебен, Л. В. Даль, К. М. Быковский. Несмотря на то что основные научные интересы А. С. Уварова лежали в области археологии, председатель был бессменным руководителем и непосредственным участником всех начинаний Общества по изучению, сохранению, а нередко и спасению памятников старины. Более того, по инициативе А. С. Уварова в 1870 г. начала свою деятельность особая Комиссия по сохранению древних памятников[3]. Весь начальный период ее существования целиком и полностью связан с именем А. С. Уварова.

В поле зрения этой комиссии находились все российские памятники, хотя главным объектом ее заботы было культурное наследие Москвы и Подмосковья. В первые годы комиссия ограничивалась научными консультациями, осмотром памятников, рекомендациями по их охране и реставрации. В конце 70-х гг. эта деятельность стала носить более отчетливый практический характер, и способствовало этому определение Синода от 20 декабря 1878 г., согласно которому епархиальные власти "не иначе приступали к поправкам, переделкам и уничтожению памятников, как по соглашению с одним из ближайших к месту их нахождения археологическим или историческим обществом"[4]. Основанием для появления такого документа послужило представление А. С. Уваровым синодальному обер-прокурору сведений о варварских "поновлениях" Покровской церкви XII в. близ Боголюбова[5].

Таким образом, Московское археологическое общество становится главным научным арбитром при решении вопросов о реставрации, переделках или разрушении культовых сооружений.

Критическое состояние многих памятников уже в 60-е гг. прошлого века побудило искать действенные меры защиты их от разрушения и искажения. Пожалуй, именно А. С. Уваров был первым отечественным археологом, который не только поставил, но и пытался решить практически весь круг очень непростых проблем сохранения памятников старины и искусства. И ему удалось сделать в этом отношении очень много разумного и полезного.

Разрушение памятников или их неквалифицированное "поновление", по словам А. С. Уварова, каждый раз представляло "вырывание страницы из народной летописи"[6]. В 1871 г. он предложил даже устроить в повременных изданиях Общества особый раздел — "Археологический синодик", в который должны были включаться сведения о каждом погибшем объекте[7].

Стремление сделать все возможное, чтобы сохранить предназначенные к сносу памятники, — вот принцип, который лежал в основе деятельности комиссии. В каждом конкретном случае специалисты Московского археологического общества подготовляли аргументированное заключение, основанное на изучении литературы и осмотре памятника непосредственно на месте. И нередко мнение научной общественности имело решающее значение. Среди спасенных памятников старины было немало и московских.

В 1872 г. в Московскую городскую думу был внесен проект о сломе китайгородской стены. И только вмешательство Общества и лично А. С. Уварова, который специально изучал вопрос об исторической ценности древнего памятника, спасло стену от гибели[8].

В ответ на запрос в Общество Московской духовной консистории о разрешении сноса древней церкви в селе Спасское-Тушино специальная комиссия в составе А. С. Уварова, И. Е. Забелина и В. Е. Румянцева, осмотрев церковь, пришла к заключению, что этот памятник, "известный Обществу своими архитектурными особенностями, признается необходимым сохранить"[9].

Заступничество членов Общества спасло церковь в селе Борисове Московского уезда, которую духовная консистория предполагала снести и использовать ее материал на устройство ограды вокруг новой церкви[10].

Многое сделали члены комиссии для предотвращения неквалифицированной реставрации историко-культурных памятников Москвы. Они обсуждали проекты реставрации, контролировали ведение ремонтно-восстановительных работ памятников Кремля (Потешный дворец, церковь Двенадцати апостолов, Успенский собор), собора Василия Блаженного, здания Московской синодальной типографии, Сухаревой башни, Новодевичьего, Донского, Новоспасского, Петровского монастырей, практически всех древнейших московских церквей.

Члены комиссии, и среди них такие известные специалисты, как И. Е. Забелин, К. М. Быковский, Н. В. Никитин, А. П. Попов и, конечно, граф А. С. Уваров, в принципиальном подходе к разрешению реставрационных работ были единомышленниками. Главным их требованием было сохранение древних архитектурных форм. Так, в 1876 г. на запрос Московской городской управы, можно ли в нижнем этаже Петровского монастыря устроить растворы для лавок, ко-

миссия отметила: "Перестройка может быть произведена только на условии сохранения стиля XVII в."[11].

В поле зрения членов Общества были не только памятники древней архитектуры, истории, но и письменности. Многие специалисты под руководством А. С. Уварова работали в учрежденной в 1878 г. Комиссии по снятию древних надписей в московских церквах[12]. Результаты этой деятельности получили отражение в нескольких статьях, опубликованных в трудах Общества[13].

На заседаниях Общества заслушивались научные доклады и рефераты о памятниках московской старины. Лично А. С. Уваров исследовал Успенский собор Московского Кремля, его древние иконы, терем Крутицкого архиерейского дома[14]. Эти исследования ученых, основанные на широком круге источников, не утратили научной ценности и до сегодняшнего дня[15].

В начале 80-х гг. встал вопрос о реставрации в Звенигороде Успенского собора "на городке" (начало XV в.). В течение нескольких лет собор был предметом тщательного обследования. Благодаря самоотверженной работе А. С. Уварова, Н. В. Никитина, И. Д. Мансветова, К. М. Быковского и А. П. Попова были открыты фрагменты древних фресок начала XV в. (предположительно кисти Андрея Рублева), осуществлены реставрационные работы и подготовлена для публикации специальная статья об этом памятнике в "Трудах" Общества[16].

Уваров интересовался и другим звенигородским памятником — Саввино-Сторожевским монастырем. В его личном фонде в отделе письменных источников Исторического музея хранятся различные документы о монастыре — описание самого памятника, выписки о нем из источников, черновик статьи, опубликованной в "Древностях" уже после смерти графа[17].

Ученый не оставался в стороне ни от одного начинания, связанного с изучением и сохранением памятников искусства и старины, возведением новых монументов и храмов. Так, 19 октября 1858 г. высочайшим указом А. С. Уваров был назначен членом Комиссии для построения в Москве храма Христа Спасителя "по искусственной части"[18].

Уваров был инициатором возведения в Москве памятника выдающемуся просветителю средневековой Руси первопечатнику Ивану Федорову. На торжественном заседании Общества 4 января 1870 г. в честь 300-летия издания "Учительного Евангелия" известный русский историк М. П. Погодин сделал доклад о жизни и деятельности первопечатника. Выступавший затем А. С. Уваров предложил организовать сбор средств по подписке на памятник Ивану Федорову. Ныне этот памятник, сооруженный по проекту скульптора С. М. Волнухина и архитектора И. П. Машкова, украшает одну из центральных улиц Москвы.

Граф Уваров был председателем Исторической комиссии Московского архитектурного общества, в состав которой входили Л. В. Даль, К. М. Быковский, Г. Д. Филимонов, Н. В. Никитин[19]. Усилия комиссии были направлены прежде всего на сохранение древнейших памятников Москвы, главным образом старой иконографии (рисунки, копии чертежей ценных объектов). Деятельность комиссии носила и сугубо практический характер — члены ее, специалисты-архитекторы, обследовали памятники и давали заключения об их техническом состоянии. К примеру, в апреле 1881 г. причт церкви Рождества Богородицы в Путинках попросил содействия Общества в сохранении храма, так как в его стенах появились трещины. Комиссия во главе с А. С. Уваровым осмотрела храм и подготовила заключение о способе его восстановления[20].

Любовь и внимание графа А. С. Уварова к отечественным древностям проявлялись многообразно. Так, он стал продолжателем дела своего отца С. С. Уварова, значительно пополнив его широко известный в свое время подмосковный "Порецкий музеум", начало которому было положено еще в первые десятилетия XIX в. Коллекция состояла из произведений западноевропейской живописи и скульптуры. При графе А. С. Уварове собрание обогатилось археологическими находками, рукописями, старопечатными книгами и другими раритетами[21].

В советское время большая часть этой коллекции поступила в фонды Государственного Исторического музея и Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве. Да и само создание Императорского Российского Исторического музея неотделимо от имени А. С. Уварова[22]. Он возглавлял ученую комиссию по разработке проекта организации музея, в состав которой входили видные ученые И. Е. Забелин, С. М. Соловьев, В. Е. Румянцев, Д. И. Иловайский, В. О. Ключевский. А. С. Уваров был автором нескольких редакций устава музея. В проекте устава 1882 г. значительная роль отводилась вопросам охраны памятников. По мнению Уварова, Исторический музей должен был стать центром изучения и охраны древностей в стране, при нем предполагалось учредить Высшие курсы археологических и исторических наук.

А. С. Уваров принял самое живое и непосредственное участие в формировании коллекции музея и создании открытой в 1883 г. экспозиции. Напомним, что ныне это самый крупный в стране музей, в фондах которого насчитывается свыше 4,2 млн предметов.

Огромную роль в изучении, охране и пропаганде историко-культурного наследия страны сыграли археологические съезды, регулярно проводившиеся по инициативе А. С. Уварова с 1869 г.[23]

Уже на I московском археологическом съезде была положена традиция, соблюдавшаяся потом многие десятилетия.

Во время съездов работали выставки памятников отечественной старины, демонстрировались результаты деятельности археологов, научных обществ и любителей древностей. На выставке I съезда В. Е. Румянцевым были показаны образцы древнерусских книг и гравюр, которые ему удалось обнаружить в библиотеке московского Печатного двора. Значительный интерес представляли также гравюры с изображениями старинной Москвы из собрания К. И. Неустроева.

К открытию I археологического съезда был приурочен выпуск памятной медали. На ее лицевой стороне была отчеканена панорама Московского Кремля, а на оборотной сделана рельефная надпись славянским шрифтом: "В память первого Русского археологического съезда в Москве"[24].

Под руководством и при непосредственном участии А. С. Уварова были проведены первые шесть съездов. На VI съезде, проходившем в Одессе в 1884 г., А. С. Уваров был уже тяжело больным. В декабре 1884 г. он скончался. Его могила — на старом кладбище Новодевичьего монастыря.

Преемницей графа стала его вдова — Прасковья Сергеевна Уварова. "Граф, — писала она, — не любил и не находил желательным работать в одиночестве... он не мог не найти нужной помощи у себя дома и не привлечь к своей постоянной напряженной работе, как ученой, так и гражданской, свою жену, которая, таким образом, и стала рука об руку заниматься и древностями, и искусством, и земством, и школами, а впоследствии и интересами основанного графом Московского археологического общества и всероссийскими археологическими съездами"[25].

Детские годы П. С. Уваровой (урожденная Щербатова) прошли в местечке Бобрики неподалеку от Харькова. Девочка получила прекрасное домашнее образование. Достаточно сказать, что ее учителями были Федор Буслаев (литература и изобразительное искусство), Николай Рубинштейн (музыка, игра на фортепьяно), Алексей Саврасов (рисование и живопись).

С начала 1850-х гг. биография Прасковьи Сергеевны целиком связана с Москвой. Но не просто с крупным городом, признанным культурным центром страны, древней русской столицей, а старой Москвой, с ее обычаями, нравами, панорамами, улочками, переулками, храмами, барскими особняками, со всем тем духом милой и родной старины, средоточием которой веками оставался этот город.

В 1856 г. юную княжну впервые пригласили на бал по случаю торжественной коронации императора Александра II. С каждым днем ширился круг ее московских знакомств. Именно в эти годы она познакомилась с Львом Толстым. Об их встречах напоминают нам страницы романа "Анна Каренина", в которых описывается появление на балу в одном из аристократических домов старой Москвы Кити Щербацкой.

В 1859 г. восемнадцатилетняя Прасковья Щербатова вышла замуж за графа Алексея Уварова.

Вскоре молодые отправились в продолжительное заграничное путешествие. Их путь лежал во Флоренцию, Рим, Равенну, Неаполь, где они воочию познакомились с выдающимися памятниками мировой культуры — историческими городами, архитектурными комплексами, музейными коллекциями. Эти впечатления и знания еще более углубили у Прасковьи Сергеевны Уваровой стремление к изучению не только мировых культурных сокровищниц, но и многочисленных отечественных достопамятностей.

В деятельности Московского археологического общества П. С. Уварова принимала самое непосредственное участие уже с первых лет его существования. Не будучи до 1885 г. формально членом Общества (А. С. Уваров был противником привлечения в его ряды "дамского элемента"), П. С. Уварова тем не менее была одним из самых деятельных и преданных сподвижников своего мужа, целиком разделяя его заботу и тревогу за судьбы отечественного историко-культурного наследия.

Поэтому не случайно 14 января 1885 г. П. С. Уварова была избрана почетным членом Московского археологического общества, а спустя три месяца — его председателем.

Обширные и разносторонние знания, горячая личная заинтересованность, настойчивость в достижении намеченных целей, умение увлечь людей своим примером, бескорыстное служение русской культуре привлекли к П. С. Уваровой и объединили вокруг нее сотни людей, болеющих за судьбу отечественных памятников. Это были и маститые ученые-историки, и многоопытные работники музеев, и меценаты, и любители-краеведы, и представители творческой интеллигенции — художники, поэты, писатели, архитекторы, и служители церкви, и представители царствующей династии Романовых.

Сотни писем, адресованных ей, и по сей день хранятся в архивах Москвы. Среди корреспондентов фотограф И. Ф. Барщевский, архитекторы К. М. Быковский, И. П. Машков, художники А. М. Васнецов, И. С. Остроухов, В. Д. Поленов, историк В. О. Ключевский, меценаты П. М. Третьяков, П. И. Щукин, археолог В. И. Сизов, искусствоведы И. В. Цветаев и Ф. И. Шмит.

Высокая научная квалификация, литературный дар, организаторские способности, трудолюбие позволили П. С. Уваровой успешно заниматься тяжелой, кропотливой и в целом не всегда благодарной редакторской работой. Под ее научной редакцией вышли в свет десятки изданий Московского археологического общества — "Древности", "Археологические известия и заметки", "Материалы по археологии Кавказа", "Материалы по археологии восточных губерний", "Труды" археологических съездов.

В 1906 г. в память А. С. Уварова на средства Прасковьи Сергеевны была учреждена специальная премия за исследования московского периода древнерусского церковного зодчества. Тремя годами спустя такая премия размером в 1000 руб. была присуждена инженеру М. В. Красовскому за сочинение "Очерк московской архитектуры". Напомним, что и издание одноименной книги было осуществлено на пожертвование П. С. Уваровой[26].

Прасковья Сергеевна неукоснительно выполняла один из главных заветов А. С. Уварова — "уничтожать равнодушие к отечественным древностям, научить дорожить родными памятниками, ценить всякий остаток старины, всякое здание, воздвигнутое нашими предками, сохранить и защитить их от всякого разрушения"[27].

С 1890 г. П. С. Уварова возглавляла Комиссию Московского археологического общества по сохранению древних памятников.

В состав комиссии входили 12 человек. Товарищами председателя комиссии последовательно были академик архитектуры К. М. Быковский (1890—1906), реставратор и архитектор Н. В. Никитин (1906—1913) и И. П. Машков (1913—1923).

Активными членами комиссии были художник А. М. Васнецов, историк архитектуры Ф. Ф. Горностаев, академики архитектуры А. М. Павлинов, К. М. Быковский, С. У. Соловьев.

Пожалуй, ни для кого не секрет, что памятники древности страдали и страдают до сих пор не только от темного невежества, но и от самонадеянного вмешательства в их судьбу, от назойливого и наивного стремления вернуть им поблекшее благолепие или "первоначальный облик". Случалось это и с памятниками архитектуры Москвы, причем нередко с самыми ценными в историко-художественном отношении. В 1888 г. городской архитектор Крысин задумал "обновить" по собственному усмотрению знаменитую церковь Рождества Богородицы в Путинках (1649—1652). И только обстоятельная экспертиза, проведенная специалистами Московского археологического общества, позволила сохранить памятник в неприкосновенности.

Протоколы Комиссии по сохранению древних памятников дают возможность детально ознакомиться с деятельностью этой организации, проследить, какие памятники каких регионов чаще всего были предметом заботы членов Общества, какие меры принимались для спасения отечественных древностей от разрушения и искажения. Порою может показаться, что ревнители старины занимались "пустяками". Так, например, на одном из заседаний в середине 1906 г. рассматривался вопрос о недопустимости размещения на Владимирских воротах китайгородской стены вывесок торговых лавок. Члены комиссии ходатайствовали о принятии

соответствующих мер перед самим московским губернатором[28].

В том же 1906 г. в Общество поступил запрос относительно возможности провести расчистку икон в Христорождественской церкви села Измайлова. Чтобы принять решение по этому вопросу, П. С. Уварова вместе с членом Общества архитектором-реставратором Н. В. Никитиным лично обследовали эти памятники. В результате реставратору В. П. Гурьянову была предоставлена возможность приступить к расчистке произведений древнерусской живописи с тем, однако, условием, чтобы с предельной внимательностью и осторожностью провести эти работы на наиболее ценных произведениях — иконах "Флор и Лавр", "Захария и Елизавета", "Алексей Человек Божий", "Мария Египетская". Решением Комиссии по сохранению древних памятников реставратору предписывалось представить Обществу "письменный доклад и перечень икон приложить к отчету"[29].

На заседаниях комиссии рассматривались и более общие вопросы. Например, организация работы по описанию памятников старины. Сегодня паспортизация памятников и подготовка многотомного научно-справочного издания "Свод памятников истории и культуры" проводится почти повсеместно, в начале же XX в. она еще не отличалась широким размахом. Тем важнее напомнить, что 2 мая 1906 г. под председательством П. С. Уваровой состоялось заседание комиссии, на котором, в частности, рассматривалось предложение уже в течение лета 1906 г. "составить полную по возможности опись существующих древних памятников по ранее выработанной и принятой Обществом схеме". Было принято решение "поместить опись древних памятников города Москвы в первом выпуске "Трудов" комиссии, о чем и сообщить членам комиссии, заведующим районами города Москвы"[30].

С деятельностью Комиссии по сохранению древних памятников теснейшим образом связаны работа и само возникновение другой комиссии, ставившей целью изучение и охрану памятников древности города Москвы. Бурное развитие промышленности, городского хозяйства поставили под угрозу не только судьбы отдельных памятников, но весь былой облик древней столицы, грозили навсегда вырвать из летописи культурной жизни выдающиеся творения известных и безвестных зодчих прошлых столетий, обезличить самобытнейшую панораму города. "Старая Москва, наша прародина, — отмечали члены комиссии, — заслуживает детальной обработки не только ее истории, но и всего внутреннего ее быта"[31].

Члены комиссии, получившей несколько позже название "Старая Москва", собирали и изучали материалы по истории, археологии и топографии города. Они обследовали памятники истории и архитектуры, фиксировали надписи

и гербы на московских зданиях, заботились о сохранении и поддержании в надлежащем виде могил выдающихся деятелей культуры, отмечали юбилейные даты в истории города. В 1912—1914 гг. энтузиасты исследования московских древностей выпустили в свет два тома сборника "Старая Москва", занявших почетное место в москвоведческой литературе.

На заседаниях "Старой Москвы" одинаково хорошо чувствовали себя и историки-профессионалы, и самые широкие круги московской творческой интеллигенции. Сюда на уютный огонек исторических воспоминаний с удовольствием приходили такие известные ценители исторического прошлого Москвы, как М. И. Александровский, К. В. Базилевич, И. С. Беляев, С. К. Богоявленский, Н. Д. Виноградов, А. В. Григорьев, В. В. Згура, М. А. Ильин, Н. Р. Левинсон, П. Н. Миллер, П. В. Сытин, Н. П. Чулков и другие.

Первым председателем комиссии "Старая Москва", возглавлявшим ее в 1909—1917 гг., была П. С. Уварова, в дальнейшем ее преемниками стали Э. В. Готье (1917—1918), А. М. Васнецов (1919—1923) и П. Н. Миллер (1923—1930). Деятельность "Старой Москвы" не ограничивалась заботой о московских древностях или чтением научных докладов. Нередко заседания выливались в интереснейшие личные воспоминания. А вспомнить было кому и было о чем... С колоритными рассказами о прошлом столицы тут выступали актриса М. Н. Ермолова, актеры Малого театра А. А. Яблочкина и А. И. Южин-Сумбатов, писатели И. А. Белоусов, В. А. Гиляровский, Н. Д. Телешов, коллекционер и меценат А. А. Бахрушин.

Комиссия по изучению старой Москвы выступила с инициативой "о сохранении существующих памятников бытовой старины и собирании таковым путем пожертвований для Музея старой Москвы". К 1912 г. музей уже располагал собранием старинных вещей и книг. В 1922 г. он был переведен в здание бывшего Английского клуба на Тверской улице, там же стали проходить и заседания любителей московской старины[32].

П. С. Уварова проявляла постоянный интерес к музейному делу[33]. Примером ее заботы о сбережении национального музейного фонда может служить эпизод, связанный с судьбой коллекции Голицынского музея. Этот частный московский музей возник из собрания картин, предметов декоративно-прикладного искусства и библиотеки, собранных русским дипломатом, коллекционером и библиофилом М. А. Голицыным (1804—1860). Среди 182 полотен этого музея были произведения Перуджино, Караваджо, Корреджо, Рубенса, Пуссена, Брейгеля, Рембрандта, Ван Дейка, Тициана, памятники античной культуры, обнаруженные при археологических раскопках Геркуланума и Помпей (мраморные бюсты римских императоров, канделябры, бронзовые

вазы, изделия из терракоты, горного хрусталя, яшмы, аметиста, янтаря, серебра и золота западноевропейской и восточной работы). По своей значимости собрание это уступало разве что коллекции широко известного Румянцевского музея.

На экстренном заседании Общества, состоявшемся 20 мая 1886 г., было заслушано сообщение председателя П. С. Уваровой о намерении сына коллекционера С. М. Голицына распродать знаменитую коллекцию, завещанную создателем городу Москве. Таким образом, не только Москва лишалась одного из лучших своих музеев, но и создавалась реальная угроза вывоза этой коллекции за границу. В Москву, как сообщали "Художественные ведомости" (1886, № 18), даже явились "поверенные иностранных покупщиков". В связи с этим Общество ходатайствовало перед правительством "как об удержании коллекции кн. Голицына в пределах России, так и вообще о запрещении законодательным порядком частным владельцам продавать свои коллекции за границу"[34]. К счастью, непоправимого не произошло. Вскоре коллекции музея были приобретены за 800 тыс. руб. Эрмитажем и в ноябре 1886 г. были отправлены в Петербург. Часть голицынских книг поступила в Публичную библиотеку (ныне ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

Широко известно внимательное отношение П. С. Уваровой к деятельности собирателей и коллекционеров. Она справедливо полагала, что они выполняют важную и ответственную миссию по сохранению и изучению культурного наследия, содействуют полноценному формированию национального музейного фонда. Не случайно многие наши музеи возникли на основе частных собраний и были рождены настойчивостью, целеустремленностью, а порою и самопожертвованием коллекционеров. Однако гораздо меньше известно о тех коллекциях, которые были собраны самой П. С. Уваровой или при ее непосредственном участии. В ее доме в Леонтьевском переулке в Москве хранилось значительное собрание картин западноевропейской живописи, коллекция рукописей, насчитывающая более 3 тыс. единиц, значительную ценность представляли также греческие, русские и славянские монеты, многочисленные памятники археологии — древности Кавказа и Греции, бронзовые бюсты и статуи. Среди них особенно выделялся мраморный саркофаг, приобретенный в свое время в Риме во дворце "Альтемпс". В тщательно подобранной библиотеке особенно полно была представлена литература по археологии, истории зарубежного и русского искусства. Всего в этой библиотеке насчитывалось до 5 тыс. книг[35].

Особый интерес представляли книги по истории Москвы: "Памятники московской древности с присовокуплением очерков монументальной истории и древних видов и планов

древней столицы" И. М. Снегирева, "Указатель домов столичного города Москвы на 1882 г.", книга А. Н. Зерцалова "Московский Китай-город в XVII веке", сочинение С. П. Бартенева "Московский Кремль в старину и теперь" и многие другие.

П. С. Уварова продолжительное время занималась пополнением и систематизацией уже упомянутого "Порецкого музеума". Она подготовила и опубликовала "Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова" (т. 1, 2, 4; 1887—1903), а в 1910-е гг. передала часть этого собрания (коллекцию рукописей) в Российский Исторический музей. Впоследствии туда поступили семейный архив Уваровых и их богатейшая библиотека.

Признанием немалых заслуг П. С. Уваровой в развитии музейного дела стало избрание ее почетным членом ряда крупнейших музеев, в том числе музеев Москвы. В отделе письменных источников ГИМа хранятся принадлежавшие П. С. Уваровой дипломы почетного члена Российского Исторического музея, Московского публичного и Румянцевского музеев, она была одним из членов-учредителей Музея изящных искусств им. императора Александра III в Москве (ныне Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина).

После Октябрьской революции П. С. Уварова покинула Россию, последние ее годы жизни прошли в Югославии, где она умерла в 1924 г.

"Память о П. С. Уваровой среди ученых будет жить долго, — писал в некрологе академик А. И. Соболевский. — Едва ли скоро мы увидим опять такого деятеля — бескорыстного, энергичного, преданного науке до самопожертвования, талантливого, широко образованного, как П. С. Уварова"[36].

Деятельность же Московского археологического общества продолжалась и после Октябрьской революции, правда, заседания устраивались не столь регулярно, как прежде. Новое время рождало новые задачи, и они обсуждались членами Общества, строились планы на будущее. Планам этим, увы, не суждено было осуществиться. В июне 1923 г., после 59 лет плодотворной деятельности, Московское археологическое общество было распущено распоряжением Народного комиссариата внутренних дел.

Несмотря на неоспоримые заслуги и в развитии отечественной исторической науки, и в сохранении московской старины, и Уваровы, и Московское археологическое общество долгие годы оставались полузабытыми и порою получали уничижительные оценки. К счастью, времена меняются, более трезвыми и взвешенными становятся наши взгляды на далекое и недавнее историческое прошлое и на тех людей, которые самоотверженно трудились, чтобы это прошлое было сохранено для потомков.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Более подробно о биографии А. С. Уварова см.: Незабвенной памяти графа Алексея Сергеевича Уварова. М., 1885; Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования. М., 1890; Древности: Труды Императорского Московского археологического общества. Вып. 1. Т. XXIII. М., 1911.

[2] Древности... Вып. 1. Т. XXIII. С. 1.

[3] Там же. С. 43.

[4] Охрана памятников истории и культуры в России. XVIII — начало XX вв.: Сборник документов. М., 1978. С. 112.

[5] Там же. С. 111.

[6] Граф А. С. Уваров: Материалы для биографии и статьи по теоретическим вопросам. М., 1910. Т. III. С. 127.

[7] См.: Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества за первые 25 лет к существования. М., 1890. С. 53.

[8] См.: *Уваров А. С.* О китайской стене в Москве // Труды II археологического съезда в Петербурге. СПб., 1881. Т. II. С. 60.

[9] Историческая записка... С. 61.

[10] Там же. С. 64.

[11] Там же. С. 55.

[12] См.: Граф А. С. Уваров: Материалы для биографии... С.258.

[13] См., например: *Шумов П. С.* Заметка о старинных надписях, находящихся в Николо-Голутвинской церкви в Москве // Труды V археологического съезда. Т. 2. С. 104; *Румянцев В. Е.* Надгробные надписи в московской церкви св. Николая в Башмачках // Древности: Труды Московского археологического общества. М., 1877. Т. VII. Отд. II. С. 3—4. *Он же.* По поводу восстановления древних библиотечных палат московского Печатного двора // Древности: Труды Московского археологического общества. М., 1877. Т. VII. Отд. II. С. 1—3, и другие работы.

[14] См.: *Уваров А. С.* По поводу иконы "Благое молчание" в московском Успенском соборе // Древности: Труды Московского археологического общества. Вып. II—III. М., 1883. Т. IX. С. 50; ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 259. (Описание ворот с теремом Крутицкого архиерейского дома.)

[15] См., например: *Артлебен Н. А.* Казна московского Успенского собора, устроенная Аристотелем Фиораванти // Древности: Труды Московского археологического общества. М., 1880. Т. VIII. С. 123; *Усов С. А.* К истории московского Успенского собора // Древности: Труды Московского археологического общества. М., 1885. Т. X. С. 73; *Никитин Н. В.* Остатки древних крепостных построек в башне Китай-города, близ Варварских ворот; описание вновь найденных древних архитектурных украшений в доме Археологического общества // Археологический вестник. М., 1868. С. 220; *Калачев Н. В.* Дом Малюты Скуратова, ныне курьерский Московского департамента Правительствующего Сената // Там же. С. 266; *Попов А. П.* Сведения о времени построения и архитектурных особенностях церкви Николая Чудотворца, что в Мясниках в Москве // Древности: Труды Московского археологического общества. М., 1885. Т. X; *Румянцев В. Е.* Древние здания московского Печатного двора // Древности: Труды Московского археологического общества. Вып. 1. Т. II. М., 1869; *Он же.* Дом Московского археологического общества на Берсеневке // Там же. М., 1885. Т. V. С. 33, и другие работы.

[16] *Попов А. П.* О звенигородском Успенском соборе // Древности: Труды Московского археологического общества. М., 1886. Т. XI.

[17] ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 258, л. 1—1 об; *Уваров А. С.* Саввино-Сторожевский монастырь близ Звенигорода // Древности: Труды Комиссии по сохранению древних памятников. М., 1909. Т. IV. С. VII—XIII.

[18] ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 188, л. 15.

[19] См.: Историческая записка о деятельности Московского архитектурного общества за первые тридцать лет его существования (1867—1897). М., 1897. С. 24—25.

[20] Там же. С. 37.

[21] Об этом более подробно см.: *Гуренок М. К.* История создания архитектурного ансамбля усадьбы Поречье // Материалы по истории русской культуры конца XVIII — первой половины XIX века. М., 1984. С. 47—59.

[22] См.: *Щербатов Н. С.* Граф А. С. Уваров как основатель Исторического музея // Древности: Труды Московского археологического общества. Вып. 1. М., 1911. Т. XXIII. С. 7—11. *Он же.* Памяти графа А. С. Уварова // Отчет Российского Исторического музея имени имп. Александра III в Москве за XXV лет (1883—1908). М., 1916; *Разгон А. М.* Российский Исторический музей: История его основания и деятельности (1872—1917) // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1960. С. 224—299.

[23] Об археологических съездах см. подробнее: *Редин Е. К.* Значение деятельности археологических съездов для науки русской археологии. Харьков, 1901; *Иловайский Д. И.* Всероссийские археологические съезды // Сборник статей в честь графини Прасковьи Сергеевны Уваровой. М., 1916. С. I—IV; *Аврунин С. Б.* Русские археологические съезды и становление византиноведения в России // Византийский временник. М., 1976. С. 37, 225—257; *Швидько А. К.* Из истории археологических съездов в России // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Днепропетровск, 1987. С. 136—144.

[24] *Станюкович Л.* Коллекция из Поречья // Куранты: Историко-краеведческий альманах. Вып. III. М., 1989. С. 356.

[25] Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой М., 1916. С. XV.

[26] *Анучин Д. Н.* Графиня П. С. Уварова в ее служении науке о древностях на посту председателя Императорского Московского археологического общества // Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой... С. XXIII.

[27] *Уварова П. С.* Насколько исполнены заветы, завещанные графом // Древности: Труды Комиссии по сохранению древних памятников Московского археологического общества. М., 1908. Т. XXIII. С. 119—120.

[28] Древности: Труды Комиссии по сохранению древних памятников. М., 1908. Т. II. С. 45.

[29] Там же. С. 45.

[30] Там же. С. 40.

[31] Старая Москва. Вып. 1. М., 1912. С. 3.

[32] *Миллер П.* Музей "Старой Москвы" // Московский краевед. Вып. 7—8. Музейный. М., 1928. С. 140.

[33] П. С. Уварова являлась автором работ по различным вопросам музейного дела. Среди них можно отметить: "Областные

музеи" (1891), "Город Бреславль и его музей" (1900), "Музей в Триесте" (1900), "И. В. Цветаев — творец Музея изящных искусств" (1914), каталоги музеев и выставок ("Коллекция Кавказского музея. Т. У. Археология" (1902), "Каталог выставки изображений Богоматери: древний период" (1896) и др.

[34] Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования. М., 1890. С. 45.

[35] См.: *Шуманский Е. А.* Справочная книга для русских библиофилов и коллекционеров. Одесса, 1905. С. 113—114.

[36] *Соболевский А. И.* П. С. Уварова: Некролог // Известия Российской академии наук. VI серия. 1925. № 6—8. С. 144.

Литература о графе А. С. Уварове

Антонович В. Б. О научных заслугах графа А. С. Уварова // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. 1888. Кн. 2. Отд. 1. С. 239—241.

Анучин Д. Н. Граф Алексей Сергеевич Уваров: Биографический очерк. Одесса, 1886.

Анучин Д. Н. Памяти графа А. С. Уварова. М., 1911.

Ардашев Н. Н. Граф А. С. Уваров как теоретик археологии: Речь, произнесенная в заседании Императорского Московского археологического общества 29 декабря 1909 г. М., 1911.

Багалей Д. И. Материалы к биографии гр. А. С. Уварова. Харьков, 1905.

Бестужев-Рюмин К. Граф А. С. Уваров (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 237. 1885. Февраль. Отд. 4. С. 123—125.

Бороздин И. Н. Граф А. С. Уваров (К 25-летию со дня смерти) // Гермес. 1910. № 1. С. 7—12.

Забелин И. Е. Речь об общественном значении ученых трудов гр. А. С. Уварова. М., 1885.

Иловайский Д. И. Памяти гр. А. С. Уварова. 29 декабря 1884 // Русская старина. 1885. Апрель.

Ковалевский М. Памяти графа А. С. Уварова // Вестник Европы. 1885. Кн. 2.

Крузе Н. Ф. Памяти графа А. С. Уварова. СПб., 1885.

Лапшин В. А. Оценка деятельности А. С. Уварова в русской и советской археологической литературе // Финно-угры и славяне. Проблемы историко-культурных контактов. Сыктывкар, 1986. С. 75—79.

Материалы для биографии гр. Уварова // Сборник Харьковского историко-филологического общества. 1905. Т. XVI.

Незабвенной памяти гр. Ал. Серг. Уварова: Речи, произнесенные в заседании Московского археологического общества. М., 1885.

Уваров Алексей Сергеевич // Библиограф. 1885. № 2. С. 43—44.

Языков Дмитрий. Ученые заслуги графа А. С. Уварова // Исторический вестник. 1885. Февраль. С. 389—393.

Яковлев В. А. Граф Алексей Сергеевич Уваров // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. 1886. Т. 14. С. 807—811.

Уварова П. С. Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. М., 1887.

Сочинения и выступления А. С. Уварова

О китайской стене в Москве // Труды II археологического съезда в Петербурге. СПб., 1881. Т. II. С. 60.

По поводу иконы "Благое молчание" в московском Успенском соборе // Древности. Вып. II—III. М., 1883. Т. IX. С. 50.

Описание ворот с теремом Крутицкого архиерейского дома // ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 259.

Саввино-Сторожевский монастырь близ Звенигорода // Древности: Труды Комиссии по сохранению древних памятников. М., 1909. Т. IV. С. VII—XIII.

Москва (на франц. яз.) // ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 258, л. 12—21.

Список работ П. С. Уваровой

Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования. М., 1890.

Мнение по поводу реставрации икон московского Успенского собора // Древности. М., 1900. Т. XVII. С. 326.

К докладу К. М. Быковского "О реставрации московского Большого Успенского собора" // Древности. М., 1900. Т. XVII. С. 279.

Заявление о ветхости и расхищении китайской стены в Москве // Древности. М., 1901. Т. XVIII. С. 218.

К вопросу об издании "Древности Москвы" // Древности. Вып. 2. М., 1907. Т. XXI. С. 169—173.

Сообщение о ходе работ по исследованию Московской губернии для составления археологической карты губернии // Древности. Вып. 1. М., 1909. Т. XXII. С. 135.

Памятник первопечатнику Ивану Федорову // Древности: Труды Комиссии по сохранению памятников. М., 1912. Т. IV. С. III — VII.

Заявление по вопросу о трамвае на Красной площади // Древности. Вып. 2. М., 1914. Т. XXIII. С. 197—199.

Л. В. Иванова

"ИЗДАТЕЛЬ И ПИСАТЕЛЬ ПО СТАРОЙ МОСКВЕ"

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НАЙДЕНОВ. 1834 — 1905

Так собирался назвать свой доклад в комиссии "Старая Москва" известный москвовед П. Н. Миллер, начавший в декабре 1918 г., по предложению Комиссии по охране памятников искусства и старины Моссовета, готовить указатель к знаменитым "Найденовским альбомам"[1]. Работа, к сожалению, не состоялась — время было трудное, голодное, и на предполагавшееся сравнительное с найденовским фотографирование московских храмов средств не нашлось. Спустя 40 лет библиограф С. А. Клепиков, дав краткое описание 14 альбомов Найденова и справедливо оценив это "капитальнейшее издание" как "своеобразную иконографическую энциклопедию Москвы", вновь напомнил о необходимости полного описания альбомов[2]. Увы, его нет и сегодня. Более того, непрерывно черпая из "Найденовских альбомов" виды Москвы 1880-х гг., наши современники порой забывают на них ссылаться, а о самом Н. А. Найденове до последнего времени вообще молчали — ведь он был, как писали в некрологе 30 ноября 1905 г. "Московские ведомости", "одним из крупнейших представителей торгово-промышленного мира и общественных деятелей".

Действительно, Н. А. Найденов, начавший свою трудовую карьеру с 15-летнего возраста, стал известным в России предпринимателем и профессиональным финансистом: более 30 лет возглавлял созданный им же Московский торговый банк, немногим меньше лет руководил Московским биржевым комитетом, в течение 39 лет бессменно избирался гласным городской думы. И в то же время это был глубокий знаток истории Москвы, с которым на равных беседовал И. Е. Забелин и в гостях у гостеприимного хозяина в доме № 57 на Земляном валу, и в Торговом банке на Ильинке, куда часто наведывался, благо родной Исторический музей рядом. Николай Александрович не только подготовил и издал альбомы видов Москвы и написал несколько работ по ее истории — он организовал издание нескольких серий объем-

ных документальных трудов, составивших богатейшую источниковую базу для изучения Москвы XVII—XX вв. Один из современников Найденова назвал его "историком-археологом в душе"[3]. Теперь мы с полным основанием можем уточнить: не только в "душе", но и на деле, ибо впервые выявленная нами библиография трудов Н. А. Найденова насчитывает более 90 томов.

Чтобы понять, как стал москвоведом один из отпрысков московского купеческого рода, обратимся к биографии и трудам Н. А. Найденова.

Летом 1887 г. уже солидным (53 года!) человеком с заслуженным авторитетом в деловых кругах Николай Александрович предпринял поездку на родину своих предков — в село Батыево Владимирской губернии. На месте отчего дома — пустырь, но открыты были для работы архивы, и спустя два года, в 1889 г., появилась книга Н. А. Найденова "Село Батыево. Материалы для истории его населения XVII—XIX столетий". Здесь представлены найденные им подлинные документы начиная с писцовых книг 1628—1630 гг., в которых отразилась жизнь сельчан, в том числе Найденовых, ведущих начало от выборного Василия Михайлова сына Найдена, впервые упомянутого в 1710 г. Фамилия Найденовых, по свидетельству племянника Николая Александровича А. М. Ремизова (1877—1957), известного русского писателя, всегда произносилась по-московски с твердым "е".

В 1765 г. дед Найденова Егор Иванович с семьей был переселен в Москву купившим Батыево московским купцом П. В. Колосовым и стал работать в его заведении для крашения шелка, находившемся на Яузе около Высокого моста. Он прошел путь от ученика до мастера, а затем и владельца этой красильной. В 1824 г. наследники на его деньги приобрели тут же участок земли и построили собственный дом. Указом московского магистрата от 20 апреля 1816 г. Е. И. Найденов был причислен с семейством в московское купечество. А в 1834 г. у купца 3-й гильдии Александра Егоровича (меньшого) родился третий ребенок — сын Николай.

Неграмотный, но способный и энергичный дед, сохранивший страсть к медвежьей и петушиной охоте; окончивший лишь церковноприходскую школу отец, жадно тянувшийся к самообразованию, хорошо знавший французский язык и собиравший библиотеку, — таковы были начальные культурные традиции семьи. Но уже Николай, как и его старшие брат и сестра, учился в одной из лучших московских школ — Петропавловском евангелическо-лютеранском училище, известном отличной постановкой преподавания, которое, кстати сказать, велось на немецком и французском языках. Дома же придерживались старомосковского купеческого уклада жизни: дети почитали старших, по праздникам с родителями ходили в церковь, пели на клиросе, соблюдали посты.

Любознательный, живой и очень впечатлительный мальчик обладал отличной памятью и хорошо помнил прогулки пешком до Сокольников с рассказами отца о всем, тут прежде бывшем; запомнил закладку фундамента храма Христа Спасителя, поездки в лавру. "В человеческой памяти есть узлы и закруты, и узлы эти на всю жизнь", — считал А. М. Ремизов. Такими узлами были у Николая Александровича крепкие семейные традиции, религия, Москва, найденовское "дело". И они отразились, как увидим, во всей его жизни, в его творческих делах.

В 1848 г. Николай Найденов первым учеником окончил курс Петропавловского училища. Спустя 50 с лишним лет он выпустил воспоминания об этой школе[4] (предназначенная родственному кругу, книга была напечатана в 98 экземплярах). Помимо истории, обстановки, даже тщательно описанных помещений школы мы находим здесь характеристику тогдашнего уровня первоначального коммерческого образования: изучались бухгалтерия, "купеческая арифметика", конторское дело, притом на примерах лучших заграничных торговых фирм. Вел эти предметы А. Штейнгауз, который позднее покинул Россию и стал директором коммерческого училища в Лейпциге и доктором наук. Именно с ним связана первая печатная работа Н. А. Найденова, хотя имя его в книге не упоминается.

Дело в том, что по просьбе учителя 16-летний юноша перевел с немецкого текст написанного Штейнгаузом первого в России учебника "Купеческая арифметика. Руководство для купцов и реальных училищ", который и вышел в Москве в 1850 г. Перевел Найденов затем и другую книгу Штейнгауза — по купеческой бухгалтерии, но ее издать не удалось, так как в те годы коммерческое образование было еще в новинку. Понятно, откуда у Найденова оказалась основательная подготовка к профессиональной коммерческой деятельности. Но интересна и такая деталь: учитель расплачивался с недавним своим учеником... преподаванием ему английского языка. Страсть к языкам заставила юношу самостоятельно выучить еще и греческий и голландский.

После смерти отца в 1864 г. Н. А. Найденов (а не старший брат Виктор, тоже впоследствии известный коммерсант) становится главой фирмы "А. Найденова сыновья", занимавшейся традиционной для Москвы отраслью промышленности — текстильным делом. Шестидесятые, пореформенные, годы стали важной вехой для Найденова. Его увлек царивший подъем общественной жизни, когда формировались новые сословные и внесословные институты, реорганизовывалось городское управление. В 1863 г. впервые проходили выборы в Московскую думу. Николай Александрович не только живо интересовался ими, но и посещал думские заседания. "То был век богатырей", — с восхищением констатировал он, говоря о первом составе думы, в котором блистали

имена М. П. Погодина, Ю. Ф. Самарина, В. А. Черкасского. В 1866 г. он и сам был избран гласным, оставаясь им до смерти. Одновременно началась его активная общественная деятельность в сословных купеческих организациях. Память об этом сохранила его первая опубликованная работа — "Записка председателя Московской торговой депутации Н. А. Найденова об устройстве Московской торговой депутации и о правилах, касающихся производства торговли и промыслов" (1870 г.).

С той поры много раз участвовал он в разработке правительственных законопроектов, в деятельности различных комиссий. В 1890 г. 25-летие его службы было отмечено орденом Станислава 1-й степени, что явилось первым случаем для коммерции советника, звание которого Н. А. Найденов носил с 1874 г. Но когда за труды по развитию промышленности ему предложили дворянское достоинство, он отказался, пожелав остаться купцом[5]. В. П. Рябушинский вспоминал о Н. А. Найденове: "Жило в нем большое московское купеческое самосознание, но без классового эгоизма"[6]. Существуют противоречивые оценки политических взглядов Н. А. Найденова, особенно последних лет его жизни. В чем-то он, наверное, был консервативен. Но бесспорно одно, что его деятельность в области истории Москвы далеко вышла за рамки узкоклассовых интересов, стала поистине бескорыстным служением москвичам, любимому городу.

Началась она с заметного шага Н. А. Найденова. 25 мая 1877 г. на заседании думы он предложил рассмотреть вопрос о создании фундаментального научного описания Москвы при финансовой и организационной поддержке думы. Его поддержал городской голова С. М. Третьяков. Была создана специальная комиссия (Найденов ее возглавил), которая разработала предложения о подготовке "Истории Москвы" и 24 ноября 1880 г. доложила их думе, рекомендовав И. Е. Забелина в качестве руководителя работы[7]. 17 декабря дума определила: безотлагательно приступить к собиранию и разработке материалов для составления подробного историко-статистического описания Москвы, назначить И. Е. Забелина руководителем, выделить для работы необходимые средства[8].

В разработанном Забелиным обширном плане работ по истории Москвы (его опубликовали на страницах "Известий Московской городской думы" в 1881 г., вып. 8, а также отдельным изданием) Н. А. Найденов сразу же нашел для себя лично обширное поле деятельности и принялся за работу с "такою энергией, какая только вам и свойственна", как отмечал, и не раз, в переписке с Найденовым Забелин[9].

Прежде всего он приступил к новому, трудоемкому и, заметим, требующему значительных средств делу огромной важности — фотофиксации всех храмов Москвы и подготовке уникального издания "Москва. Соборы, монастыри и цер-

кви". В 1882 г. вышла часть, посвященная Белому городу, год спустя — Кремлю и Китай-городу. Именно здесь, в предисловии, автор, скромно подписавшийся "Н. А. Н-в", заявил, что цель издания "состоит в сохранении на память будущему вида существующих в Москве храмов, не касаясь при этом нисколько того, какое значение последние имеют в отношении историческом, археологическом или архитектурном". Тут же им представлен план издания: помимо двух выпущенных частей — еще две, посвященные Земляному городу (в двух отделениях) и местности за Земляным городом. Весь труд был опубликован в течение двух лет — 1882 и 1883 гг., что само по себе удивительно, учитывая масштабы и высокое качество фотосъемок. Все снимки церквей задумано было сделать в одинаковом, относительно действительного, размере. Теснота некоторых московских переулков иногда заставляла фотографировать даже с крыш соседних домов. Найденов часто лично участвовал в съемках.

К производству фоторабот и печатанию Н. А. Найденов привлек лучшую фирму — "Шерер, Набгольц и К° в Москве", которая была основана в 1860 г. и уже через два года получила звание поставщиков императорского двора[10]; эта же фирма издавала "Подробный словарь русских гравированных портретов XVI—XIX вв." Д. А. Ровинского.

"Подлинник — фотографии — составлял шесть больших альбомов, — вспоминал П. А. Бурышкин, владевший коллекцией всех найденовских изданий. — С подлинника были перепечатки, с литографиями и коротким текстом"[11]. Часть перепечаток была переплетена в альбомы с роскошными кожаными переплетами (их было 25—30, и они, по-видимому, в основном были подарочными), но, кроме того, продавались по отдельности все листы издания. Всего в четырех его частях содержится 257 видов храмов. Каждой части предпосланы две-три страницы указателя, в котором Найденов давал полное название храма и его приделов, отмечал, к какому сороку храм относится, называл дату его постройки (а иногда и основания), оговаривая при этом первоначальное существование деревянного храма. Таким образом, давалась краткая, но исчерпывающая характеристика каждого памятника. Тщательность этой работы такова, что П. Н. Миллер, специально проверяя в 1918—1920 гг. данные Найденова, смог обнаружить всего лишь три неточности.

Значение издания "Москва. Соборы, монастыри и церкви" было и есть огромно. Оно определяется, прежде всего, универсальностью, четкой систематизацией и прекрасным качеством воспроизведения всех храмов Москвы. Но, кроме того, издание несет большую дополнительную информацию о городе. Ведь храмы снимались так, что почти всегда видна их связь с окружающей местностью. Запечатленными оказались церковные дворики и ограды, булыжные мостовые и уличные фонари, соседние дома с их заборами и вывес-

ками, часовни и китайгородская стена. Вряд ли можно назвать много изданий столетней давности, значение которых возрастает с каждым годом, — таковы "Найденовские альбомы". Не будь их, мы не представляли бы себе зрительно очень многие памятники церковного зодчества Москвы: ведь только в Белом городе исчезли после революции 4 монастыря и 26 храмов, в Земляном городе — 39 храмов, в Замоскворечье — 12 храмов.

В 1884 г. Н. А. Найденов продолжил свое издание, выпустив три альбома под названием "Москва. Виды некоторых городских местностей, храмов, примечательных зданий и других сооружений". Основной том имел два приложения 1888 и 1891 гг. выпуска; в целом "Виды..." содержали 169 изображений. В отличие от первого цикла альбомов, здесь были не только фотогравюры храмов (православных, едино- и иноверческих, домовых), но и гражданских сооружений (дворцы, музеи, ворота, Торговые ряды, скульптурные памятники), а также панорамы Кремля, Китай-города, Замоскворечья, виды улиц. Исключительно ценны панорамные виды — они передают еще сохранявшееся своеобразие рельефа города: видны московские холмы, крутые и отлогие берега Москвы-реки и Яузы. Причем запечатлены не только лучшие виды, но и порой неприглядные, но типичные черты некоторых местностей, например промышленных Кожевников и Дорогомилова, пустырей вдоль Яузы. И конечно, огромная заслуга — показ облика всех главных улиц Москвы. Завершая тремя выпусками "Видов..." фотофиксацию памятников Москвы, Н. А. Найденов счел необходимым отметить в декабре 1884 г., что издание "не должно считаться вполне законченным, так как в него вошло лишь то, что могло быть снято в последние два лета при тех неблагоприятствовавших фотографической съемке условиях, которые существовали в течение этого времени"[12].

В 1886 г. "Найденовские альбомы" пополнились еще пятью выпусками, изданными под названием "Москва. Снимки с видов местностей, храмов, зданий и других сооружений". Они внешне отличались от предыдущих альбомов бóльшим форматом (до 56 x 40 см, а храмы изданы в формате 30 x 39 см). Но главное, первые три выпуска отличались по существу — в них Н. А. Найденов собрал малоизвестные планы и карты Москвы, отечественные и зарубежные, рисунки, акварели, гравюры с видами города. Редкие, труднодоступные, разбросанные изобразительные материалы — их 133 — оказались здесь объединенными. Рядом с зарисовками Олеария (1636 г.) и Мейербера (1661 г.) — прекрасные гравюры Делабарта, акварели Ф. Я. Алексеева и М. И. Махаева. И только две фотографии: Красной площади 1872 г. и вида с Вшивой горки около 1865 г.

Четвертая часть "Снимков..." содержала виды храмов, впервые помещенные в довольно редких изданиях К. Тромо-

нина, А. Мартынова и других, фасады церквей, переснятые из архитектурных и церковных архивов. Обращают на себя внимание четыре вида храмов (Сергия в Рогожской, Флора и Лавра на Зацепе, Пимена в Старых Воротниках, Николая на Пупышах), выполненные самим Найденовым в 1840-х гг., когда он еще мальчиком с братом Виктором рисовал московские церкви. "Рвение к рисованию" было фамильной чертой Найденовых, его они выводили от деда — суздальского красильного мастера.

Пятая часть "Снимков..." воспроизводила на 16 листах панораму Москвы, снятую фирмой "Шерер, Набгольц и К° в Москве" в 1867 г.

И наконец, в 1890 г. Найденов издал альбом "Городские ряды", запечатлевший старые Верхние и Средние ряды, снятые фотографом Е. Смирновым в 1886 г. незадолго до их слома. Николай Александрович еще в 1877 г. был председателем думской комиссии по перестройке Торговых рядов и проявлял заботу не только о функциональных особенностях, но и о "самой красоте здания" на одной из лучших площадей Москвы[13]. 32 фотографии сохранили виды старых рядов с их парадными фасадами, обилием вывесок и теснотой внутренних помещений.

Итак, в 14 альбомах (они содержат 680 листов), изданных Н. А. Найденовым в 1882—1891 гг., впервые оказалась необычайно полно и всесторонне представлена Москва 1880-х гг. И особенно полно — храмы. Сам Найденов отмечал, что собрал здесь фотографии московских храмов, "какие только могли быть найдены". Сейчас это издание — библиографическая редкость. Полным комплектом альбомов владеют Историческая библиотека (экземпляры из собрания А. П. Бахрушина, И. Е. Забелина), Российская государственная библиотека и некоторые другие. Будем надеяться, что со временем появится так необходимое всем переиздание "Найденовских альбомов" с указателями и комментариями.

Современники восторженно встретили "Найденовские альбомы". Известный предприниматель и общественный деятель П. А. Бурышкин, уже с учетом опыта эмиграции, считал: "Не думаю, чтобы в каком-либо другом городе мира были собрания такой же ценности исторических документов трудами одного человека"[14]. Сошлемся и на авторитет И. Е. Забелина, который в письме к Н. А. Найденову 4 ноября 1883 г. называл альбомы "драгоценным прекрасным изданием... которое останется вековечным памятником Вашей любви к матушке Москве и Ваших неутомимых и горячих стараний и попечений об всяком историческом ее добре и благе"[15].

Как видим, И. Е. Забелин имел в виду не только издание "Москва. Соборы, монастыри и храмы", но и иные "попечения" Найденова. О них современному читателю вряд ли многое известно. Постараемся хотя бы кратко рассказать об этом.

В 1880-е и 1890-е гг. Н. А. Найденов осуществил пять фундаментальных изданий по истории Москвы. Работа его была необычайно интенсивна и масштабна. Николай Александрович на протяжении 25 лет (с 1881 г.) издал свыше 90 книг, т. е. в среднем в год более трех книг выходили под его наблюдением. Каждая свободная минута, даже праздники отдавались истории Москвы. Порой усталость рождала страх не успеть выполнить всего задуманного. "Начато много, а кончено мало. Впереди столько, что справиться трудно", — писал Найденов Забелину в 1891 г. Речь шла о подготовке и издании обширных и основополагающих архивных материалов по истории Москвы и ее населения в XVII—XIX вв.

В 1881—1893 гг. Найденов организовал издание десяти томов "Переписных книг города Москвы 1737—1745 гг.", а также XVII в. Это переписи дворов и домов по всем частям города от Кремля до официальной городской границы. Сначала материалы частично публиковались на страницах "Известий Московской городской думы" (с 1879 г.), а затем на средства думы Найденов напечатал десятитомник. В 1891 г. он издал "Межевые книги города Москвы XVIII столетия", дополнив их ценнейшими "Указателями к изданным Московской городской управой переписным и межевым книгам XVII и XVIII столетий" (вышли в 1894 г.). В начале этой работы И. Е. Забелин, с которым Найденов постоянно консультировался о научной стороне всех своих изданий, писал ему: "Переписи дворов — материал очень объемистый. Вы оказали бы великую услугу истории Москвы, если бы собрали в своем издании все, какие упомянуты (Найденов ему прислал список предполагаемых к изданию переписных книг. — *Л. И.*), наиболее фундаментальные по этому предмету..." Он же подал новый совет: "Вы описали людей. Теперь необходимо описать их тяглую землю"[16].

И последовала многолетняя работа Н. А. Найденова над публикацией "дворовых книг" за 1701—1782 гг. (хранились в Московском архиве Министерства юстиции), которые содержали записи актов на недвижимое имущество. Издание "Москва. Актовые книги XVIII столетия" было выпущено в двенадцати томах вместе с указателями в течение 1892—1903 гг. Московское купеческое общество финансировало издание. По распоряжениям Н. А. Найденова составлялись списки с архивных дел, он же редактировал материалы, писал краткие предисловия, организовывал печатание.

Следующее направление в подготовке и публикации документальных материалов было особенно близко и дорого Н. А. Найденову — история московского купечества. Об этих изданиях рассказали историки А. И. Аксенов и Г. Н. Ульянова[17]. В апреле 1883 г. Найденов выступил в заседании выборных купеческого сословия с речью о важности публикации документов из архивов Министерства юстиции и Москов-

ской купеческой управы. Убежденные им, купеческие выборные с 1883 г. стали ежегодно давать от 2 до 3 тыс. руб. на эту работу. Доклад Николая Александровича "Об устройстве промышленного сословия в прежнее время и производство ревизий" послужил обоснованием принципов издания, представлявшего собой выборку из переписных книг десяти ревизий (начиная с 1725 и кончая 1857 г.), касающуюся непосредственно купеческого сословия. Под его руководством три архивиста подготовили первый том за полгода, еще три недели ушло на печатание. В целом же девять основных томов, четыре тома приложений и один дополнений к ним были выпущены в течение 1883—1889 гг. Это объемные книги, в которых содержатся сотни тысяч фамилий купцов с данными об их возрасте, составе семей, месте рождения, времени зачисления в московское купечество. Помимо ревизских материалов по инициативе Найденова издавались (в том числе и после его смерти) одиннадцать томов общественных приговоров и восемь томов "Книг капитальных и приходных Московского купеческого общества".

Примыкает к этим многотомным публикациям по истории московского купечества работа, носящая скромное название "Опись дел, хранящихся в архиве Московской купеческой управы", в двух томах с указателями и приложением, изданных в 1888—1893 гг. Ей может позавидовать любой современный архив: здесь дано детальное перечисление всех архивных дел с 1787 по 1888 г. Только в первый том вошли описи 37 044 дел. Благодаря, в частности, именному указателю можно относительно каждой московской купеческой фамилии составить представление о том, как развивалось ее семейное производственное или торговое дело, как производились представления купцов к званиям и наградам, какие ими делались пожертвования. Предметный же указатель освещал все стороны жизни купечества Москвы.

Значение этих публикаций Н. А. Найденова трудно переоценить. Прав исследователь истории купечества А. И. Аксенов, говоря об "огромном вкладе" Найденова, о том, что "благодаря его стараниям мы имеем лучшие до сего времени (и непреходящие в своем значении) многотомные серии публикаций", что именно его труды породили интерес к купеческой генеалогии. Не случайно П. А. Бурышкин опирался, по его собственному признанию, на материалы изданий Найденова в книге "Купеческая Москва", вышедшей в Нью-Йорке в 1954 г.

Кроме выполненных, как это определял сам Найденов, "под его наблюдением" документальных изданий по истории Москвы ему принадлежит также заслуга организации и публикации "Материалов для истории города XVII и XVIII столетий". К сожалению, нет точных библиографических данных об этом издании, и мы не знаем, сколько всего томов (во всяком случае, более десяти) выпустил Найденов. Известны тома, посвященные Зарайску, Иркутску, Устюгу (1883 г.),

Рязани, Туле (1884 г.), Белеву, Тобольску (1885 г.), Кунгуру, сибирским городам (1886 г.), Боровску (1888 г.), Переславлю-Залесскому (1891 г.). Судя по переписке Найденова с Забелиным, были подготовлены также тома по Торжку (письмо 10 июня 1883 г.), Угличу (6 июня 1890 г.). Краткие предисловия к томам подписаны инициалами "Н. А. Н.". На чьи средства производилась эта огромная и трудоемкая работа, можно лишь догадываться — ведь ее организатор известен. Благодаря его энергии подключались к расходам и другие представители купечества. Во всяком случае, Найденов отметил, что деньги на издание документов по Зарайску дали братья П. А., А. А. и В. А. Бахрушины и П. П. Сорокоумовский. К подбору материалов был привлечен опытный архивист И. Н. Николев.

Незаурядные организаторские способности Н. А. Найденова особенно ощутимы при общем взгляде на все его документальные публикации. Идея, план и содержание каждой публикации, организация выявления и переписки архивных дел, их редакция и, наконец, печатание — все делал он, притом одновременно велась работа по нескольким темам. Не забудем при этом, что речь идет не о профессионале-архивисте, а о крупнейшем предпринимателе, руководившем операциями с многомиллионными капиталами. Даже с учетом постоянных научных консультаций И. Е. Забелина Найденову нужно было отдавать действительно все силы и все свободное время любимой Москве. Приведем лишь один пример найденовского размаха и энергии. В письме И. Е. Забелину от 16 апреля 1891 г. он сообщает, что печатание различных изданий производится им одновременно в пяти (!) типографиях[18]. При этом, заметим, в лучших типографиях Москвы: И. Н. Кушнерева, А. Г. Кольчугина, М. Г. Волчанинова, думской.

Авторские работы Н. А. Найденова посвящены истории Московской биржи и храмам Китайского и Ивановского сóроков, а также воспоминаниям, ставшим его последним жизненным делом.

Первая оригинальная публикация Найденова появилась в девятом номере "Московских епархиальных ведомостей" за 1879 г.: "Сведения об упраздненных храмах, находившихся в Москве на месте биржи и Старого Гостиного двора" (тогда же она вышла отдельным изданием). По материалам архивов и редких печатных изданий автор воссоздает историю четырех храмов XVI—XVII вв. на древнем Ильинском крестце, иллюстрирует ее планами местности 1790 г., интересно рассказывает о местной топонимике.

В 1889 г. вышла роскошно изданная, щедро иллюстрированная планами, фотографиями и портретами, выполненными фирмой "Шерер, Набгольц и К° в Москве", книга "Московская биржа". Ее отличает широкий замысел: дать очерк истории биржи, рассказать о ее деятельности за 50 лет (с 1839

по 1889), собрать постановления собрания выборных Биржевого общества и Биржевого комитета (последнее не было реализовано). Подпись Н. А. Найденова под вступлением к книге, определяющим ее задачи и источники, а также самый характер издания позволяют отнести его к числу авторских работ Николая Александровича.

Историю биржи Найденов прослеживает с первого документального упоминания 1790 г.: тогда она находилась в центре Гостиного двора и была просто местом деловых встреч московских и иностранных купцов. В XIX в. они уже собирались на углу Ильинки и Хрустального переулка, и эта привычка настолько укоренилась, что и после постройки в 1836 г. специальной Биржевой залы купцы совершали сделки на улице: пришлось в 1860-х г. прибегнуть к помощи обер-полицеймейстера, чтобы заставить их собираться внутри помещения.

Уже когда Найденов был членом Биржевого комитета, произошла перестройка прежнего здания биржи (архитектор М. Д. Быковский) по проекту А. С. Каминского. В книге немало подробностей строительства, в частности рассказывается о том, как в цоколе здания со стороны Рыбного переулка заложили медную доску с именами устроителей, в том числе Н. А. Найденова. Интересно и то, что внутри биржи иконами и памятными надписями были отмечены места, на которых до постройки стояли два древних храма: Дмитрия Селунского на Посольском дворе и Успения Богородицы у Гостиного двора.

Всесторонне, со знанием дела освещена деятельность биржи. Узнаем мы и о том, как она участвовала в распространении образования. С 1872 г. ее стипендии были учреждены в Московской практической академии коммерческих наук и в Московском техническом училище; на средства биржи содержались 20 учеников ремесленного училища, а в 1885 г. по предложению Н. А. Найденова было создано Александровское коммерческое училище — среднее учебное заведение для купечества[19].

Московская биржа, в которой Н. А. Найденов трудился около 30 лет, была для него вторым родным домом, и заботу о ней он проявлял неустанно. Так, для ее библиотеки он приобрел книги из знаменитого собрания О. М. Бодянского[20] ; позднее в нее влилась часть личной библиотеки Найденова. С другой стороны, Найденов способствовал передаче в дар Историческому музею старинных надгробных камней, отрытых при строительстве нового здания биржи[21].

Шли годы, приближалось 70-летие Николая Александровича, и ему, естественно, хотелось подвести итоги и своей любимой работы по Москве. По его переписке с И. Е. Забелиным (в фонде Забелина сохранилось около 50 писем Найденова за 1881—1904 гг.) видно, что он с особым интересом изучал документы, связанные с той частью Москвы, где

издавна жила семья Найденовых, — Сыромятниками и Воронцовом полем. В 1903 и 1905 гг. вышли три книги Н. А. Найденова о церквах в этом районе: Ильи Пророка и Покрова (Грузинской Божьей матери) на Воронцовом поле, а также Николая в Воробине. Все книги хорошо иллюстрированы, особенно книга об Ильинском храме, в приходе которого жили Найденовы.

Эти книги дают ценное историческое описание обширной части Земляного города, заключенной между Бульварным и Садовым кольцами от Дегтярного переулка до Яузы, а также территории бывшей Кобыльской слободы. В XVI в. это были в основном земли великокняжеской вотчины вокруг сельца Воронцова, которые в конце XVII — начале XVIII в. заселяли стрельцы полков Стрекалова, Епанчинова, Воробина, Кобылина. Самые интересные страницы книг составляет история приходов названных храмов с начала XVIII до начала XX в. О том, насколько досконально прослежена по документам эта история, говорит такой факт: в приходе храма Ильи автору остались неизвестными владения лишь четырех лиц на 1781 г.[22]

Особенно обстоятельно изучил Н. А. Найденов историю фамильных владений: нынешнего дома № 53 по Земляному валу (дом, построенный Д. Жилярди для Усачевых, с 1854 г. — владение Г. И. Хлудова, с 1903 г. — А. Г. Хлудовой-Найденовой) и несохранившегося дома № 57, где жили Н. А. и В. А. Найденовы (дом был построен ими в 1827 г., снесен в 1960-е гг., сохранились лишь один двухэтажный дом постройки 1896 г. да старые деревья). Это и дом № 1—3 по Покровскому бульвару, купленный братьями Найденовыми в 1880 г. у Крестовниковых. Читатель узнает, что неподалеку от него были в XVIII в. обширные владения канцлера А. А. Безбородко, затем Г. А. Потемкина; в течение 1778—1780 гг. тут жил архитектор В. И. Баженов, а с 1849 г. в районе Тессинского переулка приобрел владение отец будущего драматурга А. Н. Островского, который прожил здесь около 30 лет.

В конце XIX в. в Москве сложился вполне определенный образец повествования об истории церквей. Типичными были, например, работы известного москвоведа И. Ф. Токмакова, перу которого принадлежат десятки описаний храмов. Со своей стороны, И. Е. Забелин в записке 1881 г. о задачах описания Москвы наметил план изучения истории церковных приходов. Подобным правилам и следовал Н. А. Найденов. Поэтому он собрал подробные данные начиная с XVII в. о церковном причте. Сообщает он и имена церковных старост, многие из которых на свои средства обустраивали и украшали храмы. Так, купцы братья Усачевы в 1830 г. отстроили новое обширное здание церкви Ильи, для чего пригласили известного архитектора Н. И. Козловского, а Г. И. Хлудов (тесть брата — А. А. Найденова) перестроил

холодный храм и колокольню в 1876-м. Сам Николай Александрович был избран старостой храма Грузинской Божьей матери в 1896 г. Его настоятелю, прослужившему тут 57 лет, протоиерею А. Д. Можайскому, Найденов посвятил теплые слова воспоминаний.

Воспоминания Н. А. Найденова — особая тема. Известно, что он вел дневник. В 1903 и 1905 гг. вышли два тома под несколько старомодным, но точным по сути дела (что характерно было для авторской манеры Николая Александровича вообще) названием: "Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном". На титульном листе надпись: "Напечатана для лиц, принадлежащих и близких к роду составителя". Думается, что это не проявление снобизма, а просто скромность человека, не считавшего, по-видимому, свою жизнь интересной для широкого читателя. Обращался он к близким людям и потому рассказывал об истории найденовского рода, о детстве, юности и Москве той поры. Встают со страниц воспоминаний и известные всей Москве личности, которых Найденов знал сам или по рассказам. Это, например, богатые чаеторговцы Василий и Петр Усачевы, купеческий род которых рано пресекся. Их гостеприимный дом на Земляном валу с прекрасным садом и оранжереями хорошо знали москвичи, и еще долго Высокий мост через Яузу, что около их дома, называли Усачевским. Тут же можно встретить меткую характеристику владельца шелкоткацкой фабрики П. О. Гужона (он арендовал ее помещение у Найденовых), который был настолько скуп, что ел местных голубей; он сек своих работниц, отмечал Н. А. Найденов с явным неодобрением, ибо в их семье были традиционно добрые отношения с рабочими. Много места отведено московскому генерал-губернатору А. А. Закревскому, присланному "подтянуть" Москву. "Я — закон" — было поговоркой этого самодура. Найденов передает широко бытовавшие рассказы о его выходках. По поводу увольнения Закревского в 1859 г., 23 апреля (старого стиля), известный острослов князь А. С. Меншиков заметил: "В день Георгия Победоносца всегда выгоняют скотину"[23].

Иной характер носит вторая часть "Воспоминаний", посвященная 1860—1870-м гг. Здесь Н. А. Найденов рассказывает о реформах городского и сословного управления, в которых он в молодости участвовал. Характеризуя "мании" купечества тех лет — строительство железных дорог, учреждение различных банков, домостроительство, — он наглядно показывает, как московские купцы набирали опыт и силу в коммерческой и общественной сферах жизни. Его личностные оценки почти всегда сдержанны, но порой весьма выразительны. Вот одна только примечательная сцена. В 1878 г. Найденов входил в комитет по подписке на создание торгового флота. Тогда "хозяином" Москвы и председателем названного комитета был князь В. А. Долгоруков, "великий

дипломат", по определению Найденова. Долгоруков так рассыпался в комплиментах перед промышленником М. М. Вогау, что тот тут же, в кабинете генерал-губернатора, обещал внести на нужды флота 10 тысяч, хотя ранее этого и не предполагал. Уже в карете, осознав случившееся, он впал "в нервный припадок", и его без памяти вынесли из экипажа[24].

По воспоминаниям Н. А. Найденова можно узнать историю красильного дела в Москве, отдельные эпизоды жизни города во время Отечественной войны 1812 г. (по рассказам отца, бывшего другом злосчастного М. Н. Верещагина), о первых всероссийских выставках в Москве 1860—1870-х гг. — мануфактурных, Этнографической, Политехнической) и, конечно, о делах купеческого сословия.

Обрываются воспоминания на 1870-х гг. В конце тома, подводя итоги первого этапа своей деловой и общественной деятельности, Николай Александрович объяснил ее мотивы "намерением сделать что-либо полезное при начавшемся тогда общественном движении"[25]. Надо признать, что в отношении Москвы это ему удалось. Даже краткий обзор его вклада в разработку истории Москвы убеждает нас в этом. Николай Александрович за четверть века стал подлинным москвоведом, притом со своим характерным почерком. Любовь к историческому документу, желание как можно шире представить будущим историкам Москвы фундаментальные первоисточники, известные лишь узкому кругу архивистов, организаторский талант и энергия, приоритет истории родного купеческого сословия — вот лишь некоторые черты своеобразия Н. А. Найденова как москвоведа. И конечно, поистине историческое значение имеет такая новаторская его работа, как создание грандиозной фотоэнциклопедии Москвы.

Вся жизнь Николая Александровича многими нитями связана с Москвой — от рождения до захоронения в 1905 г. в Покровском монастыре (к сожалению, утраченного, как и могилы меценатов Щукиных, Боткиных, Хлудовых и многих известных москвичей, в результате ликвидации кладбища в 1930-х гг.). Семьдесят лет его жизни вместили множество ярких свидетельств органической связи с городом. На Мануфактурной выставке, разместившейся в 1865 г. в Дворянском собрании, фирму Найденовых представляли шерстяные набивные платки. А через семь лет Найденов стал устроителем всего мануфактурного отдела Политехнической выставки. Известна его активнейшая роль в думе — только в 1877 г., например, он работал в шести из двадцати ее комиссий, возглавляя две из них. 4 ноября 1880 г. дума приняла его предложение сохранять в губернском архиве дела, содержащие интересные исторические материалы[26]. Выполнял он почетные функции мирового судьи Москвы, был попечителем Александровского коммерческого училища, Строгановс-

кого центрального училища технического рисования, городских начальных училищ, членом совета по учебным делам при Министерстве финансов, председателем комиссии о Чертковской и Голицынской библиотеках. В его честь в учебных заведениях Москвы были учреждены 14 именных стипендий.

Все это создавало Н. А. Найденову большой авторитет не только в деловых, но и общественно-научных кругах. Одним из его проявлений стало избрание в 1883 г. Николая Александровича почетным членом Императорского археологического института. Заметим, что среди 163 почетных членов за 1878—1911 гг. — только три купеческие фамилии[27].

Поэтому становится понятным, что дом Найденова на Земляном валу был средоточием интереснейших людей. Часто бывавший там А. М. Ремизов отмечал, что в круг родственников входили Бахрушины, Ганешины, Прохоровы, Востряковы, Капустины, Лукутины, в число деловых знакомых — Грибовы, Корзинкины, Третьяковы, Рябушинские, Коноваловы, Ланины. Но часто, продолжал мемуарист, в столовой белого дома собирались другие гости — московская профессура. "Разговор шел о старинных московских церквах, всем видимых, и о таких, след которых терялся в летописях и писцовых книгах, о церквах "ушедших"... Старая Москва оживала в веках"[28]. С огромным интересом здесь слушали И. Е. Забелина, "большого приятеля" Н. А. Найденова (по свидетельству его сестры М. А. Ремизовой), профессора и ректора университета Н. А. Зверева.

А каким был сам хозяин гостеприимного дома? Небольшого роста, необычайно живой, подвижный, "огненный" (по словам В. П. Рябушинского). Целеустремленный, энергичный и вместе с тем довольно ранимый. А вот еще одна — очень достоверная, но неожиданная характеристика. Ее автор — племянник Николая Александровича. Он пишет: "Найденовы имели славу "сочинителей..." Из всех отличался старший, но не по возрасту, а старшинством по взлету — Николай Александрович, председатель Московского биржевого комитета: так, здорово живешь, среди делового или ученого разговора или появившись на вечере у родственников в самый разгар и появлением своим все погасив, муху слышно, расскажет историю — невероятное происшествие с каким-нибудь известным лицом или про себя случай: и проверять нечего — сплошь сочинение... А ведь все они, Найденовы, трезвейшие люди, реальнейшие, без тени "вымысла", с вычислениями и комбинациями — Московский торговый банк на Ильинке и вся биржа!"[29]

В 1881 г. И. Е. Забелин, представив обширный план изучения истории Москвы, утверждал, что "подробное историко-статистическое описание Москвы есть дело общемосковское, касающееся всех знатоков и любителей московской

старины и древности, как и всех коренных москвичей"[30]. Среди немногих, кто откликнулся на этот призыв, был Николай Александрович. Оценивая его вклад в москвоведение, можно с уверенностью назвать московского купца и банкира Найденова сподвижником историка Москвы Забелина.

Портрет Николая Александровича как москвоведа мог бы быть полнее, располагай мы его личным и деловым архивом. Пока он не обнаружен. А ведь без него нельзя быть уверенными в том, что выявлены все работы, выполненные "под наблюдением" Найденова. И разве не интересно узнать, как удавалось ему так блестяще организовывать подготовку сложных документальных исторических публикаций, кого он привлекал к этой работе (по сведениям А. М. Ремизова, это были и родственники), каких средств стоили ему издания знаменитых альбомов.

Московская городская дума после смерти Николая Александровича постановила учредить премии им. Н. А. Найденова за лучшие сочинения в области церковно-исторических древностей и торгово-промышленной истории Москвы. Этот акт признавал большие заслуги Найденова перед городом и очень точно определял главные направления его научной, организационной и меценатской деятельности. Начавшаяся империалистическая война помешала реализовать решение думы. А революционная Москва даже не сохранила его могилу. Тем не менее память о Найденове жила в его делах, сохранялась среди многочисленных потомков этого славного московского купеческого рода. Сын Николая Александровича Александр (1866—1920), продолживший традицию на постах директора Торгового банка, в Биржевом комитете, в Московской думе, в деле благотворительности, после революции не покинул Москву, несмотря на аресты; он пытался помочь П. Н. Миллеру подготовить полный указатель ко всем "Найденовским альбомам". Его жена Е. И. Решетникова (1876—1951) стала одной из первых заслуженной артисткой РСФСР. Много талантливых людей оказалось в роду Найденовых. Это и А. М. Ремизов, и замечательный знаток русской культуры М. В. Алпатов, и среди ныне здравствующих потомков не один сохраняет фамильную страсть к рисованию, к музыке. Они ведут генеалогическую летопись рода, сохраняют реликвии, публикуют материалы о Найденовых[31].

Будем надеяться, что добрая память о Николае Александровиче, любившем Москву и Россию и так много сделавшем для познания их истории, станет множиться и крепнуть.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ОПИ ГИМ, ф. 134, д. 102, л. 4; д. 115, л. 1—9.

[2] *Клепиков С. А.* Москва в гравюрах и фотографиях: (Опыт библиографии печатных альбомов и серий). М., 1958. С. 129.

[3] *Лебедев И. А.* Николай Александрович Найденов. 1834—1905: Очерк жизни и деятельности. Вып. 1. М., 1915. С. II.

[4] См.: *Найденов Н. А.* Воспоминания о московском Петропавловском евангелическо-лютеранском мужском училище. Из сороковых годов прошлого столетия. М., 1903.

[5] См.: Московская городская дума. 1897—1900. М., 1897. С. 127; Исторический вестник. 1906. № 1. Т. 103. С. 366.

[6] См.: *Рябушинский В.* Купечество московское // Былое. 1991. № 1. Июль. Публикация Ю. А. Петрова.

[7] См.: *Формозов А. А.* Историк Москвы И. Е. Забелин. М., 1984. С. 191—193.

[8] См.: Известия Московской городской думы. 1881. Вып. 8. Официальный отдел. С. 3.

[9] ОПИ ГИМ, ф. 440, д. 125, л. 85—86.

[10] См.: Поставщики высочайшего двора Шерер, Набгольц и К°, А. И. Мей и сын. М., 1910.

[11] *Бурышкин П. А.* Москва купеческая. М., 1991. С. 139.

[12] *Найденов Н. А.* Москва. Виды некоторых городских местностей, храмов, примечательных зданий и других сооружений. Основной том. М., 1884.

[13] Известия Московской городской думы. Вып. 5. 1877. Приложение. С. 3.

[14] *Бурышкин П. А.* Указ. соч. С. 139—140.

[15] ОПИ ГИМ, ф. 440, д. 68, л. 21.

[16] Там же, д. 125, л. 83—84.

[17] *Ульянова Г. Н.* Материалы для истории московского купечества // Памятные книжные даты. 1989. М., 1989; *Аксенов А. И.* Генеалогия московского купечества XVIII в.: Из истории формирования русской буржуазии. Гл. 1. М., 1988. *Он же.* Очерки генеалогии уездного купечества. М., 1993. С. 15.

[18] ОПИ ГИМ, ф. 440, д. 68, л. 87.

[19] См.: Московская биржа. 1839—1889. М., 1889. С. 66.

[20] ОПИ ГИМ, ф. 134, д. 269, л. 28.

[21] См.: *Ульянова Г. Н.* Указ. соч. С. 19.

[22] См.: *Найденов Н. А.* Храм святого пророка Илии, что на Воронцовом поле. М., 1903. С. 28.

[23] *Найденов Н. А.* Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. Ч. 1. М., 1903. С. 103.

[24] Там же. Ч. 2. М., 1905. С. 160—161.

[25] Там же. С. 169—170.

[26] См.: Известия Московской городской думы. Вып. 1. 1877. С. 43—46; Вып. 19. 1881. С. 41.

[27] См.: Памятная книжка Императорского археологического института в Санкт-Петербурге. 1878—1911 гг. М., 1911. С. 18.

[28] *Ремизов А. М.* Избранное. М., 1978. С. 488.

[29] Там же. С. 479.

[30] Известия Московской городской думы. Вып. 8. 1881. Отдел неофициальный. С. 11.

[31] См.: *Найденов Н.* Найденовы // Былое. 1992. № 12. Декабрь.

Список работ Н. А. Найденова

Сведения об упраздненных храмах, находившихся в Москве на месте биржи и Старого Гостиного двора. М., 1879.

Москва. Соборы, монастыри и церкви. Ч. I—IV. М., 1882—1883.

Москва. Виды некоторых городских местностей, храмов, примечательных зданий и других сооружений. Основной том. М., 1884; Приложения 1 и 2. М., 1888 и 1891.

Москва. Снимки с местностей, храмов, зданий и других сооружений. Ч. 1—5. М., 1886.

Москва. Городские ряды. М., 1890.

Московская биржа. 1839—1889. М., 1889.

Село Батыево. Материалы для истории его населения XVII—XIX столетий. М., 1889.

Воспоминания о московском Петропавловском евангелическо-лютеранском мужском училище. Из сороковых годов прошлого столетия. М., 1903.

Храм святого пророка Илии, что на Воронцовом поле. М., 1903.

Церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, что на Воронцовом поле, именуемая Грузинской. М., 1903.

Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. Ч. 1 и 2. М., 1903, 1905.

Сведения о приходе Николаевской, в Воробине, церкви. М., 1905.

Список работ, выполненных "под наблюдением" Н. А. Найденова

Переписные книги города Москвы 1737—1745 гг. Т. 1—8. М., 1881—1893.

Переписная книга города Москвы 1638 г. М., 1881.

Материалы для истории московского купечества. Т. 1—9. Приложения. Дополнение. М., 1883—1889.

Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1883—1891.

Переписные книги города Москвы 1665—1676 гг. М., 1886.

Опись дел, хранящихся в архиве Московской купеческой управы. Т. 1—2. Приложение. Указатели. М., 1888—1893.

Межевые книги города Москвы XVIII столетия. М., 1891.

Москва. Актовые книги XVIII столетия. Т. 1—12. М., 1892—1903.

Материалы для истории московского купечества. Общественные приговоры. Т. 1—11. М., 1892—1911.

Указатели к изданным Московской городской управой переписным и межевым книгам XVII и XVIII столетий. М., 1894.

Книги капитальные и приходные Московского купеческого общества. Т. 1—8. М., 1910—1913.

Н. Ф. Демидова

"ЖИВОЙ СПРАВОЧНИК ДЛЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ"

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ БЕЛОКУРОВ. 1862 — 1918

Сергей Алексеевич Белокуров занимает особое и на первый взгляд скромное место в блестящей плеяде московских историков конца XIX — начала XX в. По характеристике, которая была дана ему близко знавшим его М. М. Богословским в статье, написанной вскоре после смерти Белокурова, он не принадлежал к историкам, стремившимся к широким обобщениям, не обладал талантом "художника — писателя на исторические темы". Вместе с тем огромное значение Белокурова как историка его первый биограф видел в присущем ему таланте "исследователя-разыскателя", очень удачно сравнив его с рудознатцем, "который добывает самую руду и разыскивает места ее залежей"[1].

Для того чтобы полностью понять и верно оценить все своеобразие творческого пути историка, необходимо обратиться к той среде, в которой он вырос и сформировался как ученый и человек.

С. А. Белокуров родился 1 (13) сентября 1862 г. в Москве в семье, тесно связанной с просвещенными духовными кругами. Его дядя (старший брат отца) Никита Иванович Белокуров, в монашестве Никодим (1826—1877), который несомненно сыграл заметную роль в становлении интересов молодого племянника, был видным церковным деятелем. После окончания Московской духовной академии и пострижения он сделал головокружительную карьеру: последовательно занимал посты ректора Вифанской семинарии в Троицком Посаде, управлял Златоустовским и Богоявленским монастырями в Москве, был наместником Александро-Невской лавры и т.д. В 1875 г. был посвящен в сан епископа Старорусского, в 1876 г. — Дмитровского[2]. После его ранней смерти остался ряд богословских сочинений. Однако для нас особый интерес представляет другая сторона его творчества, а именно, чисто исторические исследования, к которым принадлежит написанное в 70-х гг. "Описание Богоявленского монастыря"[3]. Обстоятельный труд построен на широком круге как опуб-

ликованных, так и впервые вводимых в оборот источников, в том числе из архива самого монастыря. Повествование охватывает время с основания монастыря до XIX в. и останавливается на всех сторонах монастырской деятельности — строительстве монастырских зданий, составе монахов и настоятелей. При этом большое внимание уделяется истории монастырского землевладения. В архиве С. А. Белокурова содержатся многочисленные выписки, по-видимому сделанные Никодимом при подготовке его труда, которые вместе с богатой библиотекой перешли во владение его брата, а позднее племянника[4].

Жизненный путь отца историка, Алексея Ивановича Белокурова, был значительно более скромным. Долгие годы он исполнял обязанности дьякона при Голицынской больнице, позднее — священника московской Георгиевской церкви в Яндове[5]. Священнические обязанности А. И. Белокуров, обремененный большой семьей, совмещал с преподаванием в Перервинской духовной школе[6]. По-видимому, он был в достаточной степени просвещенным человеком, не чуждым научных интересов. О последнем свидетельствует его участие в деятельности К. И. Невоструева по описанию древних рукописей, хранившихся в монастырских библиотеках. В частности, имеются сведения, что А. И. Белокуров в течение двух лет разбирал с этой целью рукописное собрание московского Алексеевского монастыря[7]. Возможно, что это знакомство отца с древними документами также нашло отражение в последующем увлечении сына, который, рано потеряв мать, находился под сильным отцовским влиянием. Строгие порядки в большой патриархальной семье сказались на формировании нравственного облика будущего историка, способствовали выработке организованности и ответственности его в подходе к любому делу, которым ему приходилось заниматься.

Семейные традиции определили характер образования С. А. Белокурова. Он закончил курс духовной семинарии в Сергиевом Посаде, после чего поступил в Московскую духовную академию, которая в 80-х гг. переживала период своего расцвета. Достаточно сказать, что в это время в числе ее преподавателей находились такие крупные историки, как В. О. Ключевский, Е. Е. Голубинский, К. С. Смирнов и другие. Способный и пытливый молодой человек пользовался вниманием своих учителей, но, по свидетельству современников, никогда не занимал первого места среди учащихся[8]. Это на первый взгляд странное положение становится понятным, если вспомнить, что Белокурова никогда не привлекали отвлеченные, чисто богословские вопросы. Напротив, он все больше увлекался конкретной историей.

Всячески способствовал становлению научных устремлений своего ученика известный специалист в области церковной истории Е. Е. Голубинский (1834—1912). Именно он привил Белокурову вкус к источниковедческому анализу,

к тщательной работе с архивными документами. Зародившиеся в академии дружеские отношения между учителем и учеником не порывались и в дальнейшем. Голубинский не только помогал молодому Белокурову советами, но на первых порах правил гранки его ранних работ. В последующие годы жизни Белокуров всеми силами стремился помочь слепнущему учителю — читал ему книги, оформлял его работы. После смерти Голубинского, завещавшего ему все свое научное наследие, много сделал для публикации основного труда его жизни по истории русской церкви, значительная часть которого увидела свет с прочувствованным предисловием Белокурова[9]. Именно по ходатайству Голубинского в 1881 г., еще учась в семинарии, Белокуров был впервые допущен к работе в читальном зале Московского главного архива Министерства иностранных дел (МГАМИД)[10], что и решило его дальнейшую судьбу. Обостренный интерес к историческим документам он пронес через всю жизнь. В этом же 1881 г. вышла в свет его первая печатная работа[11].

В 1886 г. после окончания духовной академии по рекомендации архимандрита Леонида, настоятеля Троице-Сергиевой лавры, С. А. Белокуров был принят на работу в МГАМИД. Стоявший во главе этого элитарного архива барон Ф. А. Бюлер при комплектовании архивных штатов руководствовался отнюдь не научными интересами. По свидетельству С. К. Богоявленского, "главным достоинством подчиненных ему чиновников должны были быть знатность происхождения, безукоризненность светских манер и хорошее знание французского языка"[12]. Несмотря на то что Белокуров, разночинец по происхождению и семинарист по образованию, не отвечал ни одному из этих требований, он был принят в состав служащих архива, по-видимому, из уважения к высокому духовному рангу рекомендовавшего его лица.

С. А. Белокуров прослужил в архиве более 30 лет, первоначально в должности младшего делопроизводителя, а с 1899 г. — старшего[13]. В течение почти 20 последних лет он фактически возглавлял архив и сыграл решающую роль в изменении характера его деятельности, в превращении его в серьезный исследовательский центр. Постоянно трудясь над разбором и описанием богатейшего собрания архива, Белокуров вскоре сделался крупнейшим знатоком его содержания. Он деятельно принимал участие в издании документальных сборников МГАМИД, в значительной мере организовывал эту работу, обучая служившую в архиве молодежь. После Октября, в 1918 г., с реорганизацией структуры всей архивной системы, был назначен управляющим III Московского отделения Единого государственного архивного фонда РСФСР (ЕГАФ) и одновременно заместителем заведующего Московским областным управлением архивным делом[14]. О степени его увлеченности новым для него делом свидетельствует то, что уже тяжело больной, за день до смерти, он

сказал: "Этой ночью я не спал и все думал, как устроить издательскую комиссию"[15].

Кроме напряженной работы в архиве большое место в его научной судьбе сыграло Общество истории и древностей российских при Московском университете (ОИДР), членом которого он состоял с 1887 г. Прежде чем говорить о деятельности Белокурова как члена Общества, несколько слов об этой научной организации. Действовавшее с некоторыми перерывами более 100 лет (с 1804 по 1929), Общество сыграло заметную организующую роль в научной жизни Москвы. Первоначальная цель его — издание летописей и иностранных источников по истории славянских народов — вскоре расширяется. Вокруг него и его изданий постепенно сосредоточиваются кадры московских и петербургских историков, архивистов и коллекционеров. На своих заседаниях члены Общества обсуждали как фундаментальные труды, так и сообщения о вновь обнаруженных интересных документах. При этом наиболее важные из них рекомендовались к изданию в одном из органов Общества. Именно введение в оборот огромного массива источников первостепенной важности является большой заслугой Общества и его изданий. Всего силами Общества осуществлялось издание около пяти периодических журналов (в различное время), из которых во времена Белокурова основным были "Чтения в ОИДР"[16].

С. А. Белокуров был принят в ОИДР непосредственно после поступления на работу в МГАМИД. Вступление в Общество давало ему возможность общения с научной средой, аудиторию для обсуждения новых работ и, наконец, возможность постоянно печататься. С момента вступления в Общество его статьи и публикации начинают появляться почти в каждой из четырех ежегодных книг "Чтения в ОИДР". Члены Общества вскоре оценили квалифицированные и щедрые консультации молодого архивиста. По словам одного из его биографов, он был "живым справочником для исследователей, работавших в архиве"[17].

В последующие годы С. А. Белокуров являлся деятельным членом Общества. С 1890 г. и вплоть до смерти он исполнял при нем обязанности казначея, а с 1917 г. — секретаря. Он выполнял свои обязанности, проявляя организаторский талант, исполнительность и высокое чувство ответственности, и вскоре на него была возложена значительная часть работы по Обществу — проведение заседаний, участие в различных мероприятиях, в издательской деятельности. По его собственному замечанию, если до 1891 г. он принимал участие в подготовке лишь очередных томов "Чтений", то с этого года он начинает полностью ведать издательской работой[18]. Как своеобразный итог этой деятельности из-под его пера регулярно появлялись указатели к "Чтениям" за определенные годы, а также были составлены указатели ко всем изданиям ОИДР по 1915 г.[19] С полным основанием

Богоявленский назвал его "душой Общества"[20]. Об этом же убедительно свидетельствуют адресованные Белокурову и заботливо сохраненные последним записки В. О. Ключевского, который с 1893 по 1905 г. был председателем Общества. Краткие распоряжения председателя показывают ту массу организационных забот, которые падали на плечи Белокурова[21].

Все это привело к большой популярности С. А. Белокурова в научных кругах не только одной Москвы. Он избирается членом многих научных обществ и учреждений. В 1887 г. становится членом-сотрудником Ростовского музея церковных древностей, в 1890 г. — почетным членом Воронежской историко-археологической комиссии, в 1907 г. — почетным членом Петербургского археологического института и т. д. Окончательное признание его больших научных заслуг произошло в 1903 г., когда он был избран членом-корреспондентом Академии наук[22].

Умер Сергей Алексеевич Белокуров 3 декабря 1918 г. от воспаления легких и похоронен на новом кладбище Донского монастыря. Вслед за ним скончалась его жена. Сыновья Михаил и Никодим были сданы в Ильинскую детскую колонию[23].

Научное наследие С. А. Белокурова чрезвычайно обширно и разнообразно. Несколько условно оно может быть разделено на три основные части: научные исследования, фундаментальные издания документов и журнальные статьи. Конечно, все эти направления неразрывно связаны между собой, однако для каждого из них можно проследить характерные черты. По-видимому, и сам Белокуров по-разному рассматривал свои задачи в работах разного типа.

Первое место среди них занимают глубокие научные исследования, в какой-то мере вытекающие друг из друга. Их объединяет как время, так и общее направление. Еще в годы учения Белокурова особенно привлекали события XVII столетия, которое он под влиянием идей В. О. Ключевского расценивал как переходный период от средневековья к новому времени. Впоследствии в речи, произнесенной им при защите магистерской диссертации, он сформулировал это предельно четко, охарактеризовав XVII век "как время, с которого начинается период новой русской истории"[24].

Итак — XVII век, которому он остается верен во всей своей научной работе. И среди событий этого века его особенно привлекал раскол в Русской православной церкви. Отправной точкой для трудов Белокурова в этой области послужила его ранняя статья, написанная еще в стенах духовной академии и связанная с исправлением церковных книг по распоряжению патриарха Никона, с внимательным сличением их текстов с греческими подлинниками. Отсюда тематика его первых работ, в том числе и предмет его магистерской

диссертации об Арсении Суханове, видном московском деятеле религиозного просвещения середины XVII в. Духовная среда, из которой вышел автор, и полученное им специальное образование, казалось бы, должны были оказать влияние на направление этой работы, увести автора в выяснение чисто богословских спорных вопросов. Однако ничего этого в диссертации не было. Саму тему о А. Суханове, посланном Никоном в Грузию, Палестину и на Афон для приобретения нужных книг, С. А. Белокуров ставит совсем в иной плоскости. В ней явно выступает светская направленность исследования — интерес в первую очередь к биографии героя, собранной буквально по крупицам[25]. Труд Белокурова об А. Суханове был высоко оценен как в церковных, так и в научных кругах. В 1894 г. опубликованная в виде книги диссертация была удостоена со стороны Синода премии митрополита Макария в размере 1000 руб., а со стороны Академии наук — премии графа А. С. Уварова в 500 руб. В 1897 г. за ту же книгу он был награжден орденом св. Анны 3-й степени[26].

Примерно так же подошел Белокуров к исследованию о пребывании в России Ю. Крижанича, славянского (хорватского) писателя и политического деятеля, который приехал во второй половине XVII в. в Москву с целью добиться унии между православной и католической церквами. Белокуров работал над этой темой в течение 1890—1891 гг.[27], уделяя основное внимание уточнению биографических данных о Крижаниче, что было выполнено им с поистине ювелирной тщательностью, и истории рукописей его сочинений.

Наиболее блестящим произведением историка было его сочинение о библиотеке московских государей XV—XVI вв.[28], которое принесло ему широкую известность. Поводом для его написания послужил обостренный интерес к будто бы пропавшей библиотеке Ивана Грозного, который не угасает и до сих пор. Поднятый первоначально немецкими историками и подогретый поисками, предпринятыми профессором Страсбургского университета Э. Тремером, который специально в 1891 г. приехал в Москву с надеждой обнаружить остатки библиотеки в московских архивах и библиотеках, — интерес этот расколол научную общественность на два лагеря — верящих в существование библиотеки и отрицавших ее существование. Белокуров бы увлечен спором и выступал по этому поводу с докладами и статьями. В конце концов он оформил свои поиски и соображения в обширную монографию, в которой содержится не только детальный разбор всех упоминаний о библиотеке, но и анализ сохранившихся рукописных собраний, где могли находиться книги из библиотеки Грозного. В результате Белокуров приходит к выводу, что нет достаточно достоверных данных для того, чтобы говорить о существовании в великокняжеской и царской библиотеках большого собрания греческих и латинских рукописей, особенно светс-

кого характера, как предполагали некоторые энтузиасты. Он также категорически отрицает, что книги могли быть спрятаны в подвалах Кремля и под землей, так как многочисленные раскопки XVIII—XIX вв., материалы которых он внимательно проанализировал, а также ранние картографические источники не подтверждают возможности их находки. Более того, он считал невозможным, чтобы тайное место хранения книг могло быть забыто уже в XVI и в XVII вв., в том числе и во время проведения церковной реформы Никона, когда за греческими книгами вынуждены были посылать в Афон. В этой части книга перекликается с содержанием исследования о миссии А. Суханова. Положение о несостоятельности поисков в Кремле было развито Белокуровым в специальной статье[29].

Любопытно, что попытка Белокурова защитить эту работу в качестве докторской диссертации первоначально оказалась неудачной. Московская духовная академия, куда она была представлена, отклонила ее на том основании, что в ней содержится "недостаточный духовный элемент". И только в 1904 г. по представлению Киевской духовной академии и определению Синода С. А. Белокурову наконец была присвоена степень доктора церковной истории. Впоследствии правительство наградило автора орденом св. Георгия 4-й степени[30].

С тематикой по истории государственных учреждений XVII в. связана четвертая крупная работа Белокурова — "О Посольском приказе"[31]. Задуманная как часть истории Министерства иностранных дел, предтечей которого приказ являлся, она превратилась в самостоятельную книгу, в которой воссоздана вся история учреждений, ведавших внешними сношениями России с XVI столетия, определена точная дата оформления приказа, содержание его дел, бюджет и другие вопросы его функционирования вплоть до ликвидации. Большое место в книге занимают биографические справки о руководителях приказа (судьях и дьяках), а также об остальном его личном составе — подьячих, переводчиках и т. д. Справки о таких видных политических деятелях, какими были думные дьяки И. Т. Грамотин, Е. И. Иванов, Е. И. Украинцев, превратились в маленькие локальные исследования. Книга построена на богатом собрании фондов Посольского приказа, а также на других материалах, в частности картографических, связанных с историей тех строений, в которых размещался приказ и подведомственные ему учреждения, изображениями и планами которых, взятыми из записок иностранцев и русских картографических источников, богато иллюстрируется текст (в том числе Казенного двора и Посольского приказа в Кремле, Посольского подворья на Ильинке, Малороссийского и Гетманского подворий на Покровке).

Интерес к исторической картографии вообще характерен для многих трудов Белокурова. Так, им был подготовлен

специальный том "Древнерусской картографии", первый и единственный выпуск которой посвящен московским планам XVII в.[32] В выпуске воспроизводится 41 чертеж XVII в. из хранившихся в Приказе тайных дел (т. е. личной канцелярии царя Алексея Михайловича) изображений отдельных участков города. Они выполнены в уменьшенном размере путем фотоцинкографии и расположены Белокуровым по основным городским районам (Кремль, Китай-город, Белый город и Земляной город и Замоскворечье). Только к Кремлю относится семь из опубликованных чертежей. Большинство планов публиковалось впервые. Белокуров снабдил каждый из них пространным описанием, сделал сравнение изображений одних и тех же зданий и улиц на различных чертежах. Попытался с их помощью воссоздать старую топографию Москвы. Кроме того, в книге имеется описание всех находившихся в МГАМИД планов (всего 69) и публикуются обнаруженные в делах архива росписи отдельных городских участков, связанные с дворовладением в Москве (например, роспись 1675/76 г. "хоромного строения", находившегося на пяти дворах Панской слободы).

Знаменательно, что, являясь сотрудником МГАМИД, С. А. Белокуров не ограничивал свои поиски материалами только этого архива, он использовал и другие архивохранилища страны, а иногда и иностранные собрания. Так, в упоминавшихся выше монографиях о библиотеке русских царей и о Ю. Крижаниче использовались хранилища мюнхенской и дрезденской библиотек, а также Ватиканского архива. Максимальное выявление источников Белокуров считал необходимым условием для серьезной исследовательской работы, при этом источников разного рода. Это придавало работам Белокурова определенную многоплановость. Можно привести пример того, как проверка упоминания в сочинении видного греческого писателя и публициста Максима Грека, который приехал в Россию в XVI в. для исправления переводов церковных книг и будто бы видел в царской казне большое количество греческих рукописей, повлекла за собой поиски и описание всех сохранившихся в различных архивах произведений Максима Грека. В результате чего была составлена полная опись его литературного и публицистического наследия, отнюдь не потерявшая своего значения и в настоящее время.

Особо следует сказать об С. А. Белокурове как археографе, так как без рассказа о его поистине титанической работе по введению в научный оборот больших пластов архивных материалов нельзя до конца оценить его заслуг перед исторической наукой. Работу по публикации документов он вел на протяжении всей своей сознательной жизни. В этом сказалось его стремление как можно полнее приоткрыть перед читателем все богатство русских архивов, которое, по его мнению, недостаточно привлекало внимание историков.

В 1891 г., во время одного из своих публичных выступлений, он прямо указал, что недостатком многих работ "служит то обстоятельство, что до последнего времени рукописный материал, находящийся в наших архивах и книгохранилищах, как общественных, так и частных, мало был изучен, несмотря на то, что он имеет большую важность и сохранился в достаточном количестве"[33].

Приходится только удивляться, как одному человеку удалось поднять такой огромный объем новых архивных материалов. Тематически среди подготовленных им сборников явно преобладали публикации по внешней политике России, в чем сказалась отчасти специфика МГАМИД, подведомственного Министерству иностранных дел. Первой и, пожалуй, самой крупной была серия сборников документов "Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским"[34], в подготовке которой он принимал непосредственное участие. К этой же тематике можно отнести сборник документов "Сношения России с Кавказом", первый и единственный выпуск которого охватывает период с 1578 по 1613 г.[35] Почти одновременно увидели свет объемные серийные сборники материалов Приказа тайных дел и разрядных записей периода Смутного времени[36]. В последние годы своей жизни по поручению ОИДР Белокуров продолжал подготовку материалов о Смутном времени, но не завершил эту работу[37].

Конечно, приемы издания документов, применяемые С. А. Белокуровым, в настоящее время несколько устарели, но установки его на максимально точную передачу текста подлинников и строгие принципы отбора документов позволяют полностью доверять подготовленным им томам[38].

Кроме публикаций документов и справочников, выполненных самим Белокуровым, имеется немалое количество работ, в издании которых он принимал деятельное участие. Ряд их опубликован в "Чтениях ОИДР". В том числе "под его наблюдением" были напечатаны обзоры Н. Н. Бантыш-Каменского о сношениях России с иностранными государствами, более 100 лет пролежавшие в архиве.

В небольших журнальных статьях, которые С. А. Белокуров в изобилии публиковал в различных журналах и газетах, больше чем в остальных его работах, ученый выступает как краевед. Среди них следует прежде всего выделить несколько фундаментальных исследований небольшого объема, которые являют собой высокий уровень научной работы и могут быть предложены в качестве образцовых москвоведческих исследований и для современных специалистов по истории Москвы, ее учреждений и окрестностей.

Одна из этих статей связана с историей села Образцова, места летнего отдыха семьи Белокуровых (современный Щелковский район Московской области). Отталкиваясь от описания сохранившихся на местном кладбище надгробных

плит XVI в., С. А. Белокуров создает подробную историю села и принадлежавших к нему угодий, его владельцев, населения, расположения и перемещения на новые места построек и кладбища в разные периоды. Для этого им привлечены самые разнообразные источники — документальные, картографические, генеалогические, археологические и др.[39]

Не менее важна его статья "Московский архив Министерства иностранных дел в 1812 г."[40], приуроченная к 100-летию Отечественной войны 1812 г. Наряду с подробным описанием эвакуации части архивных материалов и судьбы оставшихся в захваченной французами Москве многих документов и людей большое место в статье отводится предыстории событий, а именно созданию и изменениям того здания в Хохловском переулке (современный дом № 7), где в XVIII—XIX вв. размещался МГАМИД. Построенные во второй половине XVII в. палаты думного дьяка Е. И. Украинцева представляют собой одну из интереснейших построек гражданского зодчества этого периода. Статья Белокурова является, пожалуй, наиболее полным и обстоятельным описанием всей их истории с момента постройки до начала XIX в. Она богато иллюстрирована планами палат, составленными в разные годы их существования и фиксирующими все этапы изменений памятника, а также деталями карт Москвы с изображениями окружающей местности. Особенно любопытно отмеченное на одном из планов течение ручья Рачка, перерезавшего в XVII в. владения Украинцева и давно забранного в трубу, а также места, где через ручей были переброшены мостики.

Несколько иной характер носят публикации и статья о Записном приказе, к истории которого С. А. Белокуров неоднократно возвращался на протяжении десяти лет. Начав с журнальных публикаций разрозненных документов, автор, наконец, сводит их в пространную статью. Используя архивные данные 1657—1659 гг., он рассказывает о создании и функциях этого своеобразного учреждения, задачей которого по замыслу правительства царя Алексея Михайловича было продолжение "Степенной книги" середины XVI в. вплоть до событий 1657 г. и включения в нее данных о родословии династии Романовых[41]. В статье детально рассмотрен процесс формирования личного состава приказа и причины неудачи задуманного мероприятия.

Подавляющая часть краеведческих работ С. А. Белокурова представляет собой краткие заметки-публикации, состоящие из одного или нескольких документов и снабженные вступительной статьей, а иногда и вовсе без вступления. Всего опубликовано около 40 заметок подобного рода, которые помещались в различных периодических изданиях, а особенно много в "Чтениях в ОИДР", в некоторых случаях по нескольку в одной книге. Обычно они печатались в разделе "Смесь". Назначение их — информация для читателей об

интересных находках в архиве, которые были сделаны Белокуровым в ходе работы над другими темами. Многие из заметок им не подписывались или имели краткое указание: "Сообщил С. А. Б.", или только — "С. Б.". В отдельных случаях принадлежность их Белокурову можно установить только на основании составленного им списка своих работ, да и то только до 1907 г.[42]

Хронологически заметки почти всегда ограничены XVII в., реже началом XVIII или концом XVI. Они невелики по объему, обычно несколько страниц, иногда одна-две. Характерно, что в подборе их автор выступает последовательным москвоведом, очень редко публикуя документы, связанные с другими городами и районами страны.

Можно заключить, что при этом С. А. Белокурова мало интересовали события политической жизни, а также отдельные исторические личности. Его привлекали, скорее, вопросы социально-экономической истории и быта московского населения, история отдельных московских учреждений, церквей и гражданских построек.

Для того чтобы представить яснее характер этих заметок-публикаций, назовем некоторые их тематические группы.

Одна из значительнейших связана с постоянным интересом Белокурова, который проступает и в его исследовательских трудах, к внешнему облику города XVII в., к памятникам гражданской и церковной архитектуры на его улицах. Конечно, видное место занимают среди них Кремль и кремлевские строения. Этому посвящен ряд газетных сообщений историка. В их числе статья о Кремле при царе Алексее Михайловиче, в которой кроме основанного на документах описания помещен план находившихся на кремлевской территории приказов[43]. Подобный же характер носит и другая статья о прежних строениях Кремля[44].

С. А. Белокуров бережно собирал каждое встречавшееся ему описание гражданских построек города, даже если они были очень лаконичны. Так, например, его заметка о доме Н. Я. Львова на Арбате сводится к публикации купчей на продажу его В. В. Бутурлину, в которой читаем следующее описание: "...а на дворе хоромы — горница с комнатою на подклетах, подклеты зделаны, а вверху горница с комнатою, рублена в брус, да в них же брусье подволошное положено"[45].

Не меньше интересовала его история московских церквей и церковных зданий — их построек, ремонта, содержания и т. д. Среди подобных статей следует выделить заметку о времени основания Покровского собора на Красной площади (Василия Блаженного)[46], о Троицкой церкви у Яузского моста "в Денежных мастерах", к которой он возвращался неоднократно[47], о церквах Дмитрия Селунского на Воздвиженке, Рождественской на Кулишках, апостола Иакова у Покровских ворот, о постройке новой церкви на Мясницкой улице во дворе Б. Приклонского и т.д.[48] Для примера можно

остановиться на заметке о церкви Дмитрия Селунского, свой интерес к которой Белокуров объясняет близостью ее к Опричному дворцу Ивана Грозного за Неглинкой и возможностью благодаря этому уточнить место дворца. Хотя сама церковь была разобрана в конце XVIII в., но Белокурову, привлекая тексты из писцовых и строельных книг XVII в. и планы XVIII в., удалось с достаточной точностью определить ее местоположение.

Большинство же заметок состоит из отрывочных документов хозяйственного характера — записей об уплате за ремонт, сборе денег с верующих, реже — о постройке храма. Несколько особняком среди них стоит публикация документа о Никольском греческом монастыре, охватывающая 30 лет существования (1647—1676)[49], которая представляет собой докладную выписку 1676 г. и содержит краткое описание его истории, в основном смены возглавлявших его архиепископов и состава братии, вплоть до запрещения греческому духовенству приезжать в Москву и распоряжения "греков всех по прежнему государеву указу выслать из Москвы". Любопытно, что даже рассказ о постройке Обыденской церкви в Вологде являлся откликом на московские события, а именно на предполагавшуюся постройку "обыденского" деревянного храма при Румянцевском музее в ознаменование 500-летия смерти Сергия Радонежского. Основная идея статьи полемическая, так как автор стремился доказать несоответствие этого мероприятия старинной практике, по которой "обыденские" или "обыденные" (т. е. построенные за один день) церкви возводились по обету для избавления города или страны от того или иного бедствия[50].

Интерес к внешнему облику столицы и хорошее знание дошедших до его времени иллюстративных материалов заставили Белокурова живо реагировать на изображения Москвы XVII в. на картинах современных ему художников. Так появился его отклик на полотно художника В. В. Шереметева "Посольский двор"[51]. Эта заметка несомненно перекликается со многими его картографическими этюдами.

Ряд заметок-публикаций связан с историей московских приказов и других городских учреждений, т. е. темы, близкой исследовательским интересам автора. Характерной для них является статья о Печатном дворе в Москве[52]. В кратком введении к публикации описи двора 1649 г. приводится полный поименный список всех работавших на нем, который был составлен с привлечением дополнительных архивных источников.

Очень интересной и более объемной, чем остальные архивные мелочи, является опубликованная в "Чтениях" и подготовленная совместно с А. Н. Зерцаловым статья и публикация о немецких школах в Москве в первой четверти XVIII в.[53] Основой для нее послужил обнаруженный Зерцаловым документ о школе пастора Э. Глюка, который был

дополнен Белокуровым путем просмотра "более 100 дел" из фондов "Дела о выездах иностранцев", "Приказные дела новых лет" и др., хранившихся в МГАМИД. Во введении авторы поместили обстоятельный обзор истории образования и школ, связанных с деятельностью живших в Москве иностранцев, начиная с 1602 г. Речь шла об отдельных учителях, живших в Немецкой слободе, о переводчиках Посольского приказа. Основное же внимание было уделено школе Глюка, описанию ее помещения, составу учителей и учеников. Как всегда в подобных работах Белокурова, большое место отводилось дому Нарышкина, где помещалась школа (ул. Маросейка, дом № 11), для чего были использованы соответствующие планы XVII в.

В тематике заметок прослеживается интерес автора к бытовой стороне московской жизни. Так, он печатает указ царя Алексея Михайловича о противопожарных мерах, документ о пожаре в Немецкой слободе, подборку выписей о продаже дворов и лавок за период от 1624 по 1662 г., о мощении улиц в Немецкой слободе в начале XVIII в. и т.д.[54] Среди публикуемых материалов находим и сведения о "моровом поветрии" 1654 г., т.е. об эпидемии чумы, унесшей жизни более половины московского населения[55]. Публикуемый документ (отписка Б. Хитрово патриарху Никону) значительно дополняет сведения более ранних публикаций. В приложенной к нему росписи, которая была составлена дьяком К. Мошниным, посланным укрывавшимся в своем подмосковном имении Хитрово с целью "проведать и расспросить, что делается в Москве", приводятся ужасные цифры смертности. Так, в Новой Никитской слободе в живых осталось 33 человека, умерло 151, на дворе боярина И. В. Морозова примерно из 500 человек осталось только 15 и т. д. Значительная часть подобных документов была извлечена из расходных книг приказов. Например, документ о бумажной мельнице на Яузе в 1673—1676 гг. в основном говорит о расходах казны на постройку мельницы, на оплату труда строителей и персонала[56].

Некоторые заметки, главным образом газетные, приурочивались Белокуровым к определенным праздникам и говорили об особенностях их празднования в XVII в. Это группа статей, помещенных в 1892 г. в "Московской иллюстрированной газете" и повествующих о праздновании Нового года, о крещенском сочельнике и крестном ходе на Крещение[57].

Публиковал Белокуров и заметки курьезного характера. По-видимому, ему показался забавным документ XVIII в. о засилии мышей в помещении покинутого кремлевского Потешного дворца. Он печатает без всякого предисловия отчаянный рапорт дворцового чиновника, в котором сообщается, что "оныя мыши являютца великия и повреждают в исподи у дверей скважины, у спален и прочих дверей". Для

борьбы с ними чиновник просит купить кошек и мышеловки ("пасти")[58].

В 10-е гг. XX в. Белокуров реже публикует краеведческие заметки, что отнюдь не является следствием того, что иссяк источник их пополнения. Напротив, в распоряжении ученого имелось еще немало скопированных им документов, о чем свидетельствует содержание личного фонда С. А. Белокурова, хранящегося в двух архивах. В настоящее время большая часть его хранится в РГАДА (ф. 184) и содержит более полутора тысяч единиц хранения[59]. Меньшая часть материалов С. А. Белокурова находится в рукописном отделе Российской государственной библиотеки (ф. 23).

В состав фонда РГАДА кроме документов личного характера С. А. Белокурова и его родных, дяди и отца (завещаний, записных книжек, переписки и т. д.), а также служебной документации содержится огромное количество разного рода выписок из архивных дел, сделанных самим С. А. Белокуровым. В какой-то части это подготовительные материалы к его опубликованным работам, но богатство копийного материала далеко не исчерпывается ими. Остались неиспользованными многочисленные копии, близкие по содержанию к заметкам-публикациям. В фонде хранится большое число выписок по истории церквей, в том числе немало скопированных документов о церкви Георгия в Яндове, в которой служил его отец и о которой он, по-видимому, собирался написать[60]. Эта часть фонда С. А. Белокурова, несомненно, может быть использована историками Москвы для определенных уточнений и облегчения поисков в архивах.

С. А. Белокуров был историком и человеком высокой житейской и научной честности и цельности, а также большой личной скромности, о чем неоднократно писали знавшие его люди. В какой-то мере присущие ему скромность и внутренняя застенчивость нашли отражение в его завещании, где он просил: "Венков прошу не возлагать, а также не произносить речей ни в церкви, ни на могиле, ни на панихиде, если таковая будет"[61].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Богословский М. М.* О трудах С. А. Белокурова по русской истории // *Богословский М. М.* Историография, мемуаристика, эпистолярия. М., 1987. С. 98, 187.

[2] См.: *Богоявленский С. К.* С. А. Белокуров: (Некролог) // Исторический архив. 1919. Кн. 1. С. 422—423; Русский биографический словарь. СПб., 1914. С. 340—341.

[3] См.: *Никодим (Белокуров)*. Описание московского Богоявленского монастыря. М., 1877.

[4] РГАДА, ф. 184 (Белокуров С. А.), оп. 1, д. 239, 242, 244, 1212, 1238.

[5] Там же, д. 1208, 1212, 1215.

[6] Там же, д. 281, л. 4—4 об.

[7] Там же, л. 4 об.

[8] См.: *Богоявленский С. К.* Указ. соч. С. 422.

[9] См.: *Голубинский Е. Е.* О реформе в быте русской церкви // Чтения в ОИДР. 1913. Кн. 3. С. I—XII.

[10] См.: *Богоявленский С. К.* Указ. соч. С. 244.

[11] См.: *Белокуров С. А.* Собрание патриархом Никоном книг с Востока // Христианское чтение. СПб., 1882.

[12] *Богоявленский С. К.* Указ. соч. С. 425.

[13] РГАДА, ф. 180 (канцелярия МГАМИД), оп. 16, д. 13, л. 23 об.

[14] См.: *Богоявленский С. К.* Указ. соч. С. 436.

[15] *Чиковани Н. И.* Развитие русского кавказоведения в XIX веке // С. А. Белокуров (Автореферат). Тбилиси, 1986. С. 8.

[16] См.: Записки и труды (1815—1837); Русский исторический сборник (1834—1844); Временник (1849—1857); Чтения (1846—1848, 1858—1918).

[17] *Чиковани Н. И.* Указ. соч. С. 7.

[18] См.: *Белокуров С. А.* 1882—1907 гг. М., 1908.

[19] См.: *Белокуров С. А.* Указатели к "Чтениям в ОИДР": за 1882—1887 (М., 1888), за 1888—1894 (М., 1895), за 1895—1901 (М., 1902). Указатель ко всем изданиям ОИДР с 1815 по 1883 г. М., 1883; Указатель ко всем изданиям ОИДР по 1915 г. М., 1916.

[20] *Богоявленский С. К.* Указ. соч. С. 436.

[21] О переписке В. О. Ключевского с С. А. Белокуровым см. в кн.: *Богословский М. М.* Указ. соч. Комментарии. С. 191.

[22] См.: *Белокуров С. А.* 1882—1907 гг. С. 18, 57, 68; Академия наук СССР. 250 лет (1724—1974). Персональный состав. М., 1974. Кн. 1. С. 178.

[23] ГАРФ, ф. Р-5325, оп. 12, д. 179.

[24] РГАДА, ф. 184, оп. 1, д. 183, л. 2.

[25] См.: *Белокуров С. А.* Арсений Суханов: Исследование. Ч. 1. Биография Арсения Суханова // Чтения в ОИДР. 1891. Кн. 1; Ч. 2. Вып. 1. Сочинения Арсения Суханова. М., 1894.

[26] *Белокуров С. А.* 1882—1907 гг. С. 22, 29.

[27] См.: *Белокуров С. А.* Юрий Крижанич в России. М., 1902.

[28] См.: *Белокуров С. А.* О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898.

[29] См.: *Белокуров С. А.* О поисках Эд. Тремером царской библиотеки в Москве // Русское слово. 1895. № 273.

[30] См.: *Белокуров С. А.* 1882—1907 гг. С. 42, 59.

[31] См.: *Белокуров С. А.* О Посольском приказе. М., 1906.

[32] См.: *Белокуров С. А.* Древнерусская картография. Вып. 1. Планы г. Москвы XVII в. М., 1898.

[33] РГАДА, ф. 184, оп. 1, д. 255, л. 14.

[34] Сборник Русского исторического общества. СПб., 1892. Т. 35.

[35] См.: *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом: (Материалы, извлеченные из МГАМИД). Т. 1. М., 1889.

[36] См.: *Белокуров С. А.* Дела Тайного приказа. Кн. 1—4. СПб., 1907—1926 (РИБ, т. 21—23); Дневальные записки Приказа тайных дел 7165—7183 гг. М., 1908; Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.). М., 1907.

[37] См.: *Черная Л. А.* Комментарии к кн.: *Богословский М. М.* Указ. соч. С. 188.

[38] См.: *Чиковани Н. И.* Указ. соч. С. 14—15.

[39] См.: *Белокуров С. А.* Надгробные плиты XVI в. в с. Образцово Московской губернии. М., 1911.

[40] См.: *Белокуров С. А.* Московский архив Министерства иностранных дел в 1812 г. // Чтения в ОИДР. 1912. Т. 4. С. 1—96.

[41] См.: *Белокуров С. А.* О Записном приказе в XVII в. // Чтения в ОИДР. 1896. Кн. 4. Смесь. С. 4—6; Там же. 1899. Кн. 2. С. 4—5; Из духовной жизни Московского государства XVII в. М., 1903.

[42] См.: *Белокуров С. А.* 1882—1907 гг.

[43] См.: *Белокуров С. А.* Московский Кремль при царе Алексее Михайловиче в XVII в. // Московский листок. 1894. № 47, 49. 4 декабря.

[44] Московский листок. 1894. № 156. 6 июня; № 22. 12 июня.

[45] *Белокуров С. А.* О доме кн. Н. Я. Львова, впоследствии Мусиной-Пушкиной в Москве на Смоленской улице (Арбат). 1649—1658 // Чтения в ОИДР. 1901. Кн. 1. Смесь. С. 1—2.

[46] *Белокуров С. А.* О времени построения Покровского (Василия Блаженного) собора в Москве // Древности Имп. Московского археологического общества. Т. XVII. М., 1900. Протоколы. С. 282.

[47] См.: *Белокуров С. А.* О построении в Москве каменной церкви Живоначальныя Троицы у Яузскаго моста, в Денежных мастерах. 1650 // Чтения в ОИДР. 1902. Кн. 3. Смесь. С. 37; Челобитная г. Москвы церкви Живоначальныя Троицы у Яузскаго моста, в Денежных мастерах, священников и диакона о сборе с прихожан денег на совершение каменной церкви по съемной росписи. 1651, февраль // Там же. 1906. Кн. 3. Смесь. С. 7—8.

[48] См.: *Белокуров С. А.* О бывшей в Москве на Воздвижинке церкви Дмитрия Селунского // Чтения в ОИДР. 1903. Кн. 2. С. 7—16; О церкви Иакова-апостола, за Покровскими воротами, в Москве. 1667—1674 // Там же. 1904. Кн. 4. С. 1—3; О железе, купленном у П. Марселиса для церкви Рождества пресв. Богородицы, на Кулишках, в Москве. 1672 // Там же. 1902. Кн. 3. С. 39.

[49] См.: *Белокуров С. А.* О Московском греческом монастыре (сведения за первые 30 лет. 1647—1676) // Чтения в ОИДР. 1903. Кн. 2. Смесь. С. 1—5.

[50] См.: *Белокуров С. А.* Сказание о построении обыденнаго храма в Вологде во избавление от смертоносныя язвы // Чтения в ОИДР. 1893. Кн. 3. С. 1—21.

[51] См.: *Белокуров С. А.* Посольский двор. Картина В. В. Шереметева: (Отзыв) // Московские ведомости. 1887. № 78.

[52] См.: *Белокуров С. А.* Московский Печатный двор в 1649 г. // Чтения в ОИДР. 1887. Кн. 4. С. 1—32.

[53] См.: *Белокуров С. А., Зерцалов А. Н.* О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII в. (1701—1715) // Чтения в ОИДР. 1907. Кн. 1. С. I—XV + 1—244.

[54] См.: *Белокуров С. А.* Указ царя Алексея Михайловича о пожарных набатах в Москве. 1668 // Чтения в ОИДР. 1899. Кн. 1. Смесь. С. 14—15; Дворы толмацкие и разных чинов людей в Москве в Толмацкой слободе. 1639—1671 // Там же. 1906. Кн. 4. Смесь. С. 23—28; Запись о продаже в Москве домов и лавок. 1624—1662 // Там же. 1902. Кн. 2. Смесь. С. 31—33; О мощении улиц и переулков в Немецкой слободе в Москве. 1700—1702 // Там же. 1906. Кн. 4. С. 28—31.

[55] См.: *Белокуров С. А.* Итоги морового поветрия в Москве в 1654 г. // Чтения в ОИДР. 1892. Кн. 4. С. 25—26.

[56] См.: *Белокуров С. А.* О бумажной мельнице в Москве на реке Яузе. 1673—1676 // Чтения в ОИДР. 1907. Кн. 2. Смесь. С. 44—62.

[57] См.: *Белокуров С. А.* О праздновании Новаго года в Москве в XVII столетии // Иллюстрированная газета. 1892. № 1. 1 января;

Крещенский сочельник в Москве в XVII столетии // Там же. № 5. 5 января; Крестный ход в Крещение на Иордань в Москве в XVII веке // Там же. № 6. 6 января.

[58] *Белокуров С. А.* О мышах в московском Потешном дворце и о покупке для их истребления кошек и пастей. 1753—1754 // Чтения в ОИДР. 1902. Кн. 2. Смесь. С. 45—46.

[59] Центральный государственный архив древних актов: Путеводитель. М., 1946. Ч. 1. С. 146.

[60] РГАДА, ф. 184, оп. 1, д. 5, л. 1 об.

[61] Там же, д. 5, л. 1 об.

Список трудов С. А. Белокурова см. в кн.: *Белокуров С. А.* 1882—1907 гг. М., 1908, и "Указателе ко всем изданиям ОИДР по 1915 г.". М., 1916 (примеч. 19).

М. Г. Рабинович

НЕУТОМИМЫЙ МОСКВОВЕД

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ МИЛЛЕР. 1867 — 1943

Среди знатоков, исследователей, организаторов изучения истории Москвы одно из ведущих мест принадлежит Петру Николаевичу Миллеру.

Судьба его сложилась так, что лишь во второй половине богатой событиями жизни он нашел свое подлинное призвание, но за три последних ее десятилетия сумел внести в избранную сферу деятельности — изучение истории нашей древней столицы — так много, как не внес бы другой за всю жизнь. С именем П. Н. Миллера связаны все главнейшие работы, предпринятые в этой области в первой половине нашего столетия. И каждый раз, на каждом этапе развития исследований П. Н. Миллер был, что называется, закоперщиком — ведущим работником, направлявшим деятельность иногда значительных коллективов. Он оказывал на людей большое влияние своим примером, авторитетом беззаветного труженика, острым умом и огромным опытом.

В области планировки и застройки как города в целом, так и тех или иных его частей, даже микрорайонов и отдельных усадеб, чрезвычайно плодотворным оказался разработанный и усовершенствованный П. Н. Миллером метод наложения планов, успешно примененный им еще в начале нашего столетия[1].

В сфере научно-организационной его вклад был велик как во время работы в отделении "Старая Москва" Общества изучения Московской губернии, так и в бытность его ученым секретарем Комиссии по истории города Москвы при Институте истории Академии наук СССР.

Петр Николаевич не был москвичом по рождению. Он родился 28 ноября 1867 г. в Саратове, но уже с ранней своей юности полюбил Москву той пламенной и, если можно так выразиться, деятельной любовью, которая составила одну из основных черт его характера. Интерес к Москве как к городу зародился у него еще в те годы, когда он мальчиком воспитывался в одном из московских кадетских корпусов.

Много позже он рассказывал, как, будучи кадетом, любил ходить по "табельным дням" на побывку к жившим в Москве знакомым пешком через весь город, который и тогда был хотя и много меньше современного, но все же отнюдь не мал.

По окончании военного образования в московском Александровском военном училище (1888 г.) П. Н. Миллер прослужил положенный срок артиллерийским офицером-геодезистом в разных провинциальных городах, в том числе и в родном своем Саратове. Нужно думать, что эта служба дала ему необходимую техническую подготовку и к научной работе с планами городов, которую он в той или иной мере вел всю свою остальную жизнь.

По окончании обязательного для офицера срока военной службы П. Н. Миллер вышел в отставку и уже навсегда поселился в Москве. Поступив на службу на Московский почтамт, он в то же время увлекся деятельностью публициста и пробовал свои силы в качестве журналиста в различных повременных изданиях. К этому времени относится, по-видимому, и знакомство его с А. П. Чеховым.

Уже в те годы П. Н. Миллер вел активную общественную деятельность и, когда началась первая русская буржуазно-демократическая революция, принял в ней горячее участие, став одним из руководителей забастовки почтовых служащих, имевшей целью парализовать важный участок царской правительственной машины — связь.

Забастовка, как известно, была жестоко подавлена, а П. Н. Миллер, как один из ее зачинщиков, по приговору суда подвергся заключению в московской Бутырской тюрьме. В этом, казалось бы, совсем не подходящем для научных занятий месте он впервые знакомится с серьезной литературой по истории Москвы. Знакомство это и определило его научные интересы на много последующих лет.

По освобождении из тюрьмы П. Н. Миллер сразу же стал одним из наиболее деятельных организаторов изучения истории великого города. Участвуя в устройстве юбилейной выставки, посвященной 100-летию Отечественной войны 1812 г., он становится заведующим ее меморативным отделом. Результатом разработки источников по этой важнейшей исторической проблеме стала книга П. Н. Миллера о собрании бумаг известного мецената П. И. Щукина[2]. Год спустя в монографии о выставке 1812 г. вышло в свет также описание юбилейного зала этой выставки, составленное П. Н. Миллером[3].

Это были работы по общим проблемам истории первой половины XIX в. Между тем все растет и расширяется интерес П. Н. Миллера собственно к истории Москвы — не только как города, сыгравшего выдающуюся роль в борьбе с нашествием врагов, но как сердца России, важнейшего центра русской культуры.

Вступив в Московское археологическое общество, П. Н. Миллер становится одним из активнейших его членов — деятелей организованной Обществом Комиссии по истории Москвы. К предвоенным годам относится его работа о старом московском урочище Кулишки, увидевшая свет уже в 1914 г. (см. примеч. 1).

Современному читателю может показаться странным, что Археологическое общество занималось в данном случае не раскопками или исследованиями музейных древностей, а проблемами древней планографии и картографии. Здесь надо оговориться, что археологом в нашем современном понимании этого слова П. Н. Миллер никогда не был. Он не производил непосредственно археологических раскопок. Но само понятие "археология" еще в начале нашего века включало широкий круг проблем — изучение вообще всяких древностей, в том числе древних зданий, застройки поселений, древних чертежей и планов. В этом отношении показательно, что курс лекций по археологии и топографии Москвы, читавшийся несколько лет в Московском археологическом институте протоиереем Н. А. Скворцовым и вышедший в 1913 г. отдельной книгой[4], посвящен фактически лишь выяснению местонахождения некоторых древних московских зданий в основном по письменным источникам и не содержит ничего археологического в нашем современном понимании этого слова — никакого исследования собственно материальной культуры древней Москвы, не говоря уже об использовании материалов каких-либо раскопок. Не производило раскопок города и Московское археологическое общество в целом. Заботиться о добывании и изучении собственно археологических материалов по истории Москвы предстояло как раз П. Н. Миллеру, и притом несколько позже. Стационарные археологические раскопки в Москве были предприняты впервые больше чем через три десятилетия, в 1946 г., и, как увидим, в их организации была велика роль самого П. Н. Миллера, который, однако, до первых раскопок не дожил.

В то же время, о котором идет речь, об археологических раскопках в Москве думали лишь как о чем-то вероятном в далеком будущем, несмотря на то, что раскопки шли уже практически во многих местах России. Достаточно сказать, что такой крупный историк и археолог, как И. Е. Забелин, отдавший большую часть жизни изучению истории Москвы и написавший первую "Историю города Москвы", никогда не производил раскопок в самом городе. Как выдающийся практик-археолог он прославился раскопками на юге России и капитальным трудом "Древности Геродотовой Скифии".

Но все же именно И. Е. Забелин своими исследованиями по древней топографии Москвы подготовил почву для археологического исследования этого великого древнего города.

Исследования И. Е. Забелина оказали на П. Н. Миллера большое влияние, углубив его интерес к истории Москвы.

В первые послереволюционные годы П. Н. Миллер вложил много труда в создание Музея старой Москвы. Собранные для этого музея ценные коллекции вошли впоследствии в фонды Государственного Исторического музея. В те годы П. Н. Миллер активно работал во многих краеведческих обществах и был членом Московской областной организации краеведения, разгромленной, как известно, вместе со множеством других краеведческих обществ в тяжелые 30-е гг.

И уже тогда П. Н. Миллер ясно сознавал пользу и необходимость археологических исследований хотя бы в форме археологических наблюдений, если уж не специальных раскопок. Развернувшееся в Москве строительство требовало таких исследований. Но до раскопок было еще далеко, хотя археологические исследования ближайших окрестностей Москвы, в частности древних городищ дьяковской культуры, получивших свое название от городища у села Дьякова близ Москвы (теперь оно уже в черте города), были уже произведены. Широкомасштабное изучение памятников более поздних — славянских крестьянских погребений, относившихся по времени к первым векам существования Москвы, — курганов, проводившееся под руководством профессора В. А. Городцова и его учеников, дало уже значительные результаты, но для раскопок в самой Москве еще не было ни средств, ни подготовленных специалистов.

На таком фоне становится понятным значение начатых в 1926—1927 гг. отделением "Старая Москва" Общества изучения Московской губернии наблюдений над ведущимися в Москве земляными выработками. Руководил ими П. Н. Миллер. Дело велось сначала силами сравнительно небольшой группы московских краеведов, для которой он разработал такую программу:

"1) Каждый краевед должен обращать внимание на проводящиеся в его районе земляные работы и наблюдать за содержанием культурного слоя, характеризующим быт и производство его бывших насельников.

2) На производимые земляные работы, иногда значительной глубины, в особенности на территории, расположенной на культурном слое почвы, должно быть обращено внимание научных работников, особенно археологических организаций, и установлено наблюдение за теми работами, которые производятся на территории, обещающей по своему прошлому дать значительные материалы"[5].

Таким образом, П. Н. Миллер дал направление планомерному изучению культурного слоя Москвы. Характерно, что с самого начала он видел огромные возможности этих исследований. Специфика археологических раскопок такова,

что основной культурный слой раскапывается всегда вручную, что очень медленно и дорого. Сочетание же стационарных раскопок относительно малых площадей с широкими археологическими наблюдениями, дающими материал хоть и не столь детально фиксированный, но со значительно большей территории, позволяет гораздо полнее изучать даже такие огромные поселения, как Москва.

Важность этого начинания П. Н. Миллера особенно очевидна, если принять во внимание, что до тех пор сведения о культурном слое Москвы почти вовсе отсутствовали, а археологические материалы (если не считать коллекций Оружейной палаты Московского Кремля) представляли собой только случайные находки.

Работа была поставлена с самого начала на строго научную основу: установив связь с учреждением, ведавшим всеми земляными работами в огромном городе (МКХ), Общество регулярно получало списки пунктов, где предполагались земляные работы. Из этих пунктов отбирались наиболее важные с точки зрения истории города, к каждому прикреплялись наблюдатели.

Собранные при наблюдениях коллекции были экспонированы на специальной выставке, которой Петр Николаевич дал нарочито парадоксальное название "Московский мусор". По собственному его выражению, этим он еще раз подчеркивал значение, которое имели для истории Москвы археологические материалы, добытые, казалось бы, при случайных обстоятельствах и, более того, относившиеся ко времени сравнительно позднему (XVI—XIX вв.), материалы, незаслуженно оставлявшиеся без внимания археологами: они считали главной ценностью добываемых вещей древность. Подчеркивалось и социальное значение этих материалов, характеризовавших быт рядового и беднейшего населения города, чем существенно дополнялись исследования прежних лет, созданные в основном по материалам Оружейной палаты и Исторического музея, коллекции которых характеризовали быт москвичей более зажиточных. К сокровищам московской знати, к драгоценным привозным материям присоединялись скромные вещи, которыми когда-то пользовались люди совсем не богатые.

Эти материалы и сам исследовательский подход к ним были новым словом как в изучении Москвы, так и в изучении русского города в целом.

Предметом специального изучения П. Н. Миллера были остатки древних производственных предприятий, в частности первого стекольного завода XVII в. и мастерской аптечной посуды XVII—XVIII вв. Ему удалось определить места древних мастерских, выявить некоторые важные особенности выделки стекла и производства керамической аптечной посуды в Москве в XVII—XVIII вв., получения железа из руды, а главное, определить характер средних и мелких ремеслен-

ных предприятий тогдашней Москвы, описать многие инструменты и предметы производства[6].

Наблюдение за земляными работами продолжалось и в последующие годы; некоторые его результаты систематически публиковались П. Н. Миллером в журнале "Московский краевед" все под тем же заголовком "Московский мусор".

Но подлинно грандиозного размаха архивно-исторические исследования старой Москвы и археологические наблюдения за земляными работами достигли в 1930-х гг. в связи со строительством первой очереди Московского метрополитена.

Как известно, первая трасса московского метро прорезала в направлении с северо-запада на юго-восток практически всю территорию тогдашнего города от Сокольников до Парка культуры и отдыха им. Горького и Киевского вокзала, причем многие выработки велись открытым способом, так что затрагивался культурный слой давних времен. В ту пору уже действовало советское законодательство об охране памятников истории и культуры, и работы археологов на новостройках не были редким исключением. Но археологическое исследование истории такого большого города, древней столицы, представляло собой задачу чрезвычайно сложную, в особенности если учесть темпы строительства, которое ни в коем случае нельзя было задержать. В решении этой интересной и важной задачи опыт, знания и энергия П. Н. Миллера сыграли выдающуюся роль.

В археологических работах, организатором которых был П. Н. Миллер, приняли участие крупнейшие московские археологи — А. В. Арциховский, М. В. Воеводский, С. В. Киселев, Т. С. Пассек, Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов и другие. Предполагаемая трасса метро была заранее изучена, организованы две бригады — археологическая и архивно-историческая. Последняя и проводила предварительные архивно-исторические изыскания, намечая участки для непосредственного наблюдения. В состав ее П. Н. Миллер привлек специалистов по истории Москвы — М. И. Александровского, Е. А. Звягинцева, Н. Р. Левинсона, П. В. Сытина, И. М. Тарабрина, Н. Г. Тарасова, Н. П. Чулкова.

Археологическую бригаду возглавил А. В. Арциховский, архивно-историческую — П. Н. Миллер. Трасса будущих тоннелей была разбита на участки, к каждому прикреплены историк-архивист и археолог. В частности, П. Н. Миллер работал на участке от Красных ворот до Сокольников. Работавший на том же участке археолог А. П. Смирнов рассказывал, как много дали ему предварительные рекогносцировки — прогулки и беседы с П. Н. Миллером в конкретных местах трассы. При этом П. Н. Миллер на месте знакомил А. П. Смирнова с результатами своих исследований района древнего Красного села.

"И представьте, почти точно там, где старик топал ножкой, мы нашли остатки набережной Красного пруда, что был засыпан еще в прошлом веке"[7].

И как всегда, П. Н. Миллер был душой этого дела. Не ограничиваясь архивными изысканиями, он принимал живое участие в археологической работе, бывал едва ли не на всех выработках трассы, знакомился с добытыми материалами.

В результате работы коллектива ученых на Метрострое был собран первоклассный научный материал по истории города. Государственная академия истории материальной культуры опубликовала работы членов обеих бригад в специальном сборнике статей "По трассе первой очереди Московского метрополитена"[8]. Эта книга, в которой систематизированы и включены в научный оборот чрезвычайно важные сведения и выводы как по истории города, так и по методике исторических исследований на огромном и тогда еще уникальном строительстве, сохранила свое значение до наших дней. Она является настольной книгой не только каждого московского историка и археолога, но и исследователей, принимающих участие в подобных работах в других городах страны.

В 1939 г. при Институте истории Академии наук СССР была создана комиссия, главной задачей которой являлась подготовка многотомной истории Москвы. Комиссия объединила тех специалистов по истории Москвы (иногда их называли москвоведами), кто уцелел после разгрома краеведческого движения, и тех, кто участвовал еще в "Старой Москве", с более молодыми исследователями. Председателем комиссии был В. И. Лебедев, заместителем председателя — С. К. Богоявленский. П. Н. Миллер стал ученым секретарем комиссии и перешел на работу в Институт истории АН СССР[9].

Здесь развернулись во всю ширь его талант организатора, его способность привлекать к любимому делу нужных людей.

И работа закипела. Она дала весьма значительные результаты для изучения истории Москвы, в особенности для создания первого тома многотомника, посвященного истории Москвы до XVIII в. П. Н. Миллер понимал всю важность тесного контакта смежных наук — истории и археологии, объединения их для создания полноценного труда. К работе над томом были при его содействии привлечены не только крупные историки, но и ведущие московские археологи, архитекторы, искусствоведы.

Дважды в месяц в Институте истории АН СССР собирались заседания Комиссии по истории города Москвы, на которых председательствовал обычно П. Н. Миллер. Тематика заседаний была разнообразна, но в основном сосредоточивалась на проблемах подготовки истории Москвы (тогда предполагалось, что все издание уложится в четыре тома,

фактически получилось шесть томов в семи книгах). Большой интерес вызывали дискуссии по докладам; в них обычно скрещивались мнения крупных специалистов как по различным аспектам содержания докладов, так и по методике изложения материала в готовящемся издании. И теперь, когда случается взять в руки увесистый, роскошно изданный том "Истории Москвы" (в котором не упомянута фамилия Миллера), я вспоминаю эти заседания и ту огромную роль, которую сыграла в подготовке многотомника Комиссия по истории Москвы, и в частности ее ученый секретарь.

Одной из тем, относительно новых для комиссии, было археологическое исследование города. Надо сказать, что в ту пору археологические методы исследования городов завоевали уже всеобщее признание в исторической науке у нас и за рубежом. Не только античные города Причерноморья, но и крупные феодальные центры Древней Руси — Старая Ладога, Великий Новгород, Киев, Рязань и др. — уже изучались с помощью раскопок. Но в Москве стационарных раскопок еще не было.

Пример работ на Метрострое показал большие возможности изучения Москвы в районах новостроек. И хотя мечтой П. Н. Миллера были именно специальные научные раскопки в городе, он понимал, что в тогдашних обстоятельствах можно лишь исподволь подготавливать такие исследования, продолжая планомерные археологические наблюдения за земляными работами на крупных стройках, при сооружении путей сообщения и т. п., используя опыт, уже накопленный на строительстве метро.

В то время предполагалось построить новое главное здание для недавно переведенной в Москву из Ленинграда Академии наук СССР в районе древнего Крымского двора на правом берегу Москвы-реки у Крымского моста, где теперь новая Третьяковская галерея. В 1939 г. П. Н. Миллер организовал здесь археологические наблюдения, которые поручил вести Н. П. Милонову и автору настоящей статьи. И хоть само это место не было особенно благоприятно для таких работ (по условиям залегания культурного слоя дерево тут не сохранялось) и составить полное представление о постройках этой резиденции послов крымского хана при московских царях не удалось, но самый метод исследования выдержал проверку и собранные коллекции представляли несомненный интерес.

А у Петра Николаевича родилась новая идея — исследовать (на этот раз — стационарными раскопками) устье реки Яузы, где началось тогда строительство одного из высотных зданий — на Котельниках. Работы эти имели особое значение в связи с приближающимся 800-летием Москвы. "На превысокой горе" в устье Яузы (а "горой" в древности называли и крутой берег реки) старинное предание помещало древнейший московский городок — "малый градец", осно-

ванный якобы не кем иным, как Мосохом Иафетовичем — внуком самого праотца Ноя. Саму эту легенду о начале Москвы никто, конечно, не принимал всерьез, но существование на мысу в устье Яузы городка, такого же, а может быть, и более древнего, чем Кремль, считал возможным еще И. Е. Забелин. Теоретическая возможность бытования на устье Яузы какого-то изначального московского поселения была очевидна уже по топографическим особенностям местности, представлявшей собой в древности хорошо защищенный естественными условиями мыс в устье реки, некогда судоходной, образовавшей важный перекресток торговых путей. Необходимость раскопок на устье Яузы признавали все археологи; П. Н. Миллера поддержали и А. В. Арциховский, и Б. А. Рыбаков, но строительные работы уже развертывались, а реальных средств и официального разрешения на раскопки еще не было.

Наблюдения за работами на строительстве вели А. В. Никитин, М. Г. Рабинович, Р. Д. Розенберг. Прямо с поверхности стал попадаться богатый археологический материал — отходы гончарного производства и поделки московских гончаров: глиняная посуда, детские игрушки и в особенности изразцы XVI—XVIII вв. — излюбленное украшение фасадов и интерьеров тогдашних построек.

Необходимость организовать здесь археологические раскопки для исследования важного производственного района старой Москвы даже независимо от того, было ли там более древнее городище, являлась очевидной. На открытии выставки археологических экспедиций Московского университета в 1941 г., где были экспонированы и богатые коллекции с устья Яузы[10], П. Н. Миллер вновь говорил об этом, напоминая, что Москва изучена археологически хуже, чем многие другие наши крупные города, а между тем она — один из первоочередных объектов, которые важно исследовать. Обращая внимание научной общественности на это обстоятельство, П. Н. Миллер предлагал сделать первым объектом раскопок как раз устье реки Яузы.

И первые раскопки были поставлены именно в этом месте[11]. Работали даже две археологические экспедиции — Исторического музея и Института археологии АН СССР совместно с Музеем истории Москвы. Раскопки были произведены уже через несколько лет после смерти П. Н. Миллера, но подлинным их инициатором был именно он.

Последним объектом, где П. Н. Миллер организовал археологические наблюдения, был южный район Китай-города, старинное Зарядье — местность за Торговыми рядами, что на Красной площади. В Зарядье тоже намечалось строительство высотного здания (ныне там гостиница "Россия"). И уже первые разведочные выработки, проведенные на строительстве, обнаружили наконец-то влажный, черного цвета культурный слой средневековой Москвы, в котором — со-

всем как в Новгороде — прекрасно сохранилось дерево и другие органические остатки. А. В. Арциховский сказал когда-то, что в этом особое археологическое счастье Новгорода. Такое же счастье, как оказалось, выпало и на долю Москвы. Можно было быть уверенным, что деревянный древний город лежит тут под землей и дело лишь за тем, чтобы его открыть.

Но тут грянула война, и все археологические работы были прекращены.

Известно, какие разрушения произвели на нашей земле немецко-фашистские захватчики.

С первых же дней войны П. Н. Миллер горячо воспринял мысль о научной фиксации этих разрушений, чтобы предъявить после победы документальные доказательства вандализма фашистов. По его инициативе в Институте истории АН СССР была создана группа летописи Отечественной войны. Задачу этой группы Петр Николаевич видел в наблюдениях за повседневной жизнью народа в условиях военного времени. Он предлагал своим корреспондентам по возможности ежедневно фиксировать детали изменившегося быта рядовых людей, можно сказать ежечасно усложняющегося: рост рыночных цен, исчезновение продуктов и предметов первой необходимости, даже мелкие события жизни города, всякого рода тяготы, возникающие как результат военной обстановки, настроения, факты мужества и героизма в обыденной жизни.

Такая работа, совершенно новая для советских историков, требовала настойчивости, пунктуальности и изобретательности в сборе сведений. Систематически изучая разнообразную прессу, сотрудники группы много времени уделяли и непосредственным беседам с информаторами, в качестве которых избирали представителей разных социальных слоев Москвы, зачастую случайных встречных в городском транспорте, на улицах.

Надо сказать, что ездить Петру Николаевичу приходилось много: жил он в Котовском переулке недалеко от Преображенской площади. До метро добирался пешком и трамваем, который с каждым днем давал все больше сбоев и всегда был переполнен. И лишь от станции "Сокольники" — прямой поезд почти до самого института. На старости лет (ему исполнилось в 1941 г. 74 года), при больных ногах — дорога нелегкая. Осенью, когда начались сборы института в эвакуацию, мне случилось как-то зайти туда как раз в разгар всеобщей упаковки. Сотрудники помоложе носили книги, рукописи, архивные папки, дела и имущество канцелярии. Петр Николаевич, которому это было не под силу, работал на упаковке, на удивление сноровисто забивая ящики. Не хватало гвоздей, и он выдергивал, откуда только мог, старые гвозди и тут же выпрямлял их точными ударами молотка. За что он ни брался — все делал хорошо.

Но вот настало приснопамятное 16 октября 1941 г. — день, когда враг подошел к самым подступам столицы, угрожая ее окружить, и многие покидали город, кто как мог, направляясь на восток. Это был единственный за все время со дня пуска метрополитена день, когда метро не работало: его вагоны, как мы потом узнали, тоже использовались для эвакуации жителей.

Прошло несколько дней. Враг был остановлен, но еще не отброшен от Москвы. Все же наступила некоторая пауза в налетах, метро работало исправно, и можно было попытаться разыскать Петра Николаевича. Было известно, что он не уехал с институтом: жена его сломала ногу и находилась в больнице. Разыскав не без труда квартиру в небольшом деревянном доме, я не совсем уверенно постучался в дверь. Есть ли тут кто? Здоров ли Петр Николаевич?

Дверь открыл он сам, бодрый по-прежнему. В какой-то кацавейке, в расписных своих валенках. Лысую голову прикрывал вязаный берет; на руках — перчатки с отрезанными пальцами. Но удивило не все это: тогда не отапливались многие дома, везде было холодно, и каждый "утеплялся", как мог.

В большой комнате на первый взгляд царил хаос. На самом деле был полный рабочий порядок: стоявший посредине обеденный стол раздвинут на всю длину и завален бумагами, которые тоже только на первый взгляд валялись как попало, а на самом деле были разложены в строгом порядке, хорошо известном хозяину. И Петр Николаевич что-то писал. Работа шла полным ходом; она не прерывалась, и вот недописанный лист лежит возле кресла, окруженный вырезками из газет и какими-то заметками на листочках. И возле того же рабочего кресла на высокой керосинке варилось мясо, о чем свидетельствовал наполнявший комнату запах.

Последнее тоже не было удивительно: в те тяжелые дни всем, кто остался в Москве, выдали двойной паек — по карточкам и по корешкам карточек (в том числе и мясо, которого не видели уже давно), на случай уличных сражений и перебоев в связи с этим снабжения. Приятно удивило, что Петр Николаевич сравнительно хорошо перенес события последних дней и, видимо, ни на день, ни на час не прерывал своей работы над московской летописью Великой Отечественной войны, что сейчас он бодр и работает. Этакий летописец Пимен.

И вот мясо себе варит, не отрываясь от летописи: потому и пальцы на перчатках обрезал — чтобы писать.

— Нет, все же какие-то пропуски есть, хоть и не по моей вине. Вот сегодня на Преображенском рынке было всего несколько человек, а с молоком — никого. Как узнать рыночную цену на молоко? Значит, пропуск — и так уже

несколько дней. А ведь цены на молочные продукты всегда считались основным показателем уровня питания.

И горестно вспомнить, что прошло лишь года полтора, как с этого самого стола мне пришлось снимать тело Петра Николаевича, чтобы положить его в гроб. Нетрудно было сделать это одному — он был так истощен, что почти ничего не весил. Ничтожная царапина превратилась в незаживающую рану, и обессилевший организм не смог справиться. Петр Николаевич умер в начале 1943 г. Незадолго до этого те, кто оставался в институте и в некоторых других учреждениях, скромно отметили 75-летие со дня его рождения. Похоронили Петра Николаевича на Новодевичьем кладбище рядом с Н. П. Чулковым — тоже знатоком и исследователем Москвы.

Таков был яркий, но относительно короткий путь П. Н. Миллера в исторической науке. В историю Москвы П. Н. Миллер внес много нового и как исследователь, и как организатор науки. Метод наложения планов применяется сейчас чрезвычайно широко и успешно, и вряд ли можно найти исследователя истории Москвы, который бы им не пользовался, начиная с С. П. Бартенева и Н. А. Скворцова. В методику археологических исследований не одной только Москвы прочно вошел метод планомерных археологических наблюдений, значительно дополняющий чрезвычайно трудоемкий метод стационарных раскопок и намного расширяющий возможности археологического изучения городов и иных крупных объектов. И вот еще что важно в деле, которому служил П. Н. Миллер. Дореволюционная русская археология была, по существу, наукой для избранных, занятие которой было доступно лишь немногим. Недаром Археологическое общество находилось как бы в наследственном владении графов Уваровых. В кругу аристократов, занимавшихся археологией, в общем, любительски, такие ученые-разночинцы, как В. И. Сизов или А. А. Спицын, считались едва ли не выскочками. Фигура И. Е. Забелина, начавшего свою научную деятельность простым служителем Оружейной палаты, являлась на этом фоне чем-то совершенно исключительным. Научно-популяризаторская деятельность передовых ученых, пропагандировавших археологию (как, например, Д. Н. Анучин), даже в первые послереволюционные годы почти не выходила за рамки ученых обществ и высших учебных заведений.

Вся деятельность Петра Николаевича Миллера была направлена на то, чтобы сделать историю и археологию достоянием широких масс. И в Обществе по изучению Московской губернии, и в Комиссии по истории Москвы он был неутомимым пропагандистом исторических и археологических знаний. В методике его работы на новостройках большое место занимала научная пропаганда, работа с непосредственными

участниками строительства. Часто выступая в печати (он не оставлял без внимания и местные газеты, включая стенные газеты предприятий и строек), П. Н. Миллер также читал доклады по истории и древней топографии Москвы и конкретно того места, где шли работы, не только в кругах историков, но и для специалистов других отраслей (например, в научно-исследовательском секторе Метростроя), проводил беседы с рабочими и служащими, организовывал выставки. Он добивался, чтобы в археологических наблюдениях участвовали не только специалисты-археологи, но и люди, не имевшие отношения к археологии, однако живо заинтересованные исторической и археологической работой, значение, интерес и насущную необходимость которой он так умел объяснить.

Появляясь на новостройке, П. Н. Миллер прежде всего говорил с рабочими и персоналом строительства об историческом значении места, где велись работы, объяснял методику археологических наблюдений и исторических сопоставлений, важность находимых материалов и способы их отбора. Он умел зажечь весь коллектив интересом к истории Москвы вообще и к истории данного места в частности. И рабочие внимательно вглядывались в проходимые ими слои почвы, отбирали и откладывали находки, передавая их специалистам. Нередко и после конца смены рабочие не шли домой, а с интересом ожидали, пока археолог объяснит им значение той или иной прослойки, встреченного старого сруба, что за древние вещи они нашли, от какого сосуда фрагменты, прочтет замысловатую надпись на найденном камне и т. п.

Инженеры и техники собирали иногда целые коллекции; некоторые собрания даже получили имена этих добровольных сотрудников и до сих пор украшают фонды Государственного Исторического музея. Бывало, что и сам главный инженер, а то и начальник строительства, пригласив Петра Николаевича в свой кабинет, не без некоторого смущения доставал из ящика письменного стола "черепки", собранные лично во время обходов территории, интересовался, что значат эти находки, и подчас азартно спорил, отстаивая возникшие у него самого гипотезы.

На заседания Комиссии по истории Москвы стали приходить новые люди: водитель машины, на которой Петру Николаевичу случилось как-то везти коллекции, вконец "распропагандированный" за время этого краткого рейса; начальник пожарно-сторожевой охраны какого-то завода, побеседовавший однажды с этим симпатичным стариком и с тех пор навсегда охваченный страстью к Москве, к собиранию археологических находок; домашняя хозяйка, увлеченная пушкинской Москвой, и т. п. Все они с интересом слушали доклады, приносили находки и заслушивались объяснениями.

Увлеченность Петра Николаевича своим делом, его неизменная доброжелательность, готовность поделиться своими незаурядными знаниями располагали к нему всех, кто когда-либо с ним встречался.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Миллер П. Н.* Кулишки // Старая Москва: Сборник. Вып II. М., 1914. Подробный список работ П. Н. Миллера, составленный Н. Р. Левинсоном, см.: МИА СССР. № 12. М. — Л., 1949. С. 307.

[2] См.: *Миллер П. Н.* Указатель к бумагам, относящимся до Отечественной войны 1812 г., собранным и изданным П. И. Щукиным. Ч. I—X. Составил по поручению П. И. Щукина П. Н. Миллер. М., 1912.

[3] См.: Выставка 1812 года. М., 1913. С. 525—577.

[4] *Протоиерей Скворцов Н. А.* Археология и топография Москвы: Курс лекций, читанных в Императорском Московском археологическом институте в 1912—1913 гг. М., 1913.

[5] *Миллер П. Н.* Московский мусор // Московский краевед. Вып. 3. М., 1928. С. 10.

[6] См.: *Миллер П. Н.* Первый в России стекольный завод XVII в. // Московский краевед. Вып. 4. М., 1928; *Он же.* Черноголовский стекольный завод // Там же. Вып. 6; *Он же.* Подмосковный железный завод XVII в. // Там же. Вып. 4(12). М., 1929.

[7] *Миллер П. Н.* Застройка по трассе от Комсомольской площади до Сокольников с XV по XX в. // По трассе первой очереди Московского метрополитена...: Архивно-исторические и археологические работы академии в 1934 г. Л., 1936; *Смирнов А. П.* Древние гидротехнические сооружения города // Там же.

[8] Выходные данные см. в примеч. 7.

[9] Подробнее см.: *Миллер П. Н., Рабинович М. Г.* Комиссия по истории города Москвы // Историк-марксист. 1940. № 11. С. 147.

[10] *Рабинович М. Г.* Гончарная слобода в Москве XVI—XVIII вв. (по археологическим материалам) // МИА. № 7. М.—Л., 1947. С. 56.

[11] См.: *Рабинович М. Г.* Раскопки 1946—1947 гг. в Москве на устье реки Яузы; *Мальм В. А.* Горны московских гончаров XV—XVII вв.; *Фехнер М. В.* Глиняные игрушки московских гончаров // МИА. № 12. М., 1949.

С. К.Богоявленский

ПАМЯТИ П. Н. МИЛЛЕРА

За последнее время мы понесли тяжелую и, можно сказать, невознаградимую утрату в лице Н. П. Розанова, М. И. Александровского, П. Н. Миллера. Это были глубокие знатоки истории Москвы, бескорыстные энтузиасты, отдавшие свои умственные и душевные силы на служение родному городу. Как тяжело осознавать, что их нет среди нас. Кажется, как будто наша дружеская группа, объединенная общим интересом к изучению славного прошлого Москвы, потеряла большую часть своих жизненных сил, но эти благородные

тени взывают к нам, чтобы мы по мере наших возможностей заполнили зияющую брешь, образованную с их уходом, и не позволили погаснуть светильнику, который горел в их руках.

П. П. Миллер выделялся из группы ушедших товарищей тем, что сумел гармонично сочетать обширные знания по истории Москвы с талантом организатора и пропагандиста. В течение долгого периода П.Н. пользовался случаем, чтобы познакомиться со всякой новинкой, будь то книга, брошюра, археологическое исследование, план будущего устройства, — со всем, что касалось Москвы, все запоминал, все слагал в сердце своем и представлял из себя полную энциклопедию истории Москвы, сделавшись и сам ее достопримечательностью. П. Н. имел счастие знать, чего он хочет, и сознавать, что есть главное в его жизни. Для него не было важного или неважного в сведениях по Москве — все было интересно, как в дорогом человеке интересна и важна всякая черточка. И Москва была для П. Н. как бы дорогим существом, заполнявшим его жизнь ценным содержанием. Вспомним, с какой любовью и с каким интересом он собирал те остатки старого быта, которые извлекались из земли при постройках, земляных работах метрополитена и проч. Осколки посуды, поливных кирпичей, трубок, детских игрушек воскрешали для него старый быт, такой ему близкий, дорогой и привлекательный.

В печати П. Н. выступил в 1912 г. указателем к щукинскому собранию бумаг, относящихся до Отечественной войны 1812 г., а в последующих работах его явно высказано увлечение историей Москвы: "Кулишки", "Москва в старинных изображениях", "Сухарева башня", участие в коллективных работах о пушкинской Москве, о названиях улиц и переулков, Подмосковье. Нельзя не отметить громадную заслугу П. Н. в пропаганде интереса к остаткам древности, которые выбрасываются при земляных работах. Статья "Московский мусор" вышла в 1928 г. Не без влияния этой пропаганды было организовано систематическое наблюдение историками за выбросами при постройке метрополитена. П. Н. был одним из авторов и двигающей пружиной при издании коллективного труда "По трассе первой очереди метрополитена". Но не в этих статьях значение П. Н. как научного сотрудника, а в том моральном влиянии, которое он оказывал на соприкасавшихся с ним работников, причастных к археологии, истории, геологии, статистике и проч. по Москве и Московской области.

Памятником его никогда не затухавшего интереса к Москве оставалась его обширная библиотека, которую он собирал много лет. Он покупал книги, брошюры, листовки, картины, портреты — все, что так или иначе относилось к Москве. Он часто испытывал острую нужду в деньгах, несмотря на свою очень скромную жизнь, а на книги он не жалел

отдать последнее, и купленная книга не оставалась только украшением библиотеки: многочисленные пометки карандашом, подчас резкие и гневные, свидетельствуют, что книги не только прочитывались, но и прочувствовались.

Трудно себе представить бóльшую энергию в пропаганде интереса к истории Москвы, чем ту, которую показывал П. Н. Он был душой группы лиц с разной подготовкой, разных специальностей и разных запросов и объединил их интересом к истории Москвы. Он устраивал заседания как можно чаще, привлекал докладчиков, вызывал прения и дополнения, подготавливал иллюстративный материал, выставлял для обозрения текущую литературу по Москве. Собрать и сплотить разнородную группу — дело нелегкое, у П. Н. оно как-то слаживалось само собой: так велико было влияние личности самого П. Н. Он был совершенно лишен ученого педантизма, высокомерно-снисходительного отношения к лицам, мало подготовленным, он всех заражал своим энтузиазмом, и всякий, кто интересовался историей Москвы, был для него близок и дорог. Добрым словом вспомянут его те многочисленные посетители устрояемых им заседаний по истории Москвы, котóрые, не будучи профессиональными учеными, находили на этих заседаниях ту умственную пищу, которая скрашивала их существование. Это было подлинное общественное служение Петра Николаевича, которое он нес бескорыстно и неустанно.

Только в конце жизни в связи с изучением истории Москвы П. Н. получил прочное служебное положение, войдя в состав сотрудников Института истории Академии наук. Скоро маленький столик, поместившийся в уголку в одной из комнат института, приобрел притягательное свойство для всех интересовавшихся историей Москвы. П. Н. не удовольствовался теми занятиями, которые входили в круг его обязанностей, а перешел далеко за их пределы.

Для П. Н. начался новый, к сожалению слишком краткий, этап в жизни, новый прилив умственной энергии. Изучение истории Москвы получило солидную базу, основанную на высоком авторитете Академии наук и его Института истории. П. Н. по праву занял место как бы начальника штаба, призванного объединить и сорганизовать рассеянные силы научных работников, усилиями которых должна быть составлена история Москвы, достойная величия нашего родного города.

Наступившая война дала несколько иное направление интересам П. Н. Теперь величайший момент истории проходил перед его глазами, надо было принять меры, чтобы ни один факт героической Отечественной войны не ускользнул от внимания историка, и П. Н. сперва по своей инициативе, а потом в силу разработанного академическими органами плана с необыкновенной тщательностью занялся собиранием материала, относящегося к истории Москвы в военные годы.

На этой волнующей, высокопатриотической работе его застала смерть.

Мир праху честного труженика, бескорыстного служителя науки, яркого патриота, сумевшего сохранить революционный пыл в тяжкие годы реакции и встретившего свободу со всем пылом энтузиаста, которого не могли укротить ни жизненные бури, ни преклонные годы. Мы его ценили при жизни, но вполне почувствовали его значение только после смерти.

Архив РАН, ф.553, оп. 1, д. 49.

Послесловие

Публикуемый текст — "Слово" члена-корреспондента С. К. Богоявленского на заседании памяти П. Н. Миллера в 1944 г. Это — машинопись с авторской правкой; возможно, для напечатания в виде статьи. На этот текст впервые обратил внимание А. Л. Станиславский в обзорного характера статье "Личный фонд С. К. Богоявленского в Архиве АН СССР". Он привел и слова о Миллере: "...представлял из себя полную энциклопедию Москвы, сделавшись сам ее достопримечательностью"*.

Крупнейший историк-архивист С. К. Богоявленский зарекомендовал себя еще на рубеже столетий как знаток и исследователь прошлого Москвы и Подмосковья. Об этой сфере его творческой деятельности в настоящем издании помещен очерк, написанный правнуком ученого М. К. Функом, тоже историком-архивистом, научным сотрудником Архива РАН. С. К. Богоявленский был человеком доброй мудрости и большого обаяния. В его воспоминаниях о П. Н. Миллере ясно ощущаются черты речи С. К. Богоявленского — простой, образной и в то же время точной в определениях.

С П. Н. Миллером ученый был связан совместным интересом к прошлому Москвы с начала нашего столетия. Он принимал участие в работе общества "Старая Москва", душой которого всегда оставался П. Н. Миллер, сочетавший "обширные знания по истории Москвы с талантом организатора и пропагандиста".

Когда стали в Академии наук готовить многотомную "Историю Москвы", П. Н. Миллер передал С. К. Богоявленскому план академического издания "История города Москвы"; первый машинописный экземпляр этого текста (37 л.) с указанием даты (27 марта 1941 г.) также хранится в фонде С. К. Богоявленского (ААН, ф.553, д.154).

---

* Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974. С.258.

В книге С. Б. Филимонова "Историко-краеведческие материалы архива обществ по изучению Москвы и Московского края" (3-е изд. М., 1989) на с.131—134 в хронологической последовательности названы темы докладов и сообщений П. Н. Миллера, зафиксированные в протоколах заседаний Общества почти за 20 лет:

"Памяти Щукина", "О прошлом местности "Кулишки", "План Москвы 1606 г.", "План Москвы 1824 г.", "В защиту исследователя старой Москвы П. В. Хавского", "О плане Москвы П. В. Хавского 1843 г.", "О К. Я. Тромонине", "Церковь Георгия в Старых Лучниках на Лубянке", "О Музее старой Москвы", "О работе Комиссии по изучению старой Москвы за 1918—1919 гг.", "О Г. И. Хлопове", "Картинная галерея Е. Д. Тюрина в Москве", "О работе Комиссии по изучению старой Москвы за 1920 г.", "Памяти А. Н. Петунникова", "100-е заседание комиссии", "Медали по Москве и собрание их в Музее старой Москвы", "Геодезическая планография Москвы за первые 100 лет. 1739—1839 гг.", "Баронский гонор в Москве (похороны барона Л. К. Боде в 1859 г.)", "Рукописная уника. Рукописный атлас Московской губернии 1800 г., принадлежащий Музею старой Москвы", "С. Б. Алмазов — собиратель по старой Москве", "О работе Комиссии по изучению старой Москвы за 1921 г.", "О писателе "по Москве" Д. И. Никифорове", "О собирании материалов о "писателях, собирателях и изобразителях Москвы", "О жизни и деятельности Н. А. Скворцова", "Памяти А. А. Григорьева", "Рукописная книга о Москве", "О музейном собрании П. И. Щукина", "Островский — москвич", "Памяти И. И. Кузнецова", "О Д. Н. Анучине", "О пожаре в башне китайгородской стены с документами Казенной палаты XVIII—XIX вв.", "О Н. Д. Струкове", "О работе комиссии за 1923 г.", "О книжной торговле на Спасском мосту", "О своих изысканиях по вопросу о домах в Москве, связанных с именем А. С. Пушкина", "О своих изысканиях по книгам церкви Богоявления в Елохове о месте рождения А. С. Пушкина", "О докладе И. Я. Стеллецкого о библиотеке Ивана Грозного, зачитанном 9 июля 1924 г. в Историческом музее", "О П. С. Уваровой", "Об истории здания Малого театра", "О 200 заседаниях "Старой Москвы", "О 15-летии "Старой Москвы", "Об издании записок Сигизмунда Герберштейна", "Об обнаруженных материалах по палатам С. Ушакова", "О масонском гнезде в Москве", "Усадьбы Московского уезда в конце XVIII в.", "О фиксации сносящихся в Кремле архитектурных сооружений", "Об адресе, исполненном А. М. Васнецовым и поднесенном от "Старой Москвы" Академии наук СССР по случаю ее 200-летнего юбилея", "Об истории дома XVIII в. на Никитской улице", "Об истории местности театра Ф. А. Корша", "О театре Ф. А. Корша", "О А. И. Калишевском", "Глиняный подсвечник на службе москвичам", "О С. О. Долгове", "О событиях

1905 г. в Москве", "О 300 заседаниях "Старой Москвы", "Новый план Исаака Массы", "О Н. А. Рожкове", "Об установлении мемориальной доски на месте дома, где родился А. С. Пушкин", "Об архитектуре собора Василия Блаженного", "Народные революционные выступления в Москве на протяжении веков", "Об обнаружении места расположения первого стекольного завода в России", "Французы в Москве XVIII в.", "О поездке в деревню Духанино для розысков места расположения стекольного завода", "О П. В. Кислякове", "Две поездки в деревню Духанино осенью т/г", "Бутырская тюрьма, ее история и быт", "О похоронах М. Н. Ермоловой", "О В. В. Згуре", "К истории церкви Трех Святителей", "Пушкинский план Москвы", "Об архитектуре церкви Параскевы Пятницы в Охотном ряду", "О А. Н. Ильине", "О М. А. Дурнове", "Место новой Третьяковской галереи", "О письме архитектора С. Ф. Кулагина с информацией о своих работах", "О находящихся у него экспромтах В. А. Гиляровского", "О портрете И. Е. Забелина", "О вскрытии в лютеранской кирке могил дочери Б. К. Миниха, Я. В. Брюса и его жены", "О литературе, указывающей на связи А. С. Грибоедова с декабристами", "О праздновании 1 мая 1906 г. в Бутырской тюрьме", "О поездке в Павловскую слободу Воскресенского уезда для определения места расположения железоделательного завода", "Исторические источники по истории фабрично-заводской промышленности в старой Москве", "Об открытии мемориальной доски на доме, где жил Д. И. Фонвизин", "Москва и москвичи по эмигрантским листкам 50—60-х годов XIX в.", "О хронике событий 1905 г. в Москве".

Поражают и многообразие интересов, и эрудиция докладчика. А ведь, судя по тем же протоколам, П. Н. Миллер деятельно, научно компетентно участвовал и в обсуждении большинства докладов на заседаниях Общества.

В этом плане любопытна и краткая справка о П. Н. Миллере в справочнике "Научные работники Москвы", составленном комиссией "Научные учреждения и научные работники СССР" и изданном издательством Академии наук в Ленинграде в 1930 г. (Сведения о лицах были собраны еще в предыдущие годы.) Там отмечены не только "наименования основных наук", но и "более узкие научные специальности и даже отдельные научные вопросы, в области которых данное лицо преимущественно работает".

На с.184 о П. Н. Миллере напечатано: "Хран[итель] отд[елен]ия "Старая Москва" ГИМ, зам[еститель] предс[едателя] О[бщест]ва изуч[ения] Моск[овской] губернии и предс[едатель] его секции "Старая Москва": история, ист[ория] города Москвы — топография, планография, быт". И указаны его адрес: Красные ворота, Хоромный туп., 6, кв. 20; место и дата рождения (16. XI. 67, Саратов). Как сказано в "Пояснении" к изданию, "даваемые о каждом

научном работнике сведения о его научной деятельности, как общее правило, по возможности точно отражают данные, сообщаемые о себе самими научными работниками". Следовательно, сам П. Н. Миллер счел нужным выделить именно эти "узкие научные специальности".

В первой же фразе С. К. Богоявленский напоминает о кончине незадолго до того и двух других выдающихся историков Москвы — М. И. Александровского и Н. П. Розанова. Очерки о них напечатаны в первом выпуске нашего издания "Краеведы Москвы" (М., 1991).

С. О. Шмидт

Б. Ю. Бранденбург, Я. В. Татаржинская

"ДУША" КОМИССИИ ПО СОХРАНЕНИЮ ДРЕВНИХ ПАМЯТНИКОВ МОСКОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

ИВАН ПАВЛОВИЧ МАШКОВ. 1867 — 1945

В славной плеяде русских зодчих московской архитектурной школы конца XIX — начала XX в. видное место занимает Иван Павлович Машков. Вся его жизнь — пример беззаветного служения любимому делу, упорной многолетней работы по самоусовершенствованию, в результате которой простой крестьянский мальчик из далекого села становится подлинным русским интеллигентом, известным деятелем русского искусства и архитектуры. Его более чем 60-летняя творческая деятельность, протекавшая в Москве, отличается исключительной интенсивностью и многогранностью: крупный архитектор-практик, спроектировавший и построивший несколько десятков зданий различного назначения; неутомимый исследователь и деятель по охране и реставрации памятников древнерусского искусства; знаток старой Москвы; опытный градостроитель, принимавший самое активное участие в формировании ее застройки; видный ученый и общественный деятель, много лет работавший в московских археологическом и архитектурном обществах, в Политехническом музее; педагог, воспитавший не одно поколение московских архитекторов и строителей, — вот далеко не полный перечень основных граней его плодотворной деятельности.

"Наиболее характерной чертой в творчестве Ивана Павловича является его любовь и глубокий интерес к русской национальной архитектуре. Глубоким интересом к национальной русской архитектуре проникнута и вся его научная деятельность", — писал в 1945 г. один из его близких друзей и учеников, видный советский архитектор С. Е. Чернышов[1].

Его биография по-своему уникальна и является примером неожиданных поворотов судьбы и раннего бурного развития творческой индивидуальности.

"Родился я первого января старого стиля тысяча восемьсот шестьдесят седьмого года в городе Липецке, Тамбовской

губернии, ныне Воронежской области. Отец мой — крестьянин, по профессии кузнец — Соколов-Евдокимов Михаил Евдокимович, а мать Евфимия Денисовна. Не радостное было мое раннее детство, жили мы очень бедно в избе села Трубетчино недалеко от усадьбы князя не то Вяземского, не то Волконского", — так пишет Иван Павлович в сохранившихся автобиографических записках "Из моей жизни", относящихся к 1945 г. и охватывающих, к сожалению, лишь годы детства и ранней юности[2].

Раннее сиротство, жизнь в доме приемного отца — липецкого 2-й гильдии купца П. К. Машкова, фамилию которого он носил, — учеба в уездном училище, первые яркие детские впечатления от поразивших его памятников древнерусского зодчества Москвы и Киева и, наконец, годы творческого становления художника и долгие годы работы в Москве — городе, ставшем для него второй родиной.

"Трудно найти в Москве другого архитектора или просто жителя, который глубже любил бы Москву и лучше знал бы ее, чем знал и любил Москву Иван Павлович", — вспоминал другой видный советский архитектор — Н. Я. Колли[3].

В 1881 г. одаренный мальчик из провинции Иван Машков блестяще выдерживает трудные экзамены и поступает в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, сразу в головной класс, так как его рисунок ведущими профессорами Е. Сорокиным, В. Перовым и Д. Прянишниковым был признан хорошим.

Училище живописи, ваяния и зодчества Московского художественного общества было популярное, "открытое и всесословное" учебное заведение[4], где совместно обучались будущие художники, скульпторы и архитекторы, проходя единую общеобразовательную и раздельные специальные программы. В училище создавались все льготные условия для выявления наиболее способных и одаренных учеников, преподаватели избирались советом преподавателей тайным голосованием "из числа лиц, ознаменовавших себя своей деятельностью на художественном и педагогическом поприщах". В годы учебы И. П. Машкова (1881—1886) в училище преподавали видные представители русского искусства конца XIX столетия: художники А. Саврасов, Д. Прянишников, В. Перов, Л. Пастернак, архитекторы К. Быковский, А. Каминский, А. Попов, а соучениками его были В. Бакшеев, В. Мешков, А. Корин, С. Виноградов, И. Левитан, И. Трояновский, К. Коровин, А. Архипов, С. Малютин, С. Соловьев и многие другие. Так он попал в среду людей с ярко выраженной творческой индивидуальностью.

У него появились неограниченные возможности самоусовершенствования, овладения высокими достижениями русской культуры и искусства, и он использовал их полностью.

Иван Павлович заканчивает училище 19-летним юношей по классу профессора А. С. Каминского, глубокого знатока

древнерусского зодчества и выдающегося архитектора, награждается за свой дипломный проект Большой серебряной медалью и получает звание классного художника архитектуры с правом производства строительных работ.

Сразу же начинается период быстрого становления молодого зодчего как творческой личности: он участвует в проектировании и строительстве таких крупнейших по тому времени сооружений Москвы, как Политехнический музей и клинический городок на Девичьем поле, под руководством видных архитекторов А. Вебера и К. Быковского уже в 1888 г. становится действительным членом Московского архитектурного общества, начинает преподавать перспективу и рисунок в частном училище архитектора А. Гунста, в Училище живописи, ваяния и зодчества и активно включается в научную работу Политехнического музея вначале как член архитектурно-художественной комиссии по устройству архитектурного отдела (1889—1890), а позднее как помощник директора этого отдела — известного архитектора Н. Шохина (1890—1897) — и, наконец, становится его директором (1897—1934).

Он близко сотрудничает с К. М. Быковским, председателем Московского архитектурного общества, видными архитекторами братьями Н. и Д. Чичаговыми, авторами проекта Московской городской думы и театра бывш. Корша (впоследствии филиал МХАТа). Есть основание полагать (пока еще не подтвержденное документами), что в проектировании этих зданий принимал участие и И. Машков.

Стремление к самостоятельному художественному творчеству проявляется у Ивана Павловича очень рано. Еще будучи помощником у крупных московских зодчих, он уже в 1888 г. выполняет первые индивидуальные заказы для своего родного города Липецка, вскоре появляются и московские заказчики: Московская городская управа, Братолюбивое общество для снабжения неимущих квартирами*, такие известные деятели культуры, как графиня П. Уварова, князь К. Голицын, С. Паутынский, строители А. Лабазов, Е. Роговин и многие другие.

Можно считать, что 1895 год был для зодчего переломным и судьбоносным. Он активно заявляет о себе не только как зрелый мастер московской архитектурной школы, но и как прекрасный организатор архитектурно-строительного дела, как знаток и ревнитель древнерусского искусства, крупный ученый и общественный деятель. Именно в этом году он становится городским архитектором Московской городской управы (1895—1917), архитектором Братолюбивого общества (1895—1913), избирается действительным членом Им-

* Основано в 1861 г. княгиней Н. Б. Трубецкой, имело в Москве более 30 домов.

ператорского Московского археологического общества, вскоре становится его ученым секретарем и товарищем председателя (1898—1923), продолжая свою активную работу в Московском архитектурном обществе в качестве ученого секретаря (1894—1901), а впоследствии товарища председателя (1910—1918) и почетного члена (1926—1945).

Примерно к этому году, имея уже двух дочерей, Иван Павлович приобретает, получив в долг значительную сумму, собственный дом в Большом Левшинском переулке, против церкви Успения на Могильцах, деревянный, одноэтажный, построенный еще в первые годы XIX в., до пожара Москвы 1812 г. В нем ему суждено было прожить всю свою жизнь. С покупкой собственного дома появилась возможность организовать в антресольном этаже свою архитектурную мастерскую, где с двумя-тремя помощниками были созданы все проекты построенных им зданий.

Друзья, знакомые, — а их всегда было много, так как Иван Павлович был очень общительным и исключительно доброжелательным человеком, любящим людей, — охотно посещали его гостеприимный, по-русски хлебосольный дом с твердыми старыми обычаями, унаследованными от его приемных родителей. Все обитатели дома служили искусству, там постоянно звучала музыка: жена была неплохой пианисткой, дочери обучались рисованию, музыке, живописи. Здесь бывали в разные годы архитекторы А. Щусев, И. Жолтовский, В. Семенов, В. Веснин, А. Кузнецов, В. Кокорин, художники К. Юон, Н. Крымов, В. Ватагин, скульптор В. Мухина, актриса А. Яблочкина.

Для формирования И. П. Машкова как творческой личности определяющее значение имела наряду с учебой в Училище живописи, ваяния и зодчества, где он впервые вошел в круг русской творческой интеллигенции, его многолетняя и продуктивная работа в Московском археологическом обществе, где он "постоянно находился в окружении передовых людей, создающих науку и культуру, в обсуждении научных проблем, среди людей, жизнь которых посвящена науке и искусству, как-то: Марр, Забелин, Анучин, Серов, Поленов, Суриков, Щусев, Покрышкин, Грабарь и многие-многие другие"[5].

Свою почти 30-летнюю (1895—1923) научно-реставрационную работу в Комиссии по сохранению древних памятников Иван Павлович вел как действительный член, ученый секретарь и товарищ председателя, бессменный редактор широко известного сборника "Древности".

Именно здесь он овладевал историческим материалом, черпал особый душевный настрой и вдохновение для работы архитектора-практика.

Деятельность Московского археологического общества и его Комиссии по сохранению древних памятников отражала развернувшиеся на рубеже веков поиски национального

в искусстве, возросший интерес творческой интеллигенции да и всего народа к родной старине. Уставом Общества, созданного еще в 1877 г. крупным русским археологом графом А. С. Уваровым, предусматривалось проведение и поощрение археологических исследований и раскопок, проведение экспедиций с целью фиксации и охраны памятников культуры и искусства, издание трудов, показывающих результаты этих работ.

Целью Комиссии по сохранению древних памятников Общества было "постоянное наблюдение за сохранением древних памятников от искажения и уничтожения и забота об их восстановлении согласно требованиям истории и археологии". Сфера ее деятельности охватывала Москву и "губернии, входящие в состав Московского учебного округа", и состояла из трех основных направлений:

рассмотрение проектов пристроек, перестроек, реконструкций памятников архитектуры и заключения по этим работам;

решение вопросов, относящихся к охране древних памятников;

наблюдение за их реставрацией.

Чрезвычайно важна была строгая обязательность постановлений комиссии для лиц, ведущих реставрационные, ремонтные и строительные работы по памятникам архитектуры, что обеспечивало высокую результативность ее деятельности. Члены комиссии избирались на общем собрании Московского археологического общества в количестве 12 человек сроком на три года и получали постоянный именной открытый лист на надзор за памятниками. В таком листе на имя И. П. Машкова, выданном в апреле 1900 г. и подписанном председателем Общества графиней П. С. Уваровой, был обозначен, в частности, район Москвы, вверенный его попечению, и указана задача: "...наблюдение и изучение старинных храмов и других зданий г. Москвы в районе угла, образуемого Москвой-рекой до Арбата и Знаменки, с правом делать обмеры и осмотры как храмов и зданий, так и ризниц с обязательством доводить о результатах своих наблюдений до сведения Общества"[6].

Доклады членов комиссии систематически рассматривались на ее заседаниях, где принимались соответствующие обязательные постановления по древним памятникам. Делая в 1900 г. доклад о работах, проведенных им в районе Москвы, вверенном его попечению, И. П. Машков особо подчеркивал, что отчет, составленный им, "представляет общий обзор памятников в существующем их виде без детальной разработки исторического их прошлого и без указания имеющегося для сего материала, что вместе с составлением чертежей и снятием фотографий составит цель дальнейшей в этом направлении работы". Сообщая о том, что в порученном ему для исследования районе находились два женских

монастыря (Новодевичий и Зачатьевский), соборный храм Христа Спасителя и 28 приходских церквей, он проводит тщательную их классификацию по времени возведения и степени сохранности[7].

Московское археологическое общество играло большую роль в сохранении исторического и художественного своеобразия облика старой Москвы. Действенным и своевременным было всегда вмешательство его Комиссии по сохранению древних памятников в их судьбу, о чем говорится, в частности, в ее отчете за 1910 г.: "По примеру прошлых лет комиссия от лица Общества выступала в защиту древних памятников, раз только ей становилось известно о грозящей им опасности"[8].

И. П. Машкова, бывшего, по словам современников, "душой комиссии", Московская городская управа назначает в 1912 г. своим ответственным представителем по этому важнейшему для города делу. По-видимому, в связи с этим назначением Иван Павлович продолжает еще более интенсивное изучение древних памятников Москвы, а также и значительной части Московской губернии (здесь направления его деятельности в управе и Обществе совпадали). Им составлена буквально энциклопедия преимущественно церковного зодчества Москвы и губернии, собраны материалы по 53 памятникам, начиная от таких крупных, как Симонов, Новоспасский и Донской монастыри, и кончая небольшими приходскими церквами. По каждому из них было составлено, как правило, историко-археологическое описание, чертежи планов со ссылкой на источники, проведена фотофиксация состояния, а по некоторым и подробные обмеры. Мало кому известно, что все эти материалы хранятся в архиве Музея истории Москвы, но, надо полагать, они еще найдут применение при восстановлении памятников древнего зодчества России, систематически уничтожавшихся в течение десятилетий[9].

Обширный архив И. П. Машкова отражает все многообразие его архитектурно-строительной, научно-исследовательской и общественной деятельности и хранится кроме Музея истории Москвы (513 единиц хранения) также и в РГАЛИ (362 единицы хранения), куда передан его семьей в 1945—1950 гг.; он представляет собой уникальный материал, характеризующий культурную жизнь Москвы на рубеже веков.

Характерным для настроений широкой общественности города было создание в 1909 г. при Московском археологическом обществе Комиссии по изучению старой Москвы. В составе ее учредителей находим фамилии не только И. Машкова, но и Н. Ардашева, С. Богоявленского, В. Бодиско, Э. Готье, А. Новицкого и других; председателем избирается графиня П. Уварова. Главной целью комиссии, состоявшей в основном из членов Общества, а также пред-

ставителей передовой московской интеллигенции (всего до 100 человек), был сбор материалов и экспонатов для будущего Музея старой Москвы, охрана не только памятников, но и "уголков старой Москвы, живописных дворов, художественно исполненных окон, дверей, карнизов, мебели, вещей домашнего и общественного обихода и проч.". Предписывалось также "снимать фотографии с редких типов москвичей, а также торговцев, ремесленников, отживающих свой век и становящихся достоянием истории", т. е. ставилась чисто краеведческая задача[10]. Продолжая активно участвовать в работе этой комиссии в послереволюционные годы, И. Машков делает там ряд докладов на различные темы, передает копии архивных материалов по памятникам московского зодчества.

В "Правилах" комиссии встречается такая поучительная фраза: "Мы не чем иным не воздадим так полно уважения к памяти предков, как правдивым изучением их жизни на основании вещественных и письменных памятников. Изучая старую Москву, мы тем самым изучаем быт наших дедов и отцов, сделавши свое дело, мы оставим продолжение его в наследие следующим поколениям"[11].

Некоторые из этих принципов И. П. Машков пытался осуществить уже в послереволюционные годы в программе Коммунального музея Москвы, который в 20-х гг. размещался в Сухаревой башне. В качестве главной задачи он намечает следующее: "...дать ясное понятие о развитии строительства Москвы, постепенном росте города в зависимости от событий его многовековой истории. В задачу музея, и в частности его архитектурно-художественного отдела, должны войти ознакомление с топографией города и пригородов, вошедших впоследствии в черту города-крепости в связи с превращением его в административный и торговый центр объединенного государства, а также с теми художественными формами, какие приняло зодчество Москвы в различные периоды ее развития. Эта историческая часть отдела должна быть как бы введением к основной его части, характеризующей не только результаты, достигнутые современным строительством, но и выявляющей проблемы его будущего"[12].

Подводя итоги своим предложениям, Иван Павлович особо подчеркивает: "Я полагаю, что в задачу музея должно войти основательное ознакомление с древним русским искусством широких народных масс как путем показа лучших образцов, так и чтением лекций, объяснений и издания соответствующей популярной литературы"[13].

Сходные мысли развивает И. П. Машков и в своей записке 1934 г. "К вопросу о программе музея при Всесоюзной академии архитектуры". Отвечая на вопрос, должен ли это быть музей для специалистов или нужен "народный музей", он решительно высказывается в пользу последнего[14].

Велик вклад И. П. Машкова в реставрацию памятников древнерусского зодчества. В дореволюционные годы он вел эту работу в рамках Комиссии по охране древних памятников Московского археологического общества, которая курировала все подобные работы в Москве.

Первым выдающимся памятником московского зодчества, реставрация которого была поручена в 1897—1899 гг. ему, молодому, недавно принятому в члены Общества архитектору, стала церковь Сергия в Пушкарях, сооруженная в конце XVII столетия на высоком холме между Большим Сергиевским и Колокольниковом переулками, на территории Пушкарской слободы, средоточии литейного дела в старой Москве, где отливались не только пушки, но и колокола[15]. В результате реставрации этого выдающегося по своим художественным достоинствам сооружения, представлявшего собой небольшой бесстолпный пятиглавый храм с примыкавшим к нему притвором и трехъярусной шатровой колокольней, он был восстановлен в первоначальном виде и вновь стал архитектурной доминантой исторического района города с уникальным рельефом. Были тщательно и любовно восстановлены архитектурные детали, которые вытесывались прямо на месте, цветные изразцы, древние формы покрытия храма и его главы. В 30-е гг. нашего столетия этот выдающийся архитектурный памятник города был безжалостно уничтожен, и на его месте построена примитивная коробка стандартной школы.

В 1900 г. Иван Павлович руководит ремонтно-реставрационными работами в церкви Похвалы Пресвятой Богородицы в Башмакове, по своей архитектурной композиции близкой церкви Сергия в Пушкарях. В своем докладе Московскому археологическому обществу он так характеризует этот памятник и его градостроительное значение: "Церковь Похвалы Пресвятой Богородицы находится близ соборного храма Христа Спасителя с северо-восточной его стороны. Это весьма интересный памятник русского зодчества конца XVII века по сравнению с соборным храмом кажется чрезвычайно маленьким и как бы служит масштабом для определения колоссальности собора... Насколько велик и массивен храм Христа Спасителя, настолько же миниатюрна и изящна церковь Похвалы Пресвятой Богородицы. Кто осматривает собор или кто проезжает мимо, непременно обратит внимание на эту маленькую красивую церковку, находящуюся вблизи собора"[16]. Были раскрыты древние своды, восстановлены наличники окон, карнизы, древние крыльца, возобновлены красно-белая наружная окраска и внутренние росписи церкви. На примере этой работы виден принципиальный подход Московского археологического общества к вопросам реставрации: коллегиальные решения, бережное восстановление деталей и там, где необходимо и неизбежно, поновление, "придерживаясь старых образцов".

Судьба памятника не менее трагична, чем самого храма Христа Спасителя и церкви Сергия в Пушкарях.

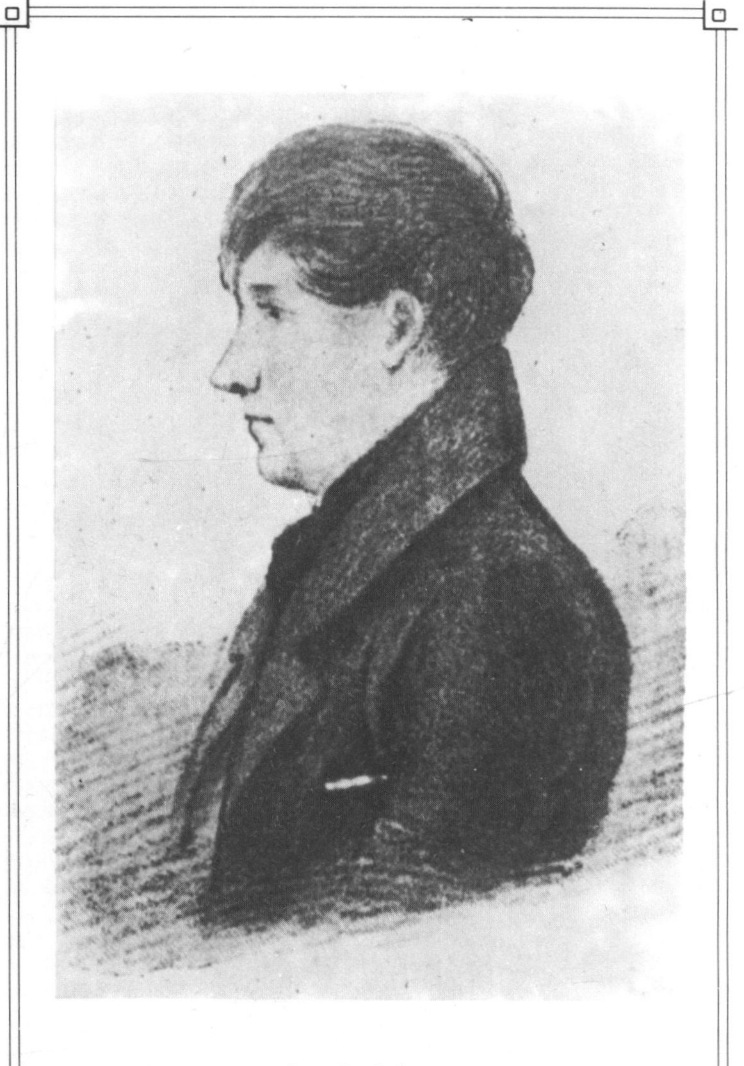
В 1898 г. по обращению игуменьи Новодевичьего монастыря Московское археологическое общество поручает И. П. Машкову быть его представителем в работах по реставрации и ремонту главного, Смоленского собора XVI в. В процессе этих работ было восстановлено позакомарное покрытие собора, размеры и форма окон, растесанных в XVIII в., переделана в формах первой половины XVII в. галерея, окружающая собор. Первоначальная фресковая живопись была полностью освобождена от позднейшей масляной записи, по предложению И. П. Машкова переделана система отопления подкупольного пространства с устройством в основании куполов кольцевых труб, что полностью гарантировало стенки подкупольных барабанов от промерзания, а фрески — от намокания.

"Работы по реставрации собора производились в течение пяти лет, и древней памятник русского зодчества, насколько возможно, был восстановлен в первоначальных формах XVI века. Все же для того, чтобы представить его в том виде, в котором он был построен при великом князе Василии Ивановиче, следует убрать пристройки приделов и крытых галерей, оставив лишь ходовую паперть с северной, западной и южной сторон..."[17] — указывает в своей книге о Новодевичьем монастыре Иван Павлович, приводя свой рисунок первоначального вида собора.

Около 1909 г. патриотически настроенные москвичи и художественная интеллигенция России стали высказывать обеспокоенность состоянием кремлевского Успенского собора, и прежде всего фресковой живописи этого выдающегося памятника русской культуры и искусства. В начале 1910 г. была создана особая правительственная комиссия во главе с князем А. Ширинским-Шихматовым, в составе которой были такие деятели русского искусства и архитектуры, как М. Боткин, В. Васнецов, З. Иванов, Н. Лихачев, И. Машков, И. Остроухов, А. Орешников, И. Покровский, П. Покрышкин, С. Соловьев, В. Суслов, А. Успенский.

Уже в октябре 1910 г. была принята и впоследствии утверждена Николаем II обширная программа научно-исследовательских и ремонтно-реставрационных работ, которая предусматривала проведение обмеров и составление проекта реставрации, снятие позднего слоя масляной живописи и восстановление древних росписей XVII в., восстановление отдельных частей интерьера и внешнего облика собора, понижение уровня всей Соборной площади с обнажением древних цоколей окружающих ее зданий, переделку системы отопления и вентиляции собора с целью обеспечения сохранности древних фресок. Исполнительная комиссия, образованная для проведения этой программы, состояла из десяти человек, руководителем научных исследований был избран известный

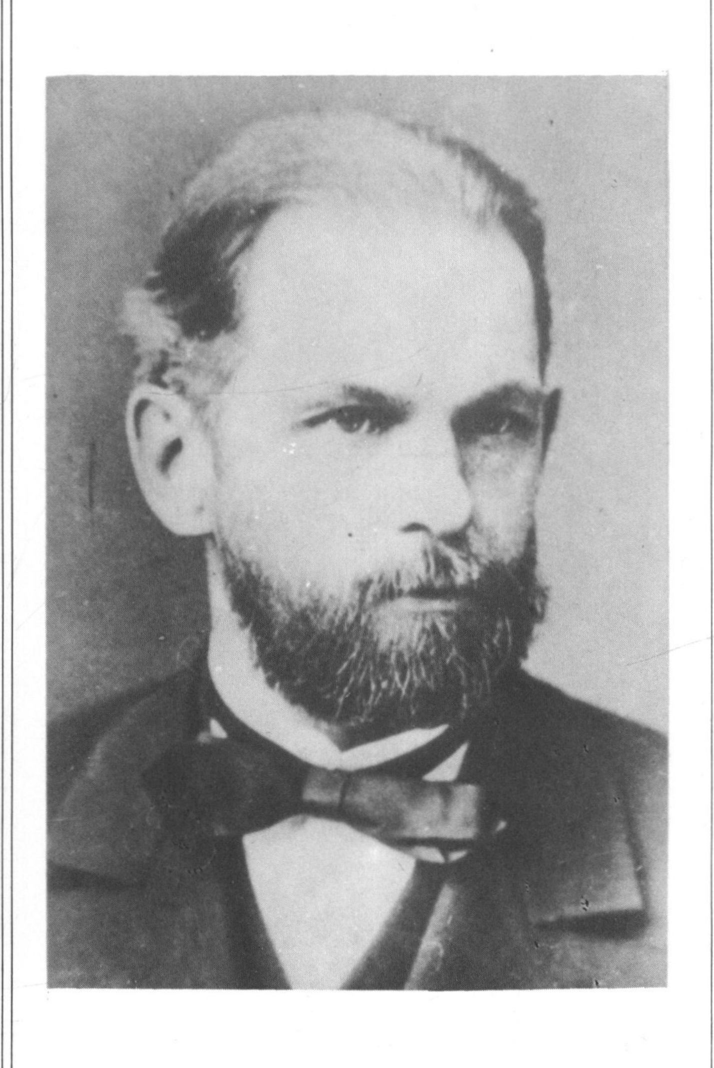
Н. М. Карамзин



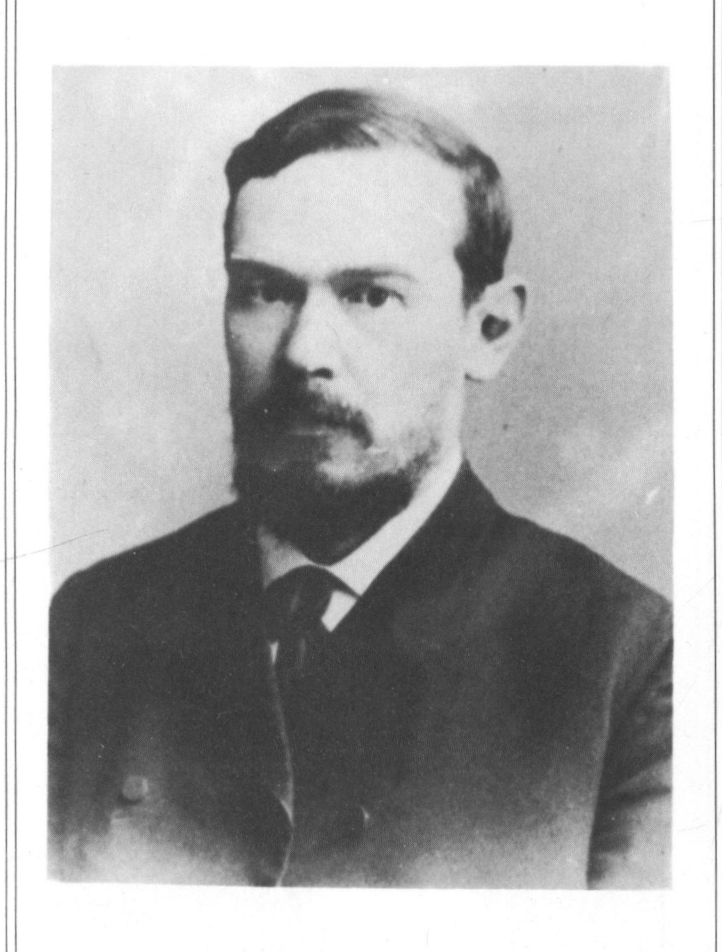
А. А. Орлов

А. С. Уваров

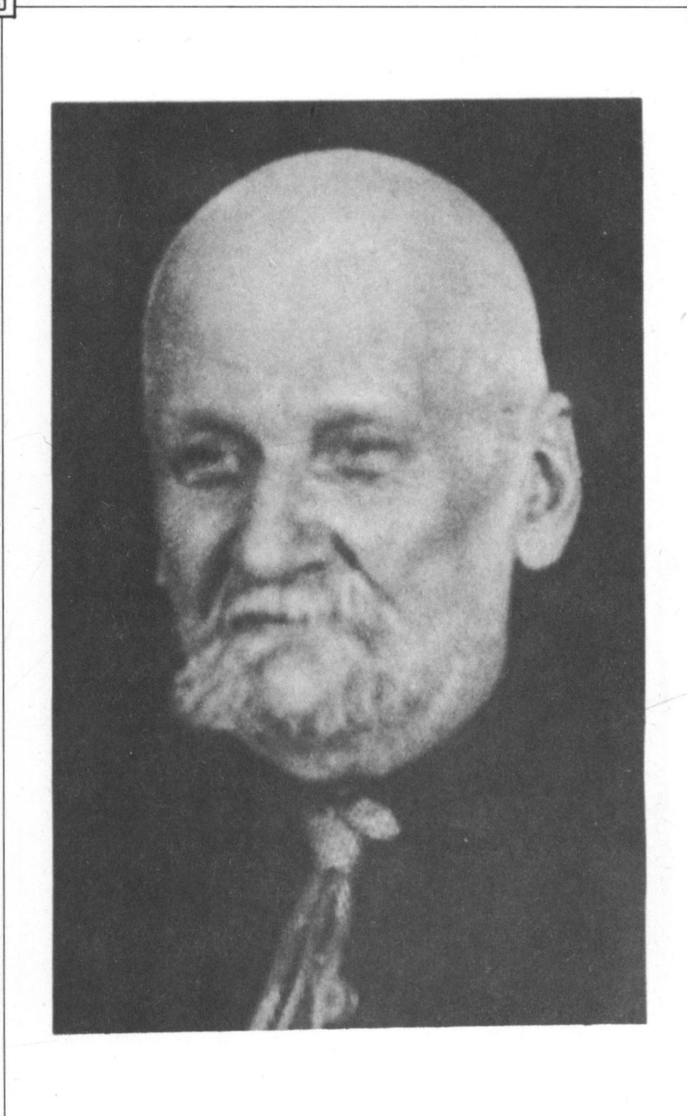
П. С. Уварова



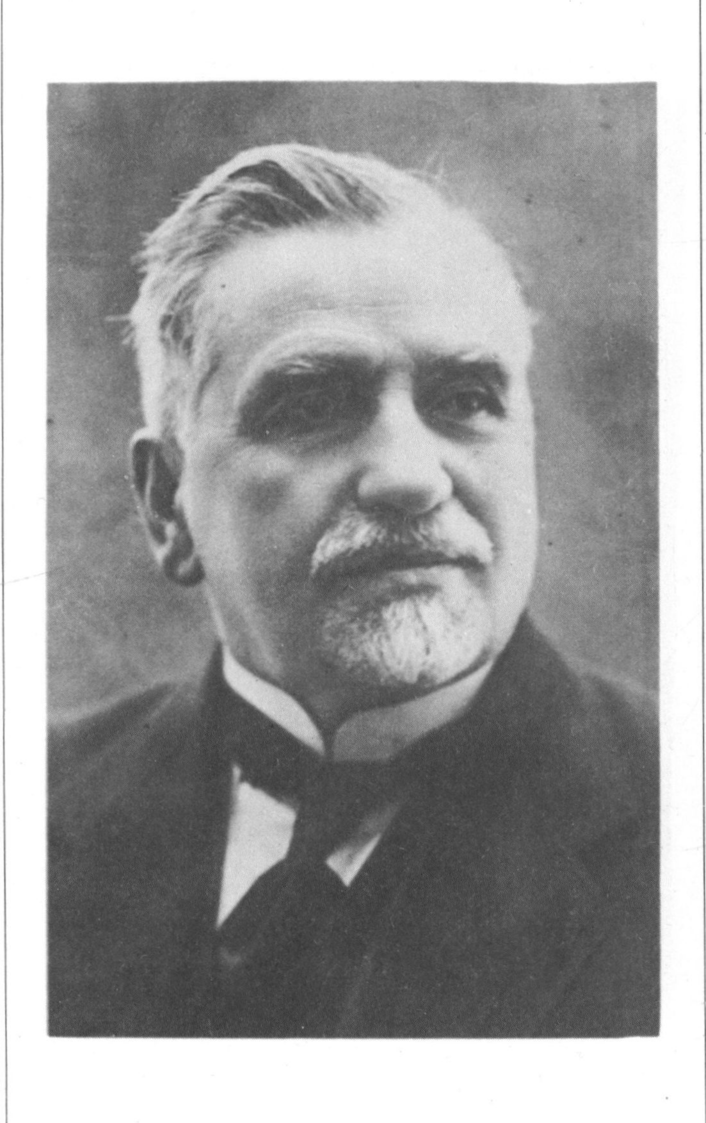
Н. А. Найденов



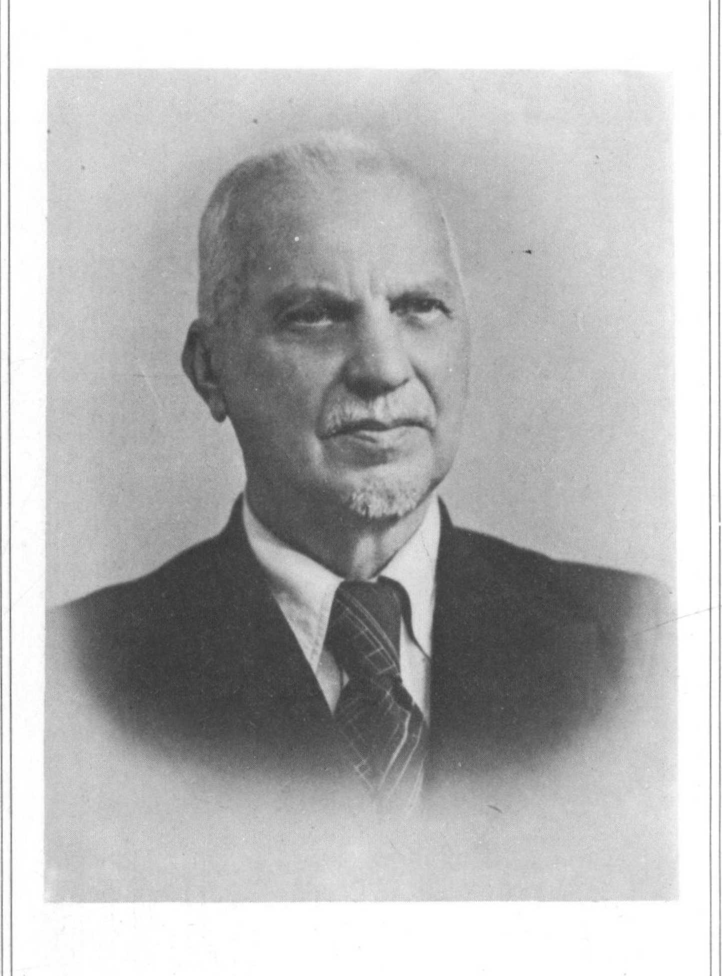
С. А. Белокуров



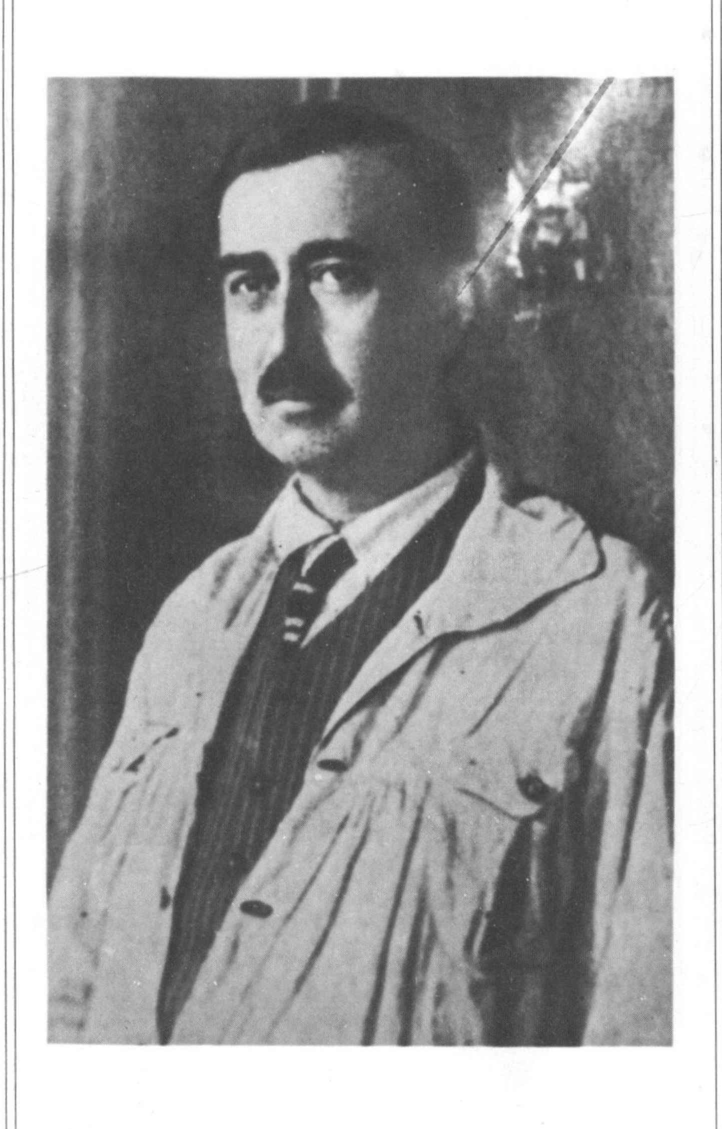
П. Н. Миллер



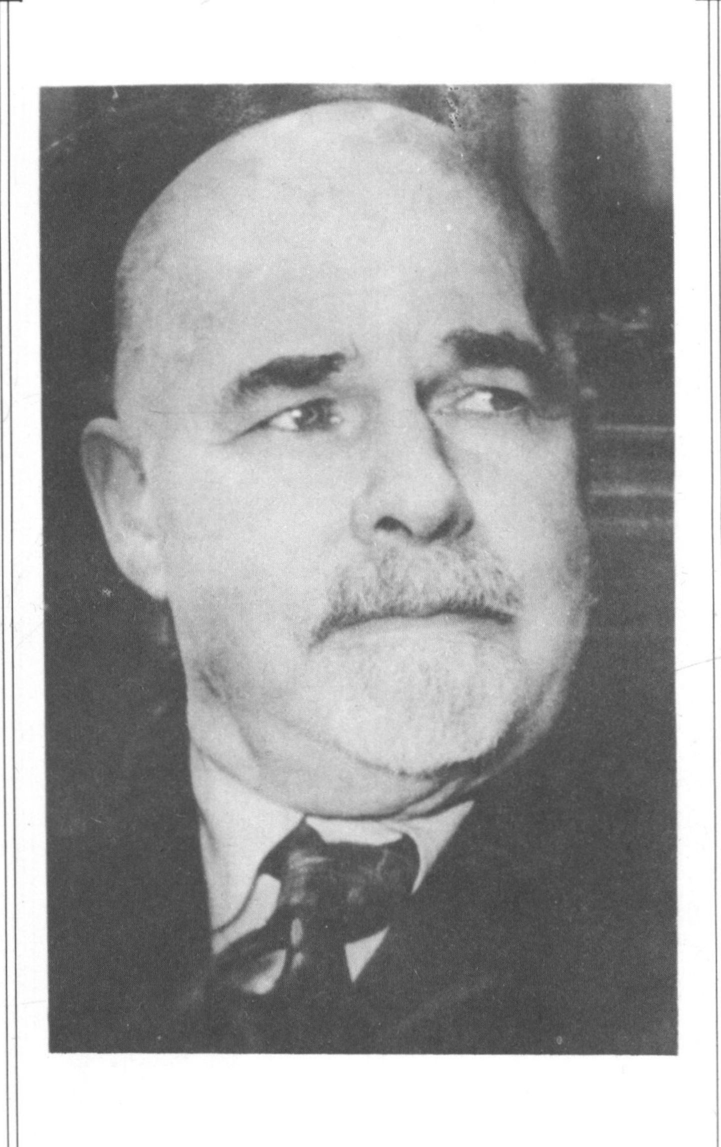
И. П. Машков



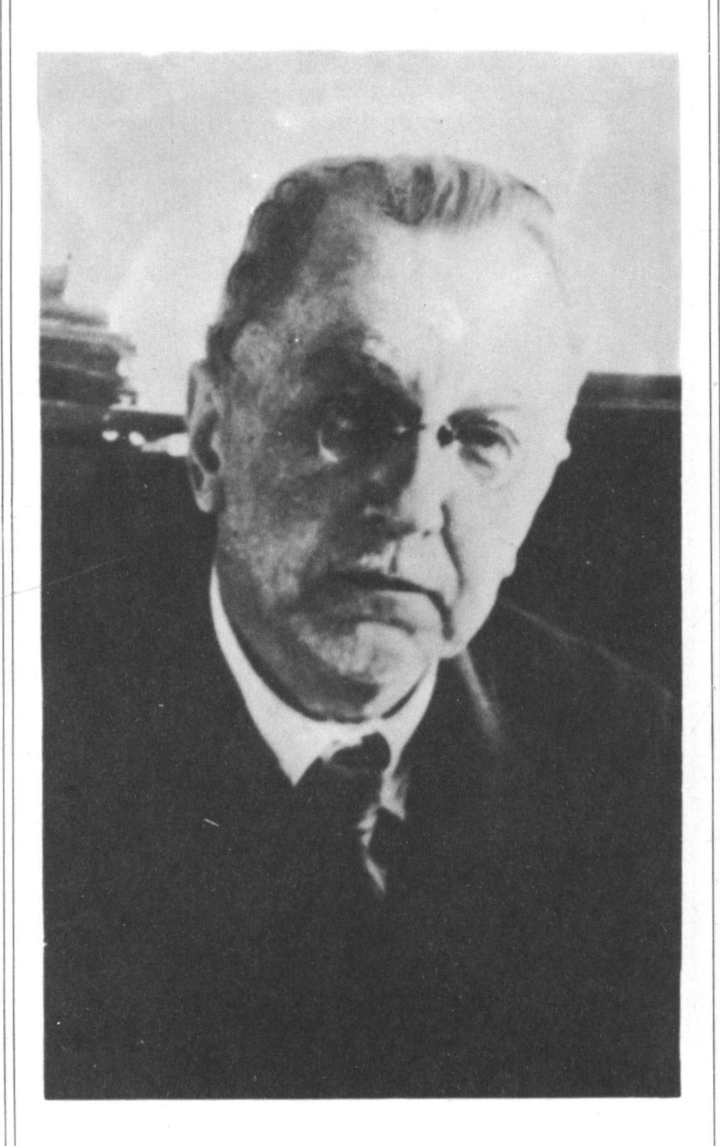
С. К. Богоявленский



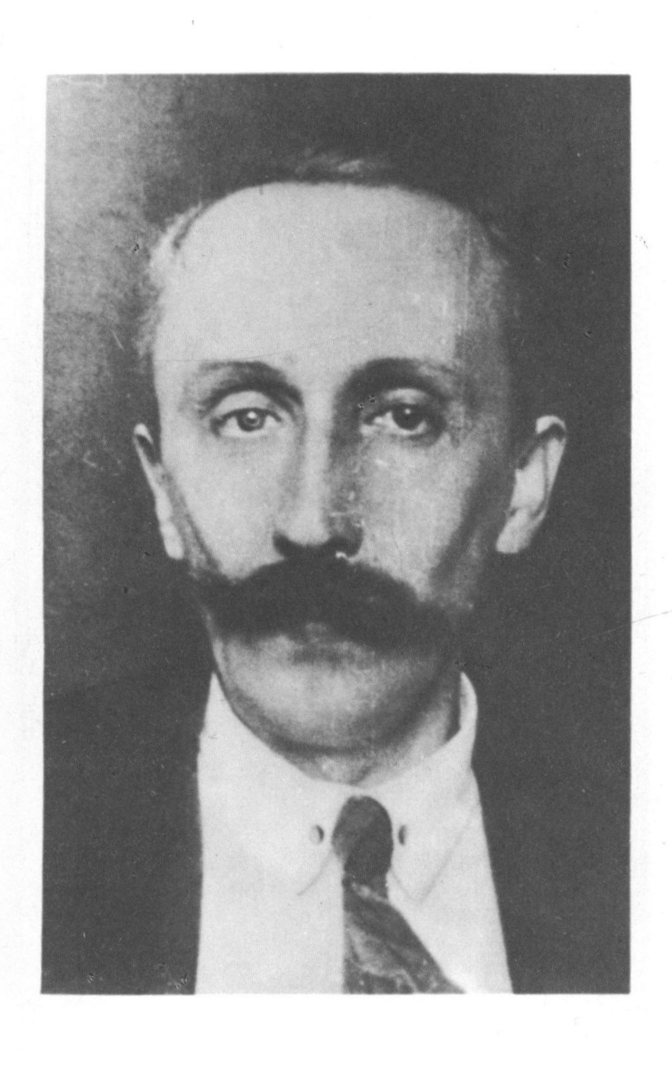
Н. Д. Бартрам



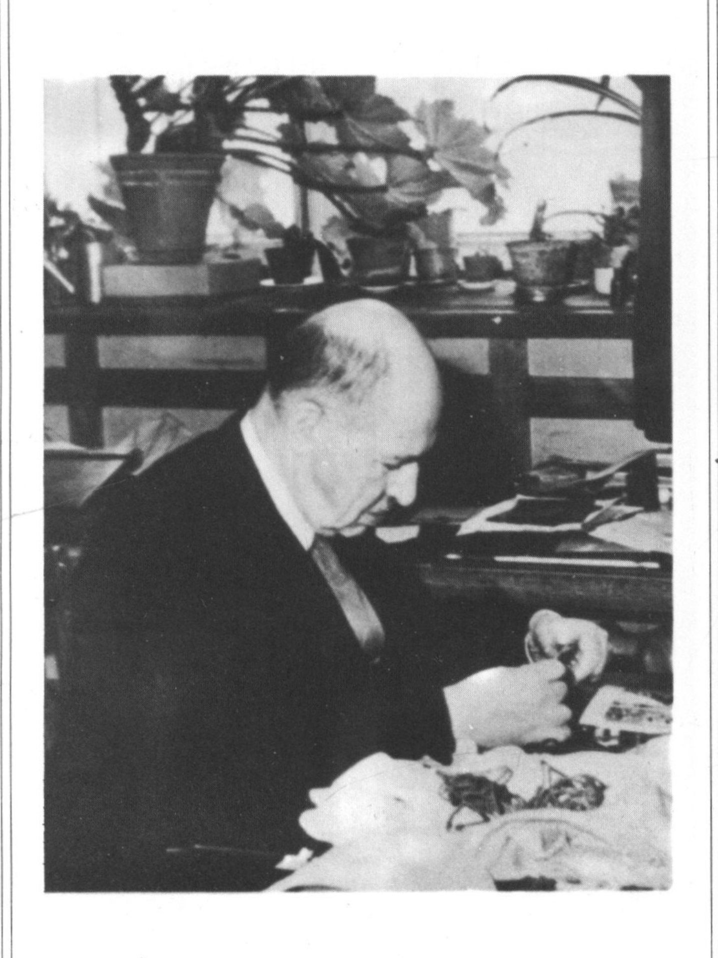
С. В. Бахрушин



К. В. Сивков



А. И. Некрасов

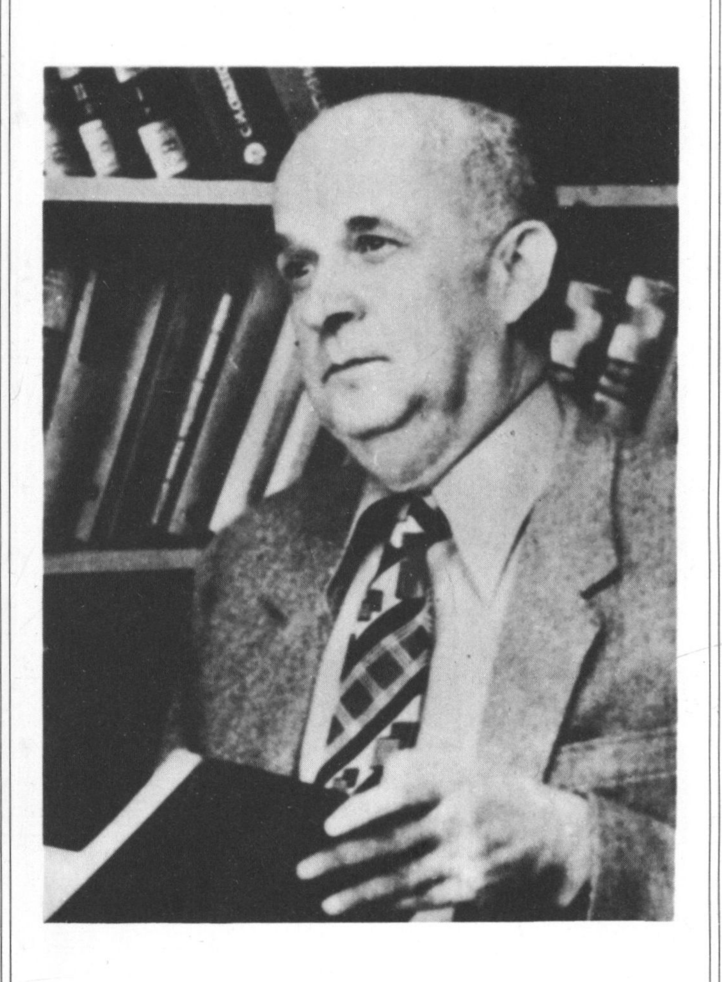


Н. Р. Левинсон

А. Н. Греч.

Публикуется впервые

Б. С. Земенков



Ю. А. Федосюк.

Публикуется впервые

ученый П. Покрышкин, производителем работ — академик архитектуры С. Соловьев, а после его смерти, с 1911 г., эти обязанности были возложены на И. Машкова как крупного архитектора-практика и знатока строительных приемов древнерусского зодчества.

Собиралась комиссия два раза в месяц и по докладу производителя работ решала все возникающие вопросы — научные, археологические, художественные, инженерные, финансовые, фиксируя свои решения протоколами. Эти уникальные документы, раскрывающие шаг за шагом ход работ, дискуссии по принципиальным и практическим вопросам, хранятся в РГАЛИ, представляют огромный интерес и требуют специального изучения[18].

Горячая дискуссия между членами комиссии разгорелась о том, восстанавливать ли древний, золотой фон фресок или ввести более мягкий, охристый, как это предлагал И. Грабарь. Высказываясь за возобновление золотого фона, И. Машков, в частности, говорил: "Руководствуясь принципом восстановить памятник в его первоначальном виде, современном стенописи, комиссия не могла в угоду современному художественному вкусу отказаться от своей задачи. Бесспорно, приятнее для современного глаза желтоватый фон, но комиссия была призвана восстановить, реставрировать, а не привносить свой художественный вкус. Что касается яркости самой позолоты, то ее можно было бы подвести под старую, но это было бы подделкою, на что комиссия пойти не могла"[19].

По его предложению и в результате проведения конкурса между инженерными фирмами была принята смешанная система отопления собора, когда подогретый воздух поступал в здание через подпольные каналы, а в основании подкупольных барабанов предусматривались невидимые снизу кольцевые трубы, которые надежно обеспечивали отопление верхней части пространства собора. По существу, была повторена система, предложенная в свое время Иваном Павловичем для Смоленского собора Новодевичьего монастыря.

Многочисленные археологические находки, обнаруженные в самом соборе и при перепланировке Соборной площади, И. П. Машков тщательно фиксировал и передавал в Исторический музей. Комиссия утверждала эскизы производителя работ до передачи их подрядчикам-исполнителям.

К 1918 г., когда ремонтно-реставрационные работы в Успенском соборе Московского Кремля практически подходили к концу (включая устранение повреждений от артиллерийского обстрела Кремля в ноябре 1917 г.), возникли затруднения с поставкой материалов, перебои с электроосвещением, отоплением здания, финансированием работ, и вскоре они были полностью прекращены.

И. П. Машков энергично продолжает свою деятельность по охране и реставрации памятников русского зодчества и в первые послереволюционные годы, возглавляя Комиссию по изучению и сохранению древних памятников Московского археологического общества. В тяжелые для страны 1919—1920 гг. энтузиасты этого дела — П. Барановский, А. Васнецов, Н. Марковников, И. Машков, И. Рыльский, Д. Сухов, сознавая "полную невозможность оказать реальную помощь памятникам зодчества", тем не менее активно содействуют ремонтно-реставрационным работам по зданиям Кремля, Московскому университету, храму Василия Блаженного, китайгородской стене, Сухаревой башне.

В 1922 г. для Главмузея Машков составил списки памятников гражданской и церковной архитектуры XVII—XIX вв. по Москве и Московской области, подлежащих охране, из 302 наименований, разделенных на три категории, которые впоследствии были включены в известное постановление президиума Моссовета от 19 января 1927 г. В числе неотложных мер по охране были названы наблюдение за памятниками, сбор материалов, организация специального архива. Это был серьезный шаг в деле сохранения памятников истории и искусства, сделанный в послереволюционные годы[20].

В период 1918—1925 гг. И. П. Машков участвует буквально во всех крупнейших работах по реставрации памятников зодчества в Москве.

Наиболее успешно велись работы по реставрации здания Московского государственного университета, построенного М. Казаковым в 1786—1793 гг. и возобновленного после пожара Москвы Д. Жилярди в 1817 г. Начались они еще в 1913 г. комиссией в составе П. Покрышкина, Р. Клейна, И. Машкова и других, которая провела обследование и изучение памятника и определила очередность производства ремонтно-восстановительных работ, развернутых лишь в 1920 г. Закончились они к 1925 г., когда были восстановлены в первоначальном виде фасады здания и интерьеры основных его помещений[21].

Значительно менее результативны были ремонтно-реставрационные работы в храме Василия Блаженного, начатые в 1912-м и продолженные в 1918—1921 гг. группой архитекторов в составе И. Бондаренко, П. Барановского, И. Машкова, А. Васнецова, Д. Сухова, И. Рыльского и других под председательством вначале И. Бондаренко, а затем И. Машкова. Опытные реставраторы, начав, как обычно, с детального обследования памятника, поврежденного при обстреле Кремля в 1917 г., и изучения работ своих предшественников, развернули обширную программу, которую так и не удалось осуществить, ограничившись ввиду недостатка средств первоочередным ремонтом[22]. Сейчас хорошо известно, что руководство страны 30-х гг. упорно ставило вопрос о сносе этого уникального произведения не только русского, но и мирово-

го зодчества, якобы мешавшего прохождению праздничных демонстраций, и он только чудом сохранился до наших дней.

Замечательный памятник военного зодчества XVI в. — стены и башни Китай-города протяженностью более двух верст с двенадцатью башнями — было решено капитально отремонтировать и реставрировать в 1919—1921 гг. Эти работы велись комиссией под председательством И. Машкова, которая провела историко-архитектурные исследования и обмеры, установила очередность поддерживающего ремонта и реставрации и начала осуществление задуманных градостроительных мероприятий: восстановление старых проездов, создание зеленой зоны вокруг стен со сносом примыкавших к ним малоценных строений[23]. Однако к 1921 г. финансирование работ свертывается, и они практически не ведутся.

Стен и башен Китай-города сегодня уже нет (небольшой "островок" у гостиницы "Россия" и на Театральной площади), зато сохранился удивительный протокол, подписанный ведущими зодчими столицы (А. Щусев, И. Жолтовский, В. Семенов, И. Машков и другие) от 14 октября 1932 г., где они, реагируя на требование властей, мучительно ищут пути сохранения памятника древнерусского зодчества, вплоть до предложения, сохранив башни и ворота, в отдельных случаях пойти на "проломы" в стене для пропуска транспорта. Но в конце заседания была получена информация о том, что президиум ВЦИК СССР уже принял решение о полном сносе стен и башен.

Не менее печальна история уничтожения замечательной Сухаревой башни, названной в память стрелецкого полка и его полковника Лаврентия Сухарева, первым прибывшего в Троице-Сергиеву лавру для поддержки молодого Петра I против восставших стрельцов — сторонников царевны Софьи. Комиссия по ее ремонту и реставрации, организованная в 1915 г. под руководством И. Машкова, в которую в разное время входили П. Покрышкин, А. Щусев, Д. Сухов, И. Голосов, З. Иванов, пользовалась вначале поддержкой властей и регулярно и ответственно проводила свою работу, но (по-видимому, в связи с сокращением финансирования) к 1923 г. работы были полностью прекращены[24]. В начале 30-х гг. московская архитектурная общественность вела настоящую битву за сохранение этого уникального памятника зодчества, однако судьба его была окончательно решена державной телеграммой из Сочи, подписанной И. Сталиным и К. Ворошиловым[25].

Искренне надеясь на то, что периоду тотального уничтожения памятников русской культуры и искусства когда-нибудь придет конец, Иван Павлович, уже опубликовавший (преимущественно в сборнике "Древности" Московского археологического общества) более 40 статей, посвященных памятникам церковного и гражданского зодчества России, продолжал до конца жизни интенсивно работать над своим

обширным архивом и полностью или частично подготовил к печати целый ряд статей по архитектурным памятникам Москвы[26], и в их числе: "Архангельский собор в Кремле", "Церковь Сергия в Пушкарях", "Монетный двор в Охотном ряду", "Дом Н. И. Новикова в Москве", "Дом б. Орлова на Яузском бульваре", "Дом Художественного театра в Москве" — всего 19 наименований. Неопубликованные статьи и материалы к незаконченным статьям сделаны по единой методике: историко-археологические сведения, выписки из исследований предшественников, подборка графических материалов, а часто и свои авторские графические предложения по восстановлению архитектурного облика.

Оценивая все сделанное И. П. Машковым по изучению, сохранению произведений русской архитектуры и искусства, И. Э. Грабарь писал, обращаясь к нему, в 1926 г.: "Когда-нибудь история отметит памятники, на которые Вы впервые обратили внимание ученого мира, как отметит она и те, которые удалось спасти от гибели только благодаря вовремя принятым Вами мерам", отмечая далее то постоянство, с которым Иван Павлович "всегда и всюду отстаивал всякое покушение на цельность памятников русского зодчества, которые имели в его лице верного стража и чуткого исследователя"[27].

Весомым вкладом И. П. Машкова в историю Москвы было издание двух интереснейших документов — путеводителей по городу 1895 и 1913 гг.

Как ученый секретарь и один из организаторов II съезда русских зодчих в Москве, он активно участвует в составлении и редактирует "Спутник зодчего по Москве" для членов съезда. Это издание, ставшее библиографической редкостью, содержит сведения о территории города, его архитектурных памятниках, современном строительстве и благоустройстве, служа одновременно своего рода пособием для проектирования на периферии. Интересен приложенный к книге план Москвы 1890-х гг., где нанесены немногочисленные еще линии городских железных дорог (конки), Данилов, Симонов и Новодевичий монастыри находятся на границе города, а загородные дачи начинаются сразу же за Александровским (ныне Белорусский) вокзалом[28]. В 1913 г., будучи товарищем председателя МАО Ф. О. Шехтеля, одного из крупнейших русских архитекторов, с которым его связывала тесная многолетняя дружба*, Иван Павлович активно участвует в подготовке и проведении V съезда русских зодчих в Москве. И на этот раз он становится редактором "Путеводителя по Москве", содержащего энциклопедические сведения о городе 1910-х гг.[29]

---

* Письма Ф. О. Шехтеля к И. П. Машкову хранятся в РГАЛИ, ф. 1981, оп. 45—50, ед. хр. 355.

Путеводитель скомпонован из нескольких разделов: очерка древнего зодчества Москвы (Ф. Горностаев), очерка зодчества Москвы XVIII и начала XIX столетия (И. Бондаренко), общих сведений о городе, его инженерном обустройстве (А. Семенов), коммунальных службах и большого раздела, содержащего сведения о культовых зданиях и монастырях, исторических, общественных и промышленных зданиях, учебных заведениях, больницах, богадельнях, вокзалах и частных постройках.

Последовательное построение, лаконичное изложение огромного, богато иллюстрированного материала, в котором, несмотря на его обилие, легко ориентироваться, явилось результатом кропотливого труда редактора и составителей. Несмотря на трудность задачи, им удалось наряду с характеристикой общей линии развития московского зодчества от глубокой древности до начала XX столетия дать достаточно полное, хотя и лаконичное описание каждого наиболее значительного сооружения. Это один из лучших когда-либо изданных путеводителей по городу. Из него мы узнаем, что территория его составляла 80,5 квадратной версты, в нем жило 1 617 157 человек, насчитывалось 8 соборов, 23 монастыря, около 280 церквей, 24 музея и картинной галереи, 8 театров, 2 цирка, 18 библиотек, 23 специальных учебных заведения и т. д. Материал, приведенный в путеводителе, и сегодня достоин внимательного изучения.

На облик дореволюционной Москвы оказывала прямое влияние проектная практика И. П. Машкова. "Он был ее городским архитектором в те десятилетия, когда в ней шло интенсивное строительство и большие работы по благоустройству, когда она все более приобретала облик европейского столичного города. В любом районе столицы мы встречаем выстроенные им здания"[30].

В архитектурных произведениях И. П. Машкова, созданных в эпоху многостилья, хронологически сменяясь, а порой взаимно переплетаясь, развиваются три различных стилистических направления: историзм, ориентированный на творческую переработку памятников русской архитектуры XVII в. и классицизма, русский модерн и неоклассицизм 1910-х гг.[31]

Глубоким проникновением в композиционные приемы, формы и духовное содержание древнерусского зодчества отмечены такие его постройки, как богадельни московского Братолюбивого общества на Ленинградском шоссе (д. № 14), в Безбожном переулке (д. № 19) и на Госпитальном валу в Лефортове, несколько храмов в Подмосковье, стены и башни Новодевичьего кладбища, а также небольшие, не сохранившиеся до наших дней жилые дома в различных районах Москвы.

Он блестяще оперирует формами русского классицизма в построенных в конце XIX в. в Москве особняках и многочисленных доходных домах для частных лиц (ул. Чехова, 16; ул. Вахтангова, 13; Бобров пер., 6, и др.).

Иван Павлович является автором выдающегося произведения русского модерна — жилого комплекса "Сокол" (названного так по фамилии владелицы) на Кузнецком мосту, 3, в одном из зальных помещений которого проходил в 1916 г. хорошо известный в отечественной истории съезд Союза земств и городов, а также целого ряда доходных жилых домов и особняков в этом стиле и хорошо известной москвичам Большой аудитории Политехнического музея.

В стиле неоклассицизма им построены такие значительные сооружения города, как бывшее Тверское отделение ломбарда (ныне административное здание) на Большой Бронной улице (д. № 23), корпуса Преображенской больницы (ныне им. Ганнушкина) на Потешной улице (д. № 3), а также многие доходные дома (Комсомольский просп., 3; ул. Станкевича, 17, и др.).

Сооруженные им памятники первопечатнику Ивану Федорову (совместно со скульптором С. Волнухиным) и писателю А. Островскому (совместно со скульпторами братьями Н. и В. Андреевыми) широко известны и являются одними из лучших скульптурных монументов столицы.

С проектно-строительной практикой сочеталась деятельность Ивана Павловича как опытного градостроителя, организатора архитектурно-строительной деятельности в Москве. Назначенный в 1895 г. городским архитектором Московской городской управы и отвечая за застройку Лефортовской и Басманной частей, что составляло около $^{1}/_{12}$ части территории города, он с большим увлечением отдается этой работе, неизменно при поддержке управы проводя курс на обеспечение творческой свободы архитектора в рамках действующих норм.

Органическим продолжением работы в Московской городской управе явилась активная его деятельность в органах Московского Совета, начавшаяся сразу же после Октябрьской революции (1918—1941).

Отказавшись от работы архитектора-практика, он занимает ключевые посты в органах, руководивших градостроительной политикой в столице: в Управлении губернского инженера, Управлении губернского архитектора, Отделе проектирования Моссовета, Экспертно-техническом и архитектурно-планировочном управлении (на протяжении многочисленных реорганизаций этих органов). Осуществляя руководящие функции в регулировании застройки, он выполнял, по существу, роль главного архитектора города, хотя такая должность была введена лишь в начале 30-х гг. Эта его работа высоко ценилась современниками, именно за нее И. П. Машкову одному из первых среди советских архитекторов было присвоено высокое звание Героя Труда (1937 г.).

В те годы в Москве буквально ни одно крупное архитектурное решение не принималось без его участия, а он твердо и уверенно проводил свою принципиальную точку зрения на

необходимость сохранения уникального своеобразия исторически сложившегося облика столицы, ее бесценных архитектурных памятников. Это была честная, патриотическая и героическая по тем временам позиция.

Достаточно сказать, что уже в 1933 г., будучи председателем жюри широко известного в истории советской архитектуры конкурса на проект схемы планировки Москвы, определявшего дальнейшую судьбу города, он решительно поддерживает идею создания городов-спутников и отказа от "надстроек и нового строительства в существующем городе", настаивая на "сохранении старой Москвы как учрежденческого центра, проектировании жилья в окрестностях Москвы"[32].

Известно, что примерно в те же годы на совещании у председателя Совнаркома, куда был приглашен ряд видных московских архитекторов и где решался вопрос о выборе участка для строительства Дворца Советов, только А. В. Щусев и И. П. Машков решительно возражали против размещения его вблизи Кремля и сноса храма Христа Спасителя, предлагая более обоснованное в градостроительном отношении решение о строительстве нового высотного сооружения на бровке Воробьевых гор, где ныне расположено здание университета.

Его волновали буквально все проблемы архитектурно-строительной деятельности в столице, становление ее нового облика в 20-е и 30-е гг. Этим проблемам посвящены его доклады, статьи и многочисленные публичные выступления[33].

Известный русский советский архитектор А. В. Кузнецов впоследствии писал: "Огромный опыт, накопленный Иваном Павловичем в его многообразной архитектурной практике и обогащенный постоянным наблюдением и контролем всей строительной деятельности столицы, поднял его на высоту крупнейшего авторитета"[34]. Ему приходилось участвовать в экспертизе и утверждении практически всех зданий, строившихся в те годы в Москве, внимательно и скрупулезно прорабатывая с авторами-архитекторами, преимущественно молодежью, все детали предстоящего строительства, активно влияя на застройку Москвы.

"Можно сказать без всякого преувеличения, что нет ни одного более или менее серьезного здания в Москве, в котором Иван Павлович не принял бы участия своими замечаниями и ценными советами"[35], — писал другой его современник, архитектор З. М. Розенфельд, начинавший свою деятельность в 20-е гг.

Педагогическую работу зодчий вел с перерывами в разное время: в Училище изящных искусств А. О. Гунста (1887—1891), Училище живописи, ваяния и зодчества (1894—1907), Московском архитектурном институте (1935—1937) и учебном комбинате НКТП (1931—1945). Написанные им учеб-

ники — "Тени в ортогональных проекциях" (1934), "Линейная перспектива на плоскости" (1935) — были в свое время настольными книгами студентов архитектурно-строительного профиля. В числе своих учеников Иван Павлович называет видных русских зодчих: С. Чернышова, В. Кокорина, И. Голосова, С. Торопова, В. Олтаржевского, художников К. Юона, П. Кузнецова, Н. Крымова, скульпторов А. Голубкину и С. Коненкова.

В тяжелые годы Отечественной войны 1941—1945 гг., когда немецкие войска приближались к Москве, он не уехал из города, хотя его обжитый в течение десятилетий дом при первом воздушном налете на столицу пострадал от пожара, и продолжал обработку своего обширного архива, в значительной его части относящегося к зодчеству Москвы[36], а в конце войны возглавил экспертный отдел во вновь созданном Комитете по делам архитектуры, который был призван начать восстановление разрушенных городов и поселков страны.

Он дожил до Дня победы, в которую твердо верил на протяжении всех военных лет и нетерпеливо ждал.

Умер Иван Павлович 12 августа 1945 г., похоронен на Новодевичьем кладбище, сооруженном по его проекту в самом начале нашего столетия. Две мемориальные доски установлены там: одна — в притворе Смоленского собора, в ней рассказывается о реставрационной работе мастера, другая — на его могиле.

"Широка, глубока и красива была многогранная научно-архитектурная деятельность Ивана Павловича, но также высоки были и его моральные качества. Сама высокая деятельность и достижения опирались на трудовую доблесть Ивана Павловича, его скромность большого человека, стремившегося всю жизнь к самоусовершенствованию" (А. Кузнецов).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] АМИМ, ф. 15166, ч. 1, р. 13, д. 286, 287.
[2] Там же, р. 1, д. 1.
[3] Там же, р. 11, д. 264—276.
[4] РГАЛИ, ф. 1981, оп. 13—15, д. 61—77.
[5] АМИМ, ф. 15166, ч. 1, р. 4, д. 170-1.
[6] РГАЛИ, ф. 1981, оп. 22-2, д. 118, 122.
[7] Там же, д. 127.
[8] ЦАМО, ф. 454, оп. 2, д. 400.
[9] АМИМ, ф. 15166, ч. III, р. 2, д. 387—439.
[10] РГАЛИ, ф. 1981, оп. 22-2, д. 120.
[11] Там же.
[12] Там же, д. 107.
[13] Там же.
[14] Там же, оп. 41—45, д. 259.
[15] АМИМ, ф. 15166, ч. II, р. 6, д. 363.
[16] Там же, д. 380.

[17] *Машков И. П.* Архитектура Новодевичьего монастыря в Москве. М., 1949.
[18] РГАЛИ, ф. 1981, оп. 22-2, д. 123, 124, 125, 126, 128, 129.
[19] Там же, д. 127.
[20] Там же, оп. 29-2, д. 138.
[21] Там же, оп. 22-3, д. 132.
[22] Там же, оп. 22-2, д. 134.
[23] Там же, д. 137.
[24] Там же, д. 127; оп. 45—50, д. 292.
[25] См.: Приложение "Архитектура" к "Строительной газете". 1989. № 20. 28 октября.
[26] РГАЛИ, ф. 1981, оп. 41—45, д. 256—276; АМИМ, ф. 15166, ч. II, р. 3, 4, 6.
[27] АМИМ, ф. 15166, ч. 1, р. 4, д. 170-1.
[28] См.: Спутник зодчего по Москве / Изд. МАО для членов II съезда русских зодчих в Москве / Под ред. секретаря Общества И. П. Машкова. М., 1895.
[29] См.: Путеводитель по Москве / Изд. МАО для членов V съезда зодчих в Москве / Под ред. товарища председателя Общества И. П. Машкова. М., 1913.
[30] Советское искусство. 1945. № 34 (966). 24 сентября.
[31] РГАЛИ, ф. 1981, оп. 32—41, д. 179—255; АМИМ, ф. 15166, ч. V, д. 483.
[32] РГАЛИ, ф. 1981, оп. 9—13, д. 51.
[33] Там же, оп. 41—45, д. 259.
[34] АМИМ, ф. 15166, ч. 1, р. 11, д. 264—276.
[35] Там же.
[36] РГАЛИ, ф. 1981; АМИМ, ф. 15166.

Список опубликованных работ И. П. Машкова

Спутник зодчего по Москве / Под ред. И. П. Машкова. М., 1895.

Труды II съезда русских зодчих / Под. ред. И. П. Машкова. М., 1899.

О деятельности К. М. Быковского в Императорском Московском археологическом обществе // Древности: Труды Комиссии по сохранению древних памятников Московского археологического общества. М., 1907. Т. 1. С. XIX—XXV.

Памяти графа А. С. Уварова// Древности: Труды Комиссии по сохранению древних памятников Московского археологического общества. М., 1909. Т. III. С. I—III.

Церковь Покрова Пресвятыя Богородицы при с. Братцево Московского уезда// Древности: Труды Комиссии по сохранению древних памятников Московского археологического общества. М., 1909. Т. III. С. 367—371.

Указатель памятников, по поводу которых были рассмотрены дела в заседании Комиссии по сохранению древних памятников Императорского Московского археологического общества // Древности: Труды Комиссии по сохранению древних памятников Московского археологического общества. М., 1909. Т. III. С. 391—408.

Древнее здание китайской аптеки, Московского университета и старой думы// Древности: Труды Комиссии по сохранению древних памятников Московского археологического общества. М., 1912. Т. IV. С. V—VIII.

Отчет представителя Императорского археологического общества и высочайше утвержденной комиссии по реставрации Большого Успенского собора, доложенный в заседании Общества 26 ноября 1910 г.// Древности: Труды Комиссии по сохранению древних памятников Московского археологического общества. М., 1912. Т. IV. С. VIII.

Путеводитель по Москве / Под ред. И. П. Машкова. М., 1913.

Художественные памятники старой Москвы // Известия Московской городской думы. 1916. № 3. С. 104—108.

Старейшее архитектурное общество России // Строительная промышленность. 1927. № 12. С. 10.

Здание XVII века на Красной площади в Москве // Архитектура СССР. 1940. № 11. С. 17.

Архитектура Новодевичьего монастыря в Москве. М., 1949.

Опубликованные проекты, постройки И. П. Машкова

Памятник первопечатнику Ивану Федорову в Москве// Ежегодник Московского архитектурного общества. М., 1909. С. 24.

Памятник первопечатнику Ивану Федорову// Древности: Труды Комиссии по сохранению древних памятников Московского археологического общества. М., 1912. Т. IV. С. III—VII.

Проект-эскиз здания цирка для бр. Никитиных в Москве// Ежегодник Московского архитектурного общества. М., 1910—1911. С. 69.

Проект Московского городского ломбарда. Тверское отделение// Ежегодник Московского архитектурного общества. М., 1912—1913. С. 72.

Преображенская больница в Москве// Ежегодник Московского архитектурного общества. М., 1914—1916. С. 67, 68.

Здание городского ломбарда. Б. Бронная //Архитектурный мир. Вып. 3. М., 1914. С. 21.

Проект доходного дома "Сокол" // *Кириченко Е. И.* Русская архитектура 1830—1910-х годов. М., 1978. С. 236—237.

М. К. Функ

ЗНАТОК МОСКОВСКОЙ СТАРИНЫ

СЕРГЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ БОГОЯВЛЕНСКИЙ. 1871 — 1947

Имя Сергея Константиновича Богоявленского известно лишь немногим из тех, кто интересуется краеведением и историей Москвы. Однако среди специалистов по истории Москвы XVII в. его труды пользуются заслуженным уважением. Историку, архивисту, большому знатоку старой Москвы С. К. Богоявленскому принадлежит приоритет в изучении столичной административно-территориальной структуры и быта второй половины XVII в.

Интерес С. К. Богоявленского к истории Москвы обусловлен, пожалуй, семейными традициями. Вся его жизнь и жизнь его предков тесно связана с этим городом. Сергей Константинович Богоявленский родился 17 февраля (3 марта) 1871 г. Отец его, протоиерей Покровского собора (храм Василия Блаженного), Константин Иванович Богоявленский был племянником митрополита Московского Филарета (В. М. Дроздов). Мать Вера Сергеевна Смирнова — дочь известного историка, профессора и ректора Московской духовной академии С. К. Смирнова.

Эта семья была широко известна в московской исторической среде. Родственниками Сергея Константиновича являлись историки П. Н. Милюков и А. П. Голубцов. В доме Богоявленских часто бывал В. О. Ключевский[1].

Любовь к истории и привела молодого Богоявленского на историко-филологический факультет Московского университета, где он обучался в течение четырех лет, на которые приходится наибольший расцвет научной деятельности таких замечательных профессоров, как В. О. Ключевский, П. Г. Виноградов. В. И. Герье, Ф. Фортунатов.

Особо сильное впечатление на студентов производил В. О. Ключевский. Цельность, логическая закономерность и стройность, художественные достоинства его лекций определили желание С. К. Богоявленского специализироваться по русской истории, и в частности по истории Москвы. Почти через 55 лет он приводил в своих воспоминаниях

такой эффектный пример артистизма Ключевского: "Я как сейчас помню его лекцию, касавшуюся событий в Москве в начале XVII века, периода интервенции, когда Ключевский говорил, как русский человек поднялся на защиту родины, как появились Минин и Пожарский и проч. Лекция происходила в большой "словесной" аудитории, окна которой выходили на Кремль. И вот когда Ключевский говорил о силе русского духа, о появлении русских героев — он как-то поднял руку, пальцем как бы указывая на Кремль, и обратился туда взором. Впечатление это создавало колоссальное. Но этот жест не был случайным, он был обдуман заранее. Когда во второй раз я слушал курс Василия Осиповича, я следил и ожидал, как он будет произносить эти фразы. И он точно так же приподнял руку, точно так же устремил взгляд на Кремль"[2].

Путь в науку С. К. Богоявленского отличался от пути многих его однокурсников. Обучаясь у В. О. Ключевского, он перенял стиль и методы работы замечательного ученого, легкий слог и живость изложения своих мыслей. Его привлекла документальная основа исторической науки. Это и обусловило то, что всю свою жизнь он проработал в архивах, каждодневно соприкасаясь с источниками — документальной памятью человечества. Для С. К. Богоявленского в то время было характерно увлечение источниками, как письменными (архивными), так и вещественными (данными археологии). Такое "раздвоение" было характерно не только для Сергея Константиновича, но и для многих других ученых-историков.

После окончания Московского университета Богоявленский активно занимается археологией. В дальнейшем это увлечение постепенно сменяется страстью к архивным документам. Но любовь к археологии продолжается до конца его жизни.

С 1896 г. С. К. Богоявленский каждое лето проводит в археологических экспедициях в Москве и Московской губернии. В 1906 г. на заседании Московского археологического общества он сделал сообщение о составлении археологической карты Московской губернии[3]. Материалы к этой карте увидели свет только в 1947 г., и в них вошли самые краткие сведения о раскопанных курганах и городищах Подмосковья[4].

В 1898 г. С. К. Богоявленский поступил на службу в Московский главный архив Министерства иностранных дел и проработал там свыше 30 лет, дослужившись до должности управляющего архивом.

В 1899 г. выходит одна из его первых работ — "Некоторые статистические данные по истории русского города XVII столетия"[5]. Эта статья знаменует собой начало целой эпохи в научном творчестве ученого — истории русского города, и прежде всего истории Москвы XVII в. С. К. Богоявленский

впервые обращается к статистике в своих исторических трудах. Пользуясь статистическим материалом, взятым из писцовых и переписных книг, он проводит сравнение данных количества и движения населения среди русских городов XVII в.

Работая в архиве и постоянно соприкасаясь с документами, С. К. Богоявленский сам проникался духом прошлого. Московский главный архив Министерства иностранных дел, первый русский исторический архив, в конце прошлого века являлся одним из крупнейших хранилищ исторических памятников. В составе архива хранились уникальные фонды Посольского приказа, Коллегии иностранных дел и многих других учреждений — материалы, характеризующие внутреннее управление и внешнюю политику России XIV—XIX вв.

Начиная с 1900 г. он, занимаясь разбором фондов, выявляет и публикует в книжках "Чтений в Обществе истории и древностей российских" массу интересных, занимательных документов XIV—XVII вв.[6] С годами внимание Богоявленского все больше концентрировалось на истории Москвы.

В 1910 г. ученый принял активное участие в издании сборника статей "Москва в ее прошлом и настоящем". Это роскошное, богато иллюстрированное двенадцатитомное издание было посвящено памяти И. Е. Забелина. В нем участвовали такие крупные знатоки истории Москвы, как Д. Н. Анучин, М. К. Любавский, С. Ф. Платонов, Ю. В. Готье, И. Э. Грабарь, А. А. Кизеветтер, М. М. Богословский. С. К. Богоявленский написал для этого издания четыре статьи: "Управление Москвой в XVI—XVII вв.", "Войско в Москве в XVI—XVII вв.", "Московские смуты в XVII в.", "Театр в Москве при царе Алексее Михайловиче"[7]. В них популярно представлена яркая картина жизни русской столицы XVII в.: и административное хозяйство, и военные вопросы, и классовая борьба, и культурная жизнь, словом, все стороны жизни большого города. Этими статьями ученый наметил основные вопросы изучения истории Москвы XVII в.

Наряду с публикациями отдельных документов, С. К. Богоявленский издавал сборники. Особо интересен сборник документов "Московский театр при царях Алексее и Петре"[8]. При его составлении автор попытался наиболее полно осветить историю возникновения первого московского театра XVII — начала XVIII в. Автор исследовал всю касающуюся этого вопроса литературу и документы с 1672 по 1708 г. Он пишет не только об истории возникновения и жизни театра, но и о хозяйственной деятельности, связанной с этим. Так, приводятся сведения о постройке театральных зданий, о приготовлении костюмов и декораций, о постановке спектаклей, о передвижении театра и о финансовых расходах. Богоявленский подробно рассказывает о репертуаре, о подготовке спек-

таклей, перечисляет действующих лиц. Примечательно то, что он подробно описывает костюмы артистов и материалы, используемые при их изготовлении. В сборник включены комедия "О Франталнее, короле эпирском, и Мирандоне, сыне его, и о прочих" и отрывок из комедии "О крепости Грубитоне". Сам Сергей Константинович позже неоднократно обращался к теме своей публикации. После его смерти в первом томе юбилейного издания "Истории Москвы" появился небольшой раздел "Театр"[9], где повторены и обобщены факты и мысли, изложенные в сборнике.

После Октябрьской революции С. К. Богоявленский принимал активное участие в проведении реформы архивного дела в стране[10].

Как большой знаток истории Москвы, он участвует в заседаниях Общества истории и древностей российских (до его закрытия) Государственного Исторического музея, Комиссии по изучению старой Москвы и других учреждений, занимающихся историей столицы. Особо следует сказать о его деятельности в обществе "Старая Москва".

В Обществе работали подвижники, знатоки истории Москвы. Душой Общества был П. Н. Миллер, представлявший из себя, по словам С. К. Богоявленского, "полную энциклопедию истории Москвы, сделавшись и сам ее достопримечательностью"[11].

В 20-е гг. С. К. Богоявленский выступает в Обществе с многочисленными докладами. Вот некоторые из них: "О Мещанской слободе в XVII в." (1921), "О санитарном состоянии Москвы в XVII в." (1923), "Дворовые деревянные постройки в Москве в XVII в." (1924), "О 15-летней деятельности "Старой Москвы" (1924), "О голицынском доме в Охотном ряду" (1926), "Казенная слобода и Торговые ряды XVII в. в графическом изображении" (1929—1930), "Московские слободы в XVII в." (1929)[12].

Многие из этих докладов были позднее переработаны ученым в виде отдельных статей и глав для первого тома юбилейного издания "История Москвы". По свидетельству С. В. Бахрушина, С. К. Богоявленским был написан весь раздел, посвященный XVII в., причем это и самые живые страницы[13]. В первый том, вышедший в 1952 г., вошли в основном работы, написанные ученым в соавторстве с другими историками. Другие же работы, написанные им для этого издания, опубликованы лишь сравнительно недавно, в 1980 г.[14]

Большинство трудов С. К. Богоявленского по истории Москвы XVII в., написанных после революции, можно разделить на несколько тем. Значительное место среди них занимают работы по слободскому устройству Москвы.

10 мая 1929 г. на заседании Общества изучения Московской губернии (области) С. К. Богоявленский выступил с докладом "Московские слободы и сотни в XVII в.". А в 1930 г.

доклад был опубликован в виде статьи[15]. Небольшая по размерам статья знаменовала собой итог многолетних изысканий по истории московского слободского устройства. Если сейчас топографическое положение определяется административным районом, названием улицы, переулка или площади и номером дома, то в XVII в. этих понятий не было. Местоположение определялось следующими понятиями — часть города по признаку укрепленной черты (Кремль, Китай-город, Белый город, Земляной город), приход, слобода. Однако и эти понятия были относительны. Большие слободы имели несколько приходов, а маленькие являлись частью прихода. Но не вся территория Москвы делилась на слободы, например в Кремле их не было. Сергей Константинович приводит список более 150 слобод за весь XVII в., их границы, количество дворов. Эти данные вошли почти во все работы по истории Москвы XVII в.

Он разделяет их на:

дворцовые и казенные — 51 слобода (в основном за пределами Белого города);

монастырские и владычные — 26 слобод (около монастырей);

иноземные — 8 слобод;

военные (стрелецкие, солдатские, пушкарские и др.) — 33 слободы (в черте Земляного города, очень много в Замоскворечье);

"черные" слободы (сотни) — 25 слобод (много в Белом городе и в восточных районах Земляного города).

Далее Богоявленский делает интересные выводы о составе слободского населения Москвы. По переписи населения 1663 г. в дворцовых, "черных", монастырских, иноземных слободах было 9200 дворов. Но в то же время в столице одних стрельцов было 12 тыс. человек, не учитывая других категорий военных. Считая в среднем по 1¼ человека на двор, получается около 11 тыс. дворов, заселенных военными людьми. Следовательно, слободское население Москвы было по преимуществу военным, "но это обстоятельство нисколько не умаляло значения Москвы как торгового и промышленного центра, так как большинство военных людей занималось торговлей и ремеслами и иногда вело эти занятия в широких размерах"[16]. Затем ученый касается внутреннего устройства слобод, подчеркивая их сильно развитое самоуправление, так как "власти старались иметь дело не с одним лицом, а со слободской организацией"[17]. В этой статье как бы сконцентрированы основные мысли всех работ ученого по истории московских слобод.

Доклад "О Мещанской слободе в XVII в." был прочитан С. К. Богоявленским в 1921 г. Он явился началом более чем 20-летнего изучения этой темы. Итогом стала монография "Московская Мещанская слобода в XVII в.", опубликованная только спустя 33 года после смерти автора[18].

История Мещанской слободы началась в 50-х гг. XVII в., когда во время войн с Польшей в Москве оказалось большое количество искавших в столице защиту от притеснений польской шляхты и католического духовенства переселенцев из западных областей России и Белоруссии, беженцев и, наконец, просто пленных. Большинство из них были жители белорусских городов и местечек, таких, как Орша, Могилев, Витебск, Полоцк и др. В 1670—1671 гг. эти люди поселились в слободе, получившей название Мещанской. Под нее были отведены загородные земли за Земляным городом в районе Сретенских ворот (ныне станция метро "Сухаревская").

Мещанская слобода, как заселенная мещанами иностранного происхождения, подчинялась Посольскому приказу. С. К. Богоявленский в подробностях восстанавливает жизнь слободы на протяжении всех 30 лет ее существования. На основе архивных документов, тщательно аргументируя каждое положение, приводя многочисленные примеры, ученый показывает социально-политическую, экономическую и духовную жизнь слободы, причем показывает это не в застывшем виде, а в развитии, в движении, во взаимосвязи. Таким образом, монография не макет, а действующая модель, и не только Мещанской слободы, но и во всей слободской Москвы.

К этой монографии, оконченной в 1945 г., примыкают исследования по истории других московских слобод. В 1947 г. выходит статья "Московская Немецкая слобода"[19].

Оценивая жизнь Немецкой слободы, С. К. Богоявленский приходит к выводу, что "культурное влияние Немецкой слободы слишком переоценивается. Это влияние не могло быть значительным и по малочисленности жителей слободы, и по характеру занятий основной части населения слободы, и по моральному уровню, и, наконец, по тем недоброжелательным отношениям, которые упорно держались между москвичами и иностранцами"[20]. В этой статье сказалось существовавшее тогда негативное отношение к иностранному влиянию в Московском государстве.

Много сделал С. К. Богоявленский по исторической топографии и картографии столицы[21]. Интересно то, что в "Истории Москвы" были опубликованы планы и карты, составленные С. К. Богоявленским, а пояснения к ним напечатали спустя 28 лет. Это очерки "Казенная слобода 1678—1680 гг.", "Топография Торговых рядов на Красной площади". Работа осложнялась многими моментами. Во-первых, Богоявленский отмечает то, что перепись московских рядов 1626 г., напечатанная И. Е. Забелиным[22], недостаточно полная, так как не сохранилось полного описания Торговых рядов. Во-вторых, ряды меняли свою величину, местоположение, носили несколько названий, и, наконец, "крайняя разбросанность подсобного материала, извлекаемого из купчих крепостей,

судебных исков, полицейских протоколов и проч."[23]. Можно только восхищаться той кропотливой работой, которую провел Богоявленский, ведь помимо документов XVII в. ему "приходилось улавливать малейшие указания на местоположение того или другого ряда, а также привлекать материалы XVIII в., в которых могли быть ссылки на факты XVII в."[24]. Богоявленский пользовался столбцами Приказного стола фонда Разрядного приказа и материалами из трудов И. Е. Забелина.

Топографии Москвы посвящена и работа "Источники для восстановления топографии Москвы XVII века"[25]. Если точнее, она затрагивает источники," на основании которых можно было бы начертить план Москвы XVII в."[26]. Автор проводит анализ различных планов Москвы. Признав недостоверным древнейший план (чертеж Кремля XVI в.), он останавливается на трех, по его мнению, наиболее ценных — Сигизмундове, Годуновском и Петровом планах. Заметив большое сходство планов (в них совпадают даже некоторые неточности), Богоявленский приходит к выводу о их "едином прототипе". Параллельно с анализом чертежей он делает выводы о тогдашнем состоянии Кремля и Москвы в целом. При помощи подсобного материала он пытается установить время составления планов.

Работая с фондами Приказа тайных дел, Разрядного, Поместного приказов, Оружейной палаты, Богоявленский дает обзор документов, содержащих сведения по топографии Москвы. Это рукописные планы отдельных частей города, писцовые книги, купчие, закладные, раздельные и другие документы, "касающиеся права владения недвижимостью в Москве".

Статья "Казенная слобода в 1678—1680 гг."[27] — пояснение к плану, опубликованному в первом томе "Истории Москвы". Написанная в последние годы жизни, она повторяет мысли, прозвучавшие в докладе "Казенная слобода и Торговые ряды XVII века в графическом изображении". В ней автор воспользовался показаниями писцовой книги Казенной слободы 1678—1680 гг., хранящейся в РГАДА в фонде Оружейной палаты. В книге даны подробные сведения о размерах и расположении дворовых участков слободы. Богоявленский тщательно изучает данные писцовой книги. Проведя сравнительный анализ с книгой более ранней переписи, он приходит к выводу о постоянном процессе деления участков владений на мелкие и как редкие исключения отмечает случаи объединения дворов.

Большое внимание С. К. Богоявленского как историка Москвы XVII в. привлекала экономическая история города. В 1920-х гг. он пишет две работы о московских предприятиях.

Статья "Шелковая фабрика в Москве в XVII в."[28] повествует о первых попытках создания в городе ткацкой про-

мышленности. Шелковая фабрика, или, как ее еще называли, Бархатный двор, возникла в 1681 г. Ее устроитель и хозяин уроженец Гамбурга Арнольд Паульсен (в Москве его называли Захарий Абрамов Павлов) специально привез из Швеции станки и 18 мастеров. Он открыл фабрику на территории Немецкой слободы и быстро стал выпускать продукцию. Однако это начинание сразу столкнулось с многочисленными сложностями. Московские торговцы, видевшие в Паульсене конкурента, чинили ему всевозможные помехи, писали доносы, бойкотировали продажу. Сказывалось отсутствие шелка-сырца. К 1684 г. из персонала фабрики остался один Паульсен. Для погашения его долгов государство взяло фабрику в казну, оставив Паульсена ее начальником. Однако дешевизна привозных тканей вынудила правительство в 1689 г. закрыть фабрику и отпустить мастера на родину. При написании статьи С. К. Богоявленский широко использовал архивные документы из фондов различных московских учреждений.

Другой доклад — "Новый Английский денежный двор"[29] был прочитан в Государственном Историческом музее в 1928 г. Доклад был построен на многочисленных свидетельствах архивных документов. Ученый конкретно осветил весь процесс работы и обстановку на новом Денежном дворе в Москве (бывшем Английском подворье). По крупицам выбирая отдельные факты из документов разных архивов, Богоявленский установил местоположение и устройство двора, представил процесс изготовления медных денег, для производства которых, по мнению автора, и был построен двор. Материалы этого доклада широко используются отечественными историками в работах по нумизматике.

С экономической историей Москвы XVII в. связан еще ряд работ ученого. Это статья "О Пушкарском приказе"[30], рассказывающая о деятельности крупнейшего предприятия литейной промышленности. Кроме того, в "Истории Москвы" Богоявленскому принадлежит глава о территории, населении и торговле Москвы XVII в.[31]

Занимался Сергей Константинович и социальной историей Москвы.

В 1937 г. появляется его статья "Приказные дьяки XVII века"[32]. В ней рассматриваются состав и общественное положение этого высшего слоя московской приказной администрации. Встречавшиеся в литературе того времени сведения о происхождении дьяков были весьма расплывчаты. Просматривая списки подьячих в книгах и делах, сохранившихся в архиве Разрядного приказа, Богоявленский заметил много фамилий, говорящих о их дворянском происхождении. Анализируя эти списки, он приходит к выводу о неоднородности по составу дьяческого чина. Он попытался составить представление об их сословном происхождении. Каждого дьяка нужно было рассматривать отдельно. Из приведенных

Богоявленским данных видно, что дьяки набирались в основном из дворянской среды, однако не из представителей титулованного дворянства.

Обозревая службу дьяков, Богоявленский заметил, что "дьяки не засиживались в приказах, а часто переходили из одного приказа в другой... причем часто нельзя уловить причин переброски"[33]. В приказах же дьяки были в большой зависимости от начальников, у многих "судьба была связана с судьбой начальника приказа". Далее автор касается вопроса старшинства и материальных благ. В конце он говорит о поле деятельности, открывающемся перед думными дьяками. В заключение Богоявленский отмечает, что XVII век стал веком упадка для дьяков, они лишь немного пережили его. Все эти выводы основаны на документальном материале. Каждый тезис всесторонне аргументирован фактами, почерпнутыми из документов фондов Разрядного и Посольского приказов, фонда "Боярские и городовые книги", фонда "Секретные дела". Вот почему его работа снабжена множеством примеров, цитат из документов.

К теме высшей служилой бюрократии С. К. Богоявленский вернулся в 1940-х гг., когда в 1946 г. вышла одна из самых замечательных его работ — справочник "Приказные судьи XVII века"[34]. Он представляет собой наиболее полный список судей (начальников) всех приказов за XVII в. Значение этой работы трудно переоценить. Фактически она является настольным пособием для каждого историка, занимающегося XVII в.

Привлекает ученого и тема московских городских восстаний XVII в. К ней он возвращался на протяжении всей своей жизни. В 1910 г. вышла уже упоминаемая выше статья "Московские смуты в XVII в.", где подробно описаны московские восстания 1648, 1662 и 1682 гг. Через много лет, в начале 1940-х гг., С. К. Богоявленский возвратился к событиям 1682 г., известным под названием Хованщина[35]. Ученый отрицательно оценивает главных участников восстания — стрельцов, подчеркивая, что "интересы стрельцов не шли дальше приобретенных материальных благ и потому... вызывали раздражение во всех слоях общества"[36].

С социальными движениями в Москве связан и небольшой раздел в "Истории Москвы" под названием "Отголоски крестьянской войны 1670—1671 гг. в Москве"[37].

Отдельно следует сказать о работах Сергея Константиновича о старой архитектуре. Во-первых, это доклад "Дворовые деревянные постройки в Москве в XVII в."[38]. Он посвящен московской деревянной архитектуре и ценен конкретной связью каждой описываемой архитектурной детали с письменными источниками и методикой работы. Богоявленский отмечает, что деревянных построек XVII в. сохранилось крайне мало и для исследователя остается "еще один комплекс источников, способный раскрыть ряд загадок старин-

ного зодчества, — это архивный материал. В вопросе о старинных дворовых деревянных постройках сотрудничество историка-архивиста с архитектором-археологом более необходимо, чем в разработке иного какого-нибудь вопроса по истории русского внешнего быта"[39]. Хотя в столичном гражданском градостроении XVII в. большинство зданий было из дерева, они отличались своеобразной красотой и многообразием. Простая форма сруба при нагромождении одного на другой приобретала подчас самые фантастические и замысловатые очертания. Это напоминает детскую игру в кубики, когда из простых деталей составляются сложные постройки. Такой "секционный" метод строительства был принят в Москве. По мере роста богатства владельца дома к срубу пристраивались дополнительные помещения, и в итоге получалось причудливое нагромождение различных построек, представляющих одно целое. Далее ученый подробно описывает назначение каждого помещения. Он раскрывает такие термины, как "изба", "горница", "светлица", "комната", "клеть", "сени", "чердак", "погреб", "сушило" и др.

Другая статья — "Двор князей Голицыных в Охотном ряду в Москве"[40] ставит перед собой цель более конкретную — детально восстановить первоначальный внешний облик дворца Голицыных, а также его внутреннее убранство. С большим мастерством, используя многочисленные архивные свидетельства, ученый как бы воссоздает это здание во всем его великолепии. Ценность статьи возрастает еще в связи с тем, что этот дом не сохранился.

Занимался С. К. Богоявленский и историей костюма. В 1945 г. вышел его очерк "Киевская и Московская Русь" для сборника "Русский исторический костюм для сцены"[41]. Рекомендации ученого легли в основу при постановках во многих театрах, в частности оперы М. П. Мусоргского "Борис Годунов" в Большом театре.

Наряду с исследовательской деятельностью Богоявленский вел большую работу по популяризации истории Москвы, являясь членом Комиссии содействия реконструкции города Москвы, ученых советов Государственного Исторического музея, Музея истории и реконструкции Москвы (председатель научного актива при музее), являлся одним из редакторов издания Моссовета "Московский некрополь". Выступал с популярными лекциями по истории Москвы.

Заслуги Сергея Константиновича были по достоинству оценены. В 1929 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР. В Московском историко-архивном институте была учреждена стипендия его имени.

Скончался С. К. Богоявленский 31 августа 1947 г. и похоронен на Новодевичьем кладбище. Многие работы ученого вышли уже после его смерти[42]. Научное наследие Сергея

Константиновича находится в его личном фонде в Архиве РАН[43].

Работы С. К. Богоявленского по истории Москвы XVII в., написанные на основе архивного материала, привлекают внимание своей живой силой, обилием новых данных, фактов, примеров. Недаром его труды широко используются почти всеми учеными, занимающимися историей нашей столицы.

Настоящий москвич, большой знаток московской старины, С. К. Богоявленский был беззаветно предан своему родному городу и посвятил служению ему всю свою жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ныне это дом № 18 на Пятницкой улице.

[2] Воспоминания С. К. Богоявленского о В. О. Ключевском / Сост. С. О. Шмидт // Археографический ежегодник за 1980 год. М., 1981. С. 310.

[3] См.: *Богоявленский С. К.* Изложение сообщения о составлении археологической карты Московской губернии // Древности: Труды Московского археологического общества. М., 1906. Кн. 21. Вып. 1. С. 40.

[4] См.: *Богоявленский С. К.* Материалы к археологической карте Московского края // Материалы и исследования по истории Москвы. М.—Л., 1947. Т. 1. С. 168—178.

[5] *Богоявленский С. К.* Некоторые статистические данные по истории русского города XVII столетия М., 1899.

[6] См.: Список научных трудов Богоявленского С. К. / Сост. Н. Я. Крайнева // Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974. С. 286—290.

[7] См.: *Богоявленский С. К.* Управление Москвой в XVI—XVII вв. // Москва в ее прошлом и настоящем. Вып. 3. М., 1910. С. 81—96; *Он же.* Войско в Москве в XVI—XVII вв. // Там же. Вып. 4. М., 1910. С. 62—84; *Он же.* Московские смуты в XVII в. // Там же. Вып. 6. М., 1910. С. 123—140; *Он же.* Театр в Москве при царе Алексее Михайловиче // Там же. С. 97—104.

[8] См.: Московский театр при царях Алексее и Петре / Сост. С. К. Богоявленский // Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн. 2. М., 1914.

[9] См.: *Богоявленский С. К.* Театр // История Москвы. М., 1952. Т. 1. Гл. 6. §4. С. 677—684.

[10] Об архивной деятельности С. К. Богоявленского см.: *Функ М. К.* Разработка С. К. Богоявленским вопросов теории и методики архивного дела в 20-е годы (по неопубликованным работам) // Историография и источниковедение архивного дела в СССР: (Межвузовский сборник). М., 1991.

[11] Статья С. К. Богоявленского "Памяти П. Н. Миллера" публикуется в этом томе.

[12] См.: Историко-краеведческие материалы фонда Общества изучения Московской губернии (области) / Сост. С. Б. Филимонов. М., 1980.

[13] См.: *Бахрушин С. В.* С. К. Богоявленский как историк // Вопросы истории. 1948. № 8. С. 87—88.

[14] См.: *Богоявленский С. К.* Научное наследие. О Москве XVII века. М., 1980.

[15] См.: *Богоявленский С. К.* Московские слободы и сотни в XVII в. // Московский край в его прошлом. М., 1930. Ч. 2. С. 115—131.

[16] Там же. С. 127.

[17] Там же.

[18] См.: *Богоявленский С. К.* Московская Мещанская слобода в XVII в. // Научное наследие. О Москве XVII века. С. 9—170.

[19] См.: *Богоявленский С. К.* Московская Немецкая слобода // Известия АН СССР. Серия "История и философия". М., 1947. № 3. Т. 4. С. 220—232.

[20] Там же. С. 229.

[21] См.: *Богоявленский С. К.* Научное наследие. О Москве XVII века. С. 171—173, 174—180, 181—191.

[22] См.: *Забелин И. Е.* Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М., 1891. Ч. 2. Стб. 1107—1150.

[23] *Богоявленский С. К.* Топография Торговых рядов на Красной площади // Научное наследие. О Москве XVII века. С. 174.

[24] Там же.

[25] См.: *Богоявленский С. К.* Источники для восстановления топографии Москвы XVII века // Научное наследие. О Москве XVII века. С. 181—191.

[26] Там же. С. 190.

[27] См.: *Богоявленский С. К.* Казенная слобода в 1678—1680 гг. // Научное наследие. О Москве XVII века. С. 171—173.

[28] Архив РАН, ф. 553, оп. 1, д. 26.

[29] *Богоявленский С. К.* Новый Английский денежный двор //Научное наследие. О Москве XVII века. С. 233—239.

[30] См.: *Богоявленский С. К.* О Пушкарском приказе // Сборник статей в честь М. К. Любавского, Пг., 1917. С. 361—385.

[31] См.: *Богоявленский С. К.* Торговля Москвы // История Москвы. М., 1952. Т. 1. Гл. 1. § 3. С. 423—445; *Он же* и *Бахрушин С. В.* Территория и население // Там же. Гл. 2. С. 446—533.

[32] См.: *Богоявленский С. К.* Приказные дьяки XVII века // Исторические записки. М., 1937. Т. 1. С. 220—239.

[33] Там же. С. 229.

[34] См.: *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII века. М.—Л., 1946.

[35] См.: *Богоявленский С. К.* Хованщина // Исторические записки. М., 1941. Т. 10. С. 180—221.

[36] Там же. С. 207.

[37] См.: *Богоявленский С. К.* Отголоски крестьянской войны 1670—1671 гг. в Москве // История Москвы. М., 1952. Т. 1. Гл. 4. § 3. С. 595—597.

[38] См.: *Богоявленский С. К.* Дворовые деревянные постройки в Москве в XVII в. // Научное наследие. О Москве XVII века. М., 1980. С. 192—220.

[39] Там же. С. 193—194.

[40] См.: *Богоявленский С. К.* Двор князей Голицыных в Охотном ряду в Москве // Научное наследие. О Москве XVII века. С. 221—231.

[41] См.: *Богоявленский С. К.* Киевская и Московская Русь: (Исторический очерк) // Русский исторический костюм для сцены / Под ред. Н. В. Гиляровской. М.—Л., 1945. С. 7—30.

[42] См. список работ С. К. Богоявленского.

[43] Состав и содержание документов фонда см.: *Станиславский А. Л.* Личный фонд С. К. Богоявленского в Архиве РАН. С. 283—285.

Список работ С. К. Богоявленского

Опубликованные

Некоторые статистические данные по истории русского города XVII столетия. М., 1899.

Отчет о раскопках Елизаровского могильника Волоколамского уезда Московской губернии 1900 г. М., 1901. (Совместно с Ю. В. Готье.)

Изложение сообщения о составлении археологической карты Московской губернии // Древности: Труды Московского археологического общества. Вып. 1. М., 1906. Кн. 21. С. 40.

Управление Москвой в XVI—XVII вв. // Москва в ее прошлом и настоящем. Вып. 3. М., 1910. С. 81—96.

Войско в Москве в XVI—XVII вв. // Москва в ее прошлом и настоящем. Вып. 4. М., 1910. С. 62—84.

Московские смуты в XVII в. // Москва в ее прошлом и настоящем. Вып. 6. М., 1910. С. 123—140.

Театр в Москве при царе Алексее Михайловиче // Москва в ее прошлом и настоящем. Вып. 6. С. 97—104.

Московский театр при царях Алексее и Петре / Сост. С. К. Богоявленский // Чтения в Обществе истории древностей российских. М., 1914. Кн. 2. С. 1—192.

О Пушкарском приказе // Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917. С. 361—385.

Состав Московского слободского схода // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 322—329.

Московские слободы и сотни в XVII в. // Московский край в его прошлом. М., 1930. Ч. 2. С. 115—131.

Приказные дьяки XVII века // Исторические записки. М., 1937. Т. 1. С. 220—239.

Хованщина // Исторические записки. М., 1941. Т. 10. С. 180—221.

Киевская и Московская Русь: (Исторический очерк) // Русский исторический костюм для сцены / Под ред. Н. В. Гиляровской. М.—Л., 1945. С. 7—30.

Центральный государственный архив древних актов: Путеводитель. Ч. 1 / Под ред. С. К. Богоявленского. М., 1946.

Приказные судьи XVII века. М.—Л., 1946.

Материалы к археологической карте Московского края // Материалы исследований по археологии Москвы. М.—Л., 1947. Т. 1. С. 168—178.

Московская Немецкая слобода // Известия АН СССР. Серия "История и философия". М., 1947. № 3. Т. 4. С. 220—232.

Торговля Москвы // История Москвы. М., 1952. Т. 1. Гл. 1. § 3. С. 423—445. (Совместно с С. В. Бахрушиным.)

Территория и население // История Москвы. Гл. 2. С. 446—533. (Совместно с С. В. Бахрушиным.)

Отголоски крестьянской войны 1670—1671 гг. в Москве // История Москвы. Гл. 4. § 3. С. 595—597.

Просвещение, научно-техническая мысль и литература в Москве // История Москвы. Гл. 5. С. 603—637. (Совместно с С. В. Бахрушиным и Н. В. Устюговым.)

Театр // История Москвы. Гл. 6. § 4. С. 677—684.

Государственная Оружейная палата Московского Кремля: Сборник научных трудов по материалам Гос. Оружейной палаты / Под ред. С. К. Богоявленского и Г. А. Новицкого. М., 1954.

Стрелецкое восстание 1682 г. // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. М., 1955. Гл. 2. § 9. С. 325—336. (Совместно с Н. В. Устюговым.)

Царская власть и Боярская дума // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. Гл. 3. § 2. С. 344—360. (Совместно с К. В. Базилевичем и Н. С. Чаевым.)

Местное управление // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. Гл. 3. § 5. С. 384—394. (Совместно с С. Б. Веселовским.)

Театр // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. Гл. 5. С. 658—662. (Совместно с Л. Н. Пушкаревым.)

Московская Мещанская слобода в XVII в. // *Богоявленский С. К.* Научное наследие. О Москве XVII века М., 1980. С. 9—170.

Казенная слобода в 1678—1680 гг. // *Богоявленский С. К.* Научное наследие. О Москве XVII века. С. 171—173.

Топография Торговых рядов на Красной площади // *Богоявленский С. К.* Научное наследие. О Москве XVII века. С. 174—180.

Источники для восстановления топографии Москвы XVII века // *Богоявленский С. К.* Научное наследие. О Москве XVII века. С. 181—191.

Дворовые деревянные постройки XVII в. // *Богоявленский С. К.* Научное наследие. О Москве XVII века. С. 192—220.

Двор князей Голицыных в Охотном ряду в Москве // *Богоявленский С. К.* Научное насление. О Москве XVII века. С. 221—232, 248—252.

Новый Английский денежный двор // *Богоявленский С. К.* Научное наследие. О Москве XVII века. С. 233—239, 253—255.

Неопубликованные

Шелковая фабрика в Москве в XVII в.: (Статья) // Архив РАН, ф. 553, оп. 1, д. 26.

Работы по планировке Москвы в 1629—1631 гг.: (Статья) // Архив РАН, д. 27.

Старая Москва: (Статья) // Архив РАН, д. 54.

История Москвы: (Лекция, читанная в Политехническом музее в 1946 г.) // Архив РАН, д. 59.

Первый московский театр: (Статья) // Архив РАН, д. 66.

А. И. Фролов

СОЗДАТЕЛЬ МОСКОВСКОГО МУЗЕЯ ИГРУШКИ

НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВИЧ БАРТРАМ. 1873 — 1931

Судьба позволила Николаю Дмитриевичу Бартраму ярко проявить себя на разных поприщах: он известен как художник-прикладник, исследователь истории игрушки, московский краевед, музейный деятель, неоспорим его вклад в создание системы эстетического воспитания детей, в становление советского кукольного театра, в подготовку кадров для предприятий по выпуску игрушек. Этот очерк посвящен деятельности Николая Дмитриевича в области музейного дела и краеведения, истории создания по его инициативе и работе под его руководством Музея игрушки.

Но сначала о самом Николае Дмитриевиче, его биографии, воспитании, наклонностях и характере.

Род Бартрамов уходит своими корнями в Шотландию. Известно, что предки Николая Дмитриевича в начале XVII в. переселились из Шотландии в Швецию и стали жителями Выборга (этот город, как и вся Финляндия, принадлежал тогда Швеции). В 1721 г. по условиям Ништадтского договора Выборг перешел к России. Так выходцы из Шотландии стали русскими подданными.

Дед Николая Дмитриевича — Эрнест Иванович — служил в русской армии в Оренбургском уланском полку. В семье бережно хранили обтянутую кожей с золотым тиснением коробочку с крошечной золотой саблей — свидетельство о награждении его именным золотым оружием за храбрость.

Отец Николая Дмитриевича — Дмитрий Эрнестович имел пристрастие не к баталиям, а к искусству. По окончании Академии художеств он работал в мастерских художников Стрелкова и Рыбникова, принимал участие в сооружении здания Российского Исторического музея в Москве под руководством архитектора В. О. Шервуда.

Уже в зрелом возрасте Д. Э. Бартрам женился на Анастасии Михайловне Кусаковой, девушке общительной и жизнерадостной. От нее Николай Дмитриевич унаследовал мягкий характер, склонность к шутке и даже озорство.

Родился Николай (а это был четвертый ребенок в семье) 24 августа 1873 г. в деревне Семеновке Льговского уезда Курской губернии. Вечно прихварывавшему мальчику не довелось закончить гимназию. Домашнее образование дал ему отец.

Отец был кумиром ребенка. Это был прекрасно образованный человек, имевший возможность много путешествовать и в своем отечестве, и за его пределами. Наглядными воспоминаниями об этих романтических странствиях служили альбомы миниатюрных акварелей, техникой которой отец владел в совершенстве.

К этому нужно добавить, что отец Коли был мастером на все руки. Рядом с секретером в его кабинете стояли верстак и токарный станок, тут же висела полка с набором разнообразного инструмента. Казалось, ему как-то само собой удавалось все: то он сделает деревянные шкатулки, то переплеты для альбомов, притом не простенькие, а украшенные тонкой инкрустацией в виде изощренного растительного орнамента с букетами и цветами, то подчасники, убранные резными розами, то изящный ореховый столик. А однажды построил Дмитрий Эрнестович для детей четырехколесную коляску с нарядной, расписанной букетами цветов спинкой.

Кабинет отца был пропитан бодрящим ароматом свежевыструганного дерева, смешанным с острым запахом красок и лаков. Надо ли говорить, что Николаша часами пропадал в этом кабинете-мастерской? Вместе с божественным запахом дерева он на всю жизнь впитал в себя дух творчества — одно из самых драгоценных человеческих качеств.

Постепенно мальчик втянулся в самостоятельную работу, овладел столярным ремеслом, немыслимым без знания свойств дерева, приемов работы с каждым инструментом и предельной аккуратности.

Второй человек, которому обязан Бартрам своим духовным развитием, интересом к прошлому и памятникам прошлого, был почетный академик Петербургской академии наук Иван Егорович Забелин, один из создателей и руководителей Российского Исторического музея. О близости отношений со знаменитым историком говорит такая деталь: нередко Бартрам приходил к нему со своей маленькой дочерью Асей. Вот как вспоминала об этих визитах в массивное краснокирпичное здание на Красной площади сама Анастасия Николаевна: "...темное, сводчатое помещение кабинета Забелина, зарешеченные окна, шкафы, стеллажи, полные деревянной утвари и резных досок, стол, заваленный книгами и бумагами, и за ним — большой, с длинной бородой и густыми волосами Забелин. Мне казалось, что он, как могучий старый дуб, врос своими корнями во все окружающие его предметы крестьянского искусства. К нему в Исторический музей приходил работать отец, и это он — Забелин — сумел внушить ему любовь к народному твор-

честву. ⟨...⟩ У Забелина он понял и полюбил труд и искусство, вложенное в народные деревянные изделия, понял их мудрую простоту, декоративность в решении форм и традиционность выполнения"[1].

Встреча с профессором-этнографом Верой Николаевной Харузиной на всю жизнь определила интерес Н. Д. Бартрама к изучению этнографии. С этой целью он работал в частных собраниях П. И. Щукина, Л. Г. Оршанского, С. Н. Тройницкого, А. Н. Бенуа, а также в Румянцевском и Российском Историческом музеях.

В конце 1880-х гг. Николай поступил в Московскую школу живописи, ваяния и зодчества, однако, не закончив ее, продолжил занятия живописью и рисунком в мастерской художника-акварелиста и педагога Николая Авенировича Мартынова. Занятия проходили у него дома, в небольшом особнячке в 3-м Неопалимовском переулке. От своего учителя Н. Д. Бартрам воспринял чувство красок, умение понимать и ценить цвет.

Таковы были "университеты" молодого Бартрама.

Семена, зароненные в восприимчивую юношескую душу, вскоре дали первые всходы. В 1893—1903 гг. в усадьбе Семеновке Льговского уезда Курской губернии под руководством Бартрама работала учебная мастерская игрушечно-столярного производства. Здесь по его рисункам и эскизам было создано множество игрушек, в своеобразной форме воскресавших мир Древней Руси, предметно воплощавших в себе образы русского фольклора: копилка-барин, волчок, щелкушки, Аника-воин. Продолжалась и научная работа: особенно привлекала Бартрама история игрушки. Он изучает историю производства игрушек в Московской, Владимирской и других губерниях России, проводит изыскания в музеях Парижа, Берлина, Нюрнберга. За границей его в первую очередь интересует игрушка и примитивное искусство.

По возвращении в Москву семья Бартрама (у него были две дочери — Маруся и Ася) поселилась на Арбате, в Калошином переулке. Биографического материала об этом периоде мало. Тем интереснее для нас описание квартиры Николая Дмитриевича, дающее очень живое представление о его наклонностях, вкусах, характере и в какой-то степени даже о мировоззрении. "Покажи мне, как ты устраиваешь свой быт, а я скажу, кто ты" — так можно перефразировать известное выражение. Так вот, в столовой целый угол занимала просторная вольера для птиц. В ней жили синицы, щеглы, чижи и пара снегирей. Стоял несмолкаемый птичий гомон. По полу прыгал зайчонок, пробавлявшийся обдиранием обоев у плинтусов. По квартире разгуливал кот Иноход, в стеклянной банке жил мышонок Пип. А одно время эту пеструю компанию дополнял ежик Ермолай. Трудно не согласиться с теми, кто при виде этой живописной картины спешил воскликнуть: "...в доме все не так, как у людей: не столовая, а просто зоологический сад!"[2]

...Как раз в это время Н. Д. Бартрам работал над иллюстрациями к книге А. А. Федорова-Давыдова "Приключения Пипа" и к сказке С. Т. Аксакова "Царь Горох и царевна Горошина".

В рабочем кабинете Николая Дмитриевича была собрана хорошая библиотека: книги по истории русского и зарубежного искусства, альбомы и журналы.

Вещи и в кабинете являли собой внешнее проявление быта. Мебель — очень простая, неполированная, из кустарной мастерской деревни Семеновки, тахта, обтянутая домотканым сукном с подушками из набойки и китайки. На стенах лубочные картинки "Бабелина — героиня Греции", "Как мыши кота хоронили", "Лестница жизни". Предмет вожделения детей — шкафы с игрушками: сергиевскими, городецкими, вятскими, немецкими, японскими. На резной полке — превосходный, переливающийся прихотливым сочетанием сине-зеленых тонов кувшин из Скопина с пучком павлиньих перьев. (Мотив павлиньих перьев нередко встречается в игрушках и декоративных вышивках, выполненных по рисункам Бартрама.) Дом-музей? Едва ли. Скорее, органичная атмосфера творческого человека. Все вещи бартрамовской квартиры не были декорацией, они жили вместе с Николаем Дмитриевичем, служили ему, помогали. Нам же эти вещи, пусть даже их описания, помогают глубже понять душу этого человека. (Отсюда, вероятно, и наше пристрастие, заинтересованное отношение к мемориальным музеям.)

Как уже отмечалось, в 1900-е гг. Н. Д. Бартрам создал десятки своеобразных игрушек по собственным эскизам. Особенно увлекался он архитектурной игрушкой. С этой целью он совершал многочисленные "экспедиции" по улицам старой Москвы, фотографировал памятники старины — барские особняки, соборы, церкви, а в некоторых случаях с помощью рулетки делал архитектурные обмеры. Результатом этой тщательной подготовительной работы стали несколько наборов игрушек: "Уголок старой Москвы", "Красные ворота", "Сухарева башня", "Сторожевая башня" и др. Не приходится сомневаться, что за этими архитектурными игрушками стояли самые серьезные раздумья Н. Д. Бартрама о пропаганде историко-культурного наследия, о сохранении памятников архитектуры, поиски нетрадиционных форм вовлечения в краеведческую работу детей младшего возраста.

С 1904 г. Н. Д. Бартрам заведовал Кустарным музеем. Первоначально (с 1885 г.) располагавшийся в неприспособленном здании у Никитских ворот (впоследствии в этих стенах был Кинотеатр повторного фильма), музей в 1903 г. переехал в особняк, предоставленный известным меценатом и любителем русского народного искусства С. Т. Морозовым, в Леонтьевском переулке (ныне ул. Станиславского, 7).

В свое время музей этот был широко известен. Здесь ставили цель препятствовать безграничной эксплуатации кустарного труда скупщиками и предпринимателями, содействовать улучшению качества и расширению рынка сбыта кустарных изделий. Сотрудники музея организовывали учебные мастерские, устраивали склады, проводили выставки, содействовали организации артелей, кооперативных и потребительских товариществ, кредитных обществ.

При музее работал магазин по продаже кустарных изделий. Обороты этого магазина и состоявших при музее столярной, игрушечной и кружевной мастерских достигали до 300—400 тыс. руб. в год. В морозовский особняк в Леонтьевском переулке обращались кустари со всех концов России за советами, указаниями, образцами, просьбами дать оценку их продукции. Музей имел штат постоянных художников, приобретал у наиболее одаренных мастеров образцы их продукции и рисунки, принимал самое деятельное участие во всех художественно-промышленных выставках. "Московский музей, — подчеркивалось на страницах "Художественно-педагогического журнала", — самой жизнью призывается к расширению своего руководственного влияния. Такова и волшебная и роковая сила знаний, любви, энергии и понимания участвующих в этом деле лиц"[3]. Не приходится сомневаться, что эти теплые слова были адресованы и Н. Д. Бартраму. Остается добавить, что именно по его инициативе при Кустарном музее в 1907 г. был создан Музей образцов для мастеров-ремесленников.

В 1900-е гг. по образцам, разработанным в этом музее, мастерицы учебной игрушечной мастерской Московского губернского земства стали изготовлять кукол в костюмах различных губерний России, а с 1911 г. одевали кукол в русские костюмы XVI—XVII вв., "употребляя для сего главным образом ткани ручной выработки, набойку и декоративную парчу"[4]. "Эти тщательно продуманные как в этнографическом, так и в художественном смысле куклы, — писал Н. Д. Бартрам, — привлекали и продолжают привлекать внимание широкой публики, как русской, так и иностранной. В руках ребенка они имеют особое значение, наглядно расширяя знакомство его с родиной"[5]. Так куклы, оставаясь игрушкой, превращались по воле увлеченного человека в наглядное средство изучения материальной культуры, исподволь прививали интерес к истории, этнографии, служили средством сближения детей разной национальности. Тут уместно вспомнить старинную русскую пословицу, приведенную на страницах словаря Владимира Даля: "Какова игра, таков и выигрыш"[6].

Здесь в стенах Кустарного музея еще в 1909 г. зародилась у Н. Д. Бартрама идея о создании специализированного Музея игрушки. "...Желательно, — писал он, — подойти к созданию Музея русской игрушки, который служил бы

источником для дальнейшего развития игрушечного дела в России и материалом для его изучения"[7].

Чтобы привлечь внимание общественности к игрушке, ее истории и проблемам развития промышленности и художественных промыслов, ставивших целью ее выпуск, чтобы показать плоды неустанной собирательской деятельности музея, Н. Д. Бартрам организует в Кустарном музее серию выставок. В 1909 г. здесь с успехом прошла выставка "Игрушки прошлого и настоящего", годом позже — выставка "Как делают игрушки". Придя на последнюю, посетители могли ознакомиться не только с отдельными игрушками, но также с историей кустарных промыслов. В экспозиционных витринах были представлены авторские работы кустарей-игрушечников, игрушки, изготовленные детьми; особый раздел составляли игрушки, имевшие значение при изучении истории культуры и этнографии. Изюминкой выставки стала демонстрация игрушек самими кустарями, теми, кому принадлежал их замысел и воплощение в недорогом материале и нехитрой технике. В "летучих листках", раздававшихся посетителям, говорилось, что "демонстрирование работ самими кустарями должно ближе познакомить общество с кустарными изделиями, выяснить причины их возникновения, влияние прошлого, отношение искусства к кустарю и личное творчество мастера"[8]. Организуя эту выставку, Н. Д. Бартрам ставил задачу показать роль игрушки в изучении этнографии, истории "внешней" (материальной) культуры, в раскрытии приемов и навыков ручного труда. О том, что выставка удалась, свидетельствовала ее посещаемость. В музейный особняк в Леонтьевском переулке каждый день приходили от двух до двух с половиной тысяч посетителей. Для московской детворы это был едва ли не первый в истории музейный праздник[9].

"Поднять внимание общества к значению игрушки, — утверждал Н. Д. Бартрам в статье "О возможности возрождения народного творчества", — значит спасти единовременно детское творчество от вторжения и загрязнения его чистоты рыночными спекуляциями, а с другой стороны, дать возможность кустарю возродить свое искусство"[10].

Деятельность Н. Д. Бартрама и возглавляемого им Кустарного музея получила широкую поддержку и одобрительные отзывы в печати. "Теперь в Москве затеяли спасти производство народных игрушек, ибо, действительно, оно падает, вымирает, теснимое фабричной дешевкой... — писал на страницах журнала "Аполлон" Александр Бенуа. — Бартрам, стоящий во главе этого дела, — продолжал критик, — такой *прелестный* (подчеркнуто А. Бенуа. — *А. Ф.*) фанатик идеи, такой труженик, такой знаток, такой художник, ему уже удалось столько сделать, что я не могу не желать ему и дальнейших успехов"[11].

В 1912 г. в издательстве И. Д. Сытина вышла книга "Игрушка — радость детей" и сборник научных статей "Иг-

рушка. Ее история и значение". Николай Дмитриевич был автором первой и научным редактором второй. Обе книги не утратили своей научной ценности и поныне. Обе стали большой библиографической редкостью. Обе, как нам кажется, нуждаются в переиздании. Точнее сказать, в переиздании хороших книг больше всего нуждаемся мы, читатели, — родители, педагоги, ученые, музейные работники.

В 1913 г. Н. Д. Бартрам публикует одну из крупнейших своих исследовательских работ — "Игрушечный промысел в Московской губернии". Это классический образец краеведческого исследования. На страницах статьи (будучи изданной отдельно, она составила бы целую книгу) автор дает исторический обзор игрушечного промысла, приводит данные о численности кустарей и их распределении по местностям, анализирует экономическое состояние и условия игрушечного производства, подробно рассматривает применяемые мастерами технические приемы, дает оценку качества изделий в художественном и техническом отношениях, оценивает производимые народными мастерами игрушки с точки зрения их воспитательного значения, рассматривает возможность конкуренции кустарей-игрушечников с фабричным производством, формулирует предложения по улучшению организации игрушечного промысла в Московской губернии[12]. "Существует предание о том, — писал в этой работе Николай Дмитриевич, — что Преподобный Сергий иногда собственноручно делал простые игрушки из дерева и дарил их детям, его посещавшим. Это прекрасное предание, полное высокой трогательной прелести, подчеркивает то глубокое значение, которое чувствует русский народ к игрушке, соединяя представления о ней с образом высокочтимого Святителя и Защитника народной правды. Очевидно, в народе с игрушкой издавна была связана мысль о высоком чистом деле"[13]. В статье обстоятельно охарактеризованы такие центры народных художественных промыслов, как Сергиев Посад (игрушки из бумаги, из дерева, куклы), Дмитров (металлическая игрушка), Звенигородский, Подольский, Верейский уезды (токарные игрушки), Бронницкий и Богородский уезды (глиняные и фарфоровые игрушки).

После Октябрьской революции Н. Д. Бартрам становится сотрудником Отдела охраны памятников искусства и старины Наркомпроса, членом коллегии Главмузея, председателем Комиссии декоративного искусства. Вместе с другими московскими эмиссарами он принимал участие в организации охраны многочисленных художественных ценностей и памятников старины.

В эти годы, отмеченные небывало широким размахом краеведческого движения, Н. Д. Бартрам продолжает свою исследовательскую работу. Результаты изучения народных художественных промыслов Московской губернии, характе-

ристика народного театра марионеток на Девичьем поле в Москве в середине XIX в., история возникновения московского кукольного театра художницы Н. Я. Симонович-Ефимовой и скульптора И. С. Ефимова (1917) находят отражение в его статьях "Кукольный театр" (1925)[14] и "Игрушка" (1926)[15].

В статье "Кукольный театр" Н. Д. Бартрам приводит любопытный факт: "В первой трети XIX столетия в Германии не раз пользовались кукольным театром как пособием для обучения детей. Подобные же случаи, но несколько позже, были и в России, когда в домашних кукольных театрах делались попытки с их помощью способствовать лучшему восприятию детьми истории; так, например, в Москве в семье Постниковых в первой половине XIX века давался ряд таких исторических спектаклей, среди которых пользовалась большим успехом не только у детей, но и у взрослых "Гибель Трои"[16]. Кукольный театр как форма пропаганды исторических знаний? А почему бы и нет?!

Изучение игрушки требовало разнообразной источниковой базы. С этой целью Н. Д. Бартрам совершил не одно путешествие по городам и селам Московской губернии. Сбор народной игрушки осуществлялся в центрах игрушечного производства. "Николай Дмитриевич, — пишет Е. С. Овчинникова, — с рюкзаком за спиной, не зная устали, собирал интереснейшие образцы игрушек и "болвашек", разысканных на чердаках, в чуланах или купленных у старых, доживающих свой век мастеров"[17].

В первые послеоктябрьские годы при непосредственном участии Н. Д. Бартрама было создано несколько любимых москвичами музеев. В их числе бытовой Музей 1840-х годов, Музей Л. Н. Толстого на Кропоткинской улице, Музей мебели в Нескучном саду. Самых теплых слов заслуживает, увы, не существующий ныне Музей 1840-х годов. Размещался этот музей близ Арбата, на ставшей уже легендарной Собачьей площадке. Экспозиция была развернута в ценном историческом памятнике — особняке, принадлежавшем семье известного славянофила А. С. Хомякова. Музейными работниками (а в их числе были такие видные специалисты, как Б. В. Шапошников и М. А. Бобринская) были блистательно, на высочайшем научном уровне восстановлены интерьеры московского усадебного дома середины прошлого века: темноватая передняя, просторная гостиная, "парадная спальня", маленькие комнаты в антресолях и над антресолями. Внимание посетителей привлекали кабинет Хомякова и примыкавшая к нему "говорильня" — нечто среднее между кабинетом для интимной беседы и "диванной"; в мезонине — классная комната. Стоявшие в классной шкафы, столы, этажерка были заполнены учебными пособиями, учебниками, письменными принадлежностями. Все эти вроде бы незамысловатые вещи как нельзя лучше сохраняли память о детских годах

владельцев особняка, а вместе с тем и атмосфере детства москвичей середины прошлого века[18].

В 1918 г. открылся Музей игрушки — цель, к которой Николай Дмитриевич упорно шел не один год. Первая экспозиция была открыта прямо у него на квартире — в доме № 8 по Смоленскому бульвару. Экспонаты были представлены в четырех комнатах. Что же могли увидеть здесь посетители?

Радовали глаз многочисленные игрушки из национализированных игрушечных магазинов Москвы, игрушки, привезенные из известных центров ремесленного производства — от кустарей Сергиева Посада и села Богородского. Сюда стекались игрушки из других московских музеев и собраний — Музея фарфора, Государственного музейного фонда, Строгановского училища, дворца в Ливадии, частных собраний Н. М. Церетели, В. Н. Харузиной, Н. П. Шабельской и других. С самого начала формирование коллекции велось по направлениям: народная игрушка; кукольный театр; "от игры к знанию"; книга для ребенка.

Музею игрушки в 1924 г. выделили один из лучших московских особняков — усадьбу Хрущевых—Селезневых на Пречистенке. Превосходная коллекция, занимательная экспозиция, новаторские приемы работы с музейной аудиторией — все это послужило залогом неслыханной популярности музея у москвичей всех возрастов. По посещаемости этот небольшой музей уступал разве что Третьяковской галерее.

Стены всех музейных помещений были убраны богатой коллекцией детского портрета за последние 200 лет, преимущественно начала и середины XIX в. Такое собрание давало неисчерпаемый материал по истории детского костюма для историков и художников и не меньший интерес представляло для исследователя-психолога, изучающего взаимосвязь между бытом эпохи и детской психологией, прекрасно запечатленной известными и безвестными художниками[19].

По воскресеньям музей устраивал спектакли кукольного театра, в которых принимали участие "петрушки", марионетки, силуэтные изображения (театр теней)[20]. Такая демонстрация, принося радость самым маленьким посетителям, служила для наблюдения за детьми-зрителями. Поэтому можно говорить о том, что при Музее игрушки плодотворно работал экспериментальный кукольный театр.

В особняке на Пречистенке детям не только дозволялось осмотреть экспонаты или быть участниками экскурсий, но и... играть. Игры с детьми устраивались для "развития чисто действенной стороны музея", как альтернатива запретительно-сдерживающему окрику: "Не трогать руками!" В музее Н. Д. Бартрама эти незыблемые музейные постулаты начисто отвергались.

Музей игрушки благодаря обширным знаниям, неуемной энергии и преданности любимому делу своего основателя

и руководителя Николая Дмитриевича Бартрама стал заметным научно-исследовательским и научно-производственным центром, больше того, он стал даже учебным заведением. По инициативе Бартрама при музее был организован факультет научных пособий и художественной игрушки Московского техникума кустарной промышленности, а впоследствии и курсы по подготовке инструкторов по производству игрушек. Здесь было организовано три специализированных отделения — резной и токарной игрушки, папье-маше и мягкой игрушки.

Умение Бартрама буквально притягивать к себе людей, объединять их усилия на пользу музея, промышленных предприятий, занятых выпуском игрушек, и, главное, самих детей позволило организовать в старинной усадьбе Хрущевых—Селезневых несколько интересных выставок-смотров игрушек. В качестве примера можно назвать выставки "Строительные материалы" и "Печатные игры", сопровождавшиеся научно-практическими конференциями. Музей показывал на таких выставках свои богатейшие собрания старых игр, чем способствовал сохранению старых традиций, творческому использованию имевшегося опыта, углублению интереса к краеведению.

Можно без всякого преувеличения сказать — бартрамовский Музей игрушки был выдающимся явлением в музейном деле СССР 20-х гг., его деятельность не теряется на общем фоне живой и разнообразной культурной жизни того времени.

Сегодня этого музея в Москве нет. Почему?

Формально причиной тому злополучный план реконструкции Москвы с его пренебрежительным отношением к исторически сложившемуся облику древнего города, с наивным и одновременно глубокоосмысленным стремлением построить новую Москву на месте старой, столкнуть в неравной и роковой схватке историко-культурное наследие и современность. Не будем вспоминать крикливых лозунгов, под которыми проходила эта постыдная кампания. Скажем лишь, что было принято решение украсить центр столицы неслыханным по размерам сооружением — Дворцом Советов. Дворец решили поставить на месте храма Христа Спасителя. Причем приговорили к сносу не только сам храм, но и все окружающие его здания. Дом Хрущевых—Селезневых, где размещался с 1924 г. Музей игрушки, кому-то из проектировщиков приглянулся в качестве архитектурных мастерских. И участь музея была решена. К тому же никто из чиновников Наркомпроса не стал хлопотать о поисках нового помещения в Москве. Так музей еще раз переехал. На этот раз в город Загорск, где планировалось создать центр игрушечной промышленности по образцу Нюрнберга. Н. Д. Бартрам возражал, горячо говорил о нецелесообразности и несостоятельности

этого проекта, но тщетно. После 1929 г. сильные мира сего уже не желали слышать никаких возражений. Так музей оказался в ссылке, и ссылка эта продолжается по сей день. Не слишком ли она затянулась?

Переживания за судьбу Музея игрушки — главного дела жизни — подорвали и без того слабое здоровье Бартрама. Тяжелая болезнь свалила его. 16 июня 1931 г. он умер.

На панихиде (хоронили Николая Дмитриевича на Новодевичьем кладбище) было сказано немало теплых и трогательных слов. "Впервые сегодня Николай Дмитриевич собирает людей для печали, — сказала художница Н. Я. Симонович-Ефимова. — Все привыкли идти на его зов для бодрого праздника, праздника культуры... Человек крупного масштаба, сочной, живописной души, прожив жизнь в одном городе, он был всем известен и близок и дорог"[21].

...Спешат туристы в златоглавую лавру. Зимой и летом, в распутицу и июльский зной идут они в музей-заповедник, внимают рассказам экскурсоводов о реликвиях и памятниках, терпеливо дожидаются своей очереди (как без нее?) в знаменитую Золотую кладовую. Многолюдно в заповеднике, тесновато в музейных залах.

А в том же Сергиевом Посаде, прямо напротив лавры, особой своей жизнью живет бартрамовский музей — Музей игрушки. Туда не ведут, увы, торные дороги. Да, по счастью уцелели коллекции, живы игрушки, сделанные когда-то руками Николая Дмитриевича, не жалуется музей и на отсутствие внимания, и все же... Ушел из жизни очень одаренный и очень добрый человек, исследователь, подвижник, и как бы померкла на музейной карте России когда-то приметная возвышенность.

Музей игрушки, драгоценное детище Н. Д. Бартрама, рано или поздно вернется на былую высоту. И хочется верить, что произойдет это на родной для него московской земле.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Изергина А. Н.* О моем отце, художнике Н. Д. Бартраме // *Бартрам Н. Д.* Избранные статьи. Воспоминания о художнике. М., 1979. С. 64.

[2] Там же. С. 67.

[3] *Ш-ий. В.* Московский Кустарный музей // Художественно-педагогический журнал. 1910. № 13. С. 11.

[4] *Бартрам Н. Д.* Игрушечный промысел Московской губернии // Кустарная промышленность России. Т. 1. СПб., 1913. С. 244.

[5] Там же. С. 269.

[6] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955. Т. 2. С. 7.

[7] *Бартрам Н. Д.* Об игрушках. По поводу выставки игрушек прошлого и настоящего в Московском кустарном музее. Ноябрь 1909 г. М., 1909. С. 12.

[8] См.: *Л.* Как делают игрушки // Художественно-педагогический журнал. 1910. № 21. С. 5.

[9] См.: Искусство и жизнь: Выставки // Художественно-педагогический журнал. 1910. № 24. С. 11.

[10] *Бартрам Н. Д.* О возможности возрождения народного творчества // Аполлон. 1912. № 2. С. 59.

[11] *Бенуа А. Н.* Игрушки // Аполлон. 1912. № 2. С. 49.

[12] См.: *Бартрам Н. Д.* Игрушечный промысел в Московской губернии // Кустарная промышленность России. СПб., 1913. Т. 1. С. 119—291.

[13] Там же. С. 119.

[14] См.: *Бартрам Н. Д.* Кукольный театр // *Бартрам Н. Д.* От игрушки к детскому театру. Л., 1925.

[15] См.: *Бартрам Н. Д.* Игрушка // Печать и революция. 1926. № 5.

[16] *Бартрам Н. Д.* Кукольный театр // *Бартрам Н. Д.* Избранные статьи. Воспоминания о художнике. С. 21.

[17] *Овчинникова Е. С.* Николай Дмитриевич Бартрам // *Бартрам Н. Д.* Избранные статьи. Воспоминания о художнике. С. 9.

[18] О Музее 1840-х годов см. подробнее: *Шапошников Б. В.* Бытовой музей сороковых годов: Путеводитель. 4-е изд. М., 1928; *Николаев Е. В.* Классическая Москва. М., 1975. С. 216—227.

[19] См.: *Бартрам Н. Д., Овчинникова Е. С.* Музей игрушки. Л., 1928. С. 6—7.

[20] О кукольном театре см. подробнее: *Симонович-Ефимова Н. Я.* Записки художника. М., 1982. С. 226—229.

[21] *Изергина А. Н.* О моем отце, художнике Н. Д. Бартраме // *Бартрам Н. Д.* Избранные статьи. Воспоминания о художнике. С. 143.

Список работ Н. Д. Бартрама

Об игрушках. По поводу выставки "Игрушки прошлого и настоящего" в Московском кустарном музее. Ноябрь 1909 г. М., 1909.

Игрушечный промысел Московской губернии // Кустарная промышленность России. СПб., 1913. Т. 1. С. 119—291.

Музей игрушки // Ребенок и игрушка: Сборник статей. М., 1923. С. 69—74.

Москва и художественная промышленность // Строительство Москвы. 1926. № 8. С. 13—16.

Художественные музеи Москвы: Путеводитель. М., 1926 (в соавторстве).

Музей игрушки. Л., 1928 (в соавторстве).

А. М. Дубровский

ИЗ РОДА БАХРУШИНЫХ

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ БАХРУШИН. 1882 — 1950

Среди многочисленных трудов выдающегося историка Сергея Владимировича Бахрушина заметное место занимают работы по истории Москвы. Коренной москвич, он тысячами нитей был связан с родным городом. Его предки селились здесь еще в XVIII в., переезжая из провинциального городка Зарайска. В Москве Бахрушин учился в лицее памяти цесаревича Николая (ныне в здании лицея находится МГИМО), потом в университете, где под влиянием лекций В. О. Ключевского стал заниматься отечественной историей.

Тема истории Москвы развивалась в трудах ученого постепенно: от небольших по объему, но не по научному значению статей до крупного многотомного обобщающего коллективного труда "История Москвы", причем среди авторов этого произведения Бахрушину принадлежало видное место и как руководителю группы исследователей, и как их соавтору.

Первой научной работой, которой Бахрушин впервые заявил о себе, была его статья "Княжеское хозяйство в XV и первой половине XVI в.". Первая опубликованная работа всегда большое событие в жизни начинающего ученого. И какое бы место в научном наследии историка она ни заняла впоследствии, ее выход в свет для него навсегда остается памятным. Этой же статье суждено было стать одной из известных работ Бахрушина.

Свою работу начинающий автор построил на таких давно известных источниках, как духовные (завещательные) и договорные грамоты русских князей. В XIX в. эти грамоты служили историкам как документы по истории отношений между князьями, т. е. из грамот черпали сведения по политической истории. Молодой историк взглянул на эти государственные документы другими глазами. Он попытался создать на их материале более или менее цельную картину княжеского хозяйства. В грамотах среди перечислений княжеского добра — от городов и волостей до драгоценных

обручей, ожерелий, коробочек — иной раз, хотя и довольно редко, попадались указания на рыбную ловлю, мед оброчный в том или ином стане и купленных бортников (собирателей меда диких пчел), на княжеских ездовых коней и луга, где их пасли, на княжеские места бобровой охоты — "бобровые гоны". Из этих крупиц информации формировалась статья.

Какое же отношение к теме княжеского хозяйства имела Москва? Самое прямое. Она была центром этого хозяйства — вотчины великого князя Московского. Дело в том, что, как и любой город, Москва имела в XV—XVI вв. разные функции. Это была столица — политический центр страны, она была и культурно-религиозным центром, и местом развития ремесла и торговли, узлом торговых путей — перевалочным и складочным пунктом, крепостью. Современный читатель привык к тому, что город — это прежде всего ремесленно-торговое поселение. Из перечисления разнообразных функций Москвы понятно, что роль городского центра неоднозначна, причем, нужно заметить, в разных районах страны соотношение этих функций у городов было далеко не одинаковым. В иных местах преобладали военно-оборонительные функции, т. е. город в первую очередь был крепостью, а потом уже — местом поселения ремесленников и торговцев. Таким образом, в статье Бахрушина Москва выступала одной своей стороной — как место концентрации прибавочного продукта, собранного с населения великокняжеской вотчины. "В духовных грамотах московских князей Москва-усадьба нередко даже заслоняет собою Москву — столицу княжества", — писал Бахрушин.

Что же придавало Москве облик центра княжеского хозяйства? "Москва XV в. окружена кольцом рассыпанных по берегам Москвы-реки и Яузы сел, деревень и починков, принадлежащих великим и удельным князьям; на посаде и в городе расположены их дворы, сады и псарни, целые слободы княжеских мастеров, огородников, садовников, на Яузе, на Неглинной, на Клязьме рядами тянутся княжеские мельницы. Вдоль низких берегов Москвы-реки и Ходынки раскинуты обширные заливные луга и покосы, принадлежащие им. Окрестности Москвы заселены княжескими оброчниками и купленными людьми, княжескими промышленниками — бобровниками, сокольниками, псарями, конюхами. За Москвой-рекой тянутся бортные леса, Добрятинская борть с разбросанными по ним деревнями княжеских бортников. Среди всех этих сел и деревень, садов и огородов, псарен и мельниц Кремль, наполовину застроенный княжескими дворами с их службами — дворцами и житницами, с сокольней и с дворами портных и мастеров, — носит яркие черты большой усадьбы, господствующей над всей этой пестрой картиной княжеского хозяйства"[1] — такую картину рисовал Бахрушин в начале своей статьи, а потом, как бы

обойдя центр княжеской вотчины, вел читателя к его периферии — к поселениям крестьян и холопов, на луга, где паслись княжеские кони, на пожни, где стояли копны скошенного сена, в леса, кишащие дикими пчелами.

Статья Бахрушина создавала первоначальный облик Москвы. Прошло только три года, и в печати появилась следующая работа Бахрушина, специально посвященная Москве. Теперь историк рассказывал о гораздо более поздней поре в истории города — XIX столетии, когда город значительно преобразился: "Москва уже в то время была большим городом, обнимавшим "дистанцию огромного размера". Выросши исторически на склонах Кремлевского и прилегающих холмов, она представляла из себя "целое море кривых и узких улиц", немощеных или плохо мощенных, целую сеть закоулков и переулков, обстроенных причудливыми узорами зданий, — "исполинский город", построенный великанами, башня на башне, стена на стене, дворец возле дворца". Над этим лабиринтом господствовал Кремль с его стенами и башнями, с его златоверхими соборами, с его запущенными дворцами и теремами...

К Кремлю примыкал, ютясь на краю кремлевского рва, едва ли не самый своеобразный уголок Москвы — торговый город, средоточие московской торговли: гостиные дворы, куча "безобразных лабазов, окруженных всякою нечистотою", хлебных изб, калачных, блинных и харчевен. Эта торговая Москва еще не завоевала себе того положения, какое она приобрела во второй половине столетия; она жила своей особой жизнью, полуазиатской, чуждой не только иностранцам, но и русским верхам, которые со смешанным чувством удивления и снисхождения, порой граничившим с презрением, со стороны глядели на нее. Эту подпольную купеческую Москву с ее стародавней культурой, с ее своеобразным бытом, с кулачными боями и с травлями медведей заслоняла другая, господствующая дворянская Москва, и ее лабазы и лавки исчезали за изящными формами дворянских дворцов. Рядом с купеческой Москвой эти дворцы, сколок европейской культуры, подражанье европейскому комфорту и европейским вкусам, придавали городу характерный для него вид "странного смешенья древнего и новейшего зодчества, нравов европейских с нравами восточными" и вместе с тем рисовали вопиющую картину той пропасти, социальной и культурной, которая существовала между правящим сословием и народом..."[2]

Труд Бахрушина был посвящен одному из наиболее драматических эпизодов в жизни древней столицы и назывался "Москва в 1812 году". Опираясь в основном на воспоминания современников, историк создал яркое и образное повествование о жизни города, его разнообразных социальных слоев. Перед читателем вставали картины предвоенной Москвы — обычный сезон балов, семейных обедов, концертов.

"Война представлялась отдаленной, ничем не отличающейся от предыдущих войн с Наполеоном, о ней говорили как о чем-то постороннем". Потом историк отметил в настроениях города и "ощущение чего-то страшного". После падения Смоленска "паника охватила столицу... из Москвы началось бегство". 29 августа Москва была поражена ужасом, когда увидела бивачные огни отступавшей русской армии в 40 верстах от города. Деятельность генерал-губернатора Москвы Растопчина, которую Бахрушин оценивал весьма критически, не могла оказывать решающего влияния на события в городе. При отступлении армии через Москву на улицах произошла давка, начались грабежи. Непосредственно по пятам за русскими вступали в Москву передовые колонны французских войск. Начался знаменитый московский пожар. "Как всегда в таких случаях, причина бедствия была не единообразна — поджигатели и русские бродяги в целях грабежа, и в тех же целях грабители из французской армии; не поджигали только хозяева домов и жильцы, которые с ужасом встречали огонь, но не принимали мер к спасению своих жилищ — выносили по русскому обычаю иконы и не решались тушить, опасаясь чего-то, не то мести французов, не то кары со стороны русского начальства"[3]. Начало пожара было сигналом для грабежа, который со стороны французов был страшен своим систематическим характером, очередным порядком мародерства, которое было распределено подобно другим служебным обязанностям между различными корпусами. Страшна была участь тех москвичей, которые остались в городе. "Выгнанные из домов огнем, перегоняемые пожаром с места на место, они проводили дни и ночи "под пламенным небом", скрываясь по кладбищам и по сараям, подвергаясь грабежу и нападениям..." Так шла жизнь в течение месяца. 7 октября Наполеон покинул Москву. Результаты пожара были ужасны, целые улицы были сметены огнем. С возвращением жителей на развалинах древней столицы возродилась мирная жизнь. Москву обстраивали по новому плану: "Произведена была большая нивелировка улиц со склоном к Москве-реке и Яузе; Неглинка была заключена в подземную трубу; приведены в порядок стены Кремля и Китай-города. Красная площадь была очищена от лавок, ров возле Василия Блаженного засыпан... набережные Москвы-реки, Яузы и канала были обделаны камнем и решеткой; воздвигнуты были теперешние Москворецкий и Чугунный мосты. Обстроились и частные дома"[4]. Торговое значение Москвы, дворянская культура, опирающаяся на крепостной порядок, были слишком сильны, чтобы пережитые военные события могли повернуть привычную колею, по которой шла московская жизнь.

Бахрушин не только проследил изменения в облике Москвы, дал описание отдельных событий в жизни города. Центральной темой его рассказа была судьба и настроения раз-

ных слоев населения Москвы. Такая картина социальной жизни столицы в 1812 г. была впервые в отечественной науке создана историком. В этом было научное достижение Бахрушина.

И наконец, в дореволюционный период творчества Бахрушин написал еще одну работу по истории Москвы — "Московский мятеж 1648 года". Среди источников, с которыми Бахрушин знакомился в архиве, попадались такие, в которых упоминалось знаменитое восстание в Москве в 1648 г. От него пошла большая волна выступлений почти по всей стране — в Козлове, Соли Вычегодской, Воронеже, Курске, Устюге Великом, Нарыме, Томске и других местах. Возможно, в воображении историка возникали какие-то параллели и сопоставления между событиями далекого 1648 г. и гораздо более близкого и памятного ему лично года 1905-го. Ему показалось, что в XVII в. Россия пережила революцию, поэтому ему захотелось "определить характер и смысл этого народного движения". Вспомним и то, что статью свою Бахрушин готовил к печати накануне рокового, поворотного для истории страны 1917 г. Он не мог не видеть назревающего кризиса власти, не мог не чувствовать необходимости каких-то изменений в политическом строе России. Обстановка подогревала интерес к исследованию темы. Главной сценой событий была Москва.

Бахрушин показал постепенное назревание социального взрыва: недовольство, охватившее широкие слои населения, "хлебная скудость" — голод, неудачные попытки правительства провести реформу сбора налогов. "В Москве как средоточии всей жизни Русского государства общее возбужденное настроение переживалось особенно глубоко и вылилось... в открытом восстании"[5].

Бахрушин проследил события восстания и их отголоски с 1 июня 1648 г. до весны 1649 г. Было понятно, что перед историком не просто "площадная случайность", как полагали некоторые специалисты, а большое и длительное народное движение.

Кто же принимал участие в этом восстании? Вопрос о движущих силах московских волнений был одним из самых важных при восстановлении картины "мятежа". Незадолго до Бахрушина его попытался решить молодой киевский историк П. П. Смирнов. Ему показалось, что главную роль в событиях сыграли мелкие служилые люди — дворяне и дети боярские, — которых на время собрали в столицу как раз накануне восстания. Вооруженные люди, недовольные своим малообеспеченным положением, которое резко отличалось от богатой жизни столичных феодалов, представляли собой грозную для правительства боевую силу и действительно принимали участие в восстании. Бахрушин не удовлетворился таким решением вопроса. Внимательно вчитываясь в известия о событиях в Москве, он обратил внимание

на участие в них средних и низких слоев из ремесленных и торговых людей, они-то и были основной инициативной силой восстания, а участие дворян "усилило и придало общеземское значение московским беспорядкам".

Бахрушин обратил внимание на важную особенность московских восстаний. Народные волнения на улицах и площадях Москвы сопровождались борьбой в царском дворце придворных группировок. В ходе восстания был устранен от власти своими противниками любимец царя боярин Морозов. Но его враги недолго пользовались своей победой. Они, как писал Бахрушин, "вовсе не были призваны быть выразителями чаяний восставших, союзниками которых они оказались". Они теряли очень много от тех реформ, которых требовали "всяких чинов люди", и вместе с тем они не умели или не хотели примириться с необходимостью идти на уступки"[6]. В конце концов сторонники Морозова снова вернулись к власти.

Историк пишет о тех народных взглядах и представлениях, которые проявились в ходе восстания, влияли на события. Например, восставшие считали, что действия "миром", т. е. совместно, всей посадской общиной, придают законность их требованиям и расправе над отдельными представителями московских верхов. Царя никто ни в чем не обвинял. Во всем были виноваты бояре. Такое настроение "мира" выражалось в том, что громили в первую очередь боярские дворы и дома других "начальных людей". В этом погроме, писал Бахрушин, "выразилось все негодование земских людей на внутреннюю жизнь правительственного организма... на "московскую волокиту", от которой люди "разорены пуще турских и крымских бусурманов", на недоступность лиц, стоящих во главе приказов, на господство взяточничества, на продажность суда"[7].

Итак, в первые годы своей самостоятельной деятельности преподавателя и исследователя Бахрушин написал три большие статьи по истории Москвы. Много лет спустя, будучи уже известным историком, Бахрушин называл эти ранние труды юношескими работами. Действительно, это были его первые шаги в науке, но в них уже чувствовалась поступь мастера: обобщение значительного исторического материала, предельное насыщение конкретной информацией каждой страницы своего произведения, постановка важных научных вопросов, блестящее литературное изложение.

Уже на первом этапе творческого пути у Бахрушина сложилась концепция — система общих представлений по истории Москвы. Ее можно восстановить, вчитываясь в те общие соображения, которые читатель может найти в трех представленных ему статьях. По мнению Бахрушина, Москва первоначально была центром княжеской вотчины. Нужно отметить, что и Ключевский полагал, будто города Северо-Восточной Руси возникли из княжеских и боярских усадеб.

Такую же точку зрения развивал и знаменитый исследователь истории Москвы И. Е. Забелин. Дальнейшая судьба Москвы, как полагал Бахрушин, определялась развитием торговли. В частности, в статье "Московский мятеж 1648 г." он характеризовал XVII в. как время "разрастающегося рынка", "зарождения торгового класса в Московском государстве". К XIX в. Москва разделялась на дворянскую и купеческую. Господствующей была Москва дворянская. В течение столетия по мере развития торговли и разорения дворянства старый облик Москвы исчезал, а на первый план выдвигалась Москва купеческая.

Концепция Бахрушина была построена на представлении об определяющей роли экономики в истории города. Для историков, работавших в первые десятилетия XX в., это было новым словом в науке, знаменовавшим ее движение вперед.

Революция круто изменила жизнь Бахрушина. Из представителя привилегированного сословия почетных граждан, члена семьи миллионеров он превратился в интеллигента, благосостояние которого основано на личном труде. Из-за низкого заработка приходилось совмещать работу в разных местах. Иной быт, новые люди, другая жизнь. Только наука оставалась всегда главным увлечением, важнейшим делом. Правда, тема истории Москвы в занятиях ученого была заслонена другими сюжетами. В 1920-х гг. Бахрушин развернул исследования по истории Сибири, опубликовал ряд работ — статей и книг — "сибиреведческого" содержания. Однако и в это время в связи с подъемом краеведческого движения он иногда выступал с докладами по истории Москвы.

В 1930 г. работа ученого была прервана арестом и ссылкой в Семипалатинск. Только через три года он смог вернуться в Москву. Тогда с связи с восстановлением ликвидированного исторического образования стала возрождаться историческая наука. Одним из главных мест работы Бахрушина стал Институт истории АН СССР. Работа в этом исследовательском учреждении заставила Бахрушина вернуться к занятиям историей Москвы и придала этим занятиям совершенно новый размах и глубину. Уже в 1930-х гг. московские краеведы начали готовиться к юбилею Москвы: в 1947 г. должно было исполниться 800 лет первому упоминанию в летописи о Москве. Поддерживая начавшееся оживление интереса к прошлому столицы, в 1939 г. Институт истории включил в план работы подготовку к изданию многотомной истории Москвы. В 1940 г. была создана специальная группа исследователей для написания этого труда. В ее состав вошел и Бахрушин. Ровно через год после того, как был организован авторский коллектив, началась война. В октябре 1941 г., когда положение в городе стало особенно тяжелым, Бахрушин выехал в Ташкент. Там в глубоком тылу продол-

жалась работа над подготовкой многотомника. С 1942 г. Бахрушин возглавил в институте сектор истории СССР до XIX в. и вместе с тем — авторский коллектив "Истории Москвы".

Научная и научно-популярная литература по истории Москвы, созданная до революции, была посвящена в основном топографии столицы, описанию достопримечательных мест, памятников, происхождению названий тех или иных уголков Москвы, отдельным эпизодам из ее истории. По сути дела, в этой литературе господствовал краеведческий подход к истории Москвы. Жизнь города изображалась в отрыве от тех социально-экономических, политических, культурных процессов, которые шли в стране и своеобразно проявлялись в разных районах огромной России, в том числе и в Москве. Этот подход постепенно стал преодолеваться уже в начале XX в., что проявлялось и в ранних трудах Бахрушина. В 1920-х гг. узкокраеведческий аспект все больше изживался исследователями. "История Москвы", по мысли ее авторов, должна была окончательно порвать с устаревшей традицией.

"Наша задача сейчас заключается в том, чтобы попытаться подойти к истории Москвы не с краеведческой, а с исторической точки зрения и показать ее рост и развитие в связи с теми этапами, которые проходит русский исторический процесс, и подчинить историю Москвы как населенного пункта более широкой теме истории развития города в условиях растущего мощного феодального государства"[8], — писал Бахрушин. Авторы хотели дать в большом произведении о Москве очерки по истории ее хозяйства, классовой борьбы, о роли простого народа в ее жизни. Эти темы не были разработаны в имеющейся литературе. Потребовались архивные разыскания. Таким образом, "История Москвы" не только обобщала уже известное о прошлом столицы, что само по себе дело непростое, но и давала новые сведения. Она предназначалась не только для узкого круга специалистов, но и должна была доступно и ярко рассказать о Москве широкому кругу читателей, не имевших специального исторического образования.

Если выстроить планы Бахрушина по годам, то по их содержанию работа исследователя прослеживается этап за этапом. 1941 г. — "сбор материалов для I тома "Истории Москвы". Ряд лет идет этот сбор — самая длительная пора в деятельности исследователя. 1944 г. — "написание глав "Москва в XVI в." и "Москва в эпоху борьбы с интервентами в XVII в.". Итак, уже отдельные части будущего труда оформляются в более или менее законченные тексты. Наконец, 1946 г. — "История Москвы", тома I и II. Подготовка к печати и корректура"[9]. Работа была завершена.

"История Москвы" готовилась как праздничное официальное издание, поэтому этот труд несет на себе ярко выра-

женную печать своего времени. Каждый том представляет собой книгу значительных размеров — более 700 страниц. Бордовая обложка. На ней вытеснено изображение Красной площади, золотыми буквами написано название. Первый том открывается фотопортретами Ленина и Сталина, потом помещено приветствие Сталина Москве в день ее 800-летия. В первом томе, редактором которого был Бахрушин, было помещено 260 иллюстраций, каждый раздел книги был украшен заставками, материалом для которых послужило художественное оформление подлинных древнерусских рукописей XII—XVII вв. С этой несколько тяжеловесной помпезностью сочеталось строго научное содержание первого тома, новая информация, добытая исследователями, новые научные идеи и оценки.

Примерно треть текста в первом томе "Истории Москвы" принадлежит перу Бахрушина. Его материалы были использованы и при написании второго тома. Он упомянут в составе авторского коллектива, хотя его именем не подписан ни один параграф книги. Наконец, в третьем томе Бахрушин поместил главу о московской буржуазии в первой четверти XIX в. Из всего написанного Бахрушиным наибольшее научное значение имели те очерки, которые создал он, занимаясь историей Москвы XVI—XVII вв.

Какую бы тему ни разрабатывал историк, для него в первую очередь необходимы источники, откуда он черпает информацию. И чем талантливее исследователь, тем обильнее извлеченная им информация, тем она достовернее и точнее. Основными источниками по истории Москвы в XVI и начале XVII в. издавна служили летописи — официальные исторические труды, в центре внимания которых были политические события, дела московских великих князей и царей. Бахрушин считал, что они "позволяют восстановить только топографию города и историю его архитектуры", поскольку в летописях отмечались события, касающиеся московского строительства или пожаров. Исследователь обратил внимание на источники, до тех пор мало использованные историками. Это были приходно-расходные книги монастырей — записи о расходах и доходах коллективного монашеского хозяйства.

Монастыри довольно много покупали на стороне, хотя в их владениях были разнообразные мастера. Нужно было приобретать иконы, большие запасы рыбы ("на годовой обиход"), соли. Иной раз нужно было нанять плотника, заказать кузнецу гвозди, а портному — монашеские мантии. Крупные монастыри, находившиеся за пределами Москвы, имели в столице свои подворья. Сохранились денежные отчеты этих подворий. В Москву ездили монастырские власти к царскому двору с поздравлениями к праздникам, везя освященную воду, за царской милостыней, для уплаты пода-

тей. И эти поездки, расходы на житье в Москве тоже отразились в приходно-расходных книгах.

Прежде всего эти источники показывали, каково было хозяйство монастырских подворий с их конюшнями, поварнями, погребами, лавками, сдававшимися внаем. Находясь на территории Москвы, они тоже составляли ее облик, часть ее хозяйства. Временно приезжавшие монастырские власти обращались к московскому рынку для покупки всех видов продовольствия. Записи этих покупок давали картину московского рынка — предметов продажи и купли. Вместе с тем обнаруживались и продукты московского ремесла, специализация столичных ремесленников. Таким образом, приходно-расходные книги монастырей создавали возможность восстановить хозяйственную жизнь Москвы.

"С первого взгляда источники эти неприглядны, — писал Бахрушин. — Они представляют собой целый ряд записей чисто формальных, иногда очень неточных, по которым даже нельзя вывести каких-либо статистических данных. Бухгалтерия монастырей была одновременно и очень сложной, и очень примитивной, так что мы никогда не знаем, имеем ли мы исчерпывающие сведения или, может быть, в других тетрадках были записаны еще дополнительные расходы. Сначала буквально тонешь в массе мелких сведений. Прибавьте к этому, что записи сделаны часто отнюдь не каллиграфически, и будет ясно, что приходно-расходные книги в первую минуту отталкивают. Однако когда начинаешь приглядываться к этим приходно-расходным книгам, то привлекает живая картина, которая открывается при знакомстве с ними. Для истории Москвы и ряда других городов это неоценимый источник, вскрывающий важные детали русского рынка XVI и XVII вв., т. е. того времени, о котором у нас сведений по Москве совершенно нет"[10].

Используя приходно-расходные книги, Бахрушин составил большой перечень (около трех десятков профессий) московских ремесленников. "Московские ремесла поражают своим разнообразием и многочисленностью, — писал Бахрушин. — Из ремесленников, вырабатывающих одежду, выделяются специалисты по изготовлению отдельных видов платья и даже отдельных частей одежды, из числа работающих на металле — мастера, изготовляющие ножи или замки, и т. д."[11].

Историк показал, что в XVI в., когда Москва быстро разрасталась, в ней были очень развиты ремесла, связанные со строительством. Плотники не только ставили новые постройки и ремонтировали старые, но делали и деревянные предметы обстановки. Расширилась деятельность московских каменщиков. Правительство направляло московских каменщиков и в другие города, когда там предстояли ответственные постройки.

На московском торгу продавались самые разнообразные предметы домашнего обихода. Большое место занимала выделка деревянной посуды. Кроме нее потреблялась посуда глиняная. Ее изготовители — гончары — в Москве имели свою слободу.

Некоторые из ремесел являлись как бы специальностью Москвы. К их числу принадлежало оружейное дело. Ценились нарядные седла, "пансыри". Выделывалось и огнестрельное оружие. Порох, порошницы для хранения пороха, свинец и пульки продавались в рядах.

При дворце существовала специальная Серебряная палата. Произведения этой мастерской — серебряные бочки, множество огромных серебряных тазов и ковшей русской работы — выставлялись в царских палатах во время пиршеств. Большой спрос имели церковные предметы из серебра.

Видное место в ремесленной промышленности Москвы занимало "хамовное дело", т. е. производство полотен и холстов. Кадашево в Замоскворечье представляло собой большую ремесленную слободу, население которой поставляло во дворец громадное количество полотен, платков, полотенец. На рынках Москвы продавалась и грубая холстина, которая употреблялась на рубахи, штаны, подкладки, мешки. Беднейшая часть москвичей употребляла одежду собственного изготовления, а более зажиточные слои общества использовали труд многочисленных портных.

В середине XVI в. около реки Москвы был расположен район, населенный кожевниками. Многочисленные сапожники изготовляли на продажу сапоги, конскую сбрую.

Развитие ремесла было важнейшим источником роста хозяйства столицы. Чем больше было в Москве ремесленников, тем больше возвышалась Москва как городской центр. Вместе с тем заметным условием роста экономического значения Москвы были своды (переводы) в нее состоятельных торговых людей. В конце XV — первой половине XVI в. к территории Московского княжества присоединялись различные земли. Действуя как завоеватель, московский князь устраивал массовые переводы крупных торговцев из приобретенных им городов в Москву, чтобы увеличить свои доходы. Отдельных зажиточных торговцев включали в состав гостиной или суконной сотен купеческих объединений и заставляли выполнять разнообразные государственные службы. Своды насчитывали порой сотни семей. На основе летописей Бахрушин составил полный перечень сводов, что помогало приблизиться к пониманию их роли.

Бахрушин воссоздал картину московского торга в XVI в. Вдоль Красной площади перед Кремлем тянулись ряды, каждый из которых торговал одним товаром. Вместе с деревянными лавками и скамьями в рядах были каменные лавки и погреба. Полного описания всех рядов в XVI в. не со-

хранилось, поэтому Бахрушин восстанавливал их состав по отдельным случайным указаниям источников. Около Покровского собора стояли сапожный, красный и скобяной ряды. Еще в XV в. возник сурожский ряд, где торговали иностранными товарами. Богатым был суконный ряд. Несколько рядов торговали кожевенными изделиями. Многочисленны были ряды, торговавшие съестными припасами. По городу действовали и другие, более мелкие рынки. Бахрушин составил перечень товаров, ввозимых в столицу, установил характер торговых связей Москвы с другими городами и зарубежными рынками.

Многочисленные факты, собранные исследователем, привели его к выводу о том, что Москва уже в XVI в. играла ведущую роль в экономике страны. Она была крупным потребляющим и производящим центром. "Важнейший распределительный центр", она снабжала страну произведениями не только отечественных ремесленников, но и иностранных. Все эти черты в экономической жизни столицы подготавливали почву для возникновения всероссийского рынка, естественным центром которого становилась Москва.

На первый взгляд человека, не искушенного в деле исторического исследования, в труде Бахрушина будто бы не было ничего особенного: историк собрал материалы, расположил их в нужном порядке. И только. Однако настоящая работа всегда сложнее, чем это кажется со стороны. Суть заключена, во-первых, в том, что сам сбор этот был непрост. Письменные памятники феодальной эпохи очень мало говорили о хозяйственной жизни. Летописца, автора художественного произведения, публициста интересовали дела выдающиеся, незаурядные: военные подвиги, поступки князей и царей, чудеса религиозного подвижничества. Будничные, ежедневные события не привлекали к себе внимания. Хозяйственных документов от феодальной эпохи осталось не так уж много. В этом смысле история капиталистического общества, в которой правящий класс выступает главным образом как организатор производства, погруженный в хозяйственные заботы, порой мелочные расчеты, озабочен учетом товаров и денег, несопоставима с феодальным прошлым по количеству оставшихся от нее источников, содержащих информацию о развитии экономики. Поэтому историк, который, подобно Бахрушину, захотел бы погрузиться в исследование истории хозяйства средневековой России, должен был бы ознакомиться со множеством разнообразных по характеру письменных памятников. Читая их, нужно было бы стараться не пропустить ни одного даже малейшего упоминания о том или ином факте хозяйственной жизни, мгновенно остановиться, придать значение найденному и зафиксировать его в выписке из источника. Путь этот долог, сбор нужных материалов идет по крупицам. Требуется широкий кругозор, большая осведомленность о сохранившихся па-

мятниках, начитанность в источниках. Это, повторяем, во-первых.

А во-вторых, для того, чтобы составить из своих находок достаточно убедительную и более или менее цельную картину, не годилось бы просто перечислить с бухгалтерской точностью всю массу обнаруженных исторических мелочей и дробинок информации. Тут необходимо было особое, научное воображение, которое, в отличие от фантазии художника, контролируется знаниями историка, его пониманием изучаемого периода истории. Представляя обстановку, чувствуя "воздух эпохи", нужно связать тот или иной факт с атмосферой своего времени. Таков был научный принцип Бахрушина. Он не просто говорил читателю об оружейном деле в Москве, а показывал его таким, каким видели его современники. Поляк Маскевич, попавший в российскую столицу во время Смуты в начале XVII в., "особо отмечал сабли с золотою насечкою работы московских оружейников", "очень хороши были и московские "пансыри", недаром бухарские послы в 1589 г. домогались разрешения купить их"[12]. В таком преподнесении материала заключалась и научная точность: историк заставлял говорить сам источник, — и образность изложения: рядом с вещами — живые люди с оценивающими взглядами, их отношением к произведению московского ремесла. В лице Бахрушина соединялись историк и художник.

В очерке "Территория и население Москвы" Бахрушин доказал, что рост Москвы в XVI в. происходил не столько за счет служилого населения, как думали историки ранее, сколько за счет расширения посада, развития ремесла и торговли. Внутри столицы в течение столетия постепенно исчезали следы феодальной раздробленности — дворы бывших удельных князей из московского княжеского рода с их многолюдным населением. Бахрушин восстановил облик разных районов города, указывая, с какого времени тот или иной район стал застраиваться домами, какое население было тут, чем оно занималось. Получилась динамичная картина роста Москвы вширь и, так сказать, внутрь собственной территории, так как в самом городе еще оставалось много незаселенных "полых" мест — лугов, полей, рощ.

Бахрушин показал место и роль Москвы в укреплении Российского государства, обрисовал ее военное значение, внешний вид и благоустройство, культуру города.

Впервые в научной литературе Бахрушин всесторонне восстановил облик и жизнь Москвы в XVI в. Его исследование заполнило собой существенный пробел в знаниях по истории столицы. Оно имело и более широкое значение, ведь о жизни русских городов в XVI в. было известно совсем немного.

Во второй части первого тома "Истории Москвы" Бахрушин в соавторстве с С. К. Богоявленским поместил очерк

о столичной торговле в XVII в. По сравнению с предыдущим столетием XVII век гораздо богаче по количеству оставшихся от него памятников письменности. Поэтому еще до революции был создан ряд работ по истории торговли в XVII в. (Н. И. Костомаров, М. В. Довнар-Запольский). Бахрушин и Богоявленский решили дать более обильный исторический материал, чем это было сделано их предшественниками. Они показали, что Москва предъявляла прежде всего спрос на продукты питания, описали хлебную торговлю, куплю-продажу рыбы, которую привозили в Москву в огромном количестве, сбыт мяса, масла, овощей (особенно много потребляла столица лука), фруктов, чая, который впервые был привезен в Москву в 1654 г.

Среди промышленного сырья и полуфабрикатов, которые шли на продажу столичным ремесленникам, историки указали на кожи, материи, металлы. По некоторым отраслям производства московские ремесленники работали не только на Москву, но и на вывоз. Москва была крупнейшим центром торговли мехами. Громадное количество пушнины поступало в царскую казну в виде дани с сибирских народов. Несмотря на то что в Москве была своя развитая промышленность, столица постоянно испытывала недостаток в привозных изделиях. Металлы и металлические изделия поступали главным образом из железоделательных районов, расположенных на юге от Москвы и северо-западе. Из лесных районов везли ложки, ковши, братины, блюда.

Подробно были описаны торговые лавки в Китай-городе, который был центром столичной торговли. Богатые московские купцы владели несколькими лавками. Сами они в них не торговали, а доверяли дело приказчикам — "сидельцам". Авторы представили читателям несколько ярких фигур торгового мира столицы, показали размах их деятельности.

"XVII век характеризуется ростом купеческого капитала. Появляется ряд крупных купеческих фамилий: Никитниковы, Светешниковы, Гурьевы, Шорины, Филатьевы, Шустовы, Кирилловы, владеющие огромными капиталами и делающие миллионные обороты во всех частях страны. Некоторые из них начинают вкладывать значительные средства в промышленность, организуя в крупных масштабах добычу соли, рыбные промыслы, кожевенные предприятия"[13].

Картина московской торговли, восстановленная Бахрушиным и Богоявленским, убеждала в том, что в стране складывался всероссийский рынок и Москва в этом процессе играла крупную роль.

Значительный и ценный конкретно-исторический материал был собран и в других очерках, написанных Бахрушиным, — "Московское восстание 1648 г.", "Просвещение, научно-техническая мысль и литература в Москве", "Подмосковные усадьбы XVII в".

"История Москвы" ознаменовала собой большой шаг вперед в изучении истории городов нашей Родины. В 1950—1960-х гг. по примеру этого издания были написаны коллективные труды по истории Ленинграда, Киева, Кишинева, Ташкента, Еревана и других городов.

В 1940-е гг., накануне и во время празднования юбилея Москвы, Бахрушин широко развернул свою деятельность как популяризатор истории Москвы. Ему поручали доклады, приглашали с лекциями, делали заказы на работы о Москве. В это время он опубликовал около трех десятков статей и брошюр по истории нашей столицы. В 1947 г. ему исполнилось 65 лет. Несмотря на возраст, он оставался неутомимым пропагандистом исторических знаний. Летом и осенью 1947 г., в дни подготовки и празднования 800-летия Москвы, он выступал с докладами о прошлом и настоящем столицы на общемосковском собрании пропагандистов и агитаторов, на торжественном заседании Академии наук СССР, на научной сессии в МГУ.

Бахрушин создал большое научное наследие. Наполненные ценнейшим материалом и важными выводами, его работы сохраняют свою ценность в наши дни, а их автору принадлежит почетное место среди тех историков, которые немало и плодотворно трудились над восстановлением биографии великого города.

Умер Сергей Владимирович в 1950 г., похоронен на Новодевичьем кладбище.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Бахрушин С. В.* Научные труды. М., 1954. Т. II. С. 20.
[2] *Бахрушин С. В.* Москва в 1812 году. М., 1913. С. 3—4.
[3] Там же. С. 25.
[4] Там же. С. 39.
[5] *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. II. С. 49—50.
[6] Там же. С. 67, 68.
[7] Там же. С. 82.
[8] *Бахрушин С. В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма: (Научное наследие). М., 1987. С. 160.
[9] Научный архив Института российской истории РАН, ф. 1, оп. 1, д. 1060, л. 3; д. 1062, л. 3; д. 1064, л. 3.
[10] *Бахрушин С. В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. С. 52.
[11] История Москвы. М., 1952. Т. 1. С. 135—136.
[12] Там же. С. 138.
[13] Там же. С. 444.

Список работ С. В. Бахрушина

Княжеское хозяйство XV—XVI вв. //Сборник статей в честь В. О. Ключевского. М., 1909. С. 563—604.

Москва в 1812 году. М., 1913.
Малолетние нищие и бродяги в Москве: (Исторический очерк). М., 1913.
Московский мятеж // Сборник в честь профессора М. К. Любавского. Пг., 1917. С. 709—774.
Исторический очерк б. Московского уезда // Московский краевед. Вып. 5. 1930. С. 50—80.
Московский университет в XVIII в. // Ученые записки МГУ. Вып. 50. Юбилейная серия. 1940. С. 5—24.
Москва в 1812 и 1941 годах // Большевик. 1941. № 18. С. 20—27.
Старая Москва: Стенограмма публичной лекции. М., 1945.
Борьба за освобождение Москвы от интервентов в 1612 году// Вестник АН СССР. 1947. № 7. С. 62—72. (Совместно с А. А. Савичем.)
Население Москвы в XVI веке // Известия АН СССР. Серия "История и философия". 1947. № 3. Т. IV. С. 201—219.
Москва Ивана Грозного // Вестник МГУ. 1947. № 9. С. 16—74.
Столица советского народа // Вестник АН СССР. 1947. № 9. С. 3—18.
Восемь веков // Москва. М., 1948. С. 17—62.
Москва — центр, объединяющий русский народ // Известия АН СССР. Серия "История и философия". 1948. № 4. Т. V. С. 323—336.
Москва в период укрепления Русского централизованного государства в XVI в. // История Москвы. М., 1952. Т. 1. С. 133—263.
Москва в годы восстания Болотникова // История Москвы. М., 1952. Т. 1. С. 303—312. (Совместно с А. А. Зиминым.)
Захват Москвы интервентами и борьба с ними русского народа (1610—1611) // История Москвы. Т. 1. С. 325—344. (Совместно с А. А. Новосельским.)
Москва как хозяйственный центр страны (XVII в.). Торговля Москвы // История Москвы. Т. 1. С. 423—445. (Совместно с С. К. Богоявленским.)
Территория и население. Подмосковные усадьбы XVII в. // История Москвы. Т. 1. С. 523—533.
Народные движения в Москве. Московское восстание в 1648 г. // История Москвы. Т. 1. С. 577—587. (Совместно с А. А. Новосельским.)
Просвещение, научно-техническая мысль и литература в Москве в XVII в. // История Москвы. Т. 1. С. 603—637. (Совместно с С. К. Богоявленским и Н. В. Устюговым.)
Московская буржуазия // История Москвы. М., 1954. Т. 3. С. 282—320.
Новые источники по истории Москвы // Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма: (Научное наследие). М., 1987. С. 36—52.
Основные проблемы истории Москвы до конца XVIII в. // Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма: (Научное наследие). С. 159—176.

Е. К. Сивкова

ИСТОРИК И КРАЕВЕД

КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ СИВКОВ. 1882 — 1959

Константин Васильевич Сивков родился 12 (25) мая 1882 г. в Белгороде. Его отец служил в чине коллежского советника по Министерству юстиции, был членом Курского окружного суда, мать была одной из первых женщин, окончивших Российскую академию художеств. Константин Васильевич рано лишился отца и с 12 лет был вынужден заниматься репетиторством. В 1900 г. он успешно окончил курскую гимназию и в 1901 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета. По окончании его в 1906 г. был удостоен диплома I степени. После окончания университета Константин Васильевич стал преподавать историю в школах Тифлиса, а затем Москвы, одновременно занимаясь разработкой методики преподавания. В журнале "Вестник воспитания" выходят статьи "Новые перемены в постановке преподавания истории", "Из опыта руководства ученическими рефератами", "Кабинет истории в средней школе" и т. д. На основе анкетирования, проведенного среди школьников, появились статьи "Идеалы городских школьников (по данным анкеты)", "Анкета о преподавании истории в средней школе" и др.

В 1917 — 1918 гг. выходит его учебник "Русская история. Курс элементарный. Для младших классов средних учебных заведений" в двух частях. В 1919 г. К. В. Сивков был избран профессором Иваново-Вознесенского института народного образования. Он был прирожденным педагогом. Все, кому доводилось слушать его лекции, бывать на семинарах, отмечают, что он рассказывал живо, увлекательно, повествуя об исторических событиях со множеством интереснейших подробностей. Его слушателями были студенты историко-архивного института, педагогических институтов им. Либкнехта и им. В. И. Ленина, Высшей дипломатической школы, Московского университета. В течение многих лет Константин Васильевич вел большую работу по подготовке научных кадров историков. Будучи требовательным руководителем,

он добивался высокого уровня работ своих аспирантов и докторантов. Преподавание в высшей школе он оставил лишь в возрасте 73 лет.

К. В. Сивков принимал деятельное участие в популяризации исторической науки. Он был автором многих статей, участвовал в составлении и редактировании сборников — "Книга для чтения по истории нового времени", "Книга для чтения по древней истории", "Три века", "Средние века в очерках и рассказах" и др.

В 1921 г. отмечало свой десятилетний юбилей кооперативное Товарищество издательского и печатного дела. Одним из учредителей этого товарищества и членом правления был К. В. Сивков, предложивший именовать эту организацию "Задругой" (так называлась община у южных славян, основанная на родственных отношениях и сплоченная экономическим интересом). Целью этого содружества было издание книг, начиная от книг научного и общественного содержания до детской и народной литературы включительно. При "Задруге" были организованы редакционные комиссии по всем отраслям знания. К. В. Сивков ведал редакционной частью. Этим издательством были выпущены такие его работы, как "Великая европейская война сто лет назад и теперь", "Крепостное право и русская изящная литература" и др.

С 1935 г. и до конца жизни Константин Васильевич работал в Институте истории АН СССР. Он был видным ученым-исследователем в области истории сельского хозяйства и крестьянства России, являлся заместителем председателя Комиссии по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Много внимания К. В. Сивков уделял изучению помещичьего хозяйства, им была написана интересная работа "Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX в." (М., 1951) по материалам архива Юсуповых. Ему не удалось закончить большой труд "Сельское хозяйство России во второй половине XVIII века".

К. В. Сивков принимал участие в создании больших коллективных трудов: "Очерки по истории СССР", "Очерки по истории исторической науки в СССР", учебник по истории СССР для вузов.

Круг научных интересов ученого был весьма широк. Докторская диссертация носила название "Политические процессы в России в последней трети XVIII в.". Немалый вклад внес он в изучение русской культуры конца XVIII — первой половины XIX в. Им написаны статьи по истории Кавказа, Карелии, народа коми.

В 20-х гг. К. В. Сивков активно участвовал в организации музейного дела, в 1925 — 1928 гг. был ученым секретарем Управления музеями-усадьбами Наркомпроса, работал

в московском Историческом музее, членом ученого совета которого состоял до самой смерти.

Как всякий истинно русский человек, Константин Васильевич любил Россию, изучал историю родного края и эту свою любовь стремился передать другим. Куда бы Константин Васильевич ни приезжал и даже живя на даче с семьей, он стремился ознакомиться со всеми интересными местами. В последние годы жизни ему особенно полюбился Звенигород с его великолепной природой, окрестности которого называют "русской Швейцарией", с возвышающейся на "городище" церковью Успения, Саввино-Сторожевским монастырем, расположенным близ Саввинской слободы. Это самые древние в Подмосковье из дошедших до нас памятников русской архитектуры.

К. В. Сивковым были написаны статьи для сборников "Московский край в его прошлом", "Сборника Общества изучения русской усадьбы", журнала "Московский краевед" и др. Он считал, что краеведение должно быть включено в курс обществоведения в школе. В 1924 г. в журнале "Педагогическая мысль" (№ 4 — 5) вышла статья "Краеведение как метод и как предмет преподавания", которая была включена как одна из глав в книгу "Обществоведение в школах I и II ступени".

Автор считал, что "все школьное преподавание должно строиться на широчайшем применении знакомства *с былым и настоящим вокруг нас.* Для первых лет обучения это былое и настоящее вокруг нас будет выбираться из ограниченного территориального района, для последующих — из более широкого". Так как мир детей еще ограничен, то, считает автор, нужно брать из окружающего все, что доступно детям для расширения их кругозора, и эти знания нужно черпать не из книг и чужих рассказов, а путем личного опыта и наблюдения. И здесь большая роль принадлежит учителю. "Мы — не только дети, но и взрослые — слишком мало наблюдаем и изучаем то, что непосредственно нас окружает; мы как-то скользим взглядом по всему этому, устремляя его вдаль, чтобы там найти что-то существенное и важное... А между тем буквально около нас, чуть ли не у самых наших ног, находятся такие жизненные явления, которые раскрывают громадные перспективы"[1]. Простой школьный двор, парк могут стать обширным естественноисторическим кабинетом. По мнению автора, обучение должно проводиться с *краеведческим* уклоном. Например, ярмарка или торговый день не где-то вообще, а в определенном районе, имеющем свои культурные и бытовые особенности: в Вятском крае, на Украине, Кавказе и т. д. Он считал, что нужны местные, *краеведческие* пособия. И всего более необходим краеведческий принцип в преподавании обществоведения (речь идет о 20-х гг.). Наряду с учебником элементарного курса русской истории нужно пособие по истории каждой местности или

области. Автор отмечает, что хорошим краеведческим пособием по русской истории (для Московского края) является книга "Былое вокруг нас" Д. А. Жаринова и Н. М. Никольского. Он считает, что по этому принципу надо строить "картины прошлого своей страны" в разных областях России. Вот что К. В. Сивков понимал под краеведением как методом преподавания. На нем должно быть построено все преподавание в школах I ступени. Во II ступени краеведение должно занять самостоятельное место, т. е. его надо включить в программу примерно по таким темам: 1. "Территория и население края в их историческом развитии". 2. "Природа края — рельеф, почва, климат, растительный и животный мир". 3. "Сельское хозяйство". 4. "Торговля и промышленность". 5. "Население в его современном состоянии". 6. "Историческое прошлое". 7. "Районирование края в естественноисторическом и социально-экономическом отношении". Под краем здесь подразумевается губерния или область. Этот курс необходимо строить на самой широкой экскурсионной базе. Такую точку зрения на необходимость преподавания этого предмета высказал ученый.

В 1927 г. Управление музеями-усадьбами издает очерки К. В. Сивкова "Покровское-Стрешнево", "Кусково", "Штат" села Кускова. 1786 г.", а в № 5 "Сборника Общества изучения русской усадьбы" выходит статья "Кусково в 1812 г.".

Автор считает, что в усадьбе П. Б. Шереметева Кусково нашла отражение дворянская культура XVIII в., которая питалась влияниями, шедшими с Запада: "Это была Западная Европа на русской почве". Это был "увеселительный дом", приглашавший москвичей на гулянья, но одновременно и одно из гнезд русского искусства, колыбель крепостного театра Шереметевых. "Устраивая свои "подмосковные" в XVIII веке, русское дворянство... училось тому, как надо красиво и приятно устраивать жизнь вокруг себя".

Кусково как дворянская вотчина известно с XVI в. Но вид "маленького Версаля" оно приобрело только в середине XVIII в. В очерке дается подробное описание усадьбы, дома, служб, парка. Читая его, мы живо представляем себе это владение, сожалея вместе с автором, что многое не сохранилось до наших дней.

На празднества в Кусково собиралось из Москвы до 50 тыс. человек. Посетителей привлекали французский "регулярный" и английский сады с гротами, беседками, мраморными статуями, пруд с лебедями и целой флотилией судов, зверинец, роскошные фейерверки и иллюминации. "К сожалению, до нас не дошли счета, которые показали бы, какое количество оброка, собиравшегося с крестьян, тратилось на такие празднества".

Очень интересно читать описание пышного и парадного внутреннего убранства дворца, украшенного замечательными творениями крепостных мастеров. Во дворце было много

произведений известных западных художников и ваятелей, большая библиотека. "Такая библиотека, часто в несколько тысяч томов... — необходимая принадлежность всякой русской усадьбы XVIII в. Все дворяне были "в душе" философами и часто очень радикальными. Будучи на практике последовательными крепостниками (Радищевы были единицами среди них), они зачитывались памфлетами против тирании, любили сентиментальные (чувствительные) романы. Поэтому в каждой помещичьей библиотеке мы найдем сочинения Монтескье, Вольтера, Руссо, "Путешествие" Стерна и т. п.". Подбор книг в библиотеках Кускова свидетельствует о популярности голландской, английской, а с конца XVIII в. и французской литературы.

Был в Кускове и свой театр. Крепостной театр — своеобразное явление усадебного быта. С точки зрения культуры крепостной театр имел положительное значение, но, с другой стороны, крепостное положение артистов, певцов, художников, декораторов было трагичным. "Сколько драм и трагедий видели стены и кулисы крепостных театров, сколько талантов и жизней было загублено здесь (вспомним повесть Герцена "Сорока-воровка")"[2], — заключает автор очерка.

К. В. Сивков исследовал в архиве Исторического музея бумаги П. И. Щукина, из которых видно, какое количество людей обслуживало усадьбу Кусково и что стоило содержание этих людей. Результатом исследования стала работа "Штат" села Кускова. 1786 г." (М., 1927). Из нее мы узнаем, что "штат" села равнялся 171 человеку (сюда не входят музыканты и артисты крепостного театра). Выплачиваемое работникам вознаграждение состояло из двух частей: из денежной и хлебной "дачи". Так, "садовник иноземец Петр Ракк" получал "по контракту" весьма значительную для того времени сумму — 700 руб. в год и натурой — продуктов на 317 руб. Сюда входили: корм для двух лошадей, дрова, уголь, свечи. Такого вознаграждения не получал больше ни один из служащих. Архитектор Алексей Миронов получал всего 50 руб. в год (жалованья 25 руб. и на платье 25 руб.) и "паек". Мастеровых с учениками было 63 человека. "Как в хорошо устроенной феодальной вотчине, тут были представлены самые разнообразные специальности, вследствие чего все потребности "увеселительного дому" Кускова удовлетворялись собственными средствами". Кроме содержания "штата" нужны были средства для поддержания в порядке зданий, сада и т. д. Больших расходов требовал зверинец и содержание домашнего скота и птицы. Итого общий расход составлял 16 495 руб. "Вот... во что обходилось, в переводе на деньги, содержание "увеселительного дому" с. Кускова".

Рядом находилось село Вешняково, которое тоже принадлежало Шереметевым. В нем были кирпичный завод, богадельня и церковь. Богадельня предназначалась для служа-

щих имения. Расходы на нее показывают, "как было поставлено, выражаясь современным языком, дело социального обеспечения в этой роскошной подмосковной вотчине, принадлежавшей одному из богатейших представителей русского дворянства"[3].

Из приведенных данных видно, что люди, определенные в богадельню, получали то же содержание, которое они имели, будучи на службе. Автор выражает сожаление, что из документа неясно, были ли состарившиеся служащие, помещенные в богадельню, только из села Кускова или и из других шереметевских вотчин.

Несомненный интерес представляет очерк "Покровское-Стрешнево". Эта усадьба и по красоте, и по размерам уступает Кускову или Останкину. Но "знакомство с Покровским-Страшневом и его владельцами дает представление о быте, привычках и художественных вкусах, так сказать, массового дворянства XVIII — XIX вв., тогда как Останкино и Кусково — памятники того быта и художественного уровня, до которого поднимались лишь немногие представители когда-то "первенствующего" сословия".

В этом очерке прослеживается история усадьбы с начала XVII в. и коротко рассказывается о сменявших друг друга ее владельцах, из которых особое внимание уделено Е. П. Глебовой-Стрешневой. Об интересе К. В. Сивкова к этой усадьбе говорит тот факт, что в его архивном фонде находится генеалогическая таблица рода Стрешневых.

В этом очерке также есть описание дома, дан бюджет владелицы на 1813 г., сколько владение приносило дохода, сколько занимало земли и т. д. "...Вся обстановка дома была проста, несложна и немногочисленна, как и вообще в большинстве загородных дворянских домов той эпохи"[4]. Этот очерк выглядит суше, лаконичнее, чем очерк о Кускове, которому автор отдает больше теплоты и души. Зато в этом очерке дана краткая, но яркая характеристика уже упомянутой Елизаветы Петровны Глебовой-Стрешневой — женщины капризной, своенравной, тщеславной и властной.

Мы уверены, что Константин Васильевич написал бы еще не один такой очерк о подмосковных усадьбах, но обрушившиеся репрессии прекратили существование Управления музеями-усадьбами и музеями-монастырями, и изучение русских усадеб было насильственно прервано. Несмотря на это, К. В. Сивков продолжал заниматься краеведческими исследованиями и опубликовал несколько статей. Так, в журнале "Московский краевед" в 1929 г. помещены статьи "Хрустальный завод в Архангельском в начале XIX в." (вып. 4) и "Музеи-усадьбы Московской губернии" (вып. 7 — 8), а в сборнике "Московский край в его прошлом" — "Подмосковная вотчина середины XVIII в." и "Крепостная суконная фабрика в Архангельском в начале XIX в.".

"Музеи-усадьбы Московской губернии" — это краткое описание существовавших в те годы девяти музеев-усадеб: Абрамцева, Архангельского, Коломенского, Кускова, Муранова, Никольского-Урюпина, Останкина, Остафьева и Царицына. Как пишет автор, характерным для этих музеев является то, что они не повторяют друг друга, "в каждом есть такие индивидуальные черты, которые не встречаются в других". Давая каждый в отдельности яркие картины жизни высшего сословия, взятые вместе, они дают возможность разносторонне и глубоко изучить быт русского дворянства. Облик каждой усадьбы своеобразен, так как материальный и культурный уровень их владельцев был различен. "Только изучение всех названных дворянских усадеб до некоторой степени может привести к пониманию дворянского бытового уклада XVIII — XIX вв. ...Они изображают быт по преимуществу высшего и отчасти среднего (в имущественном и общественном отношении) слоев дворянства; дворянство мелкопоместное, *численно* преобладавшее, этими музеями-усадьбами не представлено, а в его быту было очень много важного для понимания роли и силы этого класса в прошлых судьбах нашей страны". Автор выражает сожаление, что не сохранены усадьбы небогатых дворян и, таким образом, утрачена возможность ознакомиться с жизнью этого слоя общества.

Еще одной отличительной чертой этих музеев было то, что все предметы, художественные произведения, книги и т. д. составляли единый художественно-архитектурный ансамбль, присущий только этому поместью. "Одним словом, понять *искусство в быту* можно только в том сочетании отдельных его элементов, которое дают музеи-усадьбы. Никакая самая искусная экспозиция наших дней в специально построенных музейных залах заменить этого не может"[5].

А главное, нужно отметить, что зодчие того времени умело сочетали все архитектурные сооружения с окружающим ландшафтом и, чтобы постичь это искусство, нужно посетить усадьбу; никакие планы, фотографии и макеты не заменят непосредственного впечатления, считает автор статьи.

С упадком краеведческой науки все меньше уделяется внимания изучению усадеб, помещичьего хозяйства, дворянской культуры России. Поэтому несколько сужается и освещение проблемы, изменяется характер работ по этому вопросу. По касательной к интересующей нас теме проходит помещенная в сборнике "Московский край в его прошлом" (вып. 1, 1928) статья "Подмосковная вотчина середины XVIII в.". Даты, цифры, таблицы, ярко и полно характеризующие экономическое состояние села Павловского с 19 деревнями "в Горетове стане Московского уезда" к 1743 г., подробное описание помещичьего и крестьянского хозяйства, данные о крестьянском населении вотчины, более имеющие

отношение к "истории крестьянства", неожиданно сменяются рассказом о бунте крепостных, достаточно любопытном с точки зрения политики правительства той эпохи в отношении крестьянства.

Заслуживает упоминания ряд очерков, посвященных фрагментам истории села Архангельского — подмосковной князей Юсуповых. В вып. 4 (12) "Московского краеведа" за 1929 г. помещена небольшая статья историка "Хрустальный завод в Архангельском в начале XIX в.", раскрывающая несколько неожиданный аспект значения этой известнейшей усадьбы. Чутьем ученого Сивков улавливает в малозначительном, локальном на первый взгляд явлении предпосылки зарождения капитализма в недрах помещичьего хозяйства, о чем свидетельствуют приведенные им в начале работы слова князя П. А. Вяземского (1831 г.): "Кто у нас из дворян, имеющих поместья, более или менее не фабрикант, не промышленник, не торговец?"[6] Обилие данных сухой статистики, не менее, впрочем, интересных для исследователя, чем самое яркое живописание сцен прошлого, смягчается умелой подачей материала, показом такого редкого симптома нового экономического уклада, как крепостное промышленное предприятие.

Судьбу хрустального завода разделила ткацкая мануфактура, описанная в труде "Крепостная суконная фабрика в Архангельском в начале XIX в.", напечатанном в уже упомянутом сборнике "Московский край в его прошлом" (вып. 2, 1930) и дающем ценный материал по истории крепостной мануфактуры крупного землевладельца. Значение названных работ еще и в том, что фактически все они писались по документам, разысканным К. В. Сивковым в государственных архивах. Все они, несомненно, дают немало для изучения родины, для краеведения как науки в самом широком смысле этого слова.

Давний столичный житель, Константин Васильевич любил и знал Москву. В 1947 г. праздновалось 800-летие Москвы. Естественно, ученый не мог не откликнуться на это событие. Две его стать, посвященные этой дате, опубликованы в журнале "Преподавание истории в школе", а также в "Очерках о Москве (К 800-летию Москвы)". Государственная библиотека им. В. И. Ленина выпустила указатель литературы "Что читать к 800-летию Москвы. 1147 — 1947. История города Москвы с XII в. до 1917 г.", редактором которого был К. В. Сивков.

В 1952—1957 гг. Институт истории АН СССР издает фундаментальный труд "История Москвы", где перу историка принадлежит ряд глав. В томе втором (часть II) "Москва в 1725—1800 гг." это разделы "Изменения в составе населения" (совместно с П. Г. Рындзюнским) и "Городское хозяйство".

Как отмечают авторы, установить действительную численность населения Москвы затруднительно из-за неудовлетворительности статистики XVIII в. Данные ревизий дают сведения лишь об одной наиболее типичной группе жителей города — о посадских людях (купцах, мещанах и ремесленниках), притом только мужского пола. Данные полицейского и церковного ведомств также не отличались точностью.

В этом разделе приводится большой статистический материал, основанный на документах архивов (таких, как ЦГАДА, ЦГИАЛ, Московский областной архив и др.) и на других источниках. На основании приведенных данных делается вывод, что население Москвы неизменно возрастало, но это был сложный процесс, так как численность одних разрядов жителей сокращалась, а других увеличивалась. Далее здесь прослеживаются изменения, происходившие в течение XVIII в. в соотношении мужского и женского населения Москвы, сезонные колебания численности жителей.

Интересны сведения о количестве домов (или дворов) у разных групп населения и о распределении их по 14 частям города, на которые тогда делилась Москва. Так, торговые заведения располагались в основном в центре города, купцы предпочитали селиться в районе Пятницкой улицы, Данилова монастыря, Ордынки, Якиманки, а дворяне устраивали свои усадьбы в более окраинных частях Москвы. Крестьян-домовладельцев в Москве было немного, они располагались в основном в солдатских и ямщицких слободах.

Подробно рассматриваются различные социальные группы населения Москвы. Очень важным явлением в жизни Москвы XVIII в. было образование новой социальной группы — мануфактурных рабочих, которые выходили как из крестьян, так и из посадского населения. "...На протяжении XVIII в., особенно второй его половины, можно наблюдать, что старые сословные перегородки задерживали развитие исторического процесса, но они уже не могли приостановить появление и рост новых социальных формирований, свойственных буржуазному обществу" — таков основной вывод данной главы.

Другой раздел этого труда посвящен городскому хозяйству. Огромным бедствием для города и его населения были пожары. По подробным, живым описаниям происходящего мы представляем эти страшные события. Выгорали целые улицы (в 1773 г. вся Тверская) и даже районы. В 1737 г. "в Кремле дворцы, соборы, коллегии, ряды, Устретенка, Мясницкая, Покровка, Басманная, Старая и Новая слободы — все в пепел обращены... в сем же свирепом пожаре народа немало, а имения и товаров несчетное множество погорело". В мае 1748 г. произошло шесть пожаров, опустошивших несколько районов Москвы.

Наряду с мероприятиями по каменной застройке города предпринимались и другие противопожарные меры, которые

к концу века дали известные результаты. Правительство издавало указы и постановления для борьбы с пожарами, но пожарные команды были созданы лишь в 1780-х гг.

Одной из важных проблем благоустройства города являлось строительство и ремонт мостов. Опираясь на архивные материалы, автор показывает, какие средства были затрачены на ремонт и постройку новых мостов, осуществлявшиеся на казенные средства, тогда как устройство мостовых и очистка города были обязанностью домовладельцев и учреждений. Поэтому, несмотря на ряд указов, до конца XVIII в. этот вопрос не был разрешен.

Нововведением того времени было устройство постоянного уличного освещения. По случаю пребывания двора в Москве в связи с коронацией Анны Иоанновны 27 ноября 1730 г. был издан указ "о сделании для освещения в зимнее время в Москве стеклянных фонарей". В указе говорится о том, какими должны быть фонари, где установлены, когда будут гореть и на какие средства все это осуществляется.

Большое значение для жителей имел вопрос о транспорте. Дворянство и зажиточные купцы имели экипажи и лошадей, у кого были средства — пользовались извозчиками. Важнейшим мероприятием для города было устройство водопровода. В этом разделе мы находим интересный материал о состоянии медицинского обслуживания населения, об организации учреждений общественного призрения.

Недовольство масс своим тяжелым положением вынуждало правительство заниматься надзором за ценами на продукты. Так, в 1767 г. вышло несколько указов, воспрещавших повышать цены на съестные и прочие жизненные припасы. В 1785—1792 гг. московские главнокомандующие каждую неделю сообщали правительству о ценах на хлеб (в зерне и муке), крупу, мясо, сено и дрова. Цены были неустойчивы, они менялись не только по годам, но и по месяцам в течение года и зависели от экономического состояния государства, от сезонных явлений, от курса ассигнаций.

"Рост городского населения и повышение его значения в хозяйственной жизни страны заставили правительство и местные власти проводить некоторые мероприятия по благоустройству города"[7]. Это было лишь начало перестройки городского хозяйства. Автор подчеркивает, что Москва и после перенесения столицы в Петербург оставалась важным государственно-административным центром России.

В третьем томе К. В. Сивков проводит глубокое и всестороннее исследование по темам: "Территория и население Москвы" (глава III), "Торговля в Москве" (глава VI), "Управление и хозяйство Москвы" (глава VIII).

В первой половине XIX в. Москва еще сохраняла черты, свойственные феодальному городу, но в нем уже появились признаки, присущие городу капиталистического типа. "Рост промышленности Москвы был тесно связан с процессами

расслоения крестьянства, формирования рабочих кадров и буржуазии. И это не могло не внести изменений в социальный состав населения Москвы, не могло не иметь влияния на характер города, приобретавшего черты, свойственные периоду перехода к капитализму".

С ростом торговли и промышленности границы города расширялись, росло число улиц, площадей, проездов, сокращалось количество огородов, что свидетельствовало о том, что "Москва понемногу теряла черты феодального города и росла как торговый и промышленный центр".

Колоссальные разрушения принес пожар 1812 г. Выгорело три четверти города. На помещенном в книге плане обозначены дома, сохранившиеся в каждой части города. Восстановление города производилось главным образом на средства населения. Правительственная субсидия в 5 млн руб. была ничтожно мала. "Правительство старалось переложить всю тяжесть затрат по восстановлению Москвы и других разоренных городов на население". В 1814 г. московский генерал-губернатор представил доклад "относительно устроения Москвы и вспоможения на обстройку потерпевшим от разорения и пожара жителям оной". Александр I несколько изменил и утвердил его. К ассигнованным ранее 5 млн руб. было добавлено еще 2,25 млн руб. на возмещение убытков, понесенных жителями при сносе их домов при перепланировке некоторых частей города, и более 1,5 млн руб. на нивелирование и замощение площадей и улиц города. Намечалось эти средства использовать на отделку Петровского театра, на постройку каменного или чугунного моста через Москву-реку вместо деревянного Москворецкого и еще одного на Водоотводном канале, на отделку камнем с решеткой обоих берегов Москвы-реки, Яузы и Водоотводного канала и т. д.

Комиссия для строений представила новый полный план Москвы, где были учтены замечания Александра I и комитета министров.

В главе приводится интересный материал, показывающий, как застраивалась и благоустраивалась Москва, как менялся облик города. "...Здесь представляется взорам картина, достойная величайшей в мире столицы, построенной величайшим народом на приятнейшем месте", — приведенные в главе слова поэта К. Н. Батюшкова можно отнести к Москве и более позднего периода.

Как отмечает автор, данных о численности населения Москвы первой половины XIX в. много, но они разнотипны и нередко противоречивы. Проанализировав их и сведя в таблицу, он делает вывод, что население Москвы в первые годы XIX в. значительно выросло по сравнению с началом 90-х гг. предыдущего столетия. Затем оно дважды сокращалось — в 1812 г., когда Наполеон занял Москву, и в 1830 г. во время эпидемии холеры. Автор подробно анализирует, когда и по

каким причинам численность населения города изменялась, опираясь при этом на солидный статистический материал. Так же подробно рассматриваются состав населения по полу и социальному положению, данные о рождаемости и смертности, сезонные изменения и распределение населения по районам Москвы. Сопоставляется состав населения Москвы и Петербурга в 40-х гг. XIX в. Автор высказывает предположение, что "очевидно, рост числа жителей Москвы в первой половине XIX в. ...объясняется не естественным приростом коренного населения, а увеличивающимся притоком его со стороны"[8].

В главе "Торговля в Москве" город предстает перед нами как крупный торговый центр. Приведенное автором свидетельство современника подтверждает это: Москва была "главным Гостиным двором страны, в который стекались все богатства нашей торговой мены с Европой и Азией, с тем, чтобы потом растекаться оттуда по внутренностям империи".

Читая главу, мы живо представляем себе лавки, магазины, Гостиный двор, товары, продающиеся там, людей, торгующих и покупающих. В 1840 г. в городе было 278 магазинов, и товары в них оценивались в сумму 6708 тыс. руб. Бо́льшую роль, чем магазины, в торговле играли лавки. Стоимость их товаров определялась в 40 400 тыс. руб. Приводятся данные, дающие представление о роли Москвы в иногородней торговле. "Все приведенные данные о московских магазинах и лавках показывают, что торговая сеть Москвы к середине XIX в. была очень густой, что торговля в Москве была сильно дифференцирована, наконец, что эта торговая сеть снабжала товарами не только Москву, но и другие города"[9].

Очень живо описаны базары и ярмарки, уличная торговля. Любопытны данные, показывающие, сколько и каких продуктов питания потребляла Москва, откуда они привозились. Данные за 40-е гг. показывают, что с ростом города потребности населения росли и видоизменялись. В Москву привозилось продовольствие, материалы для фабрик, хозяйственные предметы, строительные материалы и т. д.

Но Москва была еще и транзитным центром всероссийской торговли. Этому посвящен большой раздел "Москва — центр внутреннего рынка и внешней торговли". Самые тесные отношения связывали торговлю и промышленность Первопрестольной с Нижегородской ярмаркой. Тесные связи существовали и с украинскими ярмарками.

Вторая половина 20-х и начало 30-х гг. ознаменовались началом русской торговли в Закавказье и Иране.

Глава VIII называется "Управление и хозяйство Москвы". Основная мысль ее раздела "Управление городом" заключается в том, что формы городского управления устарели, но до 1862 г. они не подвергались реформам. Общест-

венного самоуправления на протяжении первой половины XIX в. Москва не имела. Действующими органами были шестигласная дума и ее председатель — городской голова, представлявшие крупных купцов и промышленников. Как и в XVIII в., она оставалась бесправным органом, и вся ее деятельность сводилась к сбору городских доходов и выдаче сумм на те или иные потребности города. Высшую власть осуществлял главнокомандующий, или генерал-губернатор. По смете 1806 г., составленной Комитетом для уравнения городских повинностей Москвы, можно видеть, как велось городское хозяйство в начале XIX в. Больше половины доходов Москвы составлял поземельный сбор. Городских предприятий, приносивших доход, в смете не значится. Около 78% средств шло на полицию и казармы, а на благоустройство города расходовалось менее 10% , на культурные и благотворительные цели — всего около 4,5% .

Как считает автор, для того, чтобы городское хозяйство самостоятельно развивалось и культурно-бытовые нужды населения удовлетворялись, нужны были коренные реформы и введение общественного самоуправления.

Большое внимание в разделе уделено московской полиции, "которая поглощала львиную долю городских доходов", но не обеспечивала "внешнего порядка и безопасности на городских улицах".

В разделе "Меры по благоустройству города" говорится о противопожарных мероприятиях, об освещении улиц и переулков, об устройстве тротуаров и мостовых, о водоснабжении города и о средствах сообщения как внутри самой Москвы, так и между ней и другими городами.

Название третьего раздела главы — "Здравоохранение и общественное призрение" говорит само за себя. На Приказ общественного призрения была возложена забота об образовании, лечении и благотворительности. Он занимался устройством народных школ, сиротских домов, больниц, богаделен, работных домов и т. д. Московский Приказ общественного призрения являлся в то же время и кредитным учреждением. "Приказ вкладывал ограниченные средства в дело охраны здоровья населения Москвы, так как ставил своей главной целью кредитные операции, служившие интересам привилегированных сословий и государства". Больницы создавались как на государственные, так и на частные средства. Но их явно не хватало. Все рабочие Москвы были обложены больничным сбором. Санитарное состояние города было явно неудовлетворительно. Водопровода и канализации в домах не было. "Антисанитарное состояние города и ничтожная медицинская помощь — яркие показатели состояния здравоохранения в дореформенной Москве"[10]. В главе уделено внимание и такому социальному явлению, как нищенство. Приводятся любопытные данные о количестве нищих в Москве и их социальном составе. Правитель-

ство издавало указы по борьбе с нищенством, но это помогало мало.

Автор делает вывод, что городское хозяйство начала XIX в. соответствовало системе управления Москвы. Но городские власти были не в состоянии удовлетворить запросы населения в условиях растущих капиталистических отношений.

Таким образом, в этом фундаментальном труде Москва предстает в самых различных аспектах.

К. В. Сивков участвовал в издании ряда путеводителей по Москве. Так, для путеводителя, вышедшего в изд. Кушнерева в 1915 г., им были написаны статьи "Московские кладбища", "Музей социальных наук им. А. В. Погожева", "Противоалкогольный музей столичного попечительства о народной трезвости". Одновременно он был и одним из редакторов этой книги.

Из первого очерка мы узнаем о первых законодательных актах, регулировавших появление первых кладбищ и охрану старых некрополей (до 1723 г. людей хоронили при церквах). Постепенно кладбища при церквах стали уничтожаться, земля распродавалась и застраивалась. Кроме православных в Москве были иноверческие кладбища. Подробно описано, где какие кладбища расположены и как они различаются по социальному составу похороненных там лиц. "...Могилы очень многих государственных и общественных деятелей совершенно исчезли, и только по разным литературным памятникам мы можем восстановить место их погребения"[11]. В обзоре помещен список захоронений известных общественных и государственных деятелей, деятелей науки и искусства.

Предмет исследования следующей главы — Музей социальных наук — находился при Московском университете, помещение было маленькое, экспонаты бедны, но при нем была большая библиотека, выписывались специальные русские и иностранные журналы и газеты, из которых делались вырезки статей по социальным вопросам.

Экспозиция другого музея — Противоалкогольного — также занимала скромное помещение в три комнаты и была небогата. Существовал он на частные средства. Основное содержание составляли диаграммы, показывающие влияние алкоголя на развитие преступности, душевных болезней, на смертность и т. д. Нужно отметить, что при этом музее находилась амбулатория для приема больных, страдающих алкоголизмом.

К. В. Сивков прожил большую и славную жизнь. Это был человек энциклопедических знаний, скромный и доброжелательный. Его памяти посвящен сборник "Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР" (сборник IV. М., 1960), ответственным редактором которого он являл-

ся; в книге помещена статья, освещающая его научную деятельность, и дан полный список его научных трудов. Архив ученого находится в Институте российской истории РАН (ф. № 25).

Похоронен Константин Васильевич Сивков в Москве на Новодевичьем кладбище.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Краеведение как метод и как предмет преподавания // Педагогическая мысль. 1924. № 4—5. С. 43, 44.

[2] *Сивков К. В.* Кусково. М., 1927. С. 3—4, 9, 22—23, 39.

[3] *Сивков К. В.* "Штат" села Кускова. 1786 г. М., 1927. С. 6, 12, 13.

[4] *Сивков К. В.* Покровское-Стрешнево. М., 1927. С. 4, 7.

[5] *Сивков К. В.* Музеи-усадьбы Московской губернии // Московский краевед. Вып. 7—8. 1929. С. 37, 38.

[6] *Сивков К. В.* Хрустальный завод в Архангельском в начале XIX в.// Московский краевед. Вып. 4 (12). 1929. С. 42.

[7] История Москвы: В 6 т. М., 1953. Т. 2. С. 332, 457, 462, 474.

[8] История Москвы. М., 1954. Т. 3. С. 138, 139, 145, 146, 142, 166.

[9] Там же. С. 256, 262.

[10] Там же. С. 339, 341.

[11] Москва: Путеводитель. М., 1915. С. 175.

Список работ К. В. Сивкова

Путеводитель по Москве и ее окрестностям. М., 1913. (Редакция общей части.)

Москва: Путеводитель. М., 1915. (Редакция совместно с Е. А. Звягинцевым, М. Н. Коваленским, М. С. Сергеевым.)

Москва: Путеводитель. М., 1915. Статьи: "Московские кладбища" (с. 174—181); "Музей социальных наук им. А. В. Погожева" (с. 654—655; "Противоалкогольный музей столичного попечительства о народной трезвости" (с. 655—657).

Москва в 1792 г. // Голос минувшего. 1916. № 11. С. 208—210.

Краеведение как метод и как предмет преподавания // Педагогическая мысль. 1924. № 4—5. С. 43—48.

Московский край. М., 1925. (Редакция совместно с В. В. Алехиным.)

Московский край. М., 1925. Статьи: "Территория и население в их историческом развитии" (с. 5—29); "Экономическое прошлое края" (с. 159—176); "Население и территория в их современном состоянии" (с. 254—271).

Голосов К. А. Подольск: Историко-экономический очерк. М., 1927. (Редакция.)

Покровское-Стрешнево: Очерк. М., 1927.

Кусково: Очерк. М., 1927.

"Штат" села Кускова. 1786 г.: Очерк. М., 1927.

Кусково в 1812 г.//Общество изучения русской усадьбы: Сборник. М., 1927. № 5. С. 34—39.

Культурно-историческое изучение небольшого района. Л., 1926.

Подмосковная вотчина середины XVIII в.//Московский край в его прошлом: Сборник. Вып. 1. М., 1928. С. 75—96.

Музеи-усадьбы Московской губернии//Московский краевед. Вып. 7—8. 1929. С. 37—44.

Хрустальный завод в Архангельском в начале XIX в.//Московский краевед. Вып. 4(12). 1929. С. 42—51.

Крепостная суконная фабрика в Архангельском в начале XIX в.// Московский край в его прошлом: Сборник. Вып. 2. М., 1930. С. 51—74.

Экскурсии в усадьбу // История в средней школе. 1934. № 4. С. 107—109.

Крепостные художники в селе Архангельском (Страница из истории крепостной интеллигенции начала XIX в.) // Исторические записки. 1940. Кн. 6. С. 195—214.

Москва в 1725—1800 гг.//Преподавание истории в школе. 1947. № 1. С. 34—39.

Москва в первой половине XIX века // Преподавание истории в школе. 1947. № 2. С. 23—32.

Что читать к 800-летию Москвы. 1147—1947 г. История города Москвы с XII в. до 1917 г.: Рекомендательный указатель литературы. М., 1947. (Редакция.)

Москва со второй четверти XVIII века по конец XVIII века // Очерки о Москве: (К 800-летию Москвы). М., 1947. С. 1—9.

Москва первой половины XIX века// Очерки о Москве: (К 800-летию Москвы). М., 1947. С. 1—7 (стеклог. изд.).

Частные пансионы и школы Москвы в 80-х годах XVIII в.//Исторический архив. М.—Л., 1951. Т. VI. С. 315—323.

О судьбе крепостных художников села Архангельского//Исторические записки. 1951. Кн. 38. С. 270—273.

История Москвы: В 6 т. М., 1953. Т. 2. Главы: "Изменения в составе населения" (совместно с П. Г. Рындзюнским) (с. 305—332); "Городское хозяйство" (с. 456—474). М., 1954; Т. 3. Гл. III "Территория и население Москвы" (с. 136—174); Гл. VI "Торговля в Москве" (с. 256—291); Гл. VIII "Управление и хозяйство Москвы" (с. 321—345).

Г. Д. Злочевский

"ПУТИ И ПОИСКИ ИСТОРИКА ИСКУССТВА"

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ НЕКРАСОВ. 1885 — 1950

Этот очерк назван аналогично заглавию книги известного искусствоведа и москвоведа Михаила Андреевича Ильина, вышедшей в 1970 г. Выбор не случаен: такое название очень точно характеризует многогранное творчество Алексея Ивановича Некрасова — известного в прошлом историка искусства, большинство своих трудов посвятившего Москве и Подмосковью, краеведа, музейного работника, профессора ряда столичных вузов.

Первый, с кого начинает Ильин свое повествование, — Некрасов. Он называет Алексея Ивановича "мой профессор", так как незадолго до описываемых событий окончил (в 1926 г.) Московский университет под руководством Некрасова.

В те далекие 1920-е гг. — период бурного формирования московской школы искусствознания и становления нового подхода к подготовке искусствоведческих кадров, в том числе краеведов и музейных работников, — Некрасов был уже крупным специалистом в области древнерусского искусства, известным в нашей стране и за рубежом. А его талантливый ученик тогда только начинал свой путь в науку. Впоследствии именно Ильин долгое время руководил в МГУ специализацией в области древнерусского искусства, изучению которого уделял большое внимание Некрасов, заботливо выращивая надежную научную смену. Вот такие ассоциации, связь времен и творческая преемственность двух известных искусствоведов и москвоведов — учителя и ученика — подсказали название этого очерка.

Алексей Иванович Некрасов родился 7 марта 1885 г. в Москве. Окончил гимназию, затем историко-филологический факультет Московского университета в 1909 г. и был оставлен на кафедре истории и теории искусств "для приготовления к профессорскому званию". Свою творческую деятельность начал как палеограф и литературовед. Его первая печатная работа "Несколько слов о лицевых списках жития

преподобной Евфросинии Суздальской" опубликована в "Известиях Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук" (Пб., 1910. Т. XV. Ч. I). В этот период молодой ученый принимает участие в деятельности Славянской комиссии Императорского Московского археологического общества. 31 января 1912 г. его избирают членом-корреспондентом этого Общества[1]. В 1913 г. Алексей Иванович защитил в Петербургском университете магистерскую диссертацию, посвященную книгопечатанию в России в XVI—XVII вв. Некрасов пробует свои силы в преподавательской деятельности в высших учебных заведениях Москвы — ведет занятия по русскому языку в Институте московского дворянства в 1910—1917 гг. и читает лекции в Московской консерватории, обобщает первый опыт и издает на правах рукописи "Курс истории и теории искусств, читанный в Московской консерватории в 1913/14 академическом году" в трех выпусках. С 1916-го или 1917-го и до 1923 г. Некрасов — профессор Московской консерватории[2]. Молодой ученый получает возможность преподавать и в родном университете, где специализируется в области истории русского искусства, отдавая предпочтение древнерусскому. Однако любовь к филологии он сохранил на всю жизнь. Спустя десятилетия Е. А. Некрасова, учившаяся у Алексея Ивановича, а затем работавшая под его руководством (они были однофамильцами), вспоминала: "Он прекрасно знал литературу и поэзию, и не только русскую, но и мировую, и легко ее цитировал"[3].

В 1914 г. Некрасов написал специальную статью "Московское каменное церковное зодчество до Аристотеля Фиораванти" (у него написано "Фиоравенти", как произносили в предреволюционные годы). Она была помещена в "Трудах Славянской комиссии Московского археологического общества" (вып. 2, т. IV). Однако в связи с трудностями военного времени издание не вышло, а статья известна в виде отдельного оттиска, опубликованного в Москве в 1915 г., как указано на титульном листе (на обложке стоит 1916 г.). Первая статья молодого ученого, посвященная древнейшему зодчеству первопрестольной столицы и ее окрестностей, была действительно специальной, так как с чтением ее в год написания автор выступил в качестве одной из пробных лекций на соискание звания приват-доцента историко-филологического факультета Московского университета, которое ему присвоили в 1914 г. Автор начал очерк с изложения своей концепции приверженца нового в России и прогрессивного в те годы формально-стилистического метода анализа произведений искусства[4]. В архитектуре московских каменных храмов "до эпохи итальянцев" Некрасов видел яркий период, "когда Москва перерабатывала в себе формы предшествовавшего русского зодчества, чтобы иметь возможность соприкоснуться с искусством иных земель и начать самостоятельный период искусства XVI века, столь замечательный

в разных художественных областях" (с. 3). Далее автор разбирает исторические связи Московского княжества с Владимиро-Суздальской, Новгородско-Псковской землями, которые, как он считал, имеют наибольшее значение для начальной истории московской каменной архитектуры, с другими русскими землями, а затем переходит непосредственно к памятникам зодчества рассматриваемого периода. Он сообщает, что "первая каменная церковь в Москве упоминается под 1272 годом. Церковь эта находилась в Даниловом монастыре, и от нее остался только фундамент, никем еще не исследованный" (с. 6). Затем Некрасов приводит даты постройки и наименования всех последующих каменных церквей города, возведенных до 1475 г. (т. е. до приезда в Москву Аристотеля Фиораванти 26 марта 1475 г.), сведения о которых ему удалось найти, делает анализ "сохранившихся остатков" храмов исследуемого периода, прослеживает истоки их архитектуры, разбирает особенности московского зодчества во время правления различных князей. В скромный перечень древнейших каменных памятников церковной архитектуры автор включил сооружения и Москвы и Подмосковья. Завершая статью, ученый перебрасывает творческий мост в следующую эпоху московского каменного церковного зодчества — в XVI век, давший выдающиеся памятники архитектуры, исследованию которых он впоследствии посвятил ряд своих трудов. Первый труд Некрасова о московской архитектуре важен и в плане понимания уровня развития университетской науки об искусстве в предреволюционные годы, когда авторы большинства работ по русской архитектуре "подчеркивали важную роль истории в их работе... Они были подлинными историками, точнее, летописцами русского зодчества, весьма далеко отстоящими от научного метода зарубежных ученых. Они оставались в плену исторической фактологии"[5], а Некрасов пришел на университетскую кафедру, уже владея "методом нового искусствознания, сочетая его с приемами художественной критики"[6]. Ко времени опубликования упомянутой статьи автор был уже действительным членом Московского археологического общества.

Увлекшись изучением древнерусского зодчества, Некрасов обратил внимание на памятники архитектуры знаменитой Александровской слободы. Скоро выяснилось, что история слободы до времени Ивана Грозного "почти не привлекала к себе внимания, а тем более пристального изучения". Не был исследован детально и древнейший памятник Александровской слободы — Троицкий собор. Молодой ученый едет в город Александров и на месте детально изучает архитектуру собора. Результаты исследований Алексей Иванович изложил в статье "Троицкий собор Александровской слободы".

В последние предреволюционные годы Некрасов читает курс лекций по древнерусскому искусству в различных выс-

ших учебных заведениях Москвы, систематизирует необходимые материалы и выпускает "Атлас по истории древнерусского искусства" (Вып. I—III. М., 1916), а затем и "Конспект курса истории древнерусского искусства" (М., 1917), который составлен применительно к учебному атласу. Перед фамилией автора "Конспекта..." впервые указано звание "приват-доцент". Один из экземпляров этого издания Некрасов подарил П. С. Уваровой со следующей надписью: "Ее сиятельству глубокоуважаемой графине Просковье Сергеевне Уваровой от автора". Дата отсутствует. Сейчас книга в фондах Государственной публичной Исторической библиотеки, но "пришла" она, конечно, из Исторического музея, так как известно[7], что эмиссарами Музейного отдела Наркомпроса были вывезены из бывшей подмосковной усадьбы Уваровых Поречье в Исторический музей не только уникальная археологическая коллекция, много художественных ценностей, но и библиотека, состоявшая более чем из 30 тыс. томов.

В первые годы после Октябрьской революции Некрасов продолжает преподавать в Московском университете (с 1918 г. — профессор), читает лекции в других высших учебных заведениях. В 1921 г. ученый защитил кандидатскую диссертацию на тему "Орнамент первопечатных московских книг"[8]. С этого года он возглавил отделение истории искусства историко-филологического факультета и руководил этим отделением в течение длительного времени. По утверждению современников, которое передается от одного поколения искусствоведов МГУ к другому, "преподавание и практическое изучение в университете древнерусского искусства прочно поставил... А. И. Некрасов"[9].

1921 год ознаменовался созданием в Москве ряда гуманитарных исследовательских учреждений, в которых начали собираться научные работники, уцелевшие в буре революции и гражданской войны. Эти учреждения сыграли чрезвычайно важную роль в деле развития науки, культуры и подготовки квалифицированных кадров. Среди них были Государственная академия художественных наук (ГАХН) и Научно-исследовательский институт археологии и искусствознания (НИИАиИ), с которыми также тесно связана научная деятельность Некрасова (обе организации упразднены в 1931 г.). Со времени образования ГАХН ученый принял активное участие в работе различных ее подразделений: архитектурной секции, секции пространственных искусств, в секции полиграфических искусств. В НИИАиИ Алексей Иванович вначале был избран штатным действительным членом отделения археологии, но работал преимущественно в отделении искусствознания, действительным членом которого стал в 1926/27 академическом году. По состоянию на 1 января 1927 г. он уже не числился действительным членом отделения археологии.

В очень короткий срок НИИАиИ и ГАХН стали основными центрами искусствознания в Москве. Некрасов поддерживал тесные творческие связи между возглавляемым им отделением истории искусства 1-го МГУ и этими организациями.

1920-е гг. — период расцвета таланта и напряженного творчества ученого. Высокую худощавую фигуру Алексея Ивановича можно было встретить в эти годы в самых разных учреждениях культуры Москвы: вузах, научно-исследовательских организациях, издательствах, музеях, на выставках и даже в плановых органах. "Лицо его с высоким лбом, небольшими серо-голубыми глазами и густыми, со слегка поднятыми кончиками усами казалось неулыбчивым. Ходил он быстро, опираясь на трость, говорил ровным голосом, но если смеялся, то всегда звонко и заразительно", — вспоминал В. Н. Иванов, учившийся у профессора во второй половине 1920-х гг. Сын ученого, О. А. Некрасов, очень точно охарактеризовал отца, назвав его "чрезвычайно активным тружеником". Об этом же пишет в своих кратких воспоминаниях Н. Б. Салько: "Алексей Иванович был словно охвачен особой атмосферой интенсивной деятельности, целеустремленной и сосредоточенной... Эрудиция А. И. Некрасова была поразительна и обширна, но он умел выделять главное"[10].

На заседаниях в НИИАиИ и ГАХН ученый прочел большое количество докладов. В них освещались вопросы теории архитектуры, проблемы изучения древнерусского зодчества и изобразительного искусства, византийского искусства, оформления рукописных книг и истории книгопечатания в стране, народного художественного творчества и архитектурных стилей разных эпох, взаимосвязей русского и западного искусства, русской ксилографии XVII в., другие темы. Алексей Иванович уделял большое внимание московской тематике. Вот темы некоторых докладов, впоследствии, как правило, доработанных и опубликованных в виде статей либо ставших фрагментами книг ученого: "Проблемы изучения древнерусской архитектуры" (ГАХН, 1922), "Первые шаги книгопечатания на Руси" (ГАХН, 1923), "О происхождении форм Василия Блаженного" (НИИАиИ, 1924), "Происхождение русских столпообразных храмов" (ГАХН, 1925), "Начало барокко в русской архитектуре" (НИИАиИ, 1926), "Московская архитектура XIV века" (НИИАиИ, 1926; ГАХН, 1927), "О колокольнях" (ГАХН, 1927), "Из области московской архитектуры XVI века" (ГАХН, 1927), "Из области русской архитектуры XVI века" (НИИАиИ, 1927), "К московской живописи XIV века" (НИИАиИ, 1928), "Западнорусская тема в памятниках московской скульптуры XVI века" (НИИАиИ, 1929).

Постоянное общение Некрасова в НИИАиИ и в ГАХН с Владимиром Васильевичем Згурой (1903—1927), его друзьями и единомышленниками не могли оставить Алексея Ива-

новича равнодушным к интересной деятельности Общества изучения русской усадьбы (ОИРУ), организованного этими энтузиастами в декабре 1922 г. Не позднее 1925 г. Некрасов становится его членом. Большая занятость не позволяла ему активно участвовать в деятельности Общества. Однако глубокие и разносторонние знания ученого, его научный авторитет, несомненно, были полезны Обществу, да и ряд трудов Алексея Ивановича 1920-х гг. прямо соответствовал направлению работы ОИРУ. Так, книга Некрасова "Древние подмосковные: Александровская слобода, Коломенское, Измайлово" (М., 1923. 5 тыс. экз.) посвящена в основном исследованию архитектурных памятников древних царских "подгородных" усадеб. В рецензии на этот труд ученого А. Н. Греч отметил "крайне интересное содержание... не описание царских подмосковных дано автором, а эволюция стиля московского зодчества в пределах XV — начала XVIII веков по памятникам, так счастливо сгруппировавшимся в трех усадьбах... страницы, образующие связанный очерк, дающие новые вехи в истории развития московского строительства. Именно новые данные, исследовательская работа, произведенная автором на местах, его оригинальные точки зрения делают эту работу крайне важной и интересной"[11].

Замечательному усадебному комплексу Подмосковья, художественный облик которого сформировался в 1770—1810 гг. при П. М. и М. П. Голицыных, посвящена небольшая книжка Некрасова "Забытая подмосковная Пехра-Яковлевское" (М., 1925. 700 экз.). Это было первое и до сих пор наиболее полное опубликованное исследование о Пехре-Яковлевском.

В "Сборнике Общества изучения русской усадьбы" ученый опубликовал статьи "К московскому барокко" (о датировке постройки церкви Иосафа Царевича в селе Измайлове) и "Усадьба Полтево".

Когда при ОИРУ открылись историко-художественные курсы, Алексей Иванович принял предложение правления Общества и с февраля 1927 г. начал читать цикл лекций "Русское декоративное искусство".

Педагогическая работа и широкий диапазон творческих интересов Некрасова в области искусствознания, оригинальность и смелость суждений создали Алексею Ивановичу высокий научный авторитет. Поэтому не случайно его неоднократно приглашали выступать в качестве официального оппонента, когда в большую науку начали выпускать первых аспирантов НИИАиИ. Некоторые из них стали гордостью отечественного искусствоведения. Так, в 1923/24 академическом году Некрасов был оппонентом В. Н. Лазарева, в 1924—1925 гг. — М. В. Алпатова, в июне 1927 г. — В. В. Згуры, а в декабре того же года — Г. В. Жидкова. Труды этих и других молодых тогда ученых, а также ряда непосредственных учеников Алексея Ивановича — ярких представи-

телей московской школы искусствознания — создали впоследствии современный уровень науки об искусстве, а сама школа "была в значительной степени делом ума, таланта и энергии А. И. Некрасова"[12].

В 1924 г. в столице выходит книга ученого "Очерки декоративного искусства Древней Руси", обильно иллюстрированная (113 рис.). Многие элементы декоративного искусства, их истоки, историю развития автор прослеживает на примере выдающихся памятников Москвы и Подмосковья XV—XVII вв.

Значительное внимание Некрасов уделил подмосковным усадьбам XVIII в. Его экспедиционные маршруты в 1925 г. пролегали по Московской и близлежащим областям: ученый исследовал древности Александрова, Коломны, Рязани, Серпухова, Сергиева Посада, Твери, Калуги, Тулы, "бывшего уездного города Оболенска на реке Протве"[13] и его окрестностей. Экспедиции давали много фактического материала, позволяли строить гипотезы о взаимовлиянии искусства различных регионов.

В 1926 г. Алексей Иванович впервые выступает как научный редактор, в частности, известного в свое время первого сборника трудов секции пространственных искусств ГАХН "Барокко в России" (М., 1926. 2 тыс. экз.). В те годы стилистические особенности барокко в русском искусстве были недостаточно ясны, поэтому выход книги явился важным событием для отечественного искусствознания. Некрасов — автор небольшого предисловия к этому сборнику, а также статьи "О начале барокко в русской архитектуре XVIII века". Он анализирует в основном памятники архитектуры Москвы и Подмосковья, хронологически "не выходя за первое десятилетие XVIII века и даже частью оставаясь в последнем десятилетии XVII века" (с. 62). Среди шедевров московского барокко — церкви в Дубровицах, Перове и Высокопетровском монастыре, а также в Уборах, Троицком-Лыкове, Филях, церкви Успение на Покровке, Никола Большой Крест, Сухарева башня, другие памятники зодчества.

К 1929 г. Некрасов — профессор по кафедре русского искусства 1-го МГУ, заведующий этнографо-археологическим музеем университета; профессор по кафедре истории средневековой архитектуры МВТУ; действительный член НИИАиИ РАНИОН (Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук) и действительный член ГАХН. Основной областью своей научной работы ученый считал искусствознание, историю русского искусства, новую русскую архитектуру. Проживал в то время Алексей Иванович в Лефортове.

Деятельность этнографо-археологического музея 1-го МГУ под руководством Некрасова была разнообразной и интересной. В 1925 г. в университете был создан этнологический факультет, который готовил научных и практических

работников — этнографов, краеведов, музееведов (факультет упразднен в 1930 г.). С мая 1925 г. Некрасов был профессором этого факультета, при котором и существовал музей, возглавляемый им с ноября 1922 г. Сначала музей находился в старом здании университета, а в июне 1925 г. получил новое помещение в доме на улице Герцена, 11. Он обслуживал кафедры факультета. При заведующем был создан ученый совет музея, в который входили представители отделений факультета: этнографического, литературоведческого, историко-археологического, изобразительных искусств. Музей обладал обширными коллекциями, библиотекой, лабораториями. Фонды постоянно пополнялись предметами по этнографии различных народов мира путем приобретения, даров и "административных перечислений". Наиболее значительными и разнообразными были коллекции по "великорусской этнографии". Библиотека музея (свыше 14 тыс. томов) в основе своей содержала хорошо подобранное книжное собрание бывшего Московского археологического института. Ценным приобретением явилось книжное собрание профессора В. К. Трутовского, которое ученый пожертвовал музею. Оно состояло из 4 тыс. томов по искусству, археологии, этнографии, нумизматике, геральдике, сфрагистике и востоковедению.

Музей имел фотографическую, художественную и техническую лаборатории. Из "Хроники этнографо-археологического музея этнологического факультета 1-го МГУ (июнь 1925 — февраль 1926)", подготовленной О. И. Лавровой, узнаем, что в Егорьевске находился отдел этнографии и народного искусства этнографо-археологического музея 1-го МГУ, экспозиция которого за отчетный период была значительно реорганизована. "Работы выполнялись... по плану, разработанному на месте... А. И. Некрасовым и старшим хранителем... В. К. Трутовским... Как и обычно, егорьевское отделение этнографо-археологического музея 1-го МГУ несло значительную культурную работу в городе Егорьевске в интересах широких масс населения"[14].

Музей проводил исследовательскую и экскурсионную работу под руководством ведущих профессоров факультета и молодых ученых. Так, Некрасов изучал "художественные древности городов Московской губернии". В процессе этой работы были сфотографированы все значительные памятники древнего зодчества исследуемого района, а фотографии и негативы поступили в фонд музея. Во второй половине 1920-х гг. М. В. Алпатов и Н. И. Брунов (ассистенты хранителя музея) проводили систематические исследования художественных памятников Москвы. Только за 10 месяцев 1926 г. музей организовал и провел 12 экскурсий и специальных поездок по достопримечательным местам столицы и губернии для студентов под руководством профессоров А. И. Некрасова, А. В. Бакушинского и Е. А. Столяревского. Со-

бранные во время поездок материалы также пополняли музей. К 1927 г. в его фондах хранилось 5900 репродукций. Возглавляемый Некрасовым музей не только помогал учебному процессу на этнологическом факультете (экспонаты из его фондов постоянно демонстрировались на лекциях и практических занятиях), но и являлся центром, в котором проводились исследования. Сам Алексей Иванович активно изучал художественные ценности музея, и это нашло отражение в его печатных работах. Следует отметить еще одну важную составляющую многоплановой деятельности музея — комплексные экспедиции, в которых участвовали и преподаватели и студенты этнологического факультета. Одна из таких экспедиций работала в июле 1928 г. с целью "комплексного параллельного изучения с точек зрения историко-художественной, археологической и этнографической Коломенского, Зарайского и Егорьевского уездов" Московской губернии. Экспедиция состояла из искусствоведческого, этнографического и археологического отрядов. Первый возглавлял Некрасов, осуществлявший и общее руководство экспедицией. В результате "были собраны обширные коллекции, а также сделаны около 100 фотографий, чертежи, эстампажи и записи"[15].

Свой печатный орган появился у музея в 1926 г. Сначала это был "Отчет этнографо-археологического музея" (1926), затем — "Труды этнографо-археологического музея" (1926—1928), выходившие по одной книге в год тиражом 500—1050 экземпляров каждая, и, наконец, "Труды кабинета истории материальной культуры" (1930 г., 1000 экз.), в который был преобразован музей в связи с закрытием этнологического факультета и образованием на его базе историко-философского и факультета литературы и искусства. Музейный печатный орган с самого начала издавался под редакцией Некрасова. Ученый объяснил превращение музея в кабинет — учреждение лабораторное, учебно-воспитательное — необходимостью избежать участи Музея изящных искусств, отторгнутого в свое время (в ноябре 1923 г.) от университета. Ведь наступили новые времена, и музей не мог в силу специфики своего назначения (да, очевидно, и не хотел) "выполнять те чисто музейные функции, которые директивно ставятся жизнью настоящего момента каждому музею"[16], уточнил Некрасов в предисловии "От редактора" к последнему выпуску "Трудов...". Что же касается направления деятельности кабинета, то здесь должна была и в дальнейшем соблюдаться полная преемственность той работы, которую выполнял этнографо-археологический музей. Большое внимание планировалось уделять, в частности, комплексным экспедициям, в том числе совместно с другими научными организациями, которые намечались на ряд лет для изучения "исторического сложения московской культуры... Здесь актуальнейшие проблемы современной научной мысли счастливо сочетаются с чисто практическими удобствами для студентов московс-

кого вуза изучать местную культуру и с возможностью широкого вовлечения в краеведческую работу, предстоящую многим студентам по окончании вуза"[17]. К сожалению, после закрытия гуманитарных факультетов университета фонды кабинета истории материальной культуры были "разбазарены"[18].

Развитие искусствознания со второй половины 1920-х гг. сопровождалось острой идеологической борьбой. Некрасов был в центре событий и участвовал в них. Многое из написанного тогда было ошибочным, но немало создано и положительного, что и сегодня может быть критически использовано. В этом отношении представляют несомненный интерес обобщающие труды Некрасова, посвященные Москве и Подмосковью. Первым среди них следует назвать "Художественные памятники Москвы и городов Московской губернии" (М., 1928. 13 тыс. экз.). Это значительная по содержанию и объему работа ученого (314 с., 253 ил., краткий словарь, поясняющий термины, названия и имена; резюме на французском и немецком языках к описанию каждого города, подрисуночные подписи на этих языках). Книга выпущена издательством 1-го МГУ по постановлению деканата этнологического факультета и Ассоциации по изучению производительных сил и народного хозяйства при Московском губплане. Поэтому не случайно посвящение этого труда Московскому Совету. В предисловии автор выражает благодарность ассоциации, которая предоставила "возможность провести обширные обследования" (с. 5), т.е., очевидно, финансировала эту большую работу, которую Некрасов выполнял в течение ряда лет, включая ее в план деятельности этнографо-археологического музея.

67 страниц книги посвящены "историко-художественной жизни Москвы", остальные — 20 городам Подмосковья. В предисловии автор отмечает (с. 5), что "целью книги было дать общий набросок исторической картины художественной жизни городов Московской губернии, указать на главнейшие памятники, историко-художественные достопримечательности, наконец, в отдельных случаях поставить проблемы историко-художественного и археологического порядка".

Ученый уделяет особое внимание памятникам архитектуры, которые расположены в уездных и "заштатных" городах. Огромный материал, впервые собранный автором в одной книге, сделал труд Некрасова полезным и для студентов соответствующих вузов, и для самообразования, и для экскурсионной работы. Это отмечает А. Н. Греч в своей рецензии на книгу[19]. Но главный интерес работы Некрасова, с точки зрения критика, "заключается в обнаружении совершенно новых памятников древнего и нового русского зодчества. Впервые публикуются здесь многие, подчас высокохудожественные постройки, на которые, таким образом, обращается

общественное внимание". Сразу тремя рецензиями на книгу откликнулся журнал "Московский краевед" (Вып. 6. 1928. С. 53—57).

Выход книги Некрасова "Художественные памятники Москвы и городов Московской губернии" стал заметным событием в культурной жизни столицы 1920-х гг. Ценность ее состоит и в том, что она содержит описание и изображение ряда памятников архитектуры, впоследствии уничтоженных, искаженных перестройками или погибших в годы Великой Отечественной войны.

В 1929 г. Институт археологии и искусствознания издал первый том книги Некрасова "Возникновение московского искусства" тиражом 2 тыс. экземпляров. Работа состоит из двух частей. В первой — исследования об Успенском соборе Московского Кремля и древнейших памятниках архитектуры Коломны. Автор также останавливает свое внимание на зодчестве Белоруссии, пишет о его влиянии на московскую архитектуру XIV в. Вторая часть посвящена изучению Федоровского евангелия и древнерусской книжной миниатюры. Некрасов подготовил к печати и второй том своего труда. Он о скульптуре и в основном о происхождении известной деревянной статуи Николы Можайского, некогда украшавшей рубленую башню Можайского кремля. Но второй том так и не был издан.

С 1931 по 1934 г. включительно не опубликована в нашей стране ни одна работа Некрасова. Это был очередной трагический период в отечественной истории, связанный с "триумфальным шествием" культурной революции в СССР, который привел к перестройке в области культуры, а по существу — к разгрому ее прежних структур и учреждений, в том числе к практическому уничтожению краеведения. "Общество изучения русской усадьбы, как и... "Старая Москва", было закрыто, основные научные учреждения, занимавшиеся исследованиями в области искусства, также ликвидированы. "Не то что опубликовать статью, даже сделать доклад было негде"[20], — вспоминал впоследствии об этом времени М. А. Ильин.

Началось активное уничтожение памятников архитектуры, особенно культовых. Конечно, Главнаука, различные учреждения культуры, общественные организации художественной интеллигенции (пока одни из них не разогнали, а другие основательно не запугали) пытались отстоять наиболее значительные памятники архитектуры столицы. В этой борьбе за сохранение культурного наследия Некрасов принимал непосредственное и активное участие. Известно, что на заседании возглавляемой им кафедры 1-го МГУ "было принято решение, энергично опротестовывавшее идею сноса в Охотном ряду голицынского дворца и церкви Параскевы Пятницы. Не отрицая необходимости реконструкции этого квартала, кафедра считала необходимым полную реставрацию

сохранившихся здесь древних зданий... Эскизы реконструкции, выполненные архитектором Д. П. Суховым, дополняли научную аргументацию"[21]. Но в данном случае, как и в большинстве других, партийно-административное руководство не вняло рекомендациям специалистов, и памятники были уничтожены. Культурная революция продолжалась. Все "перетряхивалось и перетасовывалось", подчинялось жесткому партийно-государственному диктату. Неожиданно исчезали в небытие коллеги и товарищи — искусствоведы, историки, философы, экономисты, краеведы, составлявшие тонкую культурную прослойку советского общества, а те из них, кто оставался на свободе, потеряли уверенность в завтрашнем дне. Эти события, очевидно, заставили Некрасова о многом задуматься. Может быть, тучи начали уже сгущаться над ним, а может быть, он почувствовал надвигающуюся личную трагедию, осмыслив то, что происходило вокруг, — сегодня трудно сказать однозначно. Однако Алексей Иванович не предавался панике, а, как настоящий ученый, в эти драматические годы активно работал: спешил систематизировать и обобщить результаты многолетних исследований, которые были опубликованы в 1935—1937 гг., как только у автора появилась возможность это сделать. А в предшествующие годы, поскольку в нашей стране печататься ему было негде, Некрасов публикует свои труды за рубежом: в Берлине, Праге, Париже. Статьи ученого печатались за рубежом и в дальнейшем, вплоть до 1938 г. Всего таких публикаций выявлено 30, из которых 17 — рецензии: Алексей Иванович следил за литературой по искусству, выходившей на различных языках не только в СССР, но и в других странах. Он знал основные европейские (английский, французский, немецкий, итальянский) и славянские (польский, чешский, болгарский, сербский, украинский, белорусский) языки[22].

В начале 1934 г. в Москве была создана Всесоюзная академия архитектуры — высшее учебное и научно-исследовательское учреждение в области архитектуры при президиуме ЦИК СССР. Одним из подразделений академии был кабинет истории и теории архитектуры, "где постепенно стали собираться сильно поредевшие ряды историков архитектуры, преимущественно архитекторов, так как собственно историков искусства, изучавших отечественное зодчество, были считанные единицы"[23], и среди них Некрасов.

Печатным органом академии стал новый журнал "Академия архитектуры" (1934—1937). В этом журнале и в близком ему по содержанию "Архитектура СССР", который начал издаваться с 1933 г., Некрасов опубликовал много статей, большинство из которых посвящено московской тематике. Так, в сдвоенном номере "Архитектуры СССР" (1935. № 10—11), посвященном "сталинскому" плану реконструкции Москвы, помещены две статьи Алексея Ивановича, пер-

вая из которых "Московский Кремль. Стены и башни" открывает рубрику "Архитектурное наследство". Автор отмечает, что Московский Кремль — "новая и значительнейшая страница в истории русского крепостного зодчества. Влияние Московского Кремля на Руси было колоссально: все последующие укрепления городов и монастырей так или иначе ему подражали" (с. 69). Некрасов повествует о наиболее значительных событиях в истории Москвы, связанных со строительством Кремля, о зодчих и мастерах, принимавших участие в создании этого величественного крепостного ансамбля, каждая башня которого и стены "имеют свое специфическое художественное выражение" (с. 73). Статья ученого как бы отстраняет вдумчивого читателя от славословия по поводу "грандиозного" плана реконструкции столицы и раскрывает перед ним великие художественные ценности Московского Кремля, доставшиеся от ушедших поколений, которые непременно надо сохранить. Вторая статья Алексея Ивановича в том же разделе журнала называется "Архитектурные памятники Москвы до эпохи классицизма". Обе публикации хорошо иллюстрированы.

В журнале "Академия архитектуры" Некрасов, как бы продолжая тему предыдущей статьи, публикует новую — "Русское зодчество эпохи классицизма и ампира", написанную в связи с экспозицией в Музее архитектуры. Его статьи о Москве и Подмосковье, опубликованные в 1935—1937 гг., чрезвычайно разнообразны по тематике. Они повествуют о реставрации Нескучного дворца и о методах строительных работ и строительной технике Аристотеля Фиораванти при "реконструкции Москвы" в XV в., о соборе в Истре и о скульптурной декорации в древнерусском каменном зодчестве.

В 1937 г. по случаю 200-летия со дня рождения В. И. Баженова Некрасов публикует целую серию статей о творчестве одного из самых замечательных московских зодчих. Ученый участвовал и в обсуждении проектов и сооружений современных ему архитекторов. Так, в секции теории и критики Академии архитектуры Алексей Иванович выступал с докладом, в котором проанализировал проект и формы гостиницы "Москва", дал им негативную оценку и опубликовал об этом две статьи в обоих архитектурных журналах.

Некрасов был одним из тех, кто стоял у истоков Центрального музея архитектуры (он заведовал научным сектором музея), организованного при академии в 1934 г. на территории бывшего Донского монастыря, где ранее размещался Антирелигиозный музей искусств.

В связи с ликвидацией Центральных государственных реставрационных мастерских в год создания музея их функции в части научной фиксации архитектурных памятников передали академии, поэтому работы по архитектурным обмерам целого ряда памятников Москвы были своевременно

произведены новым музеем в годы развернувшейся реконструкции столицы. Опыта создания архитектурных музеев тогда не было, и потому разработка концепции формирования экспозиции обсуждалась и прорабатывалась тщательно. В этом отношении определенный интерес представляет статья Некрасова "Природа Музея архитектуры", опубликованная в "Трудах кафедры искусствоведения Московского института истории, философии и литературы", которую он возглавлял, работая в ИФЛИ в 1932 —1938 гг. Ученый отвечает в статье на "вопрос о том, каким образом можно на своеобразном и ограниченном материале музейных экспонатов архитектуры показать не только детали, фрагменты, но и целостный архитектурный образ памятников" (с. 4). Некрасов разработал единую программу "собирательской, экспозиционной и исследовательской работы музея. Этой глубоко продуманной концепцией музей руководствовался в течение многих лет, и поныне она сохраняет свою актуальность"[24]. В 1936 г. Музей архитектуры предпринял попытку издания ежегодника "Трудов". Первый и единственный в те годы выпуск был опубликован под редакцией Некрасова. Здесь же помещена его статья "Архитектура Истры и ее значение в общем развитии русского зодчества". Ученый подчеркивал "громадное воздействие" храма Новоиерусалимского монастыря на создание архитектуры московского барокко.

После ухода из университета Некрасов работал одновременно в нескольких учреждениях, в том числе в 1931—1937 гг. — в Государственной Третьяковской галерее. 15 января 1936 г. Алексею Ивановичу присудили ученую степень доктора искусствоведения по совокупности трудов. Он также был профессором ВГИКа (Институт кинематографии) в 1934—1938 гг. и возглавлял в этом институте кафедру истории искусств[25].

В 1935—1937 гг. издаются три итоговых труда Некрасова, вобравших в себя большинство тем, изучению которых Алексей Иванович посвятил свое творчество. Первый из них — "Русский ампир" (М., 1935. 5 тыс. экз.) — явился в отечественном искусствоведении первой книгой, целиком посвященной выявлению "принципов" этого стиля в архитектуре. Многие из образцов русского ампира, о которых писал ученый, украшают столицу. Книга прекрасно оформлена И. Ф. Рербергом.

"Очерки по истории древнерусского зодчества XI—XVII веков", изданные Всесоюзной академией архитектуры (М., 1936. 4 тыс. экз.), значительный по объему (400 с.) труд ученого. Много страниц его посвящено московской архитектуре и памятникам зодчества Подмосковья. Книга содержит 276 иллюстраций, в том числе представляет значительное количество изображений, выполненных по обмерам автора, и несколько реконструкций выдающихся памятников архитектуры Древней Руси, выполненных Некрасовым. Она со вкусом оформлена, отпечатана четким шрифтом на хорошей бумаге.

"Древнерусское изобразительное искусство" (М., 1937. 3 тыс. экз.) — последняя опубликованная книга ученого. Многие ее страницы посвящены историческим событиям, происходившим в Москве, произведениям искусства, созданным в столице и Подмосковье. Она снабжена "объяснительным" словарем, содержит значительные для своего времени перечни литературных источников после каждой из многочисленных глав. В этом внушительном по объему (400 с.) и важном для творчества Некрасова труде "впервые была предложена цельная стилистическая концепция древнерусского искусства. Как бы схематично она ни выглядела, она открывала принципиально новый этап в изучении материала, что не замедлило сказаться в практике"[26]. Оформленная известным палехским художником Иваном Ивановичем Голиковым, книга, как и другие труды Некрасова, имеет много иллюстраций (272 рис.), в том числе содержит изображения четырех икон XII—XVII вв., изящно наклеенных на паспарту, прекрасно передающих и цвет и фактуру красочного слоя выдающихся произведений древнерусской живописи. Это единственный случай наличия в публикациях Некрасова цветных иллюстраций. Можно смело отметить, что последняя книга ученого явилась для своего времени образцом полиграфического искусства и своеобразным памятником автору.

19 апреля 1938 г. Алексея Ивановича необоснованно арестовали. Ему предъявили бредовое обвинение в организации террористической группы, которая намеревалась свергнуть советскую власть, восстановить монархию и назначить Некрасова министром просвещения. Пока велось "следствие", ученый год просидел в Бутырской тюрьме. 20 апреля 1939 г. его приговорили к 25-летнему заключению в лагере, но 23 июня 1940 г. срок уменьшен до 10 лет с последующим поражением в правах на 5 лет и назначением на место жительства[27]. Назначенный срок Некрасов отбывал в Воркутлаге НКВД, на комбинате "Воркутауголь". Но и в неволе он продолжал творчески трудиться: читал лекции по истории архитектуры на курсах повышения квалификации архитекторов и строителей Воркуты, подготовил учебник по всеобщей истории архитектуры, не имея для этого никакой специальной литературы; написал такие труды, как "Московское зодчество. К 800-летию Москвы" (рукопись была отправлена в Академию наук, получила одобрение И. Э. Грабаря, но не была напечатана, ныне местонахождение ее неизвестно), "Теория архитектуры" в трех томах (пяти частях), которая "до сих пор не имеет аналогов в советской науке"[28] (этот фундаментальный труд ученого составляет 1239 страниц машинописного текста; он сохранился, но не опубликован), и др. И все это Некрасов создавал после ежедневного труда на общих работах, на которых был занят "лишь восемь часов в сутки", как инвалид. Об этом Алексей Иванович сообщал

30 марта 1942 г. в письме к жене. Он мужественно переносил лагерный режим. Но окружение ученого было ужасно, и лишь творчество несколько отвлекало от суровой действительности. В упомянутом письме он сообщал: "Самое тяжелое — это люди; ведь в бараке, где я живу, находятся также воры, убийцы, стоит площадная ругань; сплю я на общих нарах. Для научных занятий я ухожу в помещение местных курсов профтехнического образования, где мне любезно дают место в пустой, теплой, тихой и ярко освещенной комнате. Здоровье мое удовлетворительно, хотя сердце несколько сдало..."[29]

После освобождения в январе 1948 г. местом жительства ученого стал город Александров Владимирской области. Алексей Иванович устроился внештатным консультантом (без оклада) в городской Музей культуры и искусства. Много времени он уделял работе, систематизировал научную библиотеку музея. В том же году Некрасов выполнил большое исследование об Александровской слободе, текст которого составил восемь печатных листов; "обследовал архитектуру Переславля-Залесского, составил подробные списки старинных построек Александрова и населенных мест пяти районов Владимирской области", написал "две статьи о соборе XVI в. в Киржаче и об остатках храма XVI в. в селе Шимохино". Алексей Иванович задумал несколько серий популярных изданий. Об этом он написал в издательство "Московский рабочий". Его планы предусматривали выпуск книг "по древним городам Подмосковья, Верхней Волги, междуречья Оки и Волги, по старинным монастырям, усадьбам и отдельным памятникам архитектуры. Он мечтал быть одним из редакторов и авторов при осуществлении этой обширной программы. Туда же исследователь предложил и проспекты своих монографий о древней архитектуре Москвы, мемориальных храмах XVI века, древнерусской ксилографии, об архитектуре раннего барокко, возникновении русского классицизма, о стиле советского зодчества Москвы. Все это так и осталось замыслами"[30].

10 февраля 1949 г. Некрасова вновь арестовали. Здоровье ученого было сильно подорвано, ему шел уже 65-й год. Пока продолжалось "следствие" (до середины июня), Алексей Иванович находился во владимирской тюрьме. В газетной публикации "Часто его вспоминаю"[31] И. Алексахин, находившийся с ним в одной камере этой внутренней тюрьмы НКВД, через 40 лет после тех трагических событий сообщил важные подробности, характеризующие Некрасова как человека, сохранившего духовные, интеллектуальные ценности вопреки беззаконию и ужасам сталинских репрессий: "Неожиданно для самого себя я попросил его рассказать об искусстве Римской империи. Это надо было видеть, как преобразилось, каким красивым и вдохновенным стало лицо Алексея Николаевича![32] Надо было слышать, каким ярким,

образным, богатым оказался его язык! У этого человека поистине была феноменальная память на даты, события, какие-то удивительные подробности. Он рассказывал так, словно жил в том далеком времени. Лекцию прервал вызов Некрасова на допрос". Через пять месяцев судьба снова свела Алексахина с Алексеем Ивановичем в общей камере владимирской тюрьмы на короткое время. "Ровно пять суток мы жили вместе. И все эти пять суток для нас, арестантов, был самый настоящий интеллектуальный праздник"... так как Некрасов "читал нам в день по две-три лекции, бесконечно поражая своей памятью и глубиной знаний истории многих видов искусств всех времен и народов... Часто о нем вспоминаю. Какой же это был замечательный, необыкновенный человечище! И тогда меня охватывает бессильная ярость. Каким же надо быть чудовищем, чтобы вот так сознательно уничтожать такой интеллектуальный капитал. Нет, все-таки каждый, причастный к этому преступлению, должен понести правовую и моральную ответственность!"

Решением Особого совещания МГБ СССР от 18 июня 1949 г. Некрасов был выслан в Новосибирскую область (поселок Венгерово), куда прибыл в сентябре того же года. Свободы Алексей Иванович больше не увидел. На районном промышленном комбинате, который размещался в поселке, он начал работать консультантом (без оклада) по художественно-кустарной промышленности, готовил материалы для организации производства художественной керамики. "Девять томов, в которые вошли работы, не опубликованные до 1938 года, а также написанные в Воркуте и Александрове, тогда же были напечатаны на машинке женой ученого, дополнены и выверены" самим Алексеем Ивановичем "для направления их в Академию наук СССР". Они были пересмотрены автором "на основе новейшей литературы" и подготовлены к печати, но не изданы до сих пор.

После тяжелой болезни и перенесенной операции (март—июнь 1950 г.) Некрасов прожил недолго: 25 сентября он скончался и был похоронен в поселке Венгерово. В июне 1956 г. ученый полностью реабилитирован[33] "за отсутствием состава преступления".

На выставке "Творчество в лагерях и ссылках: графика, живопись, рукоделие, ремесло", организованной в Москве Всесоюзным добровольным историко-просветительским обществом "Мемориал" и Союзом художников РСФСР (работала с 8 августа по 6 сентября 1990 г. в выставочном зале на 1-й Тверской-Ямской улице), были представлены две работы Некрасова: блестяще выполненные настенные календари на 1949 и 1950 гг. Календари написаны на листах из альбома и украшены сверху акварельными рисунками. Эти работы показали, что Некрасов был и прекрасным шрифтовиком, и незаурядным художником-колористом. Зритель, осмысливший трагическую судьбу автора, не может остаться рав-

кодушным к этим рисункам, особенно к последнему, украсившему календарь на 1950 г. На нем изображен летний украинский пейзаж: маленькая пасека (ульи-дуплянки с двускатными крышами, живописно стоящие на изумрудной траве), огороженная сзади плотной стеной зеленых деревьев. А справа — фрагмент белоснежкой мазанки с рыжей соломенной крышей, жерди забора, легкая калитка и желтая тропинка сквозь сочный травяной ковер, бегущая от дома на зрителя. Небо выцветшее, с легкими белыми облачками, как в знойный летний день. Такая спокойная, умиротворяющая картина. Может, это была несбывшаяся мечта о свободе, воплощенная в живописи, которая поддерживала духовные силы, помогала ученому выстоять в неволе?

Сын ученого Олег Алексеевич Некрасов, доктор технических наук, бережно хранит многое из того, что связано с именем и творчеством отца. В современной малогабаритной квартире на северной окраине Москвы старинная мебель: в маленькой прихожей — та, что изготовлена еще до революции по рисункам самого Алексея Ивановича в манере, близкой работам известной абрамцевской мастерской, а в рабочем кабинете Олега Алексеевича мебель еще более почтенного возраста. Сам хозяин работает за большим письменным столом, за которым трудился и его отец. В этом легко убедиться, посмотрев соответствующую фотокарточку. По словам Е. А. Афанасьевой — дочери второго сына Алексея Ивановича, Андрея Алексеевича (биолога, арестованного в возрасте 24 лет и погибшего в сталинских застенках), — стол этот перешел в семью Некрасовых от Гартунгов, из рода которых Людмила Викторовна — супруга Алексея Ивановича. Все стены кабинета украшают живописные работы искусствоведа, созданные в различные годы, в том числе в Воркутлаге; висят два его портрета. У Олега Алексеевича хранятся различные документы и рукописи отца (дублетные экземпляры), однако значительная часть рукописного наследия ученого — в РГАЛИ и в отделе письменных источников Государственного Исторического музея.

Творчество Некрасова, как, очевидно, любого человека, а тем более ученого-гуманитария, на долю которого выпало работать в исторически сложное, идеологизированное и жестокое время, нельзя оценить однозначно. И хотя он, несомненно, много сделал для развития искусствознания, краеведения, и в первую очередь москвоведения, были в его трудах не только большие заслуги и открытия, но и определенные ошибки. Некоторые концепции, выдвинутые ученым, не прошли испытания временем, а иные прочно утвердились в науке. Некрасов успел сделать много значительного. Труды его внесли весомый вклад "для более углубленного изучения всей русской архитектуры"[34] и художественной культуры Древней Руси. По ним учились первые поколения советских искусствоведов и архитекторов, к ним обращаются и сегод-

ня, спустя десятилетия. А потому имя и дела Алексея Ивановича Некрасова, направленные на развитие науки об искусстве, изучение памятников зодчества и прикладного искусства Древней Руси, новой русской архитектуры, Москвы и Подмосковья, подготовку кадров искусствоведов, музейных работников и краеведов, достойны доброй и благодарной памяти потомков.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864—1914 гг.). М., 1915. Т. II. С. 246.

[2] См.: *Кызласова И. Л.* Алексей Иванович Некрасов (1885—1950)// Советское искусствознание: Сборник. Вып. 26. М., 1990. С. 413, 384, 386.

[3] Советское искусствознание. Вып. 26. С. 399.

[4] Основные принципы этого метода были разработаны в трудах западноевропейских ученых, в первую очередь представителей венской искусствоведческой школы во главе с Г. Вёльфлиным. Российские исследователи робко начали осваивать формально-стилистический метод анализа русской архитектуры в ее европейских связях (а не саму "в себе", как это было раньше) лишь после выхода в свет первых переводов книг Вёльфлина "Классическое искусство (введение в изучение итальянского Возрождения)" (СПб., 1912) и "Ренессанс и барокко" (СПб., 1913).

[5] *Ильин М. А.* Методологические проблемы изучения русской архитектуры в их историческом аспекте // Русский город: Историко-методический сборник. М., 1976. С. 247.

[6] *Гращенков В. Н.* Кафедры истории искусства // Историческая наука в Московском университете (1934—1984). М., 1984. С. 304.

[7] *Дауге А.* Охрана памятников искусства и старины в провинции // Художественная жизнь: Бюллетень художественной секции Народного комиссариата по просвещению. 1919. № 1. Декабрь. С. 10—11.

[8] См.: *Кызласова И. Л.* Указ. соч. С. 384, 385.

[9] *Гращенков В. Н.* Указ. соч. С. 313.

[10] Советское искусствознание. Вып. 26. С. 400—401, 395, 403, 405.

[11] Печать и революция. 1925. Кн. 1. С. 307—308.

[12] *Кызласова И. Л.* Указ. соч. С. 382.

[13] См.: Труды отделения археологии Института археологии и искусствоведения РАНИОН. М., 1926. Т. 1. С. 92.

[14] Отчет этнографо-археологического музея 1-го МГУ / Под ред. А. И. Некрасова. М., 1926. С. 14.

[15] Труды кабинета истории материальной культуры 1-го МГУ / Под ред. А. И. Некрасова. М., 1930. V. С. 60, 62.

[16] Там же. С. 3.

[17] Там же. С. 4—5.

[18] Советское искусствознание. Вып. 26. С. 398.

[19] См.: Печать и революция. 1928. Кн. 4. С. 222.

[20] *Ильин М.* Пути и поиски историка искусства. М., 1970. С. 57.

[21] Советское искусствознание. Вып. 26. С. 402.

[22] См.: *Кызласова И. Л.* Указ. соч. С. 417—427, 416.

[23] *Ильин М. А.* Русское шатровое зодчество. Памятники середины XVI века. Проблемы и гипотезы, идеи и образы. М., 1980. С. 15.

[24] Советское искусствознание. Вып. 26. С. 402.
[25] См.: *Кызласова И. Л.* Указ. соч. С. 386.
[26] Там же. С. 381.
[27] Сведения из опросного листа Всесоюзного добровольного историко-просветительского общества "Мемориал", полученного от Е. А. Афанасьевой — внучки А. И. Некрасова.
[28] *Кызласова И. Л.* Указ. соч. С. 414, 387.
[29] Там же. С. 392.
[30] Там же. С. 388.
[31] См.: Советская культура. 1990. 24 февраля. С. 6.
[32] Когда опубликовали газетную заметку, содержащую и другие неточности, автор пребывал в весьма почтенном возрасте (ему был 81 год) и за давностью лет, безусловно, забыл настоящее отчество ученого. Упомянутую ошибку он все же исправил в следующей, несколько расширенной публикации своих воспоминаний о Некрасове — "Это хранит память" (Наука и жизнь. 1990. № 7. С. 30—32).
[33] *Кызласова И. Л.* Указ. соч. С. 389.
[34] *Ильин М. А.* Методологические проблемы... С. 253.

Список работ А. И. Некрасова

Курс истории и теории искусств, читанный в Московской консерватории в 1913/14 академическом году. Вып. 1—3. М., 1914. (На правах рукописи.)

Московское каменное церковное зодчество до Аристотеля Фиораванти. М., 1915. (Отд. оттиск из "Трудов" Славянской комиссии Императорского Московского археологического общества. Вып. 2. Т. IV. С. 3—15.)

Троицкий собор Александровской слободы // Известия Общества преподавателей графических искусств. М., 1916. № 4—5—6. С. 1—8. (Отд. оттиск.)

Атлас по истории древнерусского искусства. Вып. I—III. М., 1916.

Конспект курса истории древнерусского искусства. М., 1917.

Древние подмосковные: Александровская слобода, Коломенское, Измайлово. М., 1923.

Очерки декоративного искусства Древней Руси. М., 1924.

Xylographische Ornamentik der ersten Druckerei in Moskau. Leipzig, 1924.

Древнейшая русская гравюра // Гравюра и книга. М., 1924. № 2—3. С. 25—27.

Книгопечатание в России в XVI и XVII веках // Книга в России. Ч. 1. Русская книга от начала письменности до 1800 года / Под ред. В. Я. Адарюкова и А. А. Сидорова. М., 1924. С. 63—126.

Византийское и русское искусство. М., 1924.

Забытая подмосковная Пехра-Яковлевское. М., 1925.

"Тверские" врата Александровской слободы // Труды отделения археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН. М., 1926. Т. 1. С. 76—83.

О начале барокко в русской архитектуре XVIII века // Труды секции пространственных искусств ГАХН. 1. Барокко в России / Под ред. А. И. Некрасова. М., 1926. С. 56—78.

К "московскому барокко" // Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 1. М., 1927. С. 4—5.

Художественные памятники Москвы и городов Московской губернии. М., 1928.

Усадьба Полтево // Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 5—6. М., 1928. С. 43—46.

Ориентализмы в первопечатном московском орнаменте // Труды секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН. М., 1928. Т. IV. С. 329—338.

Возникновение московского искусства. М., 1929. Т. 1.

Древнерусское каменное зодчество // Строитель. 1929. № 8—9. С. 3—5.

Крепостное зодчество Древней Руси // Строитель. 1929. № 22. С. 25—29.

О стиле русской архитектуры XVII века // Труды секции истории искусств Института археологии и искусствознания РАНИОН. М., 1930. Т. IV. С. 138—149.

Проблема происхождения древнерусских столпообразных храмов // Труды кабинета истории материальной культуры 1-го МГУ / Под ред. А. И. Некрасова. М., 1930. V. С. 17—50.

Краткий отчет о научной комплексной экспедиции этнологического факультета 1-го МГУ в июле 1928 года // Труды кабинета истории материальной культуры 1-го МГУ. С. 60—62.

Реставрация Нескучного дворца // Академия архитектуры. 1935. № 1—2. С. 121—122.

Новое здание гостиницы Моссовета // Архитектура СССР. 1935. № 2. С. 56—67.

Обзор литературных источников истории русской архитектуры // Академия архитектуры. 1935. № 3. С. 75—79.

Die Bundsakademie für Architektur im Moskau // Slavische Rundschau. Berlin — Leipzig — Prag, 1935. Bd. 7. S. 192—193.

Московский Кремль. Стены и башни // Архитектура СССР. 1935. № 10—11. С. 69—76.

Архитектурные памятники Москвы до эпохи классицизма // Архитектура СССР. 1935. № 10—11. 77—81.

Первопечатная русская гравюра // Иван Федоров. Первопечатник. М.—Л., 1935. С. 73—93.

Русский ампир. М., 1935.

Русское зодчество эпохи классицизма и ампира // Академия архитектуры. 1936. № 1. С. 28—39.

"Реконструкция Москвы" в XV веке: (Несколько слов о строительной технике Аристотеля Фиораванти) // Строительная промышленность. 1936. № 3. С. 34—35.

Анализ архитектурных форм гостиницы "Москва": Сокращенная стенограмма доклада А. И. Некрасова в секции теории и критики // Академия архитектуры. 1936. № 3. С. 73.

Гостиница "Москва": В порядке обсуждения нового здания // Архитектура СССР. 1936. № 3. С. 32—35.

Воздвиженский дом графа А. К. Разумовского // Академия архитектуры. 1936. № 6. С. 57—60.

Собор Истры // Архитектура СССР. 1936. № 8. С. 70—73.

Neues Bauen im Moskau // Slavische Rundschau. Prag, 1936. Bd. 8. S. 357—362.

Очерки по истории древнерусского зодчества XI—XVII веков. М., 1936.

Скульптурная декорация в древнерусском каменном зодчестве // Архитектура СССР. 1937. № 1. С. 51—57.

Проблема творчества Баженова // Академия архитектуры. 1937. № 2. С. 7—15.

Новгородские мотивы в творчестве В. И. Баженова // Академия архитектуры. 1937. № 2. С. 42—45.

Пространство у Баженова и московская архитектурная традиция // Академия архитектуры. 1937. № 2. С. 55—57.

В. И. Баженов. 1737—1937: К 200-летию со дня рождения // Искусство. 1937. № 3. С. 125—130.

Каталог выставки, посвященной 200-летию со дня рождения В. И. Баженова. М., 1937. С. 5—6. Вступительная статья.

Народность В. И. Баженова // Архитектурная газета. 1937. № 15.

Голубцов С. Труды и дни архитектора Василия Баженова. 1737—1799. М., 1937. С. 5—6. Предисловие.

Архитектура Истры и ее значение в общем развитии русского зодчества // Ежегодник Музея архитектуры / Под ред. А. И. Некрасова. Вып. 1. (1936). М., 1937. С. 9—51.

Природа Музея архитектуры // Труды Московского института истории, философии и литературы. М., 1937. II. С. 65—77.

Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937.

Л. Н. Гончарова

КРАЕВЕД, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РУССКОГО ИСКУССТВА

НИКОЛАЙ РУДОЛЬФОВИЧ ЛЕВИНСОН. 1888 — 1966

Николай Рудольфович Левинсон родился 19 мая (по старому стилю) 1888 г. в Москве, в семье купца первой гильдии Рудольфа Левинсона. У отца была крупная фирма, состоявшая из мастерских белья и галстуков и фирменных магазинов, расположенных в Москве, Саратове, Харькове и Екатеринославе. В Москве находились шесть магазинов, контора и склад американской модной обуви "The Vera" в Верхних торговых рядах на Красной площади. Фирма пользовалась известностью. Она существовала с 1882 г. и активно расширялась. Изделия регулярно выставлялись на ремесленных выставках России и, видимо, могли соперничать с такими известными торговыми домами, как "Братья Альшванг" и др. Расположение магазинов в центре столицы — на Никольской, Мясницкой, Тверской, Петровке, Кузнецком мосту и в Неглинном проезде — также свидетельствовало о респектабельности этой фирмы.

В адресной книге "Вся Москва" за 1906 и 1915 гг. значится купец (а в 1915 г. почетный гражданин) Рудольф Леонтьевич Левинсон, проживающий по адресу: Москва, Чистопрудный бульвар, дом Тупицына (в 1915 г. дом числился под номером 10). В семье Левинсонов было пятеро детей. Они получили хорошее воспитание и жили очень дружно.

Мать Н. Р. Левинсона — Генриэтта Рубинштейн — происходила из богатой купеческой семьи, получила хорошее образование, окончила гимназию в латвийском городе Миттаве. Она в совершенстве владела немецким языком. Все это способствовало воспитанию детей в традициях современной интеллигенции России. Дети свободно говорили на немецком, знали другие европейские языки, увлекались музыкой, поэзией, искусством, историей...

У Николая Рудольфовича с юности проявились склонности к изучению архитектуры русских городов, к краеведению... Он меньше остальных детей интересовался коммерци-

ей, мечтая о "свободной профессии", связанной с искусством.

В 1899 г. родители отдали Николая в Московское реальное училище при евангелической лютеранской церкви св. Михаила. В 1905 г. этот этап образования был благополучно завершен. Николай выдержал экзамены в Московское высшее техническое училище, но, не попав в национальную "норму", уехал совершенствовать свое образование за границу. Там он с увлечением отдался изучению памятников архитектуры и искусства Германии, Франции, Швейцарии, Скандинавии. С большим интересом он знакомился с музейными собраниями Вены, Кёльна, Женевы, Стокгольма и многих других городов Западной Европы.

По возвращении в Россию он был все же принят, к радости родителей, на механический факультет МВТУ. В связи с послаблениями, внесенными в "национальный вопрос" после революции 1905 г., это стало реально для многих. Однако душа молодого студента не лежала к точным наукам, и он активно включился в работу студенческих общественных организаций. "Шли студенческие забастовки, — писал в своей биографии Н. Р. Левинсон в 1919 г., — я работал в общественных студенческих организациях, главным образом в нашей библиотеке-читальне... у нас прятались участники нелегальных кружков, печатались прокламации и хранилась запрещенная литература. После одного провала меня вызвали к следователю по особо важным делам, но дело было прекращено из-за отсутствия улик"[1].

Стремление отца привлечь сына к коммерческой деятельности не увенчалось успехом, и родители, видимо, предоставили Николаю свободу в выборе профессии. Между тем молодого человека все более влекло к изучению археологии, истории русского искусства, в частности истории Москвы. Он стал регулярно посещать заседания Московского археологического общества, где познакомился с такими выдающимися учеными-специалистами, как В. А. Городцов, Б. Н. Эдинг, П. Н. Миллер. Общение со многими из них оказало большое внияние на судьбу Николая Рудольфовича. Много способствовала увлечению древнерусской архитектурой дружба с И. Э. Грабарем.

В 1911 г. Н. Р. Левинсон совершил свою первую поездку на русский Север. Деревянная архитектура, своеобразие церковного зодчества Архангельской губернии, берегов Северной Двины, Каргополя, Кондопоги и других северных городов покорили молодого исследователя. Особое впечатление, сохранившееся на всю жизнь, произвело на него крестьянское народное творчество. Искусство художественной обработки металла, дерева, кости, ткачество, вышивка, гончарство, кованый металл — все это поражало неповторимой красотой, чистотой форм и орнаментов, неиссякаемой творческой фантазией.

Эта поездка окончательно определила круг интересов Н. Р. Левинсона как будущего историка материальной культуры и краеведа.

В марте 1913 г. Николай Рудольфович получил письмо, в котором сообщалось, что он принят в число членов Комиссии по изучению старой Москвы Императорского Московского археологического общества. "Милостивый государь, Николай Рудольфович, — значилось в письме за подписью председателя комиссии графини П. С. Уваровой, — комиссия по изучению старой Москвы Императорского Московского археологического общества в заседании своем, состоявшемся 8 марта 1913 г., избрала Вас в число членов комиссии. Сообщая о сем и прилагая свои "Правила", комиссия позволяет надеяться, что Вы не откажетесь принять посильное участие своими трудами в ее деятельности"[2].

Можно представить чувства нового члена столь высокой комиссии. Вдохновленный своими успехами, Николай Рудольфович с еще большим рвением стал заниматься изучением истории Москвы. Одновременно он штудировал историю искусства, надеясь поступить в Московский университет.

Но началась империалистическая война. В августе 1914 г. Левинсон был мобилизован на фронт вольноопределяющимся 3-го Перновского полка 2-й роты гренадерского корпуса. В том же месяце он был ранен под Люблином, взят в плен и пробыл четыре года в лагере для военнопленных в небольшом венгерском городке Эстергоме. Знание немецкого языка давало ему некоторые преимущества перед остальными. Ему даже предложили устроиться на свободе в Будапеште, но, считая своим долгом, как пишет Левинсон в автобиографии, помогать товарищам, он остался в Эстергоме. И действительно, в течение всех четырех лет он постоянно помогал русским пленным писать разного рода заявления и прошения, занимался просветительской деятельностью. Вместе с товарищами по лагерю удалось организовать библиотеку-читальню, достать по случаю проекционный фонарь для лекций и бесед на исторические и политические темы[3]. Все это упрочило его авторитет среди пленных.

Используя некоторую свободу благодаря своей "лекторской деятельности", он сумел посетить Будапешт и Вену. Здесь он ознакомился с великолепными собраниями западноевропейского искусства, а также с музыкальным миром Вены. Все это стало возможным после Февральской революции 1917 г., когда положение пленных несколько улучшилось — был избран лагерный комитет, в задачи которого входила защита прав пленных. Председателем этого комитета стал Николай Левинсон.

Только в июле 1918 г. ему удалось вернуться в Москву. К этому времени дело отца было в стадии ликвидации. Магазины, склады и мастерские были закрыты, и Николай Рудольфович под руководством отца вынужден был состав-

лять бесконечные отчетные данные, которые новая власть требовала от предпринимателей и коммерсантов. В течение двух месяцев продолжалась эта кропотливая, тяжелая и скучная работа. Однако, несмотря на занятость домашними делами, поглощавшими основную часть его времени, Николай Рудольфович не пропускал лекций и занятий в народном университете им. А. Л. Шанявского и заседаний в археологическом институте. Одновременно с занятиями в университете им. Шанявского Николай Рудольфович поступил в институт народного образования слушателем по двухмесячному циклу "Музейно-экскурсионно-выставочное дело". Эта подготовка помогла ему в дальнейшем не только определиться в области охраны памятников искусства и старины, но и овладеть спецификой музейного дела, которое впоследствии стало его основной профессией как в научной работе, так и в практической деятельности.

Поиски постоянной работы в эти сложные годы увенчались успехом лишь в марте 1919 г. По рекомендации известного уже в то время историка, знатока старой Москвы П. Н. Миллера и ученого-реставратора Н. Н. Померанцева Николая Рудольфовича приняли сотрудником в Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса РСФСР. В его задачу входили регистрация и учет архитектурных, главным образом церковных, памятников. Благодаря этой работе Николай Рудольфович стал подлинным знатоком памятников искусства и старины. Позже его назначили ученым секретарем и научным сотрудником реставрационного подотдела.

Дружба с П. Н. Миллером оказала большое влияние на круг интересов молодого сотрудника отдела. Очень скоро Н. Р. Левинсон расширил сферу своей деятельности и активно включился в экскурсионную работу, которую организовал П. Н. Миллер.

В семейном архиве Левинсонов сохранилась афиша, датированная октябрем 1919 г., в которой сообщается, что "в связи с расширением доступа в московские музеи, ныне открытые для посещения в вечерние часы, Отдел по делам музеев организует для широких масс экскурсии по музеям Москвы:

1. Первоначальный подход к произведениям искусства (как смотреть, смысл искусства...).
2. Художественные музеи, их типы, их история, их коллекции (Третьяковка, Цветковские, Солдатенковские собрания Румянцевского музея...).
3. Московское собрание западноевропейской живописи (Румянцевский музей, западные коллекции Третьяковской галереи, С. М. Третьякова и М. А. Морозова, собрание Д. И. Щукина).

4. Музеи нового искусства — коллекции западноевропейского искусства С. И. Щукина, И. А. Морозова, новейшего искусства (бывшего Исаджакова).
5. Московские собрания: древнерусские иконы П. М. Третьякова, И. С. Остроухова, Л. Л. Зубалова, старообрядческие собрания...
6. Московские соборы как музеи древнерусского искусства...

...Все экскурсии будут повторяться.

Адрес: Мертвый пер., 6. Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины".

Эта афиша является свидетельством активной и серьезной просветительской деятельности, которую вел в первые годы после революции отдел, поддерживаемый в своей работе такими общественными организациями, как общество "Старая Москва".

Общество "Старая Москва" сыграло большую роль в научной биографии Н. Р. Левинсона. Эта организация в виде комиссии существовала при Московском археологическом обществе с 1909 до 1923 г., когда Археологическое общество было закрыто. Однако интерес к изучению истории Москвы не ослабевал, и работники бывшей комиссии обратились в Исторический музей за поддержкой образовавшейся "группы лиц, интересующихся изучением старой Москвы". Ученый совет музея утвердил с января 1924 г. "ученую комиссию при отделении Государственного Исторического музея "Старая Москва". Комиссия вела свои заседания под эгидой и в помещении музея. Интерес к ее работе был велик. В 1926 г. комиссия вошла в состав Общества изучения Московской губернии, основанного в 1925 г., вскоре после 2-й Всесоюзной конференции по краеведению[4].

Секцию "Старая Москва" возглавил П. Н. Миллер, товарищами председателя были утверждены Н. Р. Левинсон и Н. Д. Виноградов. Задачи комиссии четко сформулировал П. Н. Миллер: "Продолжать развивать и углублять выявление, обследование, изучение и фиксацию многочисленных, еще не обследованных и неизвестных разнородных памятников истории быта, архитектуры, экономической и социальной жизни города..."[5]

"Старая Москва" состояла из нескольких секций, которые занимались сохранением и выявлением архитектурных памятников, могил выдающихся деятелей русской науки и культуры, сбором музейных документов, мемуаров, составлением библиографий, организацией лекций и экскурсий, а также другими видами просветительской деятельности. В работе секций принимали участие такие видные ученые, как Ю. В. Готье, К. В. Базилевич, М. Н. Тихомиров, архитек-

торы А. В. Щусев, П. Д. Барановский, художники А. М. Васнецов, И. Э. Грабарь, коллекционеры-собиратели С. В. Бахрушин, Д. И. Щукин.

Энтузиазм, с которым включались в краеведческую работу ученые и рядовые жители Москвы и области, поражал многих. Горький писал об этом: "...я не понимаю того процесса и энергии людей, живших в таких тяжелых условиях, переживавших великие драмы... как они могут вершить это великое дело"[6].

И действительно, только перечисление докладов и сообщений на заседаниях "Старой Москвы" поражает огромным разнообразием вопросов и проблем, которые поднимались ее участниками. Так, Н. Р. Левинсоном только в 1920-х гг. были сделаны сообщения: "Памяти Б. Н. фон Эдинга", "Об истории экслибрисов" (кстати, у Николая Рудольфовича была большая и интересная коллекция экслибрисов), "Об архитектуре дома XVII века в Пименовском переулке", "О планах и чертежах Нескучного сада XIX века", "Кованые решетки оград середины XVIII века", "О времени постройки дома, где родился М. Ю. Лермонтов", "О И. И. Фомине", "О паникадиле — вкладе И. И. Шуйского, находящемся в Суздальском соборе", "Об истории церкви Константина и Елены в Кремле", "О Б. В. Фармаковском", "Об архитектуре Сретенского монастыря", "О вскрытии в лютеранской кирхе могил Я. В. Брюса и его жены", "Академик Я. Штеллин в Москве 1740—1760 гг." и другие доклады[7].

Этот далеко не полный список докладов, сообщений, рецензий, статей Н. Р. Левинсона свидетельствует об эрудированности и широкой образованности, а также огромном диапазоне научных интересов типичного представителя российской интеллигенции того времени.

Наиболее значительные работы Николая Рудольфовича в те годы относятся к области архитектуры и прикладного искусства. Так, сообщение о кованых решетках Москвы середины XVIII в. вызвало большой интерес и было повторено на заседании Комиссии по истории Москвы секции Государственной академии истории материальной культуры, а затем в 1919 г. опубликовано в сборнике "Старая Москва". Статья "Ремонт и реставрация памятников архитектуры" явилась своеобразным итогом осуществленных работ по научному восстановлению и раскрытию памятников Кремля (работы Н. Н. Померанцева, Д. П. Сухова и других), Покровского и Казанского соборов на Красной площади (обмеры П. Д. Барановского), китайгородской стены (Н. А. Всеволожский, Д. П. Сухов и другие) и многих других уникальных памятников русской архитектуры XVI—XVII вв. В своей статье автор выделяет "исключительные по своему значению результаты обследования архитектором П. Д. Барановским домов Голицына и Троекурова в Охотном ряду"[8]. В доме Го-

лицынных Барановский провел большую работу по восстановлению внутренней планировки помещения. Энергией Петра Дмитриевича удалось сохранить это уникальное здание гражданской архитектуры XVII в. от уничтожения при строительстве Госплана СССР.

В 1925 г. на специальной конференции по реставрационному делу были разработаны основные методические инструкции по ведению реставрационных работ, которые и легли в основу дальнейшей работы архитекторов и реставраторов. Впервые перед научно-музейными органами возникли возможности ремонтно-реставрационных работ столь широкого охвата и разнообразия. Активизировалась деятельность специалистов по спасению живописи и фресок в соборах и монастырях Москвы, Новгорода, Владимира, Суздаля, Ростова, Вологды, Феодосии, Бахчисарая, Судака и многих других городов России.

В эти годы Н. Р. Левинсон посвящает вопросам ремонта и реставрации памятников Москвы и Московской области ряд статей в специальных изданиях. Материалы, привлеченные автором, позволяют представить огромный объем работ и методику научной реставрации тех лет.

Весьма печально констатировать, что труды ученых и архитекторов того времени в некоторых случаях пропали даром. Так, в 1926 г. была отреставрирована уникальная одностолпная палата XV—XVI вв. в Симоновом монастыре и укреплены Святые ворота того же монастыря. В 1928 г. восстановлены орнаментальные детали трапезной, представлявшей один из лучших образцов строительного искусства России XVII в.[9] В этом здании должен был расположиться Музей древнерусского искусства. К великому сожалению, большинство памятников Симонова монастыря, в том числе и грандиозный центральный собор с колокольней XVI—XVII вв., были уничтожены в 1929—1930 гг. для возведения на этом месте архитекторами братьями Весниными здания Дворца культуры автозавода АМО.

Та же участь постигла другой, не менее замечательный памятник московской архитектуры — Красные ворота, возведенные в 1752—1753 гг. архитектором Д. В. Ухтомским и отреставрированные в 1926 г. В 1925 г. при участии Н. Н. Померанцева была проделана большая работа по реставрации Чудова монастыря и церкви Лазаря XIV в. в Кремле. Впоследствии оба памятника были разобраны.

Список отреставрированных в 1920-х гг. и впоследствии уничтоженных памятников можно было бы продолжить благодаря подробным сообщениям и информациям того времени. Среди статей о реставрационных работах заметное место занимали публикации И. Э. Грабаря и работавшего в содружестве с ним Н. Р. Левинсона[10]. С горечью они сообщали о варварских разрушениях памятников старой архитектуры

в начале 1930-х гг., которые фиксировались и охранялись энтузиастами — учеными и реставраторами.

В 1932 г. в журнале "Советский музей" была напечатана статья Н. Р. Левинсона, посвященная работе Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины[11]. Еще в начале 30-х гг. отдел продолжал свою активную деятельность. В разделе, посвященном задачам охраны и учета памятников искусства и старины, Н. Р. Левинсон дает интересные сведения о методике проведения этих работ. В 1927 г. учет был поручен Центральным государственным реставрационным мастерским (ЦГРМ), которые возглавлял И. Э. Грабарь. Николай Рудольфович Левинсон принимал деятельное участие и в этой работе. Путем обработки обширных архивных данных, накопления значительного фотографического фонда, а также благодаря активному содействию специалистов в области истории, археологии, архитектуры и краеведения к 1930 г. был подготовлен первый вариант списка объектов — всего около 3 тыс. памятников архитектуры и искусства.

В 1930 г. состоялся 1-й Всероссийский музейный съезд, на котором были утверждены новые формы "паспорта" для каждого памятника, подлежащего охране. В 1931 г. прежний список классифицированных по ценности памятников был пересмотрен и сокращен до 1200 единиц. На съезде Н. Р. Левинсон сделал доклад, в котором нашли отражение основные положения будущей работы по сохранению памятников и классификации их по ценности[12].

Большая работа в конце 1920-х гг. велась отделом по спасению частных коллекций, конфискованных у старых владельцев, а также консервации в качестве музеев ряда богатых дворянских усадеб. Нередко после Октябрьской революции хранителем таких своеобразных музеев назначался бывший камердинер или дворецкий, преданный своему бывшему хозяину и хорошо знавший все ценное имущество. Впоследствии в качестве музеев-усадеб были сохранены лишь наиболее значительные в историческом и художественном значении памятники дворянского быта — Архангельское, Кусково, Останкино, а также некоторые московские особняки XVIII—XIX вв.

С 1926 по 1930 г., когда занимался этой проблемой Николай Рудольфович, было обследовано около 500 усадеб. "Причем, — пишет он, — надо отметить, что работа протекала в весьма тяжелых условиях бездорожья, контрреволюционных выступлений, иногда в непосредственной близости от фронтов гражданской войны... из усадеб в музеи было вывезено огромное количество высокоценного имущества..."[13] Описывая деятельность по сохранению имущества усадеб Московской области, Н. Р. Левинсон отмечает интересную деталь: несмотря на сложное отношение крестьян к своим помещикам, после революции почти не было случаев

хищения ценного в художественном отношении имущества бывших хозяев. Иногда сами крестьяне извещали музейные органы о необходимости спасения тех или иных усадебных ценностей[14].

Еще одна очень серьезная и важная по своей актуальности работа проводилась музейным отделом Наркомпроса РСФСР — это учет и прием на хранение огромного количества церковного имущества, объявленного декретом от 18 января 1918 г. народным достоянием. В центре и на местах были организованы специальные комиссии по приемке церковных имуществ, производившие экспертизу церковных и монастырских "реквизитов"[15]. Наиболее ценные в художественном отношении произведения искусства, как правило, передавались в музеи. Так, в 1922 г. музейно-экспертной комиссией, возглавлявшейся Н. Р. Левинсоном, было просмотрено большое количество церковного серебра, из которого выделено и передано в Оружейную палату около 6 тыс. кг — уникальных произведений декоративно-прикладного искусства. Количество учтенных комиссией предметов культа определялось десятками тысяч. Эта работа стала своеобразным университетом для Николая Рудольфовича. Недаром многие музейные работники и краеведы называли его впоследствии энциклопедистом. Своими знаниями он щедро делился с коллегами.

Для учета памятников архитектуры и искусства отдел организовывал экспедиции, в которых участвовали искусствоведы, историки, архитекторы, реставраторы, живописцы-художники, а также музейные работники. Н. Р. Левинсон неоднократно выезжал на Север, по Подмосковью, по Волге. Это дало ему возможность изучить не только собрания музеев и памятники архитектуры XV—XIX вв., но и современное народное творчество, познать крестьянский быт 1920-х гг.

Исследования народной культуры велись в тесном содружестве с И. Э. Грабарем, большим специалистом по русскому искусству. Это было своеобразной школой и имело большое значение для совершенствования Н. Р. Левинсона как исследователя русской материальной культуры.

В 1930 г. Николай Рудольфович был переведен по предложению И. Э. Грабаря в ЦГРМ в качестве ученого секретаря мастерских и руководителя сектора по учету и хранению памятников архитектуры и искусства. В течение нескольких лет он занимался обследованием и учетом архитектурных ценностей Пскова, Новгорода и других древнерусских городов. Во время длительных поездок Грабаря по стране и за границу Николай Рудольфович исполнял его функции в мастерских и вел с ним переписку. В письмах Грабаря близким и сослуживцам сохранились упоминания о деятельности Н. Р. Левинсона в ЦГРМ[16]. Игорь Эммануилович высоко ценил как личные, так и деловые качества своего помощника и друга. В этот период Николай Ру-

дольфович сблизился с П. Д. Барановским, Н. Н. Померанцевым, Б. Н. Засыпкиным и многими другими архитекторами и реставраторами. Общительность, доброжелательность, неизменное чувство юмора и глубокие знания делали Николая Рудольфовича желанным участником всех благотворительных мероприятий, посвященных проблемам спасения русской культуры. Горячность, с которой он защищал памятники церковного зодчества, вызывала иногда нападки на него со стороны прессы. Сохранились вырезки из газет, в которых критикуется позиция Левинсона, идущая вразрез с общими тенденциями "борьбы с религией". Именно в эти годы антирелигиозная пропаганда начала активизироваться, и на здании бывшей городской думы, превращенном в Музей В. И. Ленина, появился рельеф с надписью: "Религия — опиум для народа".

1920-е гг. — очень интересный период в истории нашей страны, время разрушения старой культуры и стремления создать нечто новое, в корне отличное от многовековых традиций России. Это время активной деятельности творческой интеллигенции, поверившей в необходимость духовного обновления, поверившей и восторженно принявшей революционные изменения в судьбе России.

Именно этот период стал для Н. Р. Левинсона решающим в становлении его как исследователя, ученого-историка материальной культуры и одновременно практика-краеведа.

В 1932 г. Н. Р. Левинсон переходит на основную работу в Государственный Исторический музей, сначала в качестве научного сотрудника, а затем заведующего группой изделий из металла. С этого времени и до конца своих дней он остается преданным Историческому музею. Это не значит, что Николай Рудольфович порывает с краеведением. В 1935—1936 гг. по инициативе П. Н. Миллера он принимает участие в большой работе по наблюдению за ведущимися в Москве земляными работами Метростроя. Сохранилось удостоверение, выданное Н. Р. Левинсону в том, что он "является членом археологической бригады-комиссии московского отделения ГАИМК по работам на Метрострое и проводит согласно договору с Метростроем (от 23.IX.34 г.) изучение и сбор предметов древности на всех объектах Метростроя второй очереди". Ему был выдан пропуск "на территорию строительства (шахты, дистанции) на все объекты".

Николай Рудольфович записывал интересные наблюдения и фиксировал уникальные находки. Эти материалы вошли в его статьи и доклады, посвященные истории Москвы.

Большая работа была проделана Н. Р. Левинсоном совместно с П. Н. Миллером и Н. П. Чулковым в 1936—1937 гг. в связи со 100-летней годовщиной со дня гибели А. С. Пушкина. Книга "Пушкинская Москва", подготовленная ими к юбилею, имела большой успех и довольно скоро стала библиографической редкостью. Это было необычное

литературоведческое исследование. В книге сделана попытка восстановить на основе документального и иллюстративного материала облик Москвы 1830-х гг., собраны новые, впервые публиковавшиеся данные о тех зданиях, которые были связаны с именем великого русского поэта. Большое количество иллюстраций, иногда малоизвестных, сделало эту книгу особенно интересной не только для специалистов, но и для широкого круга читателей[17].

Подготовка книги велась одновременно с другой работой, позволившей выявить массу ценных исторических сведений, связанных с бытом пушкинской Москвы.

В 1937 г. по постановлению СНК СССР в Историческом музее открылась Всесоюзная Пушкинская выставка. Устроителем и консультантом был назначен Николай Рудольфович. Выставка оказалась по тем временам необычной, очень богатой по разнообразию экспонатов, представленных на ней, и привлекала внимание посетителей обилием подлинных предметов быта того времени.

Прежде чем начать подготовку экспозиции, комиссия во главе с Н. Р. Левинсоном проделала скрупулезное обследование зданий Москвы, связанных с именем А. С. Пушкина. Были подробно изучены интерьеры, расположение комнат в барских домах, мебель и осветительные приборы, сохранившиеся в уцелевших ансамблях. Зафиксированные предметы быта из различных собраний, датируемых первой третью XIX в., были частично представлены на выставке. Картины, гравюры, мебель, люстры, лампы, бра, канделябры, фарфор и другие предметы убранства особняков той эпохи придавали экспозиции особое очарование.

И все же основной с 1932 г. для Н. Р. Левинсона стала собирательская, хранительская и научная работа в Историческом музее. Много энергии и энтузиазма проявил Николай Рудольфович при пополнении фондов отдела металла. Глубокие знания истории материальной культуры, а также гражданского и церковного зодчества Москвы помогали ему безошибочно приобретать ценнейшие предметы московского быта, а также детали архитектурного убранства гражданских и церковных зданий столицы. Так, после сноса Красных ворот в Историческом музее появилась медная фигура трубящей Фамы, венчавшей этот удивительный по красоте памятник архитектуры XVIII в. Во время разборки ворот Николаю Рудольфовичу удалось вытащить "богиню" и на своих плечах перенести ее в музей. Он очень гордился своей медной "дамой" и с гордостью показывал ее посетителям отдела. И пока Николай Рудольфович был заведующим, она стояла у дверей отдела металла.

Другим не менее значительным его приобретением был железный флюгер 1680-х гг. с шатра Владимирской башни Китай-города. Бродя у развалов старых книг на Лубянской площади, близ стен Китай-города, Николай Рудольфович

обратил внимание на то, что великолепный металлический декор башен приходит в ветхое состояние. Увидев упавший с шатра флюгер, который лежал, никем не востребованный, он перевез его в отдел металла. Скромность не позволяла ему "рекламировать" свои подвиги по спасению многих произведений московских мастеров XVII—XIX вв. К их числу относится и флюгер — ценнейший памятник русского кузнечного мастерства XVII в. Лучшие образцы русского декоративно-прикладного искусства, спасенные им от гибели, опубликованы в научных трудах Исторического музея. В частности, публикуя сведения о спасенном флюгере, Николай Рудольфович посвящает страницы истории флюгеров Китай-города. В книге о мастерах-художниках Москвы XVII в., вышедшей в 1961 г., он приводит интересные подробности из истории Китай-города. "Особенно любопытны были флюгарки, — пишет он, — установленные в 1680-х годах на башнях китайгородской стены — Владимирской и Варварской, вместо грозных гербовых орлов кремлевских башен здесь вращались на штырях фигуры долговязых длинноносых птиц, словно парящих над гроздьями фантастических цветков, плодов и птичьих головок с широко разверстыми клювами"[18]. В этих произведениях русского кузнечного мастерства, раззолоченных и раскрашенных в яркие цвета, московские ремесленники достигли верха совершенства не только в исполнительском искусстве, но и в художественном отношении, не уступая шедеврам западноевропейского искусства XV — XVII вв.

Мы должны с благодарностью вспоминать ту бесценную работу, которую провел Н. Р. Левинсон по комплектации фондов отдела металла Государственного Исторического музея. Будучи председателем закупочной комиссии музея, он не пропускал ни одной вещи, представляющей музейный интерес. Благодаря его стараниям собрание отдела металла ГИМ является одним из самых значительных в стране и помогает глубже постичь историю материальной культуры России.

Одной из самых фундаментальных работ Н. Р. Левинсона можно назвать исследование "Подвесные осветительные приборы XVI — XVII вв.", которое составило основу его диссертации и не утратило своей научной ценности до наших дней[19]. Изучение и систематизация самых разнообразных осветительных приборов, начиная с примитивных крестьянских светцов, которые он причислял к шедеврам мирового значения, и кончая уникальными подвесными люстрами-паникадилами, бытовавшими в боярских хоромах или в храмах, превратили этот труд в своего рода энциклопедию осветительных приборов. Эту работу можно считать итогом многолетнего поиска и научного осмысления колоссального материала. Автор использовал собрания музеев, архивные источники, наконец, огромную историческую и мемуарную литературу, преимущественно издания западноевропейских

авторов — послов и путешественников из стран Западной Европы, побывавших в XVII в. в России. Знание иностранных языков позволяло Николаю Рудольфовичу знакомиться с книгами Г. Штадена, Я. Рейтенфельса, Юст Юля и других авторов в подлиннике.

Сборник "Труды ГИМ", вышедший из печати в 1941 г. и посвященный истории материальной культуры XVI — XIX вв., куда вошло исследование Н. Р. Левинсона, представляет собой библиографическую редкость. Он содержит целый ряд статей, посвященных ранее почти не исследованным проблемам истории материальной культуры России. Подготавливая сборник, Н. Р. Левинсон преследовал цель составления своеобразной энциклопедии истории материальной культуры для искусствоведов, историков, музейных работников.

Научные интересы исследователя определялись его особым пристрастием к истории материальной культуры Москвы, его родного города. Поэтому заметное внимание при научных описаниях коллекций музея он уделял произведениям московских мастеров. Одной из самых интересных в этом плане работ можно назвать его многолетний труд "Мастера-художники Москвы XVII века"[20]. В этой небольшой по объему книге содержится огромное количество ценного материала, впервые введенного автором в научный оборот.

Одновременно с накоплением материала для монографии, посвященной мастерам XVII в., Н. Р. Левинсон занимается сбором данных и фиксированием коллекций художественной бронзы XVIII — XIX вв. московской работы в музеях и архивах. Для будущего исследования, посвященного московским бронзовщикам 1830—1840-х гг., он разрабатывает серию научных карточек на основные предметы коллекции. Каждая такая карточка является самостоятельной научно-информационной статьей.

В эти годы Николай Рудольфович уделяет серьезное внимание методике хранения музейных фондов. Им разработаны инструкции, а также форма "Научно-исследовательской карточки по описанию уникальных предметов", взятая за основу во многих музеях страны для обработки коллекций или отдельных экспонатов, представляющих историческую и художественную ценность[21].

Значительное место в собрании отдела металла ГИМ занимает коллекция художественных изделий из стали тульских ремесленников XVIII—XIX вв. Основная часть предметов была приобретена еще до революции, большое количество произведений XIX в. поступило в музей благодаря стараниям Николая Рудольфовича. Работа над описанием этой коллекции вдохновила его на создание большого монографического исследования, которое, к сожалению, не дошло до нас в полном объеме. После смерти Н. Р. Левинсона полный текст рукописи обнаружить не удалось.

Отечественная война 1941—1945 гг. прервала научную деятельность Николая Рудольфовича. В июле 1941 г. он вступил добровольцем в ряды Московского ополчения, но был уволен по состоянию здоровья и командирован от Исторического музея для сопровождения и хранения фондов в город Кустанай. Об этом периоде жизни музея красочно и тепло вспоминает Нина Павловна Зверева — в те годы заведующая библиотекой музея. Это было время, выявившее все личные качества сотрудников. Оно показало, сколько душевного тепла и сердечности проявилось у людей, заброшенных в далекий маленький город. Спустя 40 лет Нина Павловна вспоминает: "Многое забылось, но осталась незабываемая дружба, укрепившаяся между нами и растущая постоянно в послевоенное время. Один за другим уходили из жизни старые друзья, но до самых последних дней мы встречались с неизменно теплым чувством искренней взаимной привязанности и готовности помочь друг другу"[22]. Знакомство с периодом эвакуации фондов ГИМ, прочно связанным с именем Николая Рудольфовича, позволяет убедиться в его необыкновенной душевной щедрости, обаянии и жизнелюбии. Сколько трудных моментов в жизни музея помогли скрасить его оптимизм и чувство юмора, не изменившие ему до конца дней.

Эшелон состоял из грузов нескольких музеев, Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, библиотеки иностранной литературы, библиотеки Центрального музея Революции СССР. Ответственность за грузы ГИМ была возложена на заведующего археологическим отделом Александра Яковлевича Брюсова.

В группу сопровождающих фонды ГИМ вошло семь сотрудников музея, среди них заведующий отделом металла Н. Р. Левинсон, старший научный сотрудник отдела драгоценных металлов, будущий доктор искусствоведения Марина Михайловна Постникова-Лосева, заведующая библиотекой Нина Павловна Зверева и старший научный сотрудник отдела тканей Мария Николаевна Левинсон-Нечаева, жена Николая Рудольфовича и его верный товарищ по работе в течение всей их совместной жизни.

Николай Рудольфович познакомился с Марией Николаевной в 1921 г., когда работал в Отделе музеев Наркомпроса. В тот же год они поженились. Их соединила не только любовь, но и увлеченность общим делом, которую они пронесли через всю свою счастливую жизнь.

Их дочь Екатерина с первых лет приобщалась к музейной жизни, родители брали ее с собой во все многочисленные поездки по монастырям и старинным городам России. Мария Николаевна Левинсон-Нечаева (1892—1977) много лет работала в Оружейной палате, а с 1936 по 1965 г. была научным сотрудником Исторического музея. Она была крупным специалистом в области народного и городского костю-

ма, тканей и кружева XVI — XX вв. Ее научные труды отражают высокий уровень профессиональных знаний и большую научную требовательность к себе. Широта интересов, образованность и любовь к отечественной истории помогали этим замечательным людям в работе. В их личной переписке можно встретить интересные сведения о музее, об экспедициях по сбору материала, о командировках по изучению истории русской материальной культуры того или иного региона страны. Их письма — это своеобразные семейные дневники или отчеты, из которых можно почерпнуть много интересных подробностей, которые не входили в официальные отчеты. Очень ценные сведения содержат иногда и дневниковые записи, которые вели Левинсоны в поездках. Особый интерес представляют письма и дневники военных лет, которые они вели во время эвакуации музея.

Так, из писем мы узнаем подробности самой эвакуации. Во время переезда по Волге на баржах с грузом сотрудники ГИМ организовали чтение лекций по истории России и о ее военном прошлом, наладили выпуск стенной газеты, в которой сообщались сведения о делах на фронте. В этих мероприятиях активное участие принимал Николай Рудольфович. Нина Павловна Зверева вспоминает: дважды в день кипятили самовар, оказавшийся у сотрудников Музея Революции, и ели скромный паек, выдававшийся на пристанях по карточкам. Несмотря на все тяготы путешествия, чувство юмора и умение наслаждаться красотой природы не покидали коллектив. "Однажды, — вспоминает Н. П. Зверева, — Мария Николаевна крикнула мне в трюм, чтобы я скорее шла на палубу. Мы проплывали тогда мимо бывшего Макарьевского монастыря. Он стоял совершенно золотой, так его освещало закатное солнце. Вокруг темнела дубрава. Было тихо, тихо... Как будто не было нигде в мире ни тревоги, ни войны"[23].

В Хвалынске приступили к вскрытию ящиков. Осмотрели и проветрили вещи, составили акты проверки и снова забили ящики. Фронт приближался, и надо было ехать дальше. Ехали по железной дороге более двух недель. На каждой остановке дежурный сотрудник должен был проверять целость пломб на всех вагонах. "Разводящие" будили по ночам дежурных. Одним из самых энергичных был Николай Рудольфович.

Были трудные дни — без воды и достаточного количества провианта. "И как же мы были рады, — вспоминает Н. П. Зверева, — когда удалось, наконец, добыть два ведра кипятку с очень сильным привкусом паровозного перегара". М. Н. Левинсон, отмечавшая в своем дневнике все важные события, записала 24 ноября: "Нина Павловна Зверева угостила кипятком. У нее сегодня день рождения"[24].

В конце ноября эшелон с сокровищами ГИМ прибыл в Кустанай. Для музейного имущества город предоставил

каменный особнячок в стиле модерн, а также деревянное здание бывшего магазина.

Летом 1942 г. Н. Р. Левинсон и Н. П. Зверева переправили из Омска в Кустанай четыре вагона музейных ценностей из музеев Новгорода, Пскова и других городов, занятых немцами. Летние месяцы прошли в подготовке и открытии в местном краеведческом музее выставки "Военное прошлое русского народа", которую организовали сотрудники ГИМ во главе с Николаем Рудольфовичем.

С 1943 г. постепенно стали отзывать в Москву сотрудников, сопровождавших грузы. Вернулся в Москву и Николай Рудольфович с дочерью — студенткой Московского университета. В Кустанае остались Марина Михайловна Постникова-Лосева и Мария Николаевна Левинсон-Нечаева. Сохранились письма, в которых Николай Рудольфович со всей своей обстоятельностью и присущим ему чувством юмора описывает жене свою московскую жизнь. Это своеобразный дневник, который содержит много интересных деталей о нелегкой жизни столичных жителей в годы войны. "Я накупил, — пишет он Марии Николаевне в письме от 8 декабря 1943 г., — картошки на 600 рублей — первый раз в Загорске по 18 рублей, а второй раз в Клину — по 15 рублей, а в Москве 20—25 р. ..." Далее он пишет: "Этот месяц мы не получали крупяных изделий, а вместо этого давали картошку: за 1 кг крупы — 5 кг картошки. Но никак не удается получить, так как никогда нет в магазинах..."[25]

Тяготы житейские не мешают Николаю Рудольфовичу продолжать научную и педагогическую деятельность. В этом же письме он описывает заседание конференции по истории искусства: "...выступали по докладу Алпатова[26] о задачах художественной критики... Было довольно страстно, и в заключительном слове Алпатов еще высек Михайлова. Катя была в восторге от всего слышанного и виденного. Но домой мы попали в первом часу. Вот какие отец и дочь научные".

В период войны Н. Р. Левинсон ведет активную переписку с друзьями-фронтовиками, сообщает им о музейной жизни, поздравляет с праздниками, организовывает коллективные письма на фронт. Ни на один день не забывает он фронтовых гимовцев. Он помогает в меру своих скромных ресурсов сотруднице отдела металла Е. Н. Дмитриевой, оставшейся с тремя детьми на руках после гибели ее мужа, сотрудника ГИМ, археолога П.А. Дмитриева. Сидя за столом, заваленным рукописями и книгами, окруженный самыми разнообразными изделиями из металла, Николай Рудольфович до позднего вечера читает письма или пишет ответы.

Таким автор статьи узнала его в 1943 г. Будучи студенткой кафедры музееведения исторического факультета Московского государственного университета, я была тесно связана с ГИМ. Николай Рудольфович был тем самым первым учителем, который остается лучшим и любимым навсегда.

Он открыл нам красоту мира предметов, окружающих нас, научил "читать" архитектуру, описывать музейные коллекции, строить экспозицию, писать статьи, рефераты. Его огромная эрудиция поражала нас... Мы слушали его затаив дыхание и тщательно записывали каждое его слово. До сих пор я храню записи лекций Николая Рудольфовича.

Работая со студентами и аспирантами, Николай Рудольфович, как и многие другие сотрудники музея, щедро делился своими знаниями, помогал отобрать материал в собраниях музея и не боялся предоставить в полное распоряжение коллекции своего отдела, что, увы, нечасто бывает в музеях в наши дни.

После окончания университета я уехала работать в Ленинград, в Музей истории и развития Ленинграда, но связь с учителем не порывалась. Он исправно и подробно сообщал мне все новости ГИМ и "докладывал" о своих научных успехах. В частности, как продвигается работа о московских бронзовщиках и тульских ремесленниках. А с меня требовал постоянного отчета о совершенствовании знаний в области истории Петербурга-Ленинграда, его архитектуры и прикладного искусства. Этим он исподволь подготавливал меня к теме будущей диссертации, посвященной художественной бронзе Москвы и Петербурга.

В 1948 г. я поступила в аспирантуру ГИМ, и Николай Рудольфович стал моим руководителем. Тема диссертации явилась как бы продолжением начатой им еще до войны историко-искусствоведческой темы, посвященной отечественным мотивам в русской декоративно-прикладной бронзе 1830—1840-х гг. Его вдохновляло большое количество мелкой пластики, так называемых "кабинетных вещей", этого времени в собраниях ГИМ, Эрмитажа, Русского музея и многих других музеев многочисленных городов, в которых ему пришлось побывать за свою жизнь. В записных книжках Николая Рудольфовича накоплен огромный материал в виде набросков отдельных предметов, описаний их художественных особенностей, выписок из архивов и специальной литературы, представляющих интерес для его темы. Сохранились рукописные черновики на четвертушках цветной бумаги (с бумагой после войны было плохо, и он использовал даже оберточную бумагу) с большим количеством вставок и дополнений, которые делались по ходу работы и сбора материала. К сожалению, Николаю Рудольфовичу не удалось закончить эту бесценную для историков материальной культуры и музейных работников тему. В нашей совместной книге он опубликовал лишь малую часть того материала, который так и остался незавершенным на листочках[27].

Незаконченной осталась и другая тема, которой он занимался одновременно с бронзой в течение многих лет. Объемный труд "Художественные изделия из стали тульских ремесленников XVIII—XIX вв." он втайне мечтал сделать док-

торской диссертацией, но, к сожалению, тяжелая болезнь, настигшая его в 1950-х гг., лишила исследователя той работоспособности, какой он обладал до этого.

Большинство работ Николая Рудольфовича носили характер исторического поиска и являются неоценимым материалом при изучении того или иного периода истории материальной культуры и искусства России, особенно Москвы XVII—XIX вв. И в этих двух темах Н. Р. Левинсон стремится наряду с историческими сведениями воссоздать картину состояния художественной культуры России в целом. Анализируя отдельные, наиболее характерные памятники прикладного искусства конкретного периода, создавая, особенно в "бронзе", исторический фон, помогающий раскрыть то или иное художественное явление, он расширяет рамки исследования. Это особенно хорошо ему удалось в статье, посвященной отечественным мотивам в декоративно-прикладной бронзе 1830—1840-х гг. Тщательный анализ памятников помог выявить несколько имен московских бронзовщиков (Я. Самарин и другие), до того времени никому не известных.

Все последующие годы Н. Р. Левинсон продолжает свою не только музейную, но и краеведческую деятельность. Изучая окрестности Москвы, он продолжает делать маленькие открытия. Так, в письме дочери Екатерине Николаевне Левинсон от 11 сентября 1949 г. он сообщает: "А на днях я ездил в Поваровку за Крюково. Там чудесно объявился закопанный в земле колокол XVII века, по-видимому, это исчезнувший из Коломенского". Действительно, колокол был вскоре вывезен ГИМ и водворен на место в Коломенском.

Такие же находки Николай Рудольфович делал, гуляя по Москве. Все, что можно было, вплоть до номерных знаков на домах и названий улиц, он приносил в отдел металла.

В конце 1940-х гг. ГИМ возобновил экспедиционную работу по сбору материалов, посвященных быту крестьянства и формированию пролетариата в период интенсивного развития капитализма. Эти экспедиции, как отмечала академик А. М. Панкратова, представляют научную ценность не только для работников исторических музеев, но и для советских историков вообще.

В историко-бытовых экспедициях приняли активное участие специалисты из фондовых отделов — С. К. Жегалова, М. Н. Левинсон-Нечаева, Н. Р. Левинсон. Одной из основных была проблема народного художественного творчества в архитектуре и материальной культуре русской деревни второй половины XIX в. Эта цель была поставлена перед участниками выезда на север — в город Каргополь и окрестные деревни. Экспедицию возглавил Н. Р. Левинсон[28].

Жизнелюбие Николая Рудольфовича помогало ему переживать разочарования и осложнения, которые выпадали на долю интеллигенции в послевоенные годы. Умение стойко

переносить все моральные и материальные тяготы, радоваться тому малому, что "перепадало", пожалуй, особенно характерно именно для музейных работников и краеведов-энтузиастов, всегда отличавшихся самоотверженностью и беззаветной преданностью своему делу.

Тяжелая болезнь подорвала силы Н. Р. Левинсона, и в октябре 1962 г. он вынужден был уйти на пенсию. Он продолжал быть консультантом и краеведом, но работал с трудом. Умер Николай Рудольфович в 1966 г., похоронен на Введенском кладбище.

Последней, изданной при его жизни работой была книга "Мастера-художники Москвы XVII века". Это оказалось символическим завершением его дела, которым он занимался всю жизнь. Начав научную биографию с изучения Москвы, он остался верен ей до конца своих дней.

Можно смело утверждать, что этот труд не потеряет своей ценности еще долгие годы. Знания Н. Р. Левинсона, его опыт и обилие фактического материала по истории материальной культуры, искусства и быта Москвы, содержащиеся в работе, позволяют отнести это исследование к числу наиболее значительных работ по истории художественного ремесла Москвы XVII в. Его мысль о том, что в народном быту, лишь косвенно связанном с экономическими и культурными изменениями в столице, еще долго продолжало свою жизнь художественное наследие допетровского времени, свидетельствуя о мощности и глубоко народных корнях традиций искусства XVII в., находит подтверждение в современных научных исследованиях, посвященных Москве.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Часть архива Н. Р. Левинсона находится в отделе письменных источников Государственного Исторического музея, часть у дочери Екатерины Николаевны Хохловой, предоставившей все свои материалы для использования в данной работе.

[2] Письмо находится в архиве дочери Н. Р. Левинсона.

[3] Родители по его просьбе присылали с оказией в лагерь книги по искусству.

[4] См.: *Миллер П. Н.* Старая Москва // Московский краевед. Вып. 1. 1927. С. 17.

[5] Там же. С. 19.

[6] Цит. по кн.: *Филимонов С. Б.* Историко-краеведческие материалы фонда Общества изучения Московской губернии (области). М., 1980. С. 8.

[7] См.: *Филимонов С. Б.* Историко-краеведческие материалы архива Общества по изучению Москвы и Московского края. М., 1989. С. 128.

[8] *Левинсон Н. Р.* Ремонт и реставрация памятников архитектуры // Московский краевед. Вып. 7—8. 1927. С. 93.

[9] См.: *Левинсон Н. Р.* Реставрация московской старины // Московский пролетарий. 1926. № 2.

[10] См.: *Грабарь И. Э.* Реставрация на Западе и у нас // Наука и искусство. 1926; *Он же.* Реставрация памятников искусств // Крас-

ная панорама. 1928. № 29. Краткие обзоры по отдельным реставрационным работам были помещены в журналах 1920-х гг. — "Русское искусство", "Среди коллекционеров", "Коммунальное хозяйство" и др.

[11] См.: *Левинсон Н. Р.* Охрана внемузейных памятников // Советский музей. 1932. № 6.

[12] На 1-м Всероссийском музейном съезде Н. Р. Левинсон сделал доклад на тему "Учет и охрана памятников искусства (см.: Тезисы докладов к 1-му Всероссийскому музейному съезду. М., 1930).

[13] *Левинсон Н. Р.* Охрана внемузейных памятников // Советский музей. 1932. № 6. С. 53.

[14] Автор статьи может подтвердить подобный случай по воспоминаниям отца, родившегося в имении графа Орлова-Давыдова Отрада Серпуховского уезда Московской губернии. Когда граф Анатолий Орлов-Давыдов покидал в 1918 г. свой дом, крестьяне провожали его и обещали все имущество в сохранности передать государству. Основная часть богатейших коллекций имения была позднее передана в Исторический музей. В экспозиции музея была представлена часть знаменитого орловского сервиза, а также мебель, картины, бронза и скульптура из имения Отрада.

[15] См.: *Левинсон Н. Р.* Охрана внемузейных памятников // Советский музей. 1932. № 6. С. 53—54.

[16] См.: *Грабарь И.* Письма. 1917—1941. М., 1977. С. 81, 83 и др.

[17] См.: *Миллер П. Н., Чулков Н. П., Левинсон Н. Р.* Пушкинская Москва. М., 1937.

[18] Флюгер с башни см. в кн.: *Левинсон Н. Р.* Мастера-художники Москвы XVII века. М., 1961. Рис. 18.

[19] См.: *Левинсон Н. Р.* Подвесные осветительные приборы XVI—XVII вв. // Сборник трудов ГИМ / Под ред. Н. Р. Левинсона. Вып. XIII. М., 1941.

[20] Часть исследования была доложена на заседании Института истории искусств АН СССР в марте 1950 г. Статья, посвященная московскому зодчему Петру Потапову, была рекомендована в ежегодник института № 1 за 1950 г.

[21] Разработки Н. Р. Левинсона по изучению и научному описанию музейных фондов были взяты за основу при написании Л. Н. Гончаровой статьи "Изучение и научное описание музейных предметов из металла" в определитель "Изучение и научное описание памятников материальной культуры". М., 1972. С. 260—272.

[22] *Зверева Н. П.* Как ГИМ в условиях войны сохранял свои сокровища // ГИМ в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Сборник. М., 1988. С. 32.

[23] Там же. С. 27.

[24] Там же. С. 30.

[25] Переписка Левинсонов любезно предоставлена Екатериной Николаевной Хохловой. Сохранившиеся письма Н. Р. Левинсона из Кустаная в ГИМ опубликованы А. Б. Закс в статье "Письма из армии и из эвакуации (Материалы личного архива)". (Сборник "ГИМ в годы Великой Отечественной войны". М., 1988.) Анна Борисовна Закс много лет проработала в ГИМ и была дружна с Николаем Рудольфовичем. Она всегда высоко оценивала его деятельность. По ее мнению, он "почти единственный специалист по истории материальной культуры". (Указ. сб. С. 105.)

[26] Михаил Владимирович Алпатов, доктор искусствоведения, профессор Московского университета искусствоведческого отделе-

ния исторического факультета. Автор многотомного издания "Всеобщая история искусств", а также большого количества монографий и книг по искусству. Человек высочайшей культуры и необычайной скромности.

[27] См.: *Левинсон Н. Р., Гончарова Л. Н.* Русская художественная бронза. Декоративно-прикладная скульптура XIX века. *Левинсон Н. Р.* Отечественные мотивы в декоративно-прикладной бронзе. Первая половина XIX века // Памятники культуры: Труды ГИМ. Вып. XXIX. М., 1958.

[28] К счастью, у автора статьи сохранились почти все письма Н. Р. Левинсона, написанные из каргопольской экспедиции. В настоящее время архив Л. Н. Гончаровой передан в архив Всероссийского музея декоративно-прикладного искусства.

Список работ Н. Р. Левинсона

Реставрация памятников древнерусской живописи // Русское искусство. 1923. № 1.

Реставрация памятников зодчества // Русское искусство. 1923. № 2.

Реставрация московской старины // Московский пролетарий. 1926. № 2.

Оружейная палата. Кремль — дворец и терема. Музей боярского быта. Покровский собор. Грузинская церковь. Коломенское // Музеи Москвы: Сборник. М., 1926.

Распределение памятников культуры на категории // Еженедельник Наркомпроса. 1928. № 3.

Инструкция-программа по описанию архитектурных памятников // Еженедельник Наркомпроса. 1928. № 52.

Ремонт и реставрация памятников архитектуры Московской губернии // Московский краевед. 1929. № 7.

Кованые решетки оград середины XVIII века // Старая Москва: Сборник. М., 1929; Труды Общества изучения Московской области. Вып. 5.

Рецензии на книги: В. В. Згура. "Коломенское". Н. Л. Эрнст. "Бахчисарайский ханский дворец и Алевиз Новый". "Памятники усадебной архитектуры Московского уезда" // Московский краевед. 1929. № 7 — 13.

Рецензии на книги: М. М. Богословский. "Боярская дума 1690—1700 гг.". В. Снегирев. "Похождения Б. Шварца". М. В. Доброклонский. "Книга Виниуса" // Московский краевед. 1929. № 7 — 13.

Охрана религиозных памятников (на французском, немецком и английском языках) // Woka. 1930. № 6—7.

Учет и охрана памятников искусства и старины: (Тезисы доклада на 1-м музейном съезде Наркомпроса). М., 1930.

Охрана внемузейных памятников // Советский музей. 1932. № 6.

Музей боярского быта // Советский музей. 1935. № 2. (Совместно с К. Н. Савельевой.)

Рецензия на книгу "Москва" под ред. Л. Кавелина // Борьба классов. 1935. № 11. (Совместно с Е. А. Звягинцевым и П. Н. Миллером.)

Москва. XVII век (глава для издания "История Москвы"). М., 1935.

Девять очерков (бронза, мебель, эмаль, ювелирное искусство и др.) для Художественной энциклопедии. М., 1935.

Москва первой половины XIX века (глава для издания "Истории Москвы"). М., 1935.

Кремль (статья для Большой советской энциклопедии). Т. 34. М., 1937.

Красная площадь (статья для БСЭ). Т. 34. М., 1937.

Пушкинская Москва. М., 1937. (Совместно с П. Н. Миллером и Н. П. Чулковым.)

На выставке фондов Государственного Исторического музея // Архитектурная газета. 1936.

Музейные исторические фонды // Советский музей. 1939. № 3.

Архитектурная история Москвы // История Москвы / Под ред. Н. Н. Соболева. М., 1939.

Русские осветительные приборы. Ч. 1. Подвесные приборы // Труды ГИМ. Вып. XIII. М., 1941.

Русские осветительные приборы XVII—XIX вв. М., 1944. (Кандидатская диссертация.)

Мастер Петр Потапов, зодчий XVII века // Сборник Института истории искусств АН СССР. М., 1943.

История Москвы: Альбом. Вып. 1. (Вступительная статья, подбор и аннотация иллюстративного материала, комментарии.) М., 1947.

Отечественные мотивы в русской бронзе первой половины XIX века // *Левинсон Н. Р., Гончарова Л. Н.* Русская художественная бронза. Декоративно-прикладная скульптура XIX века // Труды ГИМ. Серия "Памятники культуры". Вып. XXIX. М., 1958.

Тульские стальные изделия партикулярного производства (с историческим введением до XVIII века): Рукопись. (Материалы к диссертации.) М., 1958.

Изделия из цветного и черного металла XII—XVII вв. // Русское декоративное искусство. Т. 1. М., 1962.

Изделия из цветного и черного металла XVIII века // Русское декоративное искусство. Т. II. М., 1963.

Изделия из черного и цветного металла XIX века // Русское декоративное искусство. Т. III. М., 1965.

Художественная промышленность второй половины XIX века // История русского искусства. Т. IX. Кн. 2. М., 1965.

Мастера-художники Москвы XVII века // Труды ГИМ. Серия "Памятники культуры". Вып. 31. М., 1961.

Проект монумента из трофейных пушек 1812 года // Ежегодник ГИМ. М., 1964.

Выставки музейных фондов в ГИМ за 30 лет советской власти (Из опыта работы НИИ краеведения и музейной работы): Сборник информационно-методических материалов по вопросам музейного дела и краеведения. Вып. 1. М., 1949.

Рецензия на книгу А. А. Сидорова "Москва". Берлин, 1928 // Московский краевед. 1928. № 2 (10).

Рецензия на книгу П. Сытина "Прошлое Москвы в названиях улиц". М., 1947 // Преподавание истории в школе. 1947. № 2.

Г. Д. Злочевский

"СО ВКУСОМ И ГОРЯЧЕЙ ЛЮБОВЬЮ К ИСТИННЫМ КУЛЬТУРНЫМ ЦЕННОСТЯМ"

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ГРЕЧ. 1899 — 1934?

Летом 1919 г. было принято решение об организации музея "Старая Москва". Формирование его коллекций происходило в бывшем Английском клубе на Тверской, 21, где тогда размещался Государственный музейный фонд.

В короткое время в фондах музея были сосредоточены ценнейшие коллекции по истории и быту старой Москвы, в том числе значительное собрание изобразительных материалов и обширная библиотека. В создании музея участвовали знатоки прошлого столицы — Н. Д. Бартрам, А. М. Васнецов, Н. А. Гейнике, Н. С. Какурин, Н. Р. Левинсон, П. Н. Миллер, П. П. Муратов, Н. И. Тютчев и другие. Им помогала и увлеченная молодежь. Среди молодых энтузиастов, принимавших активное участие в москвоведческой работе, был Алексей Николаевич Греч — известный в 1920-х гг. искусствовед и художественный критик, один из создателей Общества изучения русской усадьбы (ОИРУ), возглавивший его после трагической гибели первого председателя В. В. Згуры. Совсем молодым Греч погиб в сталинских застенках в начале 1930-х гг., а имя его было вычеркнуто из нашей культуры официальными властями. До сих пор об этом искусствоведе и краеведе не написано ничего.

Алексей Николаевич Греч родился 1 ноября 1899 г. в Петербурге. Когда переехал в Москву, нам пока неизвестно. Ясно только, что он — выпускник Московского университета[1].

Первые свидетельства интереса Греча к истории столицы и его участия в практической москвоведческой работе относятся к 1920 г. Они же позволили установить его подлинную фамилию — Залеман (или Залиман). Об этом в беседе 16 ноября 1988 г. с Л. В. Ивановой говорил Юрий Борисович Шмаров (1898 — 1989) — активный член картографической комиссии ОИРУ, который хорошо знал Алексея Никола-

евича и его семью (жену и сына), — ведь именно он заинтересовал Шмарова усадьбоведением и вовлек в ОИРУ.

Итак, в феврале 1920 г. в протоколах ученой комиссии музея "Старая Москва" появилась новая фамилия — ее написание, очевидно со слуха, дается в трех разных вариантах: Золиман, Залеман, Залиман. Комиссия не раз выражала обладателю ее в письменной и устной форме благодарность за дары музею: например, 21 гравюра Кадоля с видами Москвы, две карикатуры 1812 г. на Наполеона, несколько "мелких предметов". Через год, в феврале 1921 г., А. Н. Залиман был вместе с В. В. Згурой и П. Д. Эттингером включен в комиссию по организации выставки "Москва в изображениях XVII—XVIII веков", создаваемой по проекту А. В. Чаянова. По просьбе комиссии он просматривал с этой целью и фиксировал материалы, хранившиеся в Историческом музее, в фонде Э. В. Готье в Румянцевском музее. По его предложению 2 марта 1921 г. было решено ходатайствовать о создании бытового музея XVIII в. на базе дома Соллогубов на Поварской (ныне дом № 52).

В протоколе № 88 от 5 октября 1921 г. среди фамилий присутствовавших на заседании ученой комиссии музея "Старая Москва" значится А. Н. Греч (Залеман). В последующих протоколах встречается и подлинная фамилия (Залеман), и псевдоним (Греч). Таким образом, их идентичность установлена документально[2] и, кроме того, подтверждается свидетельством Ю. Б. Шмарова. Подлинная фамилия ученого не встречается ни в одном печатном издании, где опубликованы его труды и имеется информация о нем, т. е. в литературе он известен только под псевдонимом А. Н. Греч. И поэтому в данном очерке также сохраняем этот псевдоним.

Во второй половине 1921 г. в Москве были созданы два искусствоведческих центра: Российская академия художественных наук (РАХН), переименованная в 1925 г. в Государственную академию художественных наук (ГАХН), которая была задумана как высший "экспертно-консультативный орган" в области культуры, и Научно-исследовательский институт археологии и искусствознания (НИИАиИ) Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). Этот институт должен был не только выполнять исследования, но и готовить высококвалифицированных преподавателей для вузов, музейных хранителей и организаторов краеведческой работы.

Уже в 1922 г. в НИИАиИ были приняты первые десять аспирантов, и среди них Греч. Из этой группы окончили полный курс и защитили диссертации только шесть человек: М. В. Алпатов, А. Н. Греч, Г. В. Жидков, В. В. Згура, И. Я. Корницкий, В. Н. Лазарев. В их числе видим фамилии ныне широко известные. Это были яркие представители поколения искусствоведов, сформировавшегося в 1920-х гг.

Первоначально тема диссертационной работы Алексея Николаевича, очевидно, определялась содержанием объявления, которое он опубликовал в журнале "Среди коллекционеров" (1922. № 7—8. С. 102): "Занимаясь историей русского акварельного портрета, прошу лиц, располагающих сведениями о художниках-акварелистах 30—50-х годов, а также коллекционеров, имеющих их работы, не отказать сообщить об этом в редакцию журнала..." В том же 1922/23 академическом году Греч уже выступил в отделении искусствознания НИИАиИ с докладом на тему "Петр Соколов как мастер акварельного портрета". Однако в следующем академическом году молодой ученый выступил в живописной подсекции ГАХН с докладом "Искусство Антропова", который окончательно определил тему его диссертации: "Русская живопись первой половины XVIII века. А. П. Антропов".

В 1920-е гг. ряд ученых НИИАиИ и ГАХН занимались изучением особенностей стиля барокко в отечественном искусстве — архитектуре, живописи, декоративно-прикладном творчестве, так как многое в искусстве русского барокко тогда было еще неясно. Итогом исследований явилось издание сборника "Барокко в России" (М., 1926. 2 тыс. экз.), в котором помещена одна из глав диссертации Греча в переработанном варианте под названием "Барокко в русской живописи XVIII века". Алексей Николаевич написал еще одну, как он выразился, "заметку" под названием "Портрет атамана Краснощекова работы А. П. Антропова" для рукописного журнала "Старая Гатчина" (№ 69 от 19 апреля 1926 г.)[3], которая впоследствии опубликована также в "Трудах секции искусствознания Института археологии и искусствознания РАНИОН" (М., 1928. Т. II. С. 148—151). Это единственный пока факт, встретившийся в литературе, указывающий на сохранившиеся, очевидно, петербургские связи Греча, о которых нам, к сожалению, ничего не известно.

Весной 1926 г. молодой искусствовед успешно защитил диссертацию (официальными оппонентами выступили А. В. Бакушинский и А. А. Сидоров). Коллегия НИИАиИ и ученый совет, учитывая достоинства этой работы Греча и других его устных и печатных выступлений, возбудили перед президиумом РАНИОН ходатайство о включении Алексея Николаевича в число научных сотрудников первого разряда. Ходатайство было удовлетворено, и молодой ученый остался работать в институте. За годы учебы в аспирантуре Греч прочел в НИИАиИ и в ГАХН ряд докладов, тематика которых была очень разнообразна. Она касалась не только русской живописи XVIII—XIX вв., но также ксилографии, скульптуры и архитектуры. Хорошая профессиональная подготовка, давшая Алексею Николаевичу глубокие знания в различных областях искусства, позволила ему выступать и в печати с работами самого различного содержания. Первые его публикации появились в 1922 г. в журналах "Казан-

ский музейный вестник" и "Среди коллекционеров", затем в солидном "Печать и революция", "Искусство", сборниках научных трудов. Только в этих четырех журналах Греч опубликовал в 1922—1928 гг. около 40 статей, рецензий и обзоров. В его статьях, а большинство из них прошли публичную апробацию в виде докладов, встречаем и разбор эволюции стиля японской ксилографии от начала XVII до первой трети XIX в., и результаты изучения иллюстраций периода Французской буржуазной революции, и исследование творческих методов, мастерства таких художников, как Крамской, Репин, Ярошенко, Пастернак, Ге, Нестеров и другие, в изображении образа Льва Толстого, а также влияния личности великого писателя на этих живописцев в их работе. Молодой искусствовед пишет и о немецком деревянном рельефе XVI в., который хранился в музее-усадьбе Остафьево, и о влиянии наследия Федотова на живопись передвижников, и о рисунках Тома де Томона, и о бронзовом бюсте работы Растрелли-старшего, поступившем в Государственный музей изящных искусств из бывшего Румянцевского музея.

По обзорам художественных выставок, опубликованных Гречем, можно в определенной степени судить о том, сколь разнообразна и интересна была тематика этих экспозиций в Москве 1920-х гг.: "Выставка произведений Левицкого" (1922), "Выставка Рокотова" (1923), "Выставка западного искусства" (1925), "Русская живопись XVIII века на выставках 1926 — 1927 годов" (1927). Многочисленными и компетентными были отзывы молодого искусствоведа о путеводителях и книгах по искусству, о трудах, посвященных Москве и Подмосковью, выходивших в 1920-х гг.

Рецензии Греча о краеведческих работах, отражающих московскую тематику в широком диапазоне, всегда содержат не только их подробный анализ с указанием замеченных недостатков, но и интересные обобщения, добавления, если это отзыв о библиографическом труде, и резкую, нелицеприятную критику, когда речь идет о книгах сомнительного содержания, халтурных, от которых, по словам рецензента, веет "безнадежной мещанской пошлостью, тупым невежеством и беззастенчивой самоуверенностью"[4].

Книгу В. А. Никольского "Старая Москва. Историко-культурный путеводитель" (Л., 1924) Греч образно и точно назвал первым бытовым путеводителем по Москве[5]. Благодаря именно этому достоинству (а книга, к сожалению, содержит ряд неточностей и ошибок, которые отметил рецензент) она была перепечатана в сборнике "Московский летописец" (М., 1988. Вып. 1. С. 142—296) с приложением иллюстраций, интересных и содержательных примечаний, отсутствовавших в первом издании.

"Невежество, халтура, плагиат, низкопробный стиль изложения, безобразный, в том числе подгасованный, иллюст-

ративный материал — вот содержание этого "путеводителя"[6], — с возмущением писал Греч об "Иллюстрированном путеводителе по окрестностям Москвы", изданном под редакцией Ю. С. Розенберга (М., 1926). Он призывал "изъять книжку из продажи", так как она раскупается в связи с большим спросом на подобную литературу и "повсеместно разносит заразу невежества и мещанства".

Алексей Николаевич уделил внимание и брошюре И. М. Картавцова "Усадьбы Московской губернии. Опыт библиографического указателя" (М., 1927): "Описание сделано очень добросовестно, с большим знанием дела и дает если не исчерпывающую, то, во всяком случае, очень полную библиографию"[7]. Греч приводит в рецензии лишь "немногие дополнения" к книжке Картавцова, до настоящего времени остающейся уникальным трудом в отечественной библиографии. Он не утратил своего значения и в наши дни. Подтверждением служит перепечатка его в альманахе "Памятники Отечества" (М., 1984. № 2(10). С.72—80).

Содержательные отзывы посвятил молодой искусствовед трудам А. И. Некрасова — "Древние подмосковные: Александровская слобода, Коломенское, Измайлово" (М., 1923) и "Художественные памятники Москвы и городов Московской губернии" (М., 1928).

Рецензии Греча на книги о Москве и Подмосковье позволяли неподготовленному или малосведущему читателю правильно сориентироваться и разобраться в соответствующей краеведческой литературе. Они помогали получить нужную информацию, свободную от грубых ошибок и искажений, которые допускали недобросовестные или некомпетентные авторы, воспитывали вкус и интерес к изучению родного края. Алексей Николаевич это хорошо понимал и относился к труду рецензента с большой ответственностью.

Краеведческая работа Греча и его публикации в этой области, неразрывно связанные с деятельностью Общества изучения русской усадьбы, оставили наиболее заметный след. Интерес к русской усадебной культуре пришел к нему, очевидно, в процессе общения с Владимиром Васильевичем Згурой (1903—1927), влюбленным в русскую усадьбу и способным увлечь любого предметом своих интересов. Дружеские отношения со Згурой, совместные походы в усадьбы, беседы об искусстве, поиски своих направлений в научной работе привели молодых ученых к мысли о необходимости комплексного изучения бывших "дворянских гнезд", а после памятной для Греча поездки в усадьбу Орловых-Давыдовых Отрада в июле 1922 г. вместе со Згурой, Г. В. Жидковым и Ю. М. Цветковым (в качестве фотографа) родилась идея создания Общества изучения русской усадьбы.

В конце декабря 1922 г. ОИРУ стало реальностью. Алексей Николаевич был не только в числе немногочисленных основателей этого Общества, но и являлся активным его

членом, входил в правление ОИРУ. "Значения русской усадьбы как памятника архитектуры и быта, как сосредоточия всякого рода художественных коллекций нельзя отрицать"[8], — писал он и взволнованно призывал "людей, искренно преданных искусству", приступить к изучению усадебной культуры "в переживаемое время, когда еще не погибла память о нарушенных ансамблях, когда еще стоят обреченные на гибель постройки".

Еще до образования Общества в журнале "Среди коллекционеров" появилась статья "Музей в Введенском" (1922. № 7 — 8. С. 32—34), написанная Алексеем Николаевичем по результатам посещения и изучения экспозиции одного из трех усадебных музейных центров Подмосковья (Введенское, Дубровицы, Лотошино), организованного после Октябрьской революции в бывшей усадьбе близ Звенигорода, в которую были свезены художественные ценности из окрестных имений, покинутых владельцами или конфискованных местными Советами. Экспозиция, созданная на их базе, размещалась в центральном корпусе дворца. Она включала произведения живописи, изделия из художественного фарфора и стекла, мебель и другие предметы прикладного искусства. Это был музей дворянского усадебного быта. Просуществовал он недолго, так как с 1923 г. в Введенском находится санаторий. Статья Греча, очевидно, единственное опубликованное описание некогда существовавшего музея.

Алексей Николаевич — автор первой тематической публикации ОИРУ "Музей в Отраде" (Среди коллекционеров. 1923. № 1—2. С. 59—61), сохранившей сведения о музее в одной из самых значительных подмосковных усадеб. Автор "спрятался" за прозрачным псевдонимом А. Г-ч. Он не ограничивается описанием экспозиции музея, занимавшего всего три комнаты, а рассказывает о произведениях живописи, о скульптуре, мебели, росписях стен, кафелях печей, т. е. о художественных ценностях, украшавших весь дворец знаменитой усадьбы. Более подробного описания этого музея не сохранилось, по его экспозиции не было путеводителя. Музей упразднили в 1923 г. Последние экспонаты вывезли в Москву в июне 1925 г.

Следующая краеведческая публикация Греча — "Собирательство в старой Москве. Коллекция гр. Дмитриева-Мамонова в селе Дубровицы" (Среди коллекционеров. 1923. № 7—10. С.61—63) — подготовлена по экспозиции и фондам бытового музея, который в 1920-е гг. существовал в главном доме усадьбы (музей закрыт в 1927 г.).

С лета 1923 г. Греч принимает активное участие в комплексном изучении Кускова — "одной из самых замечательных усадеб России" — в составе группы специалистов ОИРУ. Он исследует также ряд других усадеб. По результатам этой работы Алексей Николаевич выступает с докладами и сообщениями на заседаниях ОИРУ в 1923 — 1924 гг. "Глинки",

"Саввинское", "Несколько неизвестных гравированных изображений усадеб", "Нерастанное", "Мильшино и Руднево", "Богучарово Хомяковых Тульской губернии" — таковы темы этих выступлений. Был прочитан и доклад методического содержания — "Задачи усадебного изучения". Его статья "Изучение русской усадьбы", написанная в значительной степени по материалам этого доклада, опубликована в "Казанском музейном вестнике" (1924. № 1. С. 87—90). Это был первый в России журнал по музейному делу (выходил в 1920—1922, 1924 гг.) и одно из лучших в те годы провинциальных периодических изданий, освещавших ход музейного строительства и вопросы искусствознания. В своей статье Алексей Николаевич дает краткий обзор литературы по теме и показывает, что исследования русской усадьбы в прошлом "были крайне недостаточны и несистематичны". Греч отмечает большое значение усадьбы в истории отечественной культуры и страстно призывает провинциальную интеллигенцию, краеведов немедленно, не откладывая до лучших времен, "тщательно заняться изучением русской усадьбы". Далее Алексей Николаевич излагает программу деятельности ОИРУ, методологию исследований, выделяет первостепенные задачи в практической работе, а в заключение кратко сообщает о том, что сделано ОИРУ за первый год его существования. Искусствовед Н. А. Щербаков писал об этой публикации: "Со вкусом и горячей любовью к истинным культурным ценностям написана изящная заметка... А. Н. Греча "Изучение русской усадьбы"[9].

Алексей Николаевич — один из наиболее активных руководителей походов по подмосковным усадьбам, которые регулярно организовывало Общество с мая по октябрь в течение всех лет своей деятельности. Он не только изучал, но и пропагандировал таким образом своеобразное искусство русской усадьбы. Главную цель этой работы Греч видел в том, чтобы "заинтерессовать широкие круги стариной и искусством русской усадьбы и тем самым вызвать внимательное и бережное к ним отношение"[10].

Первый план "усадебных" походов на весь сезон разработала экскурсионная комиссия ОИРУ уже на второй год существования Общества. По постановлению правления он был отпечатан в виде путеводителя "План летних экскурсий на 1924 год, устраиваемых Обществом изучения русской усадьбы" (М., 1924) (на обложке напечатано: "Экскурсии в подмосковные"); тираж 1000 экземпляров. Текст написан Гречем совместно с В. В. Згурой и Ю. А. Бахрушиным. Всего за четыре с половиной месяца "План..." предлагал экскурсии на 34 объекта. Из них Греч провел (самостоятельно или вместе с другими руководителями ОИРУ) экскурсии в усадьбы Введенское, Ершово, Кораллово с посещением звенигородского музея; Саввинское и Глинки, Отрада, Знаменское и Ясенево, Суханово.

В 1924 г. опубликованы первые труды членов ОИРУ в двух номерах журнала "Среди коллекционеров" (№7—8 имеет подзаголовок "Искусство русской усадьбы" и целиком состоит из работ членов ОИРУ, № 9—12 — частично). В № 7—8 журнала — публикация Греча "Убранство остафьевского дома", в которой сообщались интересные и подчас новые сведения о замечательном очаге русской культуры.

Оценивая первый сборник трудов ОИРУ, анонимный рецензент отметил: "Ценны статьи В. Згуры "Кусковский регулярный сад" и А. Греча "Убранство остафьевского дома"... так как дают серьезный и свежий материал для экскурсионной проработки столь популярных подмосковных"[11].

В № 7—8 "Среди коллекционеров" за 1924 г. (с. 55) сообщалось также, что в Вене печатается сборник "Русская усадьба", составленный из работ членов ОИРУ. Для этого сборника Алексей Николаевич, в частности, написал статью "Масонские усадьбы". К сожалению, книга по неизвестным причинам так и не была издана.

"План летних экскурсий на 1925 год, устраиваемых Обществом изучения русской усадьбы" (М., 1925) был отпечатан в количестве 1100 экземпляров (из них 100 нумерованных) как издание ОИРУ. Текст написан Гречем и Згурой. "План..." был построен аналогично предыдущему и так же оформлен. В нем было описано 37 объектов. Греч руководил экскурсиями в Никольское-Гагарино, Уборы, Петровское, Усово, Ильинское.

Наиболее значительные работы молодого ученого и краеведа были опубликованы в серии путеводителей "Подмосковные музеи" (М.—Л., 1925. 3 тыс. экз.), состоящей из шести выпусков.

Для этого издания Алексеем Николаевичем были подготовлены очерки "Архангельское" и "Покровское-Стрешнево" (вып. 2), "Остафьево" (вып. 3), "Дубровицы" (вып. 4), "Кузьминки" (вып. 6), т. е. пять из четырнадцати входящих в эту серию путеводителей. Написанные на высоком профессиональном уровне с учетом результатов последних исследований, эти работы Греча, как и все путеводители серии, были рассчитаны на читателей, знакомых с историей русской культуры. Однако помещенный в конце каждого выпуска подробный алфавитный указатель встречающихся в тексте специальных терминов и выражений, фамилий художников и архитекторов с краткой характеристикой их творчества сделали путеводители доступными значительно более широкому кругу экскурсантов. К достоинству упомянутых очерков Греча следует также отнести принцип комплексного изучения усадебной культуры, которым руководствовался автор.

Для характеристики описываемых усадеб Алексей Николаевич находит индивидуальные образные определения, отмечает те особенные черты, которые придают неповторимость каждой из них. Вот некоторые из этих характеристик:

"Архангельское производит торжественное впечатление своим общим видом и искусной планировкой, заметно выделяющими усадьбу по сравнению с лучшими подмосковными дворцами; ⟨...⟩ чистейший стиль Людовика XVI, классицизм последней трети XVIII века, притом в его полном изящества проявлении, в отличие от мощной монументальности екатерининских зодчих"[12].

В очерке о Покровском-Стрешневе Греч отмечает, что бывшие хозяева исказили постепенно облик усадьбы, превратив "Покровское, особенно с наружной стороны, в какое-то причудливое порождение из мавританского, средневекового и русского стилей, приправленных к тому же значительной долей безвкусия последних владельцев; ⟨...⟩ можно проследить, если задаться темой изучения "дурного вкуса", как создавалось то замечательное в своем роде собрание, которое представляет сейчас дом Покровского-Стрешнева"[13].

А вот зарисовка из очерка об Остафьеве: "Храмы дружбы и любви, беседки философского уединения или размышления, памятники историческим событиям, друзьям или любимой собачке, аллеи в честь близких сердцу людей, эрмитажи, трельяжи, боскеты, замысловатые пруды с островками, гроты, каскады, статуи, обелиски при въезде — все это вызывалось вкусами и укладом жизни прошлых веков, все это казалось нужным и значительным. Чудесными пятнами выделяются теперь прозрачные колоннады на фоне зелени, среди столетних черноствольных лип, кудрявых кленов, кустов сирени и одичавших розанов"[14].

Прежде чем приступить к рассказу о знаменитой усадьбе Дубровицы, Алексей Николаевич дает описание живописных ее окрестностей, подводя читателя и путешественника к мысли о том, что возникновение прекрасных творений таланта и рук человеческих в полной гармонии с природой естественно в подобных местах: "Верстах в трех не доходя до усадьбы, Пахра прокладывает себе путь среди своеобразного живописного ущелья... Крупные камни внизу, крутые берега, поросшие лесом и кустарником, остатки разрушенной плотины, расстилающаяся вдали гладь полей... Размытые водой берега реки позволяют нам здесь, на месте, ознакомиться с тем прекрасным строительным материалом, который шел на постройку знаменитой дубровицкой церкви, на кладку фундаментов главного дома и на ряд других сооружений в усадьбе. Красота места, соседство с каменоломнями, сравнительная близость Москвы, глухие и обширные леса... — все это способствовало возникновению здесь одной из выдающихся подмосковных"[15].

Интересные наблюдения встречаем и в очерке Греча о многострадальных, а в свое время прославленных Кузьминках, которые, по словам автора, "могут рассматриваться как своеобразный музей монументальных памятников московского классического зодчества в окружении типичного

английского парка". Он обращает внимание на "обилие и разнообразие "сторожевых львов" в усадьбе: "До сих пор возлежат они, лицом на двор, около дома... протянув вперед свои лапы, встречают посетителей у входов, неизменно караулят круглую пристань, куда в прежние времена приставали флотилии лодок и гондол". Далее Алексей Николаевич изящно завершает тему о "монументальных львах" обобщением и даже сравнивает московских и невских "собратьев", отдавая предпочтение первым, что, однако, не всегда присуще уроженцам "северной Пальмиры": "Чугунные украшения и монументальные львы обычно сопутствуют усадебным постройкам начала XIX века; они являются необходимой принадлежностью каждого крупного классического ансамбля". "Львы на воротах" почти неизбежны в московской архитектуре екатерининского и александровского времени, они как бы воскрешают античную традицию установки сторожевых животных перед входом в здание. И эти "московские львы" (пусть напоминающие иногда косматых псов), всегда спокойные и величавые, как-то гораздо удачнее своих невских собратьев, тяжело ступающих зверей, однообразно катящих перед собой каменные шары, перед строго классическими портиками архитектора Росси"[16].

Содержание "путеводных очерков" было высоко оценено специалистами. "Тонкие знатоки послепетровского искусства и быта" — так охарактеризовал авторов "Подмосковных музеев" Н. А. Щербаков в своей рецензии и отметил, что ими "проявлено много искреннего добросовестного отношения к своему делу, выказаны знания, умение изложить предмет изящно и понятно"[17]. Материалы, опубликованные в этих путеводителях, сразу и прочно вошли в научное обращение. И культурно-просветительское значение большинства очерков сохранилось до наших дней. Из трудов ОИРУ они, пожалуй, наиболее известны и любителям подмосковной старины.

Текст "Плана летних экскурсий на 1926 год, устраиваемых Обществом изучения русской усадьбы" (М., 1926. 1100 экз.) был уже традиционно написан Гречем совместно со Згурой. В нем намечалось ознакомить экскурсантов с памятниками культуры, расположенными в 35 усадьбах, в том числе "посетить художника В. Д. Поленова в его усадьбе и осмотреть своеобразный музей", а по дороге — интересные памятники архитектуры. Завершает книгу список усадеб, осмотренных на экскурсиях ОИРУ в течение 1924 — 1926 гг. Их ровно 100. В соответствии с "Планом..." 1926 г. Греч провел экскурсии в три усадьбы — Очаково, Троекурово, а также Константиново, что в Подольском уезде.

Заметным событием в культурной жизни столицы стал выпуск большого путеводителя-справочника "Музеи и достопримечательности Москвы" (М., 1926. 3 тыс. экз.) под общей редакцией Згуры. Греч — один из активных членов

авторского коллектива этого издания, которое явилось первым советским музейным справочником, посвященным "специально художественным и научным хранилищам Москвы" и ее архитектурным памятникам. Книга состоит из двух частей — "Музеи" и "Монументальные памятники". В ней описаны 82 музея Москвы и Подмосковья, приведены сведения почти о 500 памятниках архитектуры столицы. В положительной рецензии на это издание Н. А. Щербаков отметил, что выпуск такого справочника-путеводителя делает честь издательству, так как это "крайне полезная и приятная книга, всем выполнением своим достойная столицы"[18]. Для удобства основные разделы книги были одновременно изданы в виде самостоятельных выпусков. Из них выпуск "Подмосковные музеи" (М., 1926. 4 тыс. экз.) написан в основном Гречем (помещенные в нем очерки "Кусково" и "Коломенское" подготовлены соответственно В. В. Згурой и Н. Р. Левинсоном).

Греч неоднократно выступал в НИИАиИ и ГАХН с усадьбоведческой тематикой. Первым был доклад "Принципы ансамбля русской барочной усадьбы до растреллиевской эпохи" (ГАХН, 1924), а последним из обнаруженных — "Крепостные художники" (НИИАиИ, 1928). Алексей Николаевич был, очевидно, первым искусствоведом, который занялся глубоким изучением художественного наследия Николая Александровича Львова (1751 — 1803). С этой целью он совершил летом 1926 г. поездку в усадьбы Арпачёво, Никольское (Никольское-Черенчицы — имение Львова, где он родился и погребен в храме-усыпальнице) и Раёк Тверской губернии. В те годы о Львове — личности разносторонне одаренной (он был музыкантом, собирателем песенного фольклора, поэтом, инженером, зодчим) — было известно очень мало. Разыскивая материалы о творчестве Львова-архитектора, Греч, в частности, обнаружил в библиотеке Музея изобразительных искусств принадлежавшие зодчему книги о садово-парковом искусстве с его пометками в тексте и интересными замечаниями на полях.

В 1926/27 академическом году Алексей Николаевич дважды выступал с докладами о творчестве Львова-архитектора. "К вопросу о русском классицизме (Н. Львов)" — тема, которую он раскрыл в секции искусствознания НИИАиИ, а в Комиссии по изучению архитектуры ГАХН Греч ознакомил специалистов "с чрезвычайно интересными новыми памятниками этого архитектора и проследил композиционные их особенности с точки зрения ансамблевого построения"[19] в своем докладе "Усадебный ансамбль в архитектуре Н. А. Львова". Результатом выполненных исследований явилась монография о творчестве Львова, работа над которой была завершена ученым не позднее 1927 г. Сведения о том, что монография эта написана, содержатся в отчете о комплексной тверской экспедиции 1-го МГУ, состоявшейся летом 1927 г. В художественно-археологической части этого

отчета А. И. Некрасов, рассказывая о соборе Борисоглебского монастыря в Торжке, созданном Львовым в 1785—1796 гг., отметил, что творчество мастера почти не изучено, и сделал к этой информации примечание: "До сего времени остается неопубликованной монография о Львове, принадлежащая А. Н. Гречу"[20]. Судьба этой монографии, так и не изданной, нам неизвестна. Возможно, она хранится в архиве КГБ либо погибла после ареста автора.

В течение экспедиционного сезона 1926 г. Алексей Николаевич посетил неизвестные ранее усадьбы Московской губернии: Плесенское (Звенигородского уезда), Нару (бывшего Верейского уезда), Ермолово (Серпуховского уезда). Совместно со Згурой Греч обследовал усадьбу Белкино Калужской губернии. По окончании экспедиционного сезона он рассказал о проделанной работе на открытом заседании ОИРУ в своем докладе "Белкино"; в течение того же академического года сделал также доклад "Альбом литографий Шаблыкина".

Осенью 1926 г. при ОИРУ открылись двухгодичные историко-художественные курсы — первые в СССР курсы подобного рода при общественной организации. Их цель — дать слушателям знания в области истории русского искусства XVII—XIX вв. Цикл лекций "История русской живописи" на этих курсах читал Греч. Он также вел семинар по усадьбоведению во втором году обучения.

С 1927 г. начал издаваться "Сборник Общества изучения русской усадьбы", в котором Греч опубликовал ряд своих исследований. Среди них в 1927 г. напечатаны: "Художник Лигоцкий" (о творчестве таинственного усадебного живописца XVIII в.), в вып. 1; "Арпачёво" (об архитектурных и других художественных памятниках усадьбы, принадлежавшей архитектору Львову; приведены материалы о церкви, построенной владельцем в 1782—1791 гг., об иконах работы В. Л. Боровиковского), в вып. 2; "Художник И. И. Мальшев" (о судьбе крепостного художника), в вып. 3; "В. В. Згура в русской усадьбе", вып. 6—8.

После гибели Згуры Греч становится редактором "Сборника...", исполняет обязанности председателя ОИРУ. "План зимних экскурсий на 1927—1928 годы, организуемых Обществом изучения русской усадьбы" (М., 1927. 250 экз.), который отпечатан "по постановлению правления ОИРУ", после приведенного уведомления имеет подпись: "Председатель А. Греч". Так называемые "зимние" экскурсии, которые Общество регулярно проводило в Москве с 1924/25 академического года, были разнообразны и чрезвычайно интересны. Осуществление их с октября по апрель в городе и ближних окрестностях позволяло привлечь в качестве экскурсоводов не только членов ОИРУ, но и крупных специалистов из самых разных областей искусства и культуры, которые не состояли в этом Обществе. Среди них встречаем в "Плане..."

на 1927/28 г. фамилии профессоров А. В. Бакушинского, А. А. Сидорова, Д. Н. Егорова, молодого, но уже "остепененного" М. В. Алпатова, Б. В. Шапошникова — художника, директора бытового Музея 1840-х годов XIX в. (1919—1929), который размещался в доме известного славянофила А. С. Хомякова, что стоял на тихой и уютной Собачьей площадке близ Арбата, и других.

24 экскурсии, которые намечалось провести с 23 октября 1927-го по 29 апреля 1928 г., перечислены в "Плане...". Предусматривалось знакомство с архитектурными памятниками и ансамблями Москвы различных эпох, посещение музеев столицы с проведением тематических экскурсий, например, о быте допетровских помещиков и монастырском крепостном хозяйстве, о быте московских литераторов 40-х гг. XIX в. и русской деревянной скульптуре XVII в., о рисунках русских художников XVIII—XIX вв. и искусстве русской гравюры. Были также экскурсии, знакомившие с памятниками древнерусской живописи XIV—XVII вв. и московскими изографами конца XVII в., с Москвой А. Н. Островского и царской "подгородной" усадьбой Коломенское и др. Интересные темы предстояло раскрыть перед слушателями Гречу: "Парсунное письмо" (на экспонатах Исторического музея) и "Рисунки русских дилетантов XVIII—XIX веков" (в Музее изящных искусств).

В 1927/28 академическом году Греч прочел на заседаниях Общества доклад "Псевдорусский стиль в усадебной архитектуре (Лукино и Зенино)". Весной 1928 г. состоялось общее годичное собрание членов ОИРУ, на котором Алексея Николаевича избрали председателем Общества.

К началу нового туристического сезона был издан "План летних экскурсий на 1928 год, устраиваемых Обществом изучения русской усадьбы" (М., 1928. 250 экз.), текст которого составил Греч совместно с В. М. Лобановым. План предусматривал 21 экскурсию с осмотром 30 памятных мест. Наряду с повторными поездками намечалось впервые посетить 16 бывших усадеб, а также город Дмитров.

Летом 1928 г. Греч продолжил работу в усадьбах Тверской губернии в составе экспедиции, организованной ОИРУ. В соответствии с "Планом..." он провел экскурсии в Лосиный Завод и Глинки, а в годовщину трагической гибели Згуры (16 сентября) — в усадьбу Рождествено. В 1928/29 академическом году Греч выступил на одном заседании Общества с докладом об усадьбе Степановское.

В 1928 г. в "Сборнике..." ОИРУ (вып. 2—3) Алексей Николаевич опубликовал очерк "Деревянный классицизм", который посвятил "незабвенной памяти друга, Владимира Васильевича Згуры". Эта работа была предварительно прочитана им в качестве доклада в НИИАиИ в январе 1928 г. Автор обращает внимание на памятники деревянного классицизма, имея в виду "только те здания, где материал от-

кровенно заявляет о себе, не маскируясь под камень при помощи штукатурки" (с. 21). Минуя "официальное, показное лицо русского художественного строительства", Греч исследует "памятники "деревянного классицизма", рассеянные по всей Центральной России". В 1920-х гг. они еще "не вошли в обиход истории русской архитектуры" (с. 21), и выбранные автором примеры были в значительной степени случайными. Однако своей работой Греч обратил внимание искусствоведов на огромный "массив провинциального, усадебного и деревенского искусства во всем многообразии его проявлений" (с. 9). Среди памятников деревянной архитектуры, о которых пишет Алексей Николаевич в своем очерке, несколько из подмосковных усадеб: Рождествено, Наро-Фоминское, Измалково, Лопасня, а также дом близ Преображенской заставы, "дача "Голубятня" под Донским" в Москве. Большинство же описанных памятников — из губерний, сопредельных Московской. Греч обращается к ученым с призывом "внимательно приглядеться к забытым деревянным постройкам" (с. 21). Изучение их он считает важной задачей, так как "с каждым годом памятники деревянного классицизма уходят в историю и исчезают, увы, большей частью совершенно бесследно" (с. 21).

Многие памятники мы с тех пор потеряли, в том числе и ряд описанных Гречем в его "этюде", который он назвал "Деревянный классицизм". Этот очерк (очевидно, в дополненном варианте) ОИРУ планировало выпустить отдельным изданием, так же как и некоторые работы о подмосковных усадьбах, в том числе "Никольское-Гагарино", написанную Гречем совместно с В. М. Колобовым.

К великому сожалению, эти и многие другие планы молодого ученого и краеведа остались неосуществленными. В 1929 г., когда в стране начался "разгром культурной работы", первыми жертвами сталинских репрессий из среды интеллигенции стали не только историки и экономисты, но и краеведы. Еще летом 1929 г. Греч в составе экспедиций ОИРУ изучал усадьбы Смоленской области. Есть информация[21] и о том, что по состоянию на 1 октября 1929 г. он числился внештатным научным сотрудником первого разряда секции истории искусств Института археологии и искусствознания.

В справочнике "Наука и научные работники СССР", в части IV "Научные работники Москвы" (Л., 1930), в котором приведены сведения по состоянию на начало 1929 г., о Грече сообщается (с. 73), что он является научным сотрудником НИИАиИ, доцентом 1-го МГУ, научным сотрудником ГАХН и председателем ОИРУ. Областями его творческих интересов и деятельности указаны искусствознание, история русского искусства, преимущественно XVIII—XIX вв. Сообщается также домашний адрес ученого: Годеиновский (ныне Арбатский) переулок, дом 5, квартира 2.

Последняя работа Греча "Скульптура в Ярополье" опубликована в тематическом выпуске (№ 8) "Трудов" Общества изучения Московской области (ОИМО) под названием "Ярополец" (М., 1930. 1000 экз.), который посвящен 130-летию со дня рождения А. С. Пушкина. По трагическому стечению обстоятельств этот выпуск завершил и издание "Трудов" ОИМО, так как во второй половине 1930 г. Общество "преобразовали" в Московское областное бюро краеведения, а практически разогнали: учиненная реорганизация резко меняла и структуру ОИМО, и характер его деятельности.

Нашли повод и для ликвидации ОИРУ. Членам Общества "инкриминировалось, что они сохраняют музейные ценности, чтобы потом при благоприятных обстоятельствах передать их бывшим хозяевам, которые уехали за границу". Об этом сообщил Дмитрий Сергеевич Лихачев в интервью[22], данном накануне открытия 1-й Всесоюзной конференции по историческому краеведению, работавшей в Полтаве в октябре 1987 г. Несостоятельность и нелепость обвинения были очевидны, но в те кровавые годы это не имело никакого значения. Ничего нельзя было изменить.

Спустя некоторое время Греча арестовали. Произошло это, очевидно, не ранее 1931 г., так как в "Журнальной летописи" (1931. № 1) приведено название последней публикации Алексея Николаевича и указана фамилия автора. Обычно же после ареста "врага народа" его работы не упоминались нигде. Сведения, полученные от Ю. Б. Шмарова, о годе ареста Греча несколько противоречивы: автору этих строк он назвал конец 1929 г., а в беседе с Л. В. Ивановой (спустя полгода) сообщил, что это произошло после его собственного ареста (Юрия Борисовича арестовали 16 апреля 1933 г.), и упомянул о совместном с Гречем пребывании в Соловецком лагере особого назначения (СЛОН). Пребывание Греча в СЛОНе подтверждают воспоминания писателя Олега Васильевича Волкова, который находился там дважды, с конца 1928 г. и почти до середины 1930-х гг. Вот что он пишет: "Была на Соловках небольшая группа заключенных филологов. Из них ближе я знал Николая Греча, безнадежно больного чахоткой молодого человека, резкого и озлобленного. Сразу после ареста его оставила обожаемая жена, а с приговором — десяткой лагерей — исчезла надежда завершить когда-либо увлекавшее научное исследование. Все филологи считали, что своим водворением на остров они обязаны Юрию Александровичу Самарину, сотруднику их института, исправно несшему службу осведомителя. Он несусветно оговорил всех на следствии, топил на очных ставках... Впоследствии Греч рассказывал подробности очных ставок, на которых Самарин уличал своих сослуживцев в контрреволюционных замыслах"[23]. Сообщает Волков и о том, что Греч — москвич. Все как будто сходится.

Вот только имя мемуарист называет не то. Но за давностью лет имя может забыться (к тому же отчество у Греча — Николаевич), а фамилия хоть и известна в истории российской словесности, но очень уж редкая. Добавим, что среди ученых Москвы в 1920-х гг. Николай Греч не упоминается. Что же касается осведомителя Самарина, названного Волковым, то этот молодой (родился в 1904 г.) научный сотрудник действительно работал в одной организации с Гречем — был ученым секретарем отделения национальностей ГАХН[24]. Так что Волков пишет, безусловно, об Алексее Николаевиче. То, что Греч действительно находился в Соловецком лагере, подтверждают и воспоминания Дмитрия Сергеевича Лихачева, пребывавшего там в заключении с ноября 1928 по ноябрь 1931 г.[25] Он упоминает об Алексее Николаевиче, называя лишь его фамилию в группе "лихих библиотекарей", работавших в соловецкой библиотеке в кремле, но уточняет, что Греч — "член краеведческого общества "Старая усадьба"[26]. И наконец, на научно-практической конференции "Русская усадьба XVII — начала XX веков: проблемы изучения и возрождения" 21 апреля 1992 г. прозвучало сообщение Л. Н. Писарьковой о том, что в Государственном Историческом музее (ГИМ) обнаружена рукопись А. Н. Греча "Венок усадьбам". Она представляет собой толстую тетрадь, 260 страниц которой исписаны очень мелким, трудно читаемым почерком, с многочисленными дополнениями. Рукопись состоит из 47 очерков, посвященных в основном подмосковным усадьбам. Последние страницы писались карандашом. Текст обрывается заголовком очередного очерка — "Дубровицы". Писарькова показала ксерокопию титульного листа этой рукописной книги (размера амбарной), оформленного Гречем, на котором помимо фамилии, инициалов автора и названия было помечено: "Соловки, 1932". В рукописи обнаружен рецепт на лекарство, датированный 31 марта 1936 г. Однако фамилия больного в рецепте не указана. Учитывая воспоминания О. В. Волкова о том, что Греч был безнадежно болен чахоткой, рецепт вряд ли мог принадлежать ему в 1936 г. Скорее всего, он был выписан человеку, которому удалось выбраться из Соловецкого лагеря живым и передать (может быть, по просьбе самого Греча) рукопись в музей. Впрочем, это только предположение, так как пока не установлено, каким образом рукопись попала в ГИМ. В настоящее время завершена напряженная работа по расшифровке "Венка усадьбам" (с целью экономии бумаги автор сильно сокращал многие слова) и подготовке к публикации этого последнего труда Алексея Николаевича.

Может быть, в связи с состоянием здоровья либо по другой неизвестной нам причине Греча перевели из СЛОНа в тульскую тюрьму, в которой, по словам Ю. Б. Шмарова, он умер, вероятно, не позднее 1934 г.

Имя Алексея Николаевича Греча, талантливого искусствоведа и краеведа, мало известно современным любителям истории русской живописи, прошлого Москвы и Подмосковья. Анализируя его работы, отзывы современников о них, можно смело предположить, что Греч вырос бы в крупного специалиста, подобного тем его однокашникам по аспирантуре, которым довелось дожить до почтенных седин.

Трагическая гибель молодого ученого и краеведа, отсутствие в последующие десятилетия сведений о его жизни и творчестве в печати (труды Греча ни разу не переиздавались, а первоначальные тиражи его публикаций были, по нынешним понятиям, ничтожно малы) сделали свое недоброе дело — о нем забыли. Но сегодня с уверенностью можно сказать, что основные краеведческие работы Алексея Николаевича, посвященные Москве и подмосковным усадьбам, не потеряли своего значения. И потому дела и труды Греча достойны того, чтобы о них знали любители и ревнители московской старины.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Об этом свидетельствуют строки воспоминаний А. А. Сидорова (Альманах библиофила. Вып. 4. М., 1977. С. 77): "...мой студент А. Н. Греч достал в своих поездках по Подмосковью два (!) "бескозных экземпляра "Сказок" Лафонтена издания 1762 г. ..." В последние два предреволюционных года Алексей Алексеевич был приват-доцентом отделения истории и теории искусства историко-филологического факультета университета, который сам окончил в 1913 г., а в 1921 г. (в возрасте 30 лет) стал профессором этого факультета (*Сидоров А. А.* Друг книги — советский библиофил. М., 1981. С. 14).

[2] Эти новые сведения об А. Н. Грече получены автором данного очерка от Л. В. Ивановой, которая установила подлинную фамилию ученого в ходе работы над фондом музея "Старая Москва" (ОПИ ГИМ, ф. 402, ед. хр. 1, л. 28, 42, 66, 82, 85, 95, 143).

[3] См.: Труды секции искусствознания Института археологии и искусствознания РАНИОН. М., 1928. Т. II. С. 151.

[4] Печать и революция. 1926. Кн. 7. С. 230.

[5] Там же. 1924. Кн. 5. С. 307.

[6] Там же. 1926. Кн. 7. С. 230—231.

[7] Там же. 1928. Кн. 2. С. 215.

[8] Казанский музейный вестник. 1924. № 1. С. 87.

[9] Печать и революция. 1925. Кн. 1. С. 308.

[10] Казанский музейный вестник. 1924. № 1. С. 89.

[11] Листок краеведа. 1925. № 1. С. 26.

[12] Подмосковные музеи: Архангельское, Никольское-Урюпино, Покровское-Стрешнево. Вып. 2. М.—Л., 1925. С. 9—10.

[13] Там же. С. 69—70.

[14] Подмосковные музеи: Остафьево, Мураново, Абрамцево. Вып. 3. М.—Л., 1925. С. 12.

[15] Подмосковные музеи: Ольгово, Дубровицы. Вып. 4. М.—Л., 1925. С. 69—70.

[16] Подмосковные музеи: Царицыно, Кузьминки, Суханово. Вып. 6. М.—Л., 1925. С. 39—41.

[17] Печать и революция. 1926. Кн. 7. С. 231—232.
[18] Там же. С. 293—294.
[19] Бюллетень ГАХН /Под ред. А. А. Сидорова. М., 1927/28. № 8—9. С. 34.
[20] Труды этнографо-археологического музея 1-го МГУ /Под ред. А. И. Некрасова. IV. Быт. М., 1928. С. 13.
[21] См.: Труды секции истории искусств Института археологии и искусствознания РАНИОН. М., 1930. Т. IV. С. 170.
[22] Советская культура. 1987. 20 октября.
[23] *Волков Олег*. Погружение во тьму. М., 1989. С. 70.
[24] См.: Наука и научные работники СССР. Ч. IV. Научные работники Москвы. Л., 1930. С. 251.
[25] См.: *Лихачев Дмитрий*. Книга беспокойств: Воспоминания, статьи, беседы. М., 1991. С. 92—93.
[26] Там же. С. 119.

Список работ А. Н. Греча

Музей в Введенском // Среди коллекционеров. 1922. № 7—8. С. 32—34.

Музей в Отраде // Среди коллекционеров. 1923. № 1—2. С. 59—61.

Собирательство в старой Москве. Коллекция графа Дмитриева-Мамонова в селе Дубровицы // Среди коллекционеров. 1923. № 7—10. С. 61—63.

Изучение русской усадьбы // Казанский музейный вестник. 1924. № 1. С. 87—90.

План летних экскурсий на 1924 год, устраиваемых ОИРУ. М., 1924. Составление (совместно с В. В. Згурой и Ю. А. Бахрушиным).

Убранство остафьевского дома // Среди коллекционеров. 1924. № 7—8. С. 26—35.

План летних экскурсий на 1925 год, устраиваемых ОИРУ. М., 1925. Составление (совместно с В. В. Згурой).

Архангельское // Подмосковные музеи / Под ред. И. Лазаревского и В. Згуры. Вып. 2. М.—Л., 1925. С. 9—37.

Покровское-Стрешнево // Подмосковные музеи. Вып. 2. С. 69—90.

Остафьево // Подмосковные музеи. Вып. 3. С. 9—36.

Дубровицы // Подмосковные музеи. Вып. 4. С. 69—113.

Кузьминки // Подмосковные музеи. Вып. 6. С. 39—68.

План летних экскурсий на 1926 год, устраиваемых ОИРУ. М., 1926. Составление (совместно с В. Згурой).

Музеи и достопримечательности Москвы: Путеводитель /Общ. ред. В. В. Згуры. М., 1926. Составление (совместно с Д. М. Баниным, Н. Д. Бартрамом, С. Я. Бессмертной и другими).

Подмосковные музеи: Путеводитель / Общ. ред. В. В. Згуры. М., 1926. (Совместно с В. В. Згурой.)

Историко-культурные музеи Москвы: Исторические и бытовые, меморативные, музеи-храмы и монастыри: Путеводитель / Общ. ред. В. В. Згуры. М., 1926. Составление (совместно с Д. М. Баниным, Е. С. Крапоткиной, Н. Р. Левинсоном и другими).

Художественные музеи Москвы: Путеводитель / Общ. ред. В. В. Згуры. М., 1926. Составление (совместно с Н. Д. Бартрамом, Б. П. Денике, Г. В. Жидковым и другими).

Арпачёво // Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 2. М., 1927. С. 9—11.

В. В. Згура в "русской усадьбе" // Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 6—8. С. 42—46.

План летних экскурсий на 1928 год, устраиваемых ОИРУ. М., 1928. Составление (совместно с В. М. Лобановым).

Деревянный классицизм // Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 2—3. М., 1928. С. 9—21.

Скульптура в Ярополъце // Труды Общества изучения Московской области. Ярополец: Сборник статей. Вып. 8. М., 1930. С. 54—60.

Венок усадьбам (в печати).

Рецензии

В. М. Лобанов. Подмосковные. М., 1919 // Печать и революция. 1922. Кн. 2 (5). С. 377.

Подмосковные. Вып. 1. / Составлен группой руководителей экскурсий по подмосковным. М., 1922 // Печать и революция. 1922. Кн. 7. С. 345—346.

В. А. Никольский. Старая Москва: Историко-культурный путеводитель. Л., 1924. // Печать и революция. 1924. Кн. 5. С. 305—307.

А. И. Некрасов. Древние подмосковные:Александровская слобода, Коломенское, Измайлово. М., 1923 // Печать и революция. 1925. Кн. 1. С. 307—308.

Иллюстрированный путеводитель по окрестностим Москвы /Под ред. Ю. С. Розенберга. М., 1926 // Печать и революция. 1926. Кн. 7. С. 230—231.

И. М. Картавцов. Усадьбы Московской губернии: Опыт библиографического указателя. М., 1927 // Печать и революция. 1928. Кн. 2. С. 214—215.

А. И. Некрасов. Художественные памятники Москвы и городов Московской губернии. М., 1928 // Печать и революция. 1928. Кн. 4. С. 222—223.

В. Б. Муравьев

"ПОПРАВЛЯЙТЕ И ПРОДОЛЖАЙТЕ"

БОРИС СЕРГЕЕВИЧ ЗЕМЕНКОВ. 1902 — 1963

"Я могу себя считать учеником покойного председателя общества "Старая Москва" Петра Николаевича Миллера", — говорил Борис Сергеевич Земенков.

Однажды, уже в 50-е гг., Борис Сергеевич рассказал, как он стал москвоведом и что привело его в "Старую Москву" — тогдашний идейный и организационный центр москвоведения. "Сам я по профессии художник, — рассказывал Земенков, — и в те годы ни о какой исследовательской работе не думал. Привело меня на заседание общества "Старая Москва" желание писать Москву, но писать ее не бездумно, а выявляя какие-то памятные места, которые в ее большой истории сыграли известную и значительную роль. Однажды после очередного заседания я сказал Петру Николаевичу, что близится одна из чеховских дат и было бы интересно запечатлеть те дома, где он жил. Последовал вопрос: "А что вам известно по этому поводу?" Я ответил, что в письмах Чехов часто указывает фамилии владельцев тех домов, где живет. "Ну и прекрасно, — последовал ответ, — рисуйте, мы вам устроим выставку, а главное, вы у нас сделаете сообщение". Я растерянно стал отказываться. "Включаю в календарный план, — последовал суровый ответ, — а я вам буду помогать. Выпишите домовладельцев и приходите ко мне". Дня через два я был у него, начав с дома Клименкова на Якиманке, где жил Чехов в 1886 г. Петр Николаевич был очень занят и, не посвящая меня в технику дела, раскрыл мне за данный год адрес-календарь, указав в нем фамилию Клименкова. Оказалось, это дом № 57. Я, окрыленный, поехал на Якиманку. Но чем дальше я шел по улице, тем более мной овладевало смущение. Ведь прошло почти полвека. В советские годы улица сильно реконструировалась. Стоят два-три мелких домика, а рядом громадный новый дом, который съел три-четыре мелких владения. Следовательно, количество номеров сократилось, в одном месте улицы — чаще, в другом — реже. Я ходил по улице, не понимая: может быть, я прохожу мимо чеховского

дома, может быть, он давно не существует? Где же на ней былой дом № 57? Растерянный, я вернулся к Петру Николаевичу и получил выговор: "Кто же ищет номер дома, который может десятки раз меняться!" Так мне было преподано первое правило поисков: надо игнорировать номер дома, надо определять и выяснять топографическое местоположение"[1]. (Кстати сказать, дом был тогда же найден, он сохранился и значился под другим номером.)

Борис Сергеевич рассказал этот эпизод, как говорится, к слову, в методической лекции "Работа над мемориальным памятником", приведя пример распространенной ошибки при поисках зданий, связанных с жизнью деятелей прошлого. А вообще он, любя и умея рассказывать, почти ничего не говорил собственно о себе. О людях, с которыми дружил, работал, встречался, — рассказывал, а о себе — нет. В его архиве, ныне хранящемся в Музее истории Москвы, нет ни автобиографии, ни личных документов, только работы по москвоведению, подготовительные материалы к ним и к его известным акварелям-реставрациям. Это, конечно, затрудняет работу над его биографическим очерком. Да и написано о нем пока очень мало. Несколько опубликованных статей, которые использованы в настоящем очерке, указаны в библиографии к статье о нем в библиографическом словаре "Художники народов СССР" (М., 1983. Т. 4). Пользовался я и устными рассказами В. В. Сорокина, Л. А. Ястржембского и А. В. Храбровицкого, поделившихся воспоминаниями о Б. С. Земенкове и сообщивших очень существенные сведения, за что от всей души благодарен им. Использован также архив Музея истории Москвы.

Биография Бориса Сергеевича Земенкова и его судьба характерны для нашей эпохи и своей яркостью, и своей трудностью. Земенков был поэтом, художником, актером, но в конце концов он стал москвоведом, и именно тогда его многообразно талантливая натура проявилась наиболее полно и гармонично. Он не перестал быть ни художником, ни поэтом, ни актером, но они слились, сплавились в нем как в москвоведе. Москвовед — это не профессия, не занятие, это призвание и особого рода талант, и Земенков — ярчайшее подтверждение этому. Как, впрочем, и выдающиеся москвоведы — его современники: П. Н. Миллер, А. М. Васнецов, П. В. Сытин, Н. П. Анциферов, А. Ф. Родин и другие. Каждый из них был личностью, и личностью своеобразной, также своеобразен был у них и подход к делу, исследовательский почерк, работы каждого несли на себе яркий отпечаток личности автора, каждый из них по-своему видел Москву и создавал свой образ ее. Борис Сергеевич Земенков был москвоведом-романтиком, москвоведом-художником в широком значении этого слова.

Сейчас, когда известно, кем стал Земенков, представляется, что вся его жизнь и деятельность до встречи с П. Н.

Миллером складывались так, чтобы привести к москвоведению. Может быть, оно так и есть, во всяком случае, несмотря на все зигзаги судьбы, среди них четко прорисовывается линия Москвы.

Борис Сергеевич Земенков родился в 1902 г. в Москве. В год его рождения его отец, служащий Московской государственной сберегательной кассы, жил на Плющихе, в 1907 г. снимал квартиру в 1-м Переяславском переулке, позже, вплоть до революции и в первые послереволюционные годы, семья жила у Красных ворот в доме Афремова — одном из первых московских "небоскребов", восьмиэтажном доме на углу Орликова переулка. У Красных ворот прошли детство и юность Земенкова. И в дальнейшем он жил поблизости — в Большом Козловском переулке.

Красные ворота и их окрестности представляли собой богатое поле для московских наблюдений. Рядом с домом Афремова стоял дом, в котором родился М. Ю. Лермонтов, — еще до революции он был отмечен мемориальной доской. Красные ворота — один из замечательнейших русских архитектурных памятников — поражали москвичей и приезжих своей красотой. За домом, к вокзалам, шли кварталы бедноты, там кипела жизнь, описанная писателями-народниками, Гиляровским. Там неподалеку, на Каланчевке, на чердаке, в убогой комнатушке, жил Иван Кузьмич Кондратьев — талантливый писатель, поэт, но запойный пьяница, а потому пребывавший в безысходной нищете, кстати сказать, автор не потерявшей научного и познавательного значения книги "Седая старина Москвы" и песни "По диким степям Забайкалья...". У Кондратьева в свои последние годы часто живал его друг — обнищавший, опустившийся "академик живописи", знаменитый творец картины "Грачи прилетели" А. К. Саврасов. Стены кондратьевского чердака, как вспоминает И. А. Белоусов, были все в эскизах и набросках углем, сделанных Саврасовым. А рядом, на Мясницкой, в переулках, на Басманной, красовались старинные дворянские дворцы, особняки с колоннами, с гербами на фронтонах — это была совсем другая Москва. И конечно, надо всем царила Сухарева башня, прекрасная, таинственная, овеянная историческими преданиями и легендами. Даже шумевший вокруг нее торг не мог нарушить того впечатления величия, которое она производила...

Интересы, характер человека формируются в детстве, в детстве же проявляются и получают возможность развития те или другие склонности, таланты. О детстве Бориса Сергеевича Земенкова, к сожалению, ничего не известно. Никто из его друзей и знакомых, которые поделились со мной своими воспоминаниями, не мог припомнить, чтобы он когда-нибудь рассказывал о своем детстве. Более или менее определенные сведения о его жизни начинаются только с первого послереволюционного 1918 г.

В этом году он поступил учиться в Училище живописи, ваяния и зодчества и стал посещать студию стиховедения, в которой вели занятия В. Я. Брюсов, Андрей Белый, Вяч. Иванов и другие известные поэты, литературоведы. Земенков рисовал и писал стихи и, видимо, не мог тогда отдать предпочтение чему-либо одному. Впрочем, тогда литература и живопись у многих соединялись в единое стремление творческого самоутверждения и дополняли друг друга.

На годы учебы Земенкова — 1918—1921-й — приходится наиболее интенсивная перестройка художественного образования. В 1918 г. Московское училище живописи, ваяния и зодчества, учебное заведение с глубокими реалистическими традициями, было преобразовано во 2-е Государственные свободные художественные мастерские, и тон в них стали задавать левые художники. В 1920 г. преобразование завершилось созданием Высших художественных мастерских (Вхутемас), закрепившим победу левых. Поэтому годы учебы Земенкова прошли не под знаком овладения мастерством (отсутствие школы он ощущал всю жизнь), а в метаниях и поисках "нового искусства", новых художественных средств, в отрицании всего предшествующего.

Летом 1919 г. Земенков (мобилизованный или добровольцем, об этом он тоже никогда никому не рассказывал, но, судя по его возрасту — 17 лет, он не мог быть мобилизован) отправляется из Москвы с одной из частей Красной Армии на Восточный фронт, участвует в боях и в конце года возвращается в Москву. Этот факт известен только потому, что он по пути на фронт писал стихи, ставя под каждым стихотворением дату и место написания, и в следующем году издал их.

Сборник его стихов назывался претенциозно и образно, в духе времени: "Стеарин с проседью. Военные стихи экспрессиониста". Это были стихи художника, в которых зрительные образы занимали первое место. В этом отношении они сравнимы с ранними стихами Маяковского, с такими, как "Ночь" ("Багровый и белый отброшен и скомкан..."), "А вы могли бы?" и др.

Открывает сборник стихотворение "Прощанье", под ним помета: "Москва. Рязанский вокзал". Стихотворение складывалось, как это видно по нему, в самый момент происходящего, минута за минутой: вот прощание на перроне, вот подогнали паровоз, вот тронулся поезд, вот он подошел к границе станции — к перекинутому через пути мосту другого направления железной дороги — все это, хотя и преображенное в поэтические футуристические образы, прекрасно узнаваемо.

В пелерине неба бились кусочки траура,
У вас на висках тяжелые гири...
...Воздух на ресниц заусенцах скристалился,

Когда фонари паровоза растопырили пальцы.
Брызги плача забились о мол дебаркадера,
Потому что дебаркадер в траурных скрепах — погост.
Только глаза запрыгали при ходьбе
горбами дромадера.
Под изогнувшийся бронтозавром железнодорожный
мост[2].

Следующее стихотворение "В теплушке" (под ним отмечено место написания: "Теплушка"):

Во сне кипят все чайниками,
А я сажаю зерна взглядов в снега пледы.
Из рукава трубы искр брусника,
Деревья в инее — купеческие деды[3].

Далее прочерчен маршрут движения к фронту: "Саранск", "Рузаевка", потом идут стихи с описаниями боев: "...снаряды, как резец по линолеуму":

И если выстрел качнется человеком, давно не евшим,
Качнется огоньком — начищенной медью,
Только станет менее выцветшим
Вечный снега стеарин с проседью[4].

В одном из боев Земенков был ранен и контужен (с того времени навсегда остался след: нервный тик).

Вернувшись в конце 1919 г. в Москву, Земенков продолжает учебу. Училище живописи, ваяния и зодчества было не только цитаделью реализма, но и колыбелью русского футуризма, из него вышли Бурлюк, Маяковский. В первые послереволюционные годы, когда возникли многочисленные левые художественные и литературные группировки, учащиеся бывшего училища принимали самое активное участие в их деятельности. Большим влиянием среди них пользовался футуризм, но также были сторонники и других группировок, школ, направлений: имажинизма, экспрессионизма, лучизма, кубизма и т. д.

Земенков в 1919 г. входит в группу экспрессионистов, возглавлявшуюся поэтом Ипполитом Соколовым, с которым он познакомился в студии стиховедения. В 1920 г. он издает уже упоминавшуюся книгу стихов "Стеарин с проседью" и "экспрессионистскую" брошюру "Корыто умозаключений. Экспрессионизм в живописи".

В своей брошюре Земенков с вызывающей резкостью критикует современные направления изобразительного искусства, даже самые левые. Он считает, что основой метода экспрессионизма являются "интуиция и мысль", но до настоящего времени "интуиция и мысль были в наручниках правды (видимо, здесь автор выразился неточно: он имел в виду не *правду*, а *правдоподобие изображения*. — *В. М.*) и стояли строгие часовые: анатомия, оптика и многое другое". Автор считает, что подобное искусство находится уже в прошлом, и делает исключение лишь для супрематистов: "Супремати-

сты и мы уже в будущем, ибо дематериализация — цель мира. Мы вышли из пещеры логически возможного. Только формы духовные нужны нам... Не были ли века прошедшие лишь вступлением в экспрессионизм?"[5] Заявление о том, что их направление, течение, школа является вершиной того, что было и есть, — обычное утверждение всех новаторских левых направлений, течений и школ, но, как правило, в своих манифестах они категорически отрицали какую-либо зависимость или преемственность от кого-либо или чего-либо в прошлом и настоящем и считали, что они создали себя сами из ничего, что они — самозародившееся начало. Земенков признает предшественников, признает, что экспрессионизм возрос на опыте прошлых мастеров, но выражает это в весьма нетрадиционной форме: "Дюрер, Ван Гог, Пикассо... Слава им всем — нашему великому навозу!"[6]

В 1921 г. Земенков вышел из группы экспрессионистов и стал членом "Российского Становища Ничевоков" — одной из самых крайних литературно-художественных группировок.

В группе экспрессионистов Земенков имел звание "Ведун Русского Экспрессионизма"; став "ничевоком", получил наименование "Чрезвычайного Ничевока живописи". Переход был обусловлен тем, что "ничевочество" представлялось ему дающим более возможностей для выражения "творческого момента".

В литературной жизни Москвы начала 20-х гг. Борис Земенков — заметная фигура, его имя мелькает на афишах поэтических вечеров, проходивших в Политехническом музее, в Доме печати и других аудиториях, он посещает знаменитые литературные кафе "Домино" и "Стойло Пегаса" (20 лет спустя он сделает акварели-воспоминания, изображающие их), в круг его литературных знакомств входят многие литераторы того времени, особенно близок он был с имажинистами — с С. Есениным, И. Грузиновым, С. Спасским, с кругом футуристов — с Маяковским, Асеевым.

Рекламные объявления на обложках изданий "ничевоков" сообщали о подготовленных к печати его книгах: "Сваи див", "Колизей", "Пустой подсвечник" и др. Почти все они не были изданы, но их перечень — яркое свидетельство интенсивности его литературной работы.

К середине 20-х гг. Земенков окончательно избирает путь художника. Он входит в общество художников "Бытие", членами которого были П. П. Соколов-Скаля, П. П. Кончаловский, А. А. Лебедев-Шуйский, А. В. Куприн, А. А. Осьмеркин и другие. "Протест против крайностей левого искусства, — говорится в заявлении этой группы, — к 1921 году пришедшего в лице конструктивизма к полному отрицанию станковой живописи и ее социального значения, явился связующим звеном между организаторами "Бытия". Лозунг крепкого, реалистического искусства в дальнейшем развивался и углублялся Обществом"[7].

Впрочем, путь Земенкова к реализму был закономерен. Реалистическое начало было присуще ему всегда, еще в сборнике "Стеарин с проседью" он признавался, что формалистические изыски, граничащие с трюкачеством, для него в достаточной степени маска:

Знаю, завтра в цинизме,
Напудренный пошлостью не я, не сам,
Буду паяничать, повиснув на "изме",
Скрыв души перемученный храм[8].

Экспонировавшиеся на выставках "Бытия" работы Земенкова отмечаются зрителями и критикой. В 1926 г. известный искусствовед А. Федоров-Давыдов писал: "Своеобразную попытку интерпретации экспрессионизма дает в своих картинах и рисунках Б. Земенков. Он определенно ищет новый социальный сюжет, и очень хорошо, что он ищет его "изнутри", базируясь на самом мастерстве живописи. Лучшими его вещами на выставке можно признать масло "Дома окраин" и рисунки тушью "Сорок сороков" и "Говорящие камни"[9]. Сюжеты названных картин — пейзажи Москвы. Рисунки Земенкова с этой выставки были приобретены Третьяковской галереей.

В 20—30-е гг. Земенков работает в книжной и промышленной графике, выпускает несколько брошюр по прикладному использованию изобразительного искусства: "Графика в быту" (1930), "Оформление советских карнавалов и демонстраций" (1930), "Ударное искусство "Окон сатиры РОСТА" (1931), "Графическое оформление экономических фактов" (1931).

Однако Земенков не оставляет и станковую живопись. Многие его живописные работы, акварели, рисунки посвящены городским мотивам, основанным на московских впечатлениях. К изображению городского пейзажа он подходит с эстетической, живописной точки зрения, что отражают и названия работ: "Мрачный дом", "Голубой особняк", "Керосиновая лавка", "Булочная", "Тупик", "Огни города", "Уличные фонари", "Дом с колоннами", "Новая Москва". Но к концу 20-х гг. чисто живописный и эстетический подход к изображению Москвы перестает удовлетворять Земенкова, он хочет не только видеть, но и знать, что могут поведать любознательному уму изображаемые им дома. Это желание и привело его в "Старую Москву".

Собственно говоря, к П. Н. Миллеру Земенков пришел с уже созревшим намерением соединить в своей работе обе интересовавшие его области: изобразительное искусство и литературу, но вряд ли он предполагал, что это соединение в результате приведет его к новой специальности — к москвоведению.

В 30-е гг. все краеведческие организации и структуры подверглись разгрому, прекратила свое существование

и "Старая Москва". Некоторые краеведы были репрессированы. Москвоведение стало занятием одиночек, в котором каждый шел своим путем.

Своим путем шел и Земенков, основываясь на опыте художника и осваивая методы и принципы исторического исследования.

От зарисовки сохранившихся памятных литературных домов Москвы Земенков переходит к воссозданию по документальным данным того их облика (за годы вид дома неминуемо изменялся), какой они имели, когда в них жил или бывал тот или иной писатель. Затем он делает следующий шаг: воссоздает утраченные памятные здания. Перед Земенковым был пример А. М. Васнецова, но он не мог воспользоваться его методикой, потому что изображение древней и новой Москвы требовало принципиально различного подхода. Москва конца XVIII — начала XX в. оставила неизмеримо больше документальных свидетельств, чем предыдущие столетия, и здесь воссоздание требовало точной документальной основы, не типологии, а индивидуального портрета. Земенков стал исследователем-историком с тем отличием от историка, что результаты своих исследований оформлял не в статье и книге, а в картине. (Впрочем, в начале 40-х гг. он начинает писать и статьи.)

В 1941 г., перед войной, выставка акварелей Земенкова "Литературные Петербург и Москва" с большим успехом демонстрировалась в Москве и Ленинграде.

Зимой 1941/42 г. Земенков делает серию рисунков "Москва в ноябре — декабре 1941 года", рисует плакаты "Окна ТАСС". В военные годы историко-краеведческая тема приобретает особую актуальность, все касающееся истории отечественной культуры вызывает широкий интерес. Земенков выступает с лекциями, водит экскурсии по Москве и Подмосковью.

В 1942 г. он написал статью "По литературной Москве, пострадавшей от фашистских бомб". Не знаю, была ли она опубликована (ее рукопись имеется в Музее истории Москвы), но помню, что с лекцией на эту тему он тогда выступал в городском Доме пионеров на заседании исторического кружка. Эта статья замечательна тем, что в ней говорится о целом ряде домов, связанных с жизнью и творчеством писателей, которые прежде редко или вообще не упоминались в работах москвоведов. Тогда же Земенков сформулировал свой принципиальный подход к изучению Москвы, к восприятию мемориального памятника. Он утверждал, что памятник нужно изучать в связи с судьбой людей, живших в нем, что они — человек и дом — в памяти потомков и, значит, в трудах исследователей-историков должны стать навек неразделимы. "Сколько замечательных домов в Москве! — пишет Земенков. — Какие удивительные повести писательских биографий могут нам рассказать эти тихие мезони-

ны арбатских переулков, дворовые крылечки деревянного Замоскворечья или шумные подъезды доходных домов Петровки и Дмитровки. Сколько наслоений эпох подчас на одной улице или в одном доме! Какая красноречивая геология человеческих дум, мечтаний, трудов! Как часто здесь творец и прототип его героя живут рядом, ходят друг к другу в гости, пьют чай и обсуждают последние европейские новости. Когда мы заходим в эти квартиры, поднимаемся по тем же лестницам, по которым проходили на прогулку, спешили в журналы или на дружеское свидание любимые наши авторы, мы как бы вступаем в самые тайники психологии их творчества, мы посещаем места, где зарождались те идеи и образы, которые формировали нашу юность, которые обогащали наше зрелое сознание мечтами, которые учили нас понимать и любить свою великую Родину..."[10]

В москвоведении да и в краеведении вообще с начала XX в. — времени первого периода возникновения широкого общественного интереса к краеведению — стихийно сложились два направления в подходе к историко-архитектурному памятнику: эстетическое и культурно-историческое. При первом обращалось внимание исключительно на архитектуру, и памятник оставался вне быта, вне людских судеб; при втором говорилось о деятельности выдающегося человека, исторических событиях и очень мало или почти ничего — о взаимосвязи и взаимозависимости деятельности этого человека с тем памятным местом — домом или местностью, где она развивалась. Б. С. Земенков ставил перед собой задачу связать историко-культурное краеведческое исследование с топографическим и тем самым углубить и обогатить его. Объектом его исследований стали места, связанные с литературным прошлым.

"Область обозрения литературных памятников — полнота восприятия их содержания, — пишет он в статье "Как смотреть литературные места" (не опубликована, находится в архиве Музея истории Москвы), — являются настолько обособленными, специфичными, своеобразными, что будет вполне правильным поставить вопрос о том, как же надо их смотреть.

Можно прожить несколько лет на территории такого памятника и в соседстве с ним, и однако содержание его окажется вами не воспринятым, "закрытым" для вас.

Будучи архитектурно грамотным человеком, можно без предварительного обследования осматривать какой-либо неизвестный вам памятник архитектуры. В отношении мемориального памятника такая поездка будет безрезультатной.

Чем это вызвано? Выражаясь фигурально, можно сказать, что главная особенность литературно-мемориального памятника заключается в том, что его содержание заключено не в самом памятнике, а как бы "стоит" за ним. Обычно

мемориальный памятник дорог нам не сам по себе, а в связи с событиями, в нем происходившими, в связи с проживанием в нем какого-либо замечательного представителя нашей истории или культуры. Именно это наполняет его содержание, создает его ценность. Нередко его архитектурные качества ничтожны. Вспомним дом, где жил Чехов в Истре, дом, связанный с темой "Трех сестер" там же, дом Шкулева (автора "Мы кузнецы...") в Люблине, даже усадьбу Чайковского в Клину. Если б взять их обособленно от их содержания — все они будут самыми заурядными постройками, каких в соседстве можно найти немало. Лишь события, с ними связанные, наполняют их тем содержанием, которое заставляет нас волноваться и благоговеть перед ними. И в этом плане мемориальный памятник является, может быть, наиболее портретно-человеческим, так как только через интимно-человеческие стороны мы можем понять и постичь его. Выбор данного дома свидетельствует или о личных вкусах данного лица, или о его экономике, что являлось отображением его творческих успехов; обстановка, характер дома свидетельствуют об условиях его труда; наконец, зная, что писалось, что творилось здесь, мы можем поставить перед собой задачу понять, как окружающее переосмысливалось писателем, найти следы обстановки и быта в его творчестве. Изучая данный мемориальный памятник, мы как бы входим в самую сердцевину писательского творчества, в творческую лабораторию"[11].

С 40-х гг. Земенков начинает публиковать статьи и заметки о литературных памятных местах Москвы и Подмосковья в газетах, преимущественно в "Вечерней Москве", и сборниках: очерки "Авдотьино" и "Чеховская Истра" в сборнике "Подмосковные" (М., 1946); очерк "По чеховским местам в Москве" в "Литературных экскурсиях по Москве" (М., 1948).

Большинство его очерков иллюстрированы его же рисунками. Кроме того, для Музея истории и реконструкции Москвы, для Литературного музея он выполняет рисунки-реставрации памятных зданий, связанных с именами писателей-классиков; эти рисунки публикуются в различных изданиях и продолжают перепечатываться до сих пор. Это "Московский университетский благородный пансион", "Покровское-Засекино, подмосковная усадьба А. И. Герцена, которую в 1843 г. посетил В. Г. Белинский", "Чистопрудный бульвар, 21. Дом, где у Н. Д. Телешова собирался кружок писателей "Среда", "Авдотьино. Каменные избы, построенные Новиковым для крестьян", "Истра. Здание бывшей приходской школы, где жил А. П. Чехов" и др.

Как правило, историко-литературные акварели Б. С. Земенкова объединяются в серии, раскрывающие одну какую-либо тему с разных сторон и в разных аспектах. Таковы серии его акварелей, изображающих чеховские места Моск-

вы и Подмосковья, памятные места, связанные с жизнью и творчеством В. Г. Белинского, Н. И. Новикова.

Но, пожалуй, наиболее полно любимая мысль Земенкова о том, что "творец и прототип его героя живут рядом", воплотилась в серии работ, посвященных Л. Н. Толстому. Эти акварели создавались в последние военные и первые послевоенные годы, когда из всех произведений великого писателя особенное внимание приковывал к себе роман "Война и мир".

Часть толстовской серии акварелей Б. С. Земенкова составляют рисунки московских зданий, где жил и работал Л. Н. Толстой, многие из них тогда еще стояли (некоторые сохранились и до настоящего времени) на московских улицах и даже не очень изменили свой облик. Эти акварели иллюстрировали биографическую линию исследования Земенковым жизни и творчества Л. Н. Толстого. Однако необходимо отметить, что художник обычно старается показать не только современный внешний вид дома, пусть даже и хорошо сохранившийся, но несколькими штрихами — фигурой прохожего в характерной для того времени одежде, деталью тогдашнего уличного пейзажа: фонарем, тумбой и т. п. — перенести этот дом и тем самым и зрителя в определенную эпоху.

Другая часть толстовской серии — это своеобразные иллюстрации к "Войне и миру": Москва, в которой разворачиваются эпизоды романа. В этих акварелях Земенков как бы вводит зрителя в творческую лабораторию писателя, он показывает московские здания, которые видел Л. Н. Толстой и которые пробуждали его творческую фантазию. В процессе работы художник неоднократно составлял списки-перечни предполагаемых сюжетов этой части толстовской серии. В архиве сохранился один из перечней (к сожалению, полного каталога историко-литературных акварелей Земенкова пока не составлено), в него включены десять сюжетов: "дом Ростовых" на Поварской; бывший дом Гагарина у Петровских ворот, в котором до 1812 г. помещался Английский клуб и где чествовали в 1806 г. Багратиона; дом Дениса Давыдова в Большом Знаменском переулке; дом и магазин Обер-Шальме в Глинищевском переулке; дом Толстого-Американца — одного из прототипов Долохова; церковь Вознесения на Гороховской, в которой Наташа Ростова впервые появляется перед светской Москвой после попытки ее похищения; дом Ф. П. Ростопчина на Большой Лубянке, где разыгралась трагическая сцена убийства Верещагина; церковь Николы Явленного на Арбате, возле которой Пьер Безухов предполагал убить Наполеона; дом на Девичьем поле, где стоял маршал Даву и происходил допрос Пьера Безухова. Заключает список пункт: "Загорск. Монастырская гостиница, где Наташа Ростова ухаживает за раненым Андреем Болконским. В этой же гостинице останавливался и сам

Л. Н. Толстой". Как видим, серия заключается очень важным для концепции Б. С. Земенкова эпизодом: автор встречается со своими героями под одной крышей. И мы, зрители, становимся свидетелями этой встречи.

Все большие исследовательские работы Земенкова начинались с яркого художественного впечатления, эмоционального потрясения, душевного переживания, а затем уже наступала пора скрупулезного книжного и архивного поиска. Давний творческий метод, провозглашенный Земенковым-экспрессионистом в 20-е гг., — "интуиция и мысль" — здесь получал новое фактическое наполнение.

Еще в предвоенные годы Земенков прикоснулся к теме "Чеховская Истра", его очерк под таким названием был напечатан в сборнике "Подмосковные" в 1946 г. В заметках "Воспоминания об Истре" (рукопись) он пишет: "Я в первый раз приехал в Истру. Луна освещала мне дорогу с вокзала. Легкий, летний ветер пробегал по улицам. Но почти так же мела метелица. Белые, как снег, хлопья кружились по всему городу. В воздухе плыл пряный аромат опадающих яблонь. После городской духоты и бензина, после душного поезда как же здесь легко дышалось. Я постучался и вошел в дом, где прожил потом четыре лета, уже на всю жизнь полюбившим Истру"[12].

Может быть, эта "любовь с первого взгляда" объясняется не только красотой городка, но и тем, что это были чеховские места, а Чехов для Земенкова был образцом человека; на одной из своих книг, подаренной начинающему литератору, он сделал такую знаменательную и выразительную надпись: "Живите, как Чехов, пишите, как Гоголь"[13].

Таким же заветным образом русской культуры был для него и замечательный просветитель XVIII в. Николай Иванович Новиков. Когда он вел экскурсию по Авдотьину, то его рассказ бывал так ярок, полон такими деталями, упоминание того или другого имени сопровождалось такими подробностями жизни этих людей и такими пристрастными характеристиками, что казалось, будто это не историк рассказывает о давно минувших временах, а современник вспоминает и вновь переживает события, участником и свидетелем которых он был.

Необходимость творческого, эмоционального элемента в литературном краеведении Земенков отмечает в составленном им и состоящем из пяти пунктов *"минимуме* необходимых данных" для успешного изучения и восприятия литературного памятника:

"1. Прежде всего, точные даты, когда жил здесь писатель, — это уже может дать нам чувство времени, эпохи.

2. Образ жизни, встречи — какие дружеские встречи происходили здесь.

3. Факты творческой биографии — что писалось и при каких обстоятельствах здесь.

4. Отсюда вытекает и 4-й пункт: отразилось ли данное место в его творчестве и как, были ли как материал использованы и как использованы соседствующие места.

5. В какой мере данное состояние памятника соответствует времени проживания здесь писателя. <...> Нам придется проделать некоторую реставрационную работу. Что же делать — восприятие литературных мест есть работа творческая. В этом ее большая трудность, но и большая увлекательность. Каждый мемориальный памятник есть книга большого красноречия. Не всегда легко раскрыть ее страницы. Но результаты сторицей окупят наши труды. Нередко любимые наши произведения или жизнь автора мы как бы заново прочтем через памятник"[14].

В 1949 г. Главное управление культуры Моссовета начинает работу по выявлению памятных мест Москвы для постановки их на государственную охрану. Земенкова в числе других москвоведов привлекают к этой работе. Он берет на себя объекты, связанные с жизнью деятелей культуры. Десять лет спустя в предисловии к книге "Памятные места Москвы" (1959) он рассказал о методике своей работы.

"Настоящая книга, — пишет Земенков, — <...> не ставит задачей дать историю развития науки, литературы и искусства Москвы, не претендует на исчерпывающий обзор памятных мест города. Назначение книги — сугубо *градоведческое*. В ней впервые сделана попытка кратко обобщить и систематизировать имеющиеся сведения по "культурной топографии" столицы. Эти сведения значительно дополнены личными изысканиями автора, который в течение многих лет составлял картотеку памятных мест Москвы. Многие из них определены по мемуарной и эпистолярной литературе, некоторые — по адрес-календарям г. Москвы, выходившим с перерывами с середины 1820-х годов, и по спискам домовладельцев за соответствующие годы. В ряде случаев автору удалось выявить необходимые адреса, лишь привлекая побочные источники. Так, например, существенные данные о художниках содержатся в каталогах передвижных выставок. Некоторые адреса артистов (П. С. Мочалова, Е. С. Семеновой, А. П. Глушковского) и композиторов (С. А. Дегтярева, Д. Н. Кашина, А. Е. Варламова, Г. Берлиоза) были найдены в газетных объявлениях о бенефисах и авторских концертах, билеты на которые можно было получать дома у исполнителей. Ввиду того что в книге описывается большое число памятников, автор смог лишь частично установить по архивным данным степень их сохранности и в ряде случаев ограничился только осмотром их на месте"[15].

Подобная работа необычайно трудоемка, за иными адресами, занявшими в книге одну строчку, стоят недели, месяцы и даже годы поиска: ведь указание может встретиться на странице старого журнала, в архиве или в рассказе

старожила, в предании. Библиотека, архив, бесконечные походы по улицам и дворам — вот рабочий кабинет Земенкова. Материал собирается исподволь и медленно, поэтому с начала поисков до того времени, когда можно сесть за книгу, проходили десятилетия. Его книги "Н. В. Гоголь в Москве" (1954) и "М. С. Щепкин в Москве" (1966) вобрали в себя подготовительные материалы еще довоенных лет.

Фундаментальное исследование Б. С. Земенкова "Гоголь в Москве" было издано под грифом "Труды Музея истории и реконструкции Москвы". С Музеем истории и реконструкции Москвы Земенков был тесно связан в течение долгих лет, он был членом ученого совета музея, работал в его фондах, выступал на заседаниях с докладами и сообщениями, работники музея пользовались его консультациями. Многочисленные вечера, посвященные различным вопросам истории Москвы, юбилейным и памятным датам, устраиваемые Музеем истории и реконструкции Москвы в 1940—1950-е гг. и проходившие в центральном зале экспозиции под сенью большого гипсового бюста Юрия Долгорукого, невозможно представить без Земенкова. Поистине энциклопедические познания в различных областях и эпохах истории Москвы позволяли ему вести интересный и квалифицированный разговор на любую тему.

Сейчас в фондах Музея истории Москвы хранятся картины, акварели и рисунки Б. С. Земенкова и часть его литературного архива.

Уже упомянутая книга Земенкова "Памятные места Москвы" (1959) и в настоящее время является наиболее полным и авторитетным сводом сведений по московским адресам деятелей науки и культуры. Ее достоинства, научная ценность, богатство содержания были высоко оценены специалистами. Впрочем, Н. С. Ашукин тогда же отметил: "Можно только пожалеть, что связанный размером очерка автор, впервые установивший многие памятные места, вынужден быть чрезмерно кратким, давать слишком беглые характеристики упоминаемых им лиц, приводить очень краткие цитаты из мемуаров"[16].

Мемуары — живой рассказ эпохи о себе. Земенков усердно и самозабвенно собирал свидетельства современников по книгам, журналам, газетам, открывая порой настоящие жемчужины мемуаристики. "Его большая фигура в зеленоватом пальто с воротником шалью, в серой кепке с изломанным козырьком, — вспоминает Е. Г. Киселева, — появлялась непременно с авоськой в руках, наполненной книгами. Они, как правило, были библиотечные. Те, кто знал Земенкова, рассказывают, что в авоське лежали в основном книжки журналов "Русского архива", "Исторического вестника", "Минувших дней", "Русской старины", "Русского вестника", "Красного архива" и "Литературного наследства"[17]. В 1962 г. в издательстве "Московский рабочий" вышел сос-

тавленный им сборник воспоминаний о Москве первой половины XIX в. "Очерки московской жизни". В него, как сообщает составитель в предисловии, наряду с общеизвестными очерками писателей-классиков К. Н. Батюшкова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. И. Герцена "включены также очерки и дополняющие их отрывки из мемуаров таких "забытых писателей", как П. Ф. Вистенгоф, Ф. А. Гиляров, Н. А. Мельгунов, А. П. Милюков, Н. Поляков и другие". Конечно, сборник далеко не исчерпал накопленного составителем материала, но его можно рассматривать как дополнение, как иллюстрацию к вынужденно сухим и кратким "Памятным местам Москвы".

Очень ценны примечания Земенкова к "Очеркам московской жизни", составленные с учетом особенностей мемуарного жанра.

Борис Сергеевич любил приводить один небольшой фрагмент из воспоминаний А. Я. Панаевой в качестве примера того, как москвовед должен работать с мемуарами. Панаева рассказывает о том, как она у Аксаковых в 1839 г. впервые встречается с Гоголем: "Собственный дом Аксаковых, кажется, был на Арбатской площади. Я помню хорошо, что против их дома стояли большие весы и валялись клоки сена на площади".

"До "я помню хорошо" — все неверно, потом — все правильно! — восклицал Земенков. — Аксаковы не имели в Москве собственного дома, никогда не жили на Арбатской площади, но в это время они жили на Смоленской-Сенной — отсюда и клоки сена. — А далее он объяснял психологическую особенность запоминания из собственного опыта: — Память о событии всегда ярче, чем память о месте, где оно было. Я пережил это на себе. Мне неоднократно приходилось бывать у Есенина в Богословском переулке.

Через двадцать лет после событий, уже работая над установлением литературных адресов Москвы, я пришел сюда, и оказалось, что мне легко воспроизвести отрывки бесед, их темы, даже интонации голоса, а вот в какой подъезд входил, на какой этаж поднялся, даже в какой корпус — все это мучительно трудно было вспомнить, хотя именно эту задачу я себе ставил"[18].

Особая ценность работ Земенкова заключается в том, что он в своих поисках обращался к памяти самого города, он разыскивал во дворах закрытые другими строениями дома, о которых когда-то было написано, что они не сохранились. Так им был определен дом в Рахмановском переулке, где жил юный Белинский, дома Щепкина в Голутвинских переулках. Иной раз интуиция опережала находку документа, но потом документы, как правило, подтверждали верность интуиции.

В Москве всегда бытовало много преданий. Великолепные знатоки московского быта П. А. Вяземский и М. А.

Дмитриев постоянно отмечали большое значение для истории Москвы преданий. Предания оживляли сведения документов и служили источником новых сведений.

Земенкова всегда привлекали предания. В статье 1942 г. он пишет о доме № 14 по Арбату, разрушенном бомбежкой, и рассказывает связанные с ним легенды: дом много лет пустовал, и местные жители "говорили, что это дом внезапно арестованного декабриста, секретно упрятанного в Петропавловскую крепость: вот дом и ждет до сих пор распоряжений"[19]. "Я однажды за одну фразу купил дереволюционный полулубочный путеводитель, — рассказывал он. — В нем сообщалось, что после отмены Екатериной строительства дворца в Царицыне Баженов пошел в парк и там повесился. С научной точки зрения это смешно, но если увидеть в этом своеобразное переосмысливание местным населением большой драмы художника, это приобретает совершенно другое значение"[20].

О своих находках Земенков часто рассказывал также в легендарном ключе. В. Г. Лидин вспоминает рассказ Земенкова об обнаруженной им старинной надмогильной плите: "А знаете, как я эту плиту обнаружил? — спросил Земенков, и тут же последовал пространный, полуфантастический рассказ, в котором фигурировал и некий старый солдат, помнивший еще Плевну, и буфетчик в какой-то закусочной, знавший об этой плите, но никому не говоривший о ней, и еще многие, вероятно тут же сочиненные неистовой фантазией Земенкова, но сочиненные со вкусом, со знанием бытовых подробностей далекого прошлого и бесспорно талантливо"[21]. Лидин пишет, что он не помнит, что это была за плита и где находится. Но плита любопытна и сама по себе. Отыскал ее Земенков на территории бывшего Заиконоспасского монастыря, вделанной в стену, в надписи на ней сообщалось, что она посвящена памяти философа (т. е. студента класса философии) Василия Выговского, убитого разбойниками в 1718 г. в расцвете сил. Поэтому в рассказ о поисках вплеталась и история бурсака, рассказываемая в духе приключений Хомы Брута из гоголевского "Вия".

Земенков был, что называется, человек компанейский, водил дружбу со многими, но все эти люди разных профессий и положений оказывались так или иначе причастными к москвоведению. Возможно, оправдывалась старинная поговорка "Рыбак рыбака видит издалека".

В 40—50-е гг. москвоведы постоянно виделись на различных официальных научных заседаниях, обсуждениях, но, по давней московской традиции, собирались и за домашним столом — за чашкой чаю, не чуждались, конечно, и рюмки водки, и начинались бесконечные московские разговоры, споры, как в герценовские времена. Кстати сказать, большинство тогдашних москвоведов чувствовали какую-то нежность к эпохе споров московских славянофилов и западников с ее

высокой интеллектуальностью дискуссий, со взаимоуважением спорщиков и с глубинным пониманием общности высокой цели их стремлений, о которой Герцен писал: "Да, мы были противниками... но очень странными... Мы... смотрели в разные стороны, в то время как *сердце билось одно*"[22].

Сколько мыслей, шуток, сведений из самых различных областей жизни можно было услышать и почерпнуть из бесед на этих дружеских вечеринках москвоведов, об этом можно только предполагать и догадываться, все это, увы! невосстановимо. Тем более дороги некоторые черточки, хоть в какой-то степени позволяющие представить атмосферу этих вечеров.

Собирались у Ашукина, Гейнике, гравера И. Н. Павлова, писателя В. Г. Лидина и других.

Александр Феоктистович Родин рассказывал об ужине, который устроил профессор Гейнике в честь 800-летия Москвы 4 апреля 1947 г. Было известно, что 800-летие будут отмечать правительственными мероприятиями, но о дате проведения торжеств официально не объявляли. Между тем наступило 4 апреля — дата первого летописного упоминания Москвы, в этот день 100 лет назад историк М. П. Погодин собрал у себя дома друзей, чтобы отметить 700-летие столицы, и 100 лет спустя на такое дружеское застолье тесным кружком собрались советские москвоведы. Присутствовал на нем и Земенков.

"Были тосты за процветание Москвы, — вспоминал А. Ф. Родин. — Вспомнили попутно, как проходил ужин у Погодина. Рассказывали анекдотические случаи из жизни Москвы. Кто-то рассказал о том, как было дано новое название Новопроектированному переулку на Старой Божедомке: на заседании Комиссии по переименованию улиц П. Н. Миллер, ученый секретарь комиссии "Старая Москва" при Историческом музее, предложил назвать переулок Тополевым, так как он был обсажен тополями, он сам это видел; так переулок и был назван. На место выезда не было, дело было зимой, но когда весной кто-то решил посмотреть эти тополя, то оказалось, что там растут не тополя, а липы. Пошутили, что у этого переулка оказалось подлинное "липовое" название.

Недоразумение было и с переименованием Останкина в Пушкинское. Решено было в 1937 г. наименовать именем А. С. Пушкина бывшее имение П. А. Вяземского Остафьево, где бывал Пушкин и где ему стоит памятник, но машинистка перепутала: она знала Останкино, а об Остафьеве не слышала. Так и переименовали Останкино. Но как-то само собой Останкино опять стало Останкином, без какого-либо постановления.

Так в шутках москвоведов и прошел этот юбилейный ужин в день 800-летия Москвы"[23].

Многие из тогдашних москвоведов сочиняли стихотворные экспромты. Вот какой экспромт произнес на одном из вечеров Ашукин в честь Ивана Николаевича Павлова:

Мальчишкой я, читая "Ниву",
Его гравюры уж видал,
И до сих пор дивлюсь я диву —
Он сотни га резцом вспахал.
От водки я слегка в изъяне,
Слова немного не тверды,
Так за здоровье дяди Вани
Ала-верды, ала-верды![24]

Шутка, юмор были просто необходимы, они да работа помогали Земенкову преодолевать жизненные невзгоды.

Жил Земенков скудно, в маленькой комнатушке коммунальной квартиры (он называл ее "каютой"). "Узкая и чуть удлиненная, с одним небольшим окном, — описывает ее Е. Г. Киселева. — К окну прижимался небольшой письменный стол. На нем — открытый книжный стеллаж, где стояли адрес-календари по Москве, сочинения Бестужева-Марлинского в двух томах и еще несколько изданий русских писателей первой половины XIX века. Основное место комнаты занимала широкая тахта. В углу стояли два книжных шкафа. В них было не много книг: главным образом романы о Москве или же опять романы старинные, вышедшие в Москве. В этих же шкафах лежала очень хорошая, составляемая Земенковым всю жизнь коллекция открыток по старой Москве, а также собрание пластинок русского и цыганского романса, исполняемых в старой Москве и особенно ею когда-то любимых. Он проигрывал их на граммофоне с трубой. В шкафах размещались и картотеки московских домов знаменитых деятелей культуры и науки и персоналий, с ними связанных... На шкафах, под самый потолок, лежало множество папок, наполненных бесценным материалом — собранными Земенковым на протяжении многих лет фактами из жизни Москвы и ее жителей за весь XIX век. Папки, книги, тома журналов, с ними Борис Сергеевич никогда не расставался. Он даже возил их с собой на дачу, которую снимал где-то в Абрамцеве..."[25]

Заработки у москвоведов, как известно, всегда были очень скромными, в течение многих лет Земенков ходил в одном и том же костюме, пальто. Наверняка у него бывали и трудные дни, и плохое настроение, но на людях он всегда был подтянут, элегантен, с неизменной бабочкой вместо галстука, его бритое лицо с крупными, запоминающимися чертами — лицо актера эпохи немого кино на амплуа благородного героя — энергичной мимикой, взмахами густых косматых бровей выражало заинтересованное внимание к собеседнику, подчеркивало эмоциональную страстность его рассказов. Рассказчик он был удивительный — неистощи-

мый, остроумный; люди, эпохи сплетались в его рассказе самым причудливым образом.

Работа составляла главное содержание его жизни. Он не обладал крепким здоровьем, у него было больное сердце, но от него веяло жизнерадостностью. Москву, ее историю, свое дело он любил так, что бывал просто счастлив, когда мог поделиться с кем-нибудь своими знаниями, находками. Многие вспоминают, что ему можно было позвонить за справкой в любое время ночи (он обычно работал ночами), и он тут же сообщал все, что по этому вопросу имелось в его обширной картотеке. Причем Земенков делился не только уже опубликованными данными, но и своими находками и догадками. Часто можно было услышать от него: "Я уверен, что это тот самый дом (следовало подробное описание, где он находится), но документальных подтверждений нет". Так, в частности, говорил он об одном из щепкинских домов за много лет до того, как нашел документальные подтверждения своей догадке.

Умер Борис Сергеевич 12 октября 1963 г. неожиданно, на даче в Абрамцеве: вышел на террасу покурить и — упал. Тогда он работал над книгой "М. С. Щепкин в Москве", вернее, дорабатывал рукопись по замечаниям редактора и рецензентов. Издана книга была три года спустя после его смерти, в 1966 г.

К сожалению, место его захоронения неизвестно. Его кончина была отмечена лишь извещением в "Вечерней Москве": "Издательство "Московский рабочий" и Музей истории и реконструкции Москвы с глубоким прискорбием извещают..." и коротким, даже без портрета, некрологом в "Литературной газете" "Памяти писателя и художника", написанном В. Г. Лидиным:

"Писатель и художник, редкое сочетание таланта изыскателя и отлично владеющего словом литератора, знаток Москвы, автор многих работ: "Гоголь в Москве", "Памятные места Москвы", "Чеховские места в Подмосковье" — всего не перечислишь, что было свойственно только что умершему Борису Сергеевичу Земенкову.

Невозможно представить себе бездеятельным этого неутомимого труженика, воссоздавшего по старинным чертежам внешний облик домов, которые не существуют ныне, но в которых бывали или жили в свое время Радищев, Пушкин, Грибоедов, Гоголь, Лермонтов, многие из декабристов. Работы Б. С. Земенкова украшают и Литературный музей, и Музей реконструкции Москвы, и ряд других музеев. Земенков был летописцем нашего литературного прошлого, тонким и умным исследователем и отличным литератором; он умел держать в руке и перо писателя, и кисть акварелиста.

Это был оригинальный, особенный человек, его живой, необычайно располагающий к себе образ никогда не забудешь".

Как-то в дарственной надписи на одной из своих книг Земенков написал: "Поправляйте и продолжайте". О поправках к нему мне не приходилось слышать, а продолжение — это работы москвоведов следующих поколений, особенно посвященные жившим и работавшим в Москве деятелям культуры, литературы и искусства, которые всегда опираются на труды Б. С. Земенкова.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Архив Музея истории Москвы, ф. Б. С. Земенкова, оп. 1 (далее Архив Музея истории Москвы), ед. хр. 55, л. 1—2.

[2] *Земенков Б.* Стеарин с проседью: Военные стихи экспрессиониста. (М.), 1920. С. 3.

[3] Там же. С. 4.

[4] Там же. С. 11.

[5] *Земенков Б.* Корыто умозаключений: (Экспрессионизм в живописи). М., 1920. С. 3.

[6] Там же. С. 8.

[7] Борьба за реализм в изобразительном искусстве 20-х годов. М., 1962. С. 116.

[8] *Земенков Б.* Стеарин с проседью. Титульный лист.

[9] *Федоров-Давыдов А.* Русское и советское искусство. М., 1975. С. 47.

[10] Архив Музея истории Москвы, ед. хр. 48, л. 26.

[11] Там же, ед. хр. 16, с. 1.

[12] Там же, ед. хр. 3, л. 2.

[13] Цит по: *Киселева Е.* Среди друзей и близких //В мире книг. 1980. № 2. С. 80.

[14] Архив Музея истории Москвы, ед. хр. 16, л. 1.

[15] *Земенков Б. С.* Памятные места Москвы. М., 1959. С. 4.

[16] Архив Музея истории Москвы, ед. хр. 33, л. 1.

[17] *Киселева Е.* Среди друзей и близких. С. 79.

[18] Архив Музея истории Москвы, ед. хр. 55, л. 8.

[19] Там же.

[20] Там же.

[21] *Лидин В. Г.* Люди и встречи. М., 1965. С. 196—197.

[22] *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 9. С. 170.

[23] *Родин А. Ф.* Из минувшего. М., 1965. С. 162—163.

[24] Архив Музея истории Москвы, неописанная часть фонда Б. С. Земенкова.

[25] *Киселева Е.* Среди друзей и близких. С. 80.

Список работ Б. С. Земенкова

Авдотьино. Чеховская Истра // Подмосковные. М., 1946. С. 7—22, 105—125.

По чеховским местам в Москве // Литературные экскурсии по Москве. М., 1948. С. 177—209.

В. Г. Белинский в Москве // Литературное наследство. М., 1951. Т. 57. С. 375—394.

Н. В. Гоголь в Москве // Труды Музея истории и реконструкции Москвы. Вып. 4. М., 1954.

Авдотьино. Виноградово. Черная Грязь. Большие Вяземы и др. (Всего 31 очерк, часть которых написана в соавторстве.) // Подмосковье: Экскурсии и туристские маршруты. (М.), 1956.

Памятные места Москвы: Страницы жизни деятелей науки и культуры. М., 1959.

Очерки московской жизни. М., 1962. (Предисловие, примечания, составление и подготовка текста.)

Глинка. Болдино. Спас-Коркодино. Авдотьино. Саввинское и др. (Всего 67 очерков.) // Подмосковье: Памятные места в истории русской культуры XIV—XIX веков. М., 1962.

М. С. Щепкин в Москве / Под ред. И. С. Романовского. М., 1966.

АВТОБИОГРАФИЯ

Ю. А. Федосюк

ПОЗНАНИЕ МОСКВЫ

Как записному москвоведу, мне не так легко признаться в том, что родился я вовсе не в Москве. Некоторым утешением служит запись в метрике, что постоянное место жительства родителей — Москва. Из холодной и голодной столицы зимой 1920 года мать поехала рожать меня под Клин, на Высоковскую мануфактуру, где я и увидел свет. Отец в то время служил в Красной Армии, мать опекали его сестры, жившие в поселке при мануфактуре (ныне город Высоковск), на которой работал умерший в 1916 году дед, давний выходец из Белоруссии.

А постоянным москвичом я стал в августе 1925 года, т.е. в возрасте пяти с половиной лет. Из Ленинграда отца — резинщика с дореволюционным стажем — снова перевели в Москву. Все дело в случае: не перевели бы отца, остался бы я в Ленинграде и никаким москвоведом не стал бы.

Импозантное, сугубо петербургского обличия здание Резинотреста на Маросейке памятно мне с детских лет. Отец рассказывал, как Маяковский приходил к ним со своими рекламными стихами. В верхних этажах Резинотреста располагались конторы, внизу находился обширный магазин, осаждаемый толпами жаждущих приобрести калоши — совершенно необходимую принадлежность всякого россиянина той поры. Сейчас калоши носят только на валенках, тогда их надевали на любую кожаную обувь, как только становилось сыро и холодно. В школьные годы мои калоши, обитые изнутри малиновой фланелью, украсились набивными латунными инициалами "ЮФ", которыми я очень гордился ("Как у взрослого!").

Мы поселились в самом дальнем, глубинном корпусе дома № 8 по Казарменному переулку. В гражданскую войну торец корпуса выгорел, его взялся восстановить Резинотрест. Проектировал молодой архитектор Рухлядев, позднее построивший здание Химкинского речного вокзала, похожее на эсминец.

Знакомство ребенка с окружающим миром совершается как бы концентрическими кругами. Сначала комната, потом

квартира, затем двор, ближние переулки, отмеченные магазинами. Все чаще становились дальние рейды: визиты к родственникам, знакомым, поездки в центр (разумеется, поначалу только со взрослыми) с его сказочным, зубчатым Кремлем, ничего сходного в Ленинграде не имевшим, и ломившимся не столько от публики, сколько от товаров "Мюром и Мерилизом", как тогда продолжали называть нынешний ЦУМ. Школьные экскурсии постепенно внушили мысль: Москва необозрима, это не один, а словно бы несколько городов. Зрела тайная детская мечта: выросту и проеду по всем трамвайным маршрутам от начала до конца и обратно, конечно, удобно усевшись у окна. Тогда, кроме трамвая и автобуса, никакого рейсового транспорта в городе не было. Вот уже стар, обладаю бесплатным билетом, а так данный себе в детстве завет и не осуществил.

Впрочем, и в ближних окрестностях дома ребенку открывалось многое, достойное внимательного созерцания. Вот новостройка: бородатые мужики тащат на "козе" кирпичи вверх по шатким мосткам. Другие сноровисто кладут обмазанные раствором кирпичи на уже выложенный ряд. Дом растет на глазах; на следующий день, глядишь, подрос на этаж... Прошла гроза; по обочинам тротуаров к решеткам водостоков мчатся потоки воды, несущие с собой разную занятную мелочь: щепки, листья, спичечные коробки, окурки, бумажные обертки. После дождя обнаруживается, что булыжники мостовой вовсе не одинаковые серые, а разноцветные, образуют пестрый ковер. Зимой дворники растапливают сметенный снег в больших котлах, подогреваемых дровами. А лошади? Грустные московские коняги-труженики с замысловатой сбруей; гривой, хвостом, дрожанием всего туловища они отмахиваются от назойливых мух, а при долгой стоянке нетерпеливо стучат копытами.

Взрослые все чаще вызывали досаду: почему все это для них как бы не существует, куда они вечно спешат, не желая замечать окружающих московских чудес? Тянут за руку: "Ты на все глазеешь, так мы никогда не дойдем". А как не досмотреть погоню собаки за кошкой, возню воробьиной стаи на куче конского навоза?

Цепкая детская память! Как много помогла она запечатлеть картинок безвозвратно исчезнувшей старой Москвы!

Двор

Сейчас понятие "двор", особенно для новых районов Москвы, стерлось, почти утратилось. В моем детстве двор служил важным средоточием социального бытия, прежде всего — общения детей. Коллективные детские игры насчитывались десятками, играли летом с утра до вечера. Боль-

шинство общеизвестных тогда игр, вроде чижика, лапты, горелок, казаков-разбойников, современным детям уже неведомы. Забыт и дворовый фольклор — различные присказки, прибаутки, дразнилки, произносимые "по случаю", обычно хором. Полил дождь, и дети сразу декламируют нечто древнее:

Дождик, дождик, перестань,
Мы поедем на Рязань
Богу помолиться,
Христу поклониться.

Показался в небе редкий тогда самолет, в ту пору именовавшийся аэропланом, и ребята скандируют немудреный стишок:

Ероплан, ероплан,
Посади меня в карман,
Из кармана упаду,
Всю головку расшибу.

Кроме групповых игр бытовали и индивидуальные развлечения. Катались на самодельных двухколесных самокатах; гоняли кольца — бегали с тонким обрезком металлической трубы, удерживаемой вертикально и направляемой с помощью твердой, изогнутой книзу проволоки.

Ежедневно во двор наведывались бродячие мастеровые и торговцы. В те времена сервис не ждал к себе клиентов, не томил их очередями и выпиской квитанций, а сам являлся к потребителю. То и дело во дворе раздавались крики:

— Паять, лудить, посуду чинить!

Или, всегда на один мотив, кто бы ни приходил:

— То-очить ножи-ножницы!

Бородатый дядька, нажимая ногой на деревянную педаль точильного станка, быстро оттачивал принесенный хозяйками домашний инструмент. Мы, дети, завороженно глядели на брызги искр, испускаемые оселком, которые напоминали нам рождественские "бенгальские огни".

Примерно раз в неделю под окнами раздавалось заунывное "Старье берем! Старье берем!". Татары-старьевщики в тюбетейках и длинных выцветших халатах ходили по зазыву из окон по квартирам покупать поношенную одежду.

Праздником было появление мороженщика с его ящиком на колесиках. Пришельца окружали раскрасневшиеся, взволнованные дети. Мороженщик в белом переднике, но с немытыми руками быстро укладывал в ручную форму круглую вафельку, намазывал поверх нее сладкую холодную массу, накрывал другой вафелькой, нажимал на донышко рукоятки, и вот волшебная, желанная сласть в твоих руках. На вафельках отпечатаны разные имена в уменьшительной форме: Ваня, Маша, Петя, Люба. Какую радость вызывала вафелька с твоим именем!

Только году в 1933-м в Москве появилось фабричное мороженое — эскимо, быстро вытеснившее кустарное. Я впервые отведал его на Чистых прудах; первоначально оно называлось эскимо-пай, но непонятное "пай" вскоре отпало.

Изредка под окнами появлялся дуэт: лысый мужчина в мешковатом потертом костюме с галстуком-бабочкой на несвежем воротничке и не первой молодости дама в облезлой горжетке. Лысый бренчал на гитаре, а дама пела хриплым, надорванным контральто "Разлуку" или "Пару гнедых". По окончании мини-концерта из окон к ногам артистов падал гонорар — монеты, завернутые в бумажки. Мужчина быстро подбирал их и картинно раскланивался перед публикой.

А то приходил во двор седой, небритый шарманщик. На его потертом музыкальном ящике сидел вылинявший попугай. Старик крутил рукоятку шарманки, издававшей неясные мяукающие звуки — жалкие остатки стершегося мотива. Однако слушали эту музыку с большим вниманием не только дети, но и взрослые. За музыкальной частью следовало нечто вроде беспроигрышной лотереи. Девицы совали старику не то пятак, не то гривенник. В награду попугай вытаскивал из ящичка клювом пакетик с ничтожным сувениром: дешевой расческой, копеечной переводной картинкой, крохотным зеркальцем.

Только раз наблюдал я в нашем дворе бродячий кукольный театр. Народу собралось видимо-невидимо, и взрослые и дети. Занавес в пестро расписанной ширме раздвинулся, и появился носатый, развеселый Петрушка. Поводя носом вправо и влево, как бы обозревая публику, он зычным дискантом самодовольно провозглашал:

Ого, сколько народу!
Я вхожу в моду.

Далее Петрушка дергал за усы и бил дубиной городового, пришедшего его схватить. Публика восторженно хохотала.

Редко-редко в наш двор заезжал автомобиль, обычно таксомотор, по-нынешнему такси. Мгновенно вокруг машины собирались десятки ребят, гам стоял невообразимый. Блистающий лаком экипаж подвергался тщательному и восторженному осмотру, а когда отворачивался шофер — хмурый мужчина в шлеме со стеклами и в крагах, — благоговейному ощупыванию. Наиболее наглые и ловкие исхитрялись нажать на резиновую грушу-клаксон. За отъезжающей машиной многие бросались вслед, пытаясь зацепиться на задке, где было укреплено запасное колесо. Это редко кому удавалось. Как дивное видение, автомобиль скрывался за воротами, оставляя после себя быстро рассеивающийся вонючий дым и долго не исчезающие впечатления.

Москва моего детства выглядела бедной, обшарпанной, провинциальной. Весь архитектурный антураж мало изменился с 1914 года. Здания, уже 10—15 лет не видавшие ремонта, даже "поддерживающего", ветшали. Кое-где на окраинах строились жилмассивы для рабочих, в старой части города — единичные кооперативные жилища для специалистов и новые здания для учреждений. Все это выполнялось в сухих геометрических формах: конструктивизм был объявлен ведущим архитектурным стилем социалистической эпохи.

Не только переулки, но и крупные улицы вроде Покровки, Маросейки, Солянки были замощены булыжником. Это рождало своеобразный звуковой фон — грохот телег на металлических шинах слышался издалека. Возле нарядных особняков, превращенных в посольства и торгпредства, колесный шум неожиданно затихал: некогда богачи-домовладельцы за свой счет залили прилегающую мостовую асфальтом. Выезжая на такой асфальтовый островок, гулкая телега делалась почти бесшумной, зато особенно четко слышалось цоканье конских подков.

На тихих улицах и в переулках тротуары были не асфальтовые, а из известняковых плит. Со временем плиты прогибались в различные стороны, раскалывались. Зазоры между булыжниками и щели между тротуарными плитами летом зарастали мятликом и подорожником — идиллическая картина полузеленого уличного покрова.

Постепенно все тротуары покрылись асфальтом, улицы — тоже асфальтом и реже брусчаткой. Процесс этот закончился уже в послевоенное десятилетие.

Транспорт был по преимуществу конный, как легковой, так и грузовой. Извозчичьи пролетки, по современным понятиям, показались бы экипажем весьма неудобным. На сиденье умещались два пассажира, дети обычно сидели на коленях у взрослых или устраивались в ногах. Такса отсутствовала, цена за проезд устанавливалась "по соглашению", после некоторого торга. Несмотря на рессоры и резиновые шины "дутики", езда по булыжным мостовым была тряской и беспокойной. Другое дело зимой, когда колесная пролетка заменялась низкими и глубокими санками. Извозчик накрывал ездоков толстой меховой или ватной полстью. Лошадка рысью неслась по улицам, густо засыпанным снегом, словно то была не Москва, а какой-нибудь пригородный поселок. На крутых поворотах аж дух захватывало. Незабываемое сквозь толщу десятилетий блаженство, в какой-то мере делающее понятной столь известную по русской литературе и искусству "ямщицкую романтику".

А старая Москва исчезала на глазах. Мне еще удалось повидать воочию Красные ворота, где особенно привлекала венчающая фигура золоченого ангела; побывать в Сухаревой

башне, где притягивала экспозиция Коммунального музея. Если о сносе Охотного ряда, кажется, никто не скорбел, то Сухареву башню оплакивали едва ли не все — таким она была выразительным и неповторимым сооружением.

Менялось уличное освещение. В 1920-е годы оно еще оставалось газовым. Фонарями служили невысокие чугунные столбы с граненым стеклянным верхом, внутри которого помещалась горелка. К вечеру на улицах появлялся фонарщик, вооруженный длинной крюковатой палкой. Концом ее он проворно открывал краны горелок, и улица постепенно озарялась мутно-желтым светом. Никакого кремня или огня у фонарщика не было; как же зажигался фонарь? Нескоро я узнал, что фонарщик только расширял своим крюком отверстие горелки, незаметно светящейся и днем, с минимальным расходом газа. Такой способ был признан практичней, чем зажигание и гашение каждой горелки. К 1932 году газовые светильники сменились электрическими — подвесными или укрепленными на высоких мачтах.

Редкие такси были сплошь иностранных марок: маленький итальянский "фиат", остроносый австрийский "штайр", тапирообразный, со срезанным радиатором французский "рено". Вместо зеленого огонька служили оттибаемые шофером металлические планки с надписью "Свободен". В 1930-х годах появились отечественные ГАЗы и "эмки". К началу войны они полностью вытеснили не только такси иностранных марок, но и извозчиков.

Событием в Москве стал пуск в 1933 году по улице Горького троллейбуса. Я тут же совершил бесцельную ознакомительную поездку. По сравнению с автобусом и трамваем новинка показалась чудом техники. Троллейбус двигался почти бесшумно, он отличался комфортом, хромированными поручнями и удобными сиденьями.

Незабываемым праздником для Москвы стало открытие первой линии метрополитена. Незадолго до официального открытия совершались пробные поездки, уже с пассажирами, которым месткомы выдавали специальные пропуска. Отец и мне раздобыл такой пропуск. С трепетом вошел я в вестибюль станции "Кировская". Кругом толпились такие же счастливцы. С волнением, мешавшим восприятию, я спустился по длинному эскалатору в подземный вестибюль, вошел в вагон мягко подкатившегося голубого поезда. Вагон был битком забит. Нечего и говорить, что поездка была чисто аттракционная. Многие выходили на каждой станции, завороженно обозревали ее, щупали облицовку. Особенно восхищали две технические новинки: эскалаторы и пневматические двери. То и другое до того было неведомо стране. Вся Москва спорила, какая станция наиболее красивая. Предпочтение отдавалось двум: "Комсомольской" (радиальной) и "Дворцу Советов" (ныне "Кропоткинская").

Мой интерес к Москве сильно возрос после опубликования в 1935 году постановления "О Генеральном плане реконструкции Москвы". В школе нас воспитывали так: нечего жалеть о старой, грязной и убогой купеческой Москве, все хорошее — в недалеком будущем, когда она станет столицей мира, передовым социалистическим городом. Все новое, грандиозное и фантастическое привлекает молодежь. Нечего греха таить, я тоже поддался опьянению, хотя и не очень верилось в столь скорую и полную реализацию генплана, вскоре названного "сталинским".

Многое в генплане было разумным и полезным, но в целом он страдал утопизмом и гигантоманией. Центром Москвы должен был стать 420-метровый Дворец Советов. Взрослые были настроены скептически: превращение гигантского здания в постамент статуе казалось бессмысленным, к тому же знатоки утверждали, что сама статуя большее время года была бы окутана туманом и облаками. Тем не менее рисунок Дворца Советов, напоминающего серию уменьшающихся в диаметре шестеренок, поставленных одна на другую, пропагандировался непрерывно и настойчиво и даже стал новым неофициальным гербом Москвы.

Однако план постепенно осуществлялся. Берега Москвы-реки и Яузы оделись гранитом. Появились новые широкие мосты, из которых особо полюбился красавец Крымский. Водопровод и газ охватывали все новые и новые районы. Узкая и кривая Тверская превратилась в достойный столицы парадный проспект. Заново застраивались целые магистрали. Перемены к лучшему казались бесспорными. Все это радовало москвичей, вселяло надежды.

Ветры и шквалы истории

Бурные политические события того времени конечно же не могли пройти мимо нашего дома и двора. Сколько-нибудь глубоко осмыслить их мы, дети, разумеется, не умели, но воспринимали достаточно остро.

Двор все еще жил памятью о недавно закончившейся гражданской войне. Самым ругательным словом в лексиконе жителей было "буржуй". Все атрибуты старого, отмершего строя подвергались решительному осуждению. Жили бедно, едва ли не голодно, но любой достаток ставился в укор, вызывал неприязнь.

Мой отец, совслужащий среднего ранга, носил скромный костюм-тройку, непременно с галстуком, узким, в поперечную разноцветную полоску, с крохотным узлом. Такие галстуки насмешливо назывались селедками. Отцовский галстук всерьез отравлял мои детские годы. В ту пору любой галстук, кроме красного, пионерского, считался признаком зажиточности и буржуазности. За ношение этого старорежимного украшения парней — как и девиц за употребление

косметики — безжалостно исключали из комсомола. Дворовая ребятня изводила меня: "Твой отец — буржуй". Каждый раз, когда отец возвращался с работы, я, гуляя во дворе, внутренне сжимался, ощущая ядовитые взгляды дворовых товарищей. Как хотелось мне упросить отца не носить проклятый этот галстук! Но о такой просьбе и помыслить было нельзя. А однажды за новый костюм, не совсем пролетарский по покрою, дворовые приятели приклеили мне обидную кличку "барчук".

До начала коллективизации многие ребята нашего двора, дети рабочих, на лето уезжали к бабушкам и дедушкам в деревню. Большинство же на все лето оставалось в городе: пионерские лагеря в 1920 — начале 1930-х годов были редкостью. Мы же, презренные интеллигенты, не только не имели собственной дачи, но и не снимали таковую. С коллективизацией все меньше рабочих детей нашего двора уезжали в деревню — не до них там было. Напротив, во дворе стали появляться ребята из деревни, которых сельские родители подбрасывали на прокорм городским родственникам. Одного такого деревенского гостя, одетого в страшные лохмотья и вечно босого, мы, городские, без всякой злой мысли прозвали Колхозником.

С началом первой пятилетки и введением карточной системы жить стало заметно труднее. Но совсем уж плохо пришлось "лишенцам" — представителям "враждебных" классов. Им карточки не выдали, по существу обрекая на голодную смерть. Я долго думал, что "лишенец" — оттого, что лишен карточек, на самом же деле им становился тот, кто был лишен избирательных прав — бывший капиталист или помещик, недавний нэпман, любой служитель культа. Во дворе вывесили "черный список" "лишенцев" нашего дома. Этих людей как бы объявили вне закона.

Однажды, идя в магазин, я увидел у ворот, рядом с булочной, интеллигентного вида женщину с грудным ребенком и девочкой постарше. Она просила подаяния, объясняя, что им не дали карточек: муж служил в белой армии. Женщины ей сочувствовали, клали в сумку довески пайкового хлеба.

В 1928 году развернулась неистовая антирелигиозная кампания. Прежде всего замолк чарующий своей музыкой колокольный звон. Затем закрывались и разрушались церкви. Апогеем был взрыв в 1931 году храма Христа Спасителя, в котором мне однажды посчастливилось побывать. Храм поразил меня объемом, пышностью, а главное, высотой; чтобы увидеть подкупольное изображение Саваофа, надо было до боли в шее закидывать голову. Особенно запомнилось, что в главное пространство храма была встроена белая церковь поменьше. Уничтожение храма было преподнесено пропагандой как "сокрушающий удар по поповскому мракобесию". На его месте должен был быть воздвигнут Дворец Советов. Газетчики изощрялись в остроумии; под

фотографией обломков помещалась надпись: "Был храм Христа Спасителя, стал хлам Христа Спасителя".

Более, чем о храме Христа, скорбел я о ближней к нам церкви Успения на Покровке, где бывал и внутри и мимо которой часто ходил в отцовский "закрытый распределитель" в Большом Златоустинском переулке. Чем-то она напоминала уцелевшую церковь Троицы в Никитниках, но та как-то сжата, как цветы в букете, Успение же раскидывалось пышным кустом.

Слишком раскидывалось: южная сторона храма выпирала на улицу (галерея служила крытым тротуаром), что послужило поводом снести ее вовсе, как мешавшую движению. Разбирали красавицу церковь на моих глазах: сначала купола́, затем ярус за ярусом, наконец, мощное основание. Это походило на медленную, мучительную казнь четвертованием. На ее месте разбили чахлый сквер с убогой "забегаловкой".

Летом 1933 года в переулках, прилегающих к Курскому вокзалу, появились сбежавшие от голода украинские крестьяне, каким-то образом просочившиеся сквозь плотные кордоны. Рваные и истощенные, они стояли возле домов, стучались в квартиры, прося подаяния, главным образом хлеба. Их ходило не так много, но впечатление от их вида и горестных рассказов было угнетающим. Подавали щедро. Однако очень быстро беженцы исчезли с улиц, их куда-то срочно "убрали", чтобы не портили вида столицы.

В начале 1935 года продовольственные карточки отменили, и, как провозгласил Сталин, "жить стало лучше, жить стало веселее". Действительно, вплоть до финской войны продукты в Москве были в достатке, на месте "торгсинов" открылись богатые магазины — гастрономы и бакалея, повсюду возникли молочные кафе и всякого рода закусочные, где можно было вкусно и недорого перекусить. Однако Москву, как и всю страну, подстерегала новая беда.

Начался разгул арестов. Если в прошлые годы арестовывали и высылали преимущественно "бывших", то на сей раз террор коснулся прежде всего ответственных работников, в первую очередь коммунистов. Помню 1937 год. Чуть не каждый день отец, возвращаясь с работы, встревоженно сообщал об "исчезновении" того или иного сотрудника. Ложась спать, никто в семье не был уверен, что спокойно проснется утром в своей постели. Трепетал и я: мне было 17 лет, но брали и более молодых. Мы жили на втором этаже: в час или два ночи во дворе раздавался шум автомашины, и потолок над моей кроватью озарялся отблеском фар. Вскоре по лестнице раздавался гулкий стук сапог. Вот шарканье на площадке — поравнялись с нашей квартирой. Пронесет или не пронесет? Звонок в дверь означал бы крутую ломку судьбы всей семьи, кого бы ни забрали. Сердце колотилось до боли... Слава Богу, пронесло, пошли выше. На-

утро соседи испуганно шептались: "Увели такого-то"; "Были с обыском у таких-то". Нас миновало.

К финской войне аресты прекратились, но потери оказались огромными. Сильно осложнилось и продовольственное положение, хотя карточек вводить не стали. "Большая война" казалась неизбежной, никто не сомневался, что европейский пожар не обойдет нас стороной. Но жили сегодняшним днем, не задумываясь о завтрашнем. Как все неизбежное и неотвратимое, как сама смерть, приход войны потряс всех своей внезапностью. Огромный наш дом стали потрясать ближние бомбежки, стены озарились отблесками осветительных ракет. В нашей квартире находили убежище соседи с верхних этажей. Никто не думал, что через четыре месяца враг окажется у самого порога Москвы.

Перемены в быту

Технический прогресс стремительно менял быт москвичей. Вскоре после нашего вселения в квартиру нам установили телефон. Аппарат был настенный, сейчас таких и не ставят. Никакого диска. Поднимаешь трубку и ждешь. Наконец женский голос произносит: "Станция". Называешь нужный номер. Голос повторяет его, перепроверяет. Отвечаешь "да". Потом слышится шорох, после чего тот же женский голос объявляет: "Занято" или: "Готово". В последнее время телефонистки вместо "готово" стали говорить "даю" — экономился один слог.

Телефонные коммутаторщицы именовались старорежимным словом "барышня". Были они весьма воспитанны и выдержанны, но иногда теряли спокойствие. Если вы часто звонили и слышали "занято", попадая на одну и ту же "барышню", она разражалась упреками: "Переждите немного, нельзя же каждую секунду звонить".

Году в 1930-м наш аппарат заменили другим — автоматическим, с наборным диском, но тоже настенным. Некоторое время автоматические и старые телефоны сосуществовали, перестройка всей сети не могла произойти мгновенно. Чтобы вызвать с простого аппарата абонента автоматического, телефонистке просто назывался его номер, предваряемый буквой, обозначающей районную АТС. Дабы телефонистка не ослышалась, предпочитали называть не букву, а станцию: Е — Бауманская, Г — Арбатская, Д — Миусская и т. п.

Поначалу с автоматического аппарата надо было набирать сначала букву — шифр станции, обозначенный на диске, затем уже пятизначный номер. В 1968 году ввели семизначные номера, сплошь цифровые.

...Однажды отец принес маленький деревянный ящик. Сверху он был оснащен всякими мелкими устройствами.

Главным служила крохотная спиралька, управляемая ручкой. Другим концом спиралька соприкасалась с полупрозрачным кристаллом. Механика управления аппаратом была и проста и сложна. Следовало поймать на кристалле точку, куда проникали радиоволны. Хитрый прибор назывался детектором.

Усилителя на приемнике не было, звук еле-еле слышался через наушники. Иногда волна пропадала, и мучительные поиски ее начинались снова. Потели ушные раковины, подчас удары пульса в ушах заглушали самую радиопередачу. Тем не менее и взрослые и дети жадно вырывали друг у друга волшебные наушники.

Вскоре появились отечественные ламповые радиоприемники, но у нас такого не было. Зато не то в 1930-м, не то в 1931 году на буфете была водружена черная картонная воронка в железном ободке, закрепленная на шарнирной стойке. Звук исходил из центра диска, откуда торчала тоненькая иголочка. Тут все было гораздо проще, чем в детекторе, — вставляешь вилку в штепсель и регулируешь громкость. Никакой настройки не требовалось; правда, работала лишь одна станция, оповещавшая о себе так: "Внимание, говорит Москва". Зато слушали передачу сразу все: недаром аппарат поначалу назывался громкоговорителем.

...Немота казалась исконно и навеки присущей кинематографу. Один из московских кинотеатров даже именовался "Великий немой". "Зрительный ряд" перемежался титрами. Вводные тексты вроде "А в это время..." или "Прошло два года...", а также реплики персонажей снимались на специальные кадры. Учитывая малограмотность многих зрителей, титры показывались на экране утомительно долго. В это время по залу проносился громкий шепот: малограмотные читали титры по складам, грамотные произносили их вполголоса неграмотным спутникам. Немые фильмы непременно шли с музыкальным сопровождением. Перед экраном стоял расстроенный рояль, на котором "музыкальный иллюстратор", иначе тапер, разыгрывал некое попурри из мелодий, каждая из коих соответствовала показываемому эпизоду.

Но вот в СССР пришла эпоха звукового кино. С волнением пошел я смотреть первый "тонфильм". То был киноконцерт, "сборная кинопрограмма", преследующая целью показать широкому зрителю возможности нового вида киноискусства.

Все было, как в обычном фильме, но... сопровождалось звуком! Впечатление было такое, как если бы в Третьяковской галерее вдруг зазвучали знакомые картины: репинские бурлаки запели бы "Дубинушку", заголосили бы саврасовские грачи, стали бы слышимо переговариваться перовские "Охотники на привале".

А тут прямо с экрана что-то читал вслух Качалов, любимый всеми Иван Козловский спел "Спи, моя радость, усни", исполнил песню народный хор. Нет, не просто шеве-

лили губами, а заговорили, запели, как бы ожив и обретя голос.

"Ето сзади небось граммофон поставили, всего и делов, — утверждали скептики. — Народ-то дурак, долго ли обмануть".

Однако очень скоро в могуществе и незаменимости новой техники убедились даже самые упорные маловеры. Более того, немые фильмы в какие-нибудь два-три года сошли с экрана. Кино, лишенное звука, стало восприниматься как нечто архаичное, малоценное. Звуковая техника привела и к качественным сдвигам кино. В предвоенное десятилетие появилось немало звуковых фильмов, ставших киноклассикой. В полную силу с экрана зазвучала не только человеческая речь, но и музыка. Звуковое кино решительно способствовало расцвету массовой песни. Почти каждый фильм имел свой "шлягер", который специально, часто в виде вставного номера, пели герой или героиня. Фильм уходил с экрана, подчас забывался, но "шлягер" продолжал жить в многомиллионных устах масс.

Вообще же едва ли не каждый новый звуковой фильм в те годы становился общественным событием. В духовном становлении моего поколения кино сыграло исключительную роль. Героям старались подражать, их реплики входили в обиход, песни — в быт. Помню премьеру "Веселых ребят" Г. Александрова. Я вышел из кинотеатра "Ударник", ног под собой не чуя, в каком-то упоении. Песни из этой кинокомедии вскоре запела вся страна.

Наибольшее впечатление на меня и моих сверстников произвели фильмы "Чапаев", "Юность Максима", "Петр Первый", "Гроза", "Мы из Кронштадта", "Гобсек", "Бесприданница", "Иудушка Головлев", "Дети капитана Гранта", "Детство Горького", "Подкидыш". Успеху их немало способствовало участие великолепных актеров.

Не меньшую роль в духовной жизни моего поколения сыграли импортные звуковые фильмы, начиная с мексиканской "Кукарачи" и диснеевских "Трех поросят". Затем пошли "Под крышами Парижа" Рене Клера, чаплиновские "Новые времена" и "Огни большого города", комедии Германа Костера с участием незабвенной Франчески Гааль, но, пожалуй, более всего запомнился "Большой вальс" — американский музыкальный фильм об Иоганне Штраусе.

Нынешние телефильмы и телесериалы, даже самые удачные, увы, не играют той роли в общественном сознании, какую играли лучшие фильмы звукового кино прошлых десятилетий. Успех тех фильмов можно сравнить разве лишь с популярностью "Семнадцати мгновений весны". Причины такого угасания интереса установить сложно: вероятно, это пресыщенность современного человека всякого рода информацией. В предвоенное же десятилетие кино для всех нас было подлинным спутником жизни.

Сокольнический лицей

В злосчастном для нашей истории 1937 году я окончил школу в Большом Вузовском переулке и, что называется, по душевному влечению поступил в институт истории, философии и литературы — прославленный ИФЛИ, который считался тогда лучшим гуманитарным вузом столицы, если не всей страны. И хотя институт просуществовал немногим более 10 лет, он оставил после себя прочную добрую славу, вырастив с десяток выдающихся людей и сотни основательно образованных и принесших пользу. Иногда ИФЛИ полушутя уподобляют Царскосельскому лицею, хотя Пушкина он миру не даровал. Зато о лицее нам напоминал окружающий ландшафт — живописные окраины Сокольнического парка с его прудами и тенистыми аллеями, местом прогулок, размышлений и споров ифлийских студентов.

Поступал я в разгар арестов и репрессий. Просмотрев мою анкету, член приемной комиссии просверлил меня глазами и тоном следователя вопросил: "А кто из ваших родных репрессирован?" — "Никто", — с чистой совестью ответил я. Такой вопрос задавался всем. Но уже в ходе учения чаша сия не обошла многих вновь принятых. Если они не отрекались от родителей, то исключались из комсомола.

Избрал я не исторический, а филологический факультет: тяга к литературе и языкознанию перевесила. Кроме того, я нутром ощущал, что история — весьма скользкое поприще для молодого человека того времени, литература казалась менее рискованной, а языкознание — и вовсе почти точная наука. В числе преподавателей ИФЛИ были светила, некоторых не так давно удалили из Московского университета как буржуазных ученых. Назову литературоведов Н. К. Гудзия и С. И. Радцига, языковедов А. М. Селищева и Д. Н. Ушакова, историков Ю. В. Готье и Н. А. Куна. Обаятельный, буквально излучавший доброжелательность профессор Ушаков вел наш маленький по составу семинар просто и увлекательно: мы всесторонне, стих за стихом анализировали "Евгения Онегина", открывая для себя пленительную прелесть и точность пушкинского языка. В семинаре профессора Д. Д. Благого мы постигали глубины пушкинского гения как поэта и прозаика.

В конце концов я выбрал лингвистику. Моим руководителем стал Р. И. Аванесов, видный фонолог и диалектолог. В июле 1941 года я должен был отправиться с ним в диалектологическую экспедицию по Рязанской области. О святое наше неведение даже ближайшего будущего!

Как ни странно, в тяжелые предвоенные годы ИФЛИ представлял собой очаг относительного либерализма. Живая мысль здесь не сковывалась так жестко, как в других вузах. Это притягивало сюда многих, как молодых, так и старых, т. е. преподавателей. Особенно процветала в нашем институ-

те поэзия — почти как в пушкинском лицее. Когда я учился на двух первых курсах, институт уже заканчивал Твардовский; в коридорах часто можно было видеть его крупную, уверенную фигуру; выступал он и на наших поэтических собраниях. В аспирантуре состояли молодые поэты Константин Симонов и Михаил Матусовский, будущий критик Лев Копелев. Курсом старше меня учился Павел Коган, автор знаменитой "Бригантины", которую распевали все московские студенты, курсом моложе — начинающие поэты Давид Самойлов и Семен Гудзенко. Со мною одновременно постигали премудрости филологии поэт Сергей Наровчатов и будущий прозаик Елена Ржевская. Наша яркая многометровая стенгазета уделяла литературным опытам студентов почетное место.

Многие из нас занимались в Исторической библиотеке, переехавшей в 1938 году в нынешнее помещение в Старосадском переулке. К экзаменационной сессии 1941 года я готовился в ее большом читальном зале. В одно отнюдь не прекрасное июньское утро читал рассказ Бунина "Антоновские яблоки" в старом Марксовом издании — в те годы белоэмигранта Бунина у нас не переиздавали. Внезапно в зал вошла маленькая, всем нам известная женщина — дежурный библиограф — и включила репродуктор: "Сейчас будет передано важное сообщение". После позывных мы услышали заикающийся голос Молотова. Все поняли: жизнь народа и каждого из нас переломилась. "Тишина предгрозья", как еще недавно называл наше время ифлийский поэт Костя Лащенко, кончилась, начиналась сокрушительная гроза. В бунинский томик я вложил закладку — может быть, дочитаю потом, а может быть, и нет. Все бросились к дверям. Тут я вспомнил, что в комнатке, примыкающей к залу (ныне отданной преподавателям), видел погруженного в чтение своего однокурсника И. Ольшанского. Он не слышал сообщения. Я вошел в комнату: "Кончай зубрить, война началась". Ольшанский близоруко посмотрел на меня: "Брось разыгрывать, кто тебе поверит?" Едва его убедил. После войны Ольшанский стал известным киносценаристом, автором фильмов как раз о войне ("Дом, в котором я живу", "Трое вышли из леса" и др.).

На улице мне бросились в глаза мирные афиши, извещающие о веселых спектаклях летнего сезона: "Веселая война", "Дамская война"... Как беспечны мы были!

Война и послевоенные годы

Война разлучила меня с Москвой. Осенью 1941 года я оказался в Рязанском пехотном училище. В окрестностях Рязани пришлось изучать не местные диалекты, а "действия стрелкового взвода в наступлении и обороне". С тревогой слушали мы безрадостные военные сводки. Враг приближался к столице. Тогда я впервые ощутил всю глубину моей

привязанности к Москве, каждому ее уголку и кирпичику. Хотелось сражаться именно за Москву. Между тем танки Гудериана приближались и к Рязани. Нас, вчерашних студентов, увели походом в Иваново — доучиваться на лейтенантов.

Не буду утомлять читателя своей отнюдь не героической военной биографией. Скажу только, что если начало войны я встретил в Исторической библиотеке, то утро 9 мая 1945 года — на торпедном катере в Балтийском море. Мы высадились на датском острове Борнхольм, о котором до того я знал только из одноименного рассказа Карамзина. К счастью, обошлось без кровопролития: многочисленный немецкий гарнизон острова согласился капитулировать. С тех пор я крепко полюбил страну Андерсена и дважды снова побывал на Борнхольме, уже в качестве члена правления общества "СССР — Дания".

С апреля 1946 года, после демобилизации, я безвыездно живу в Москве. Долгие часы бродил по ближним и дальним улицам столицы вместе с другом-инженером Олегом Юрьевым, тоже горячим любителем русской старины. Но многие здания города оставались загадкой, о них даже не упоминалось в путеводителях, описывавших одни и те же достопримечательности. С жадностью набросился я на наиболее полную и содержательную книгу о Москве — "Из истории московских улиц" П. В. Сытина. Прочитав ее несколько раз, очень многое выяснил, но до конца удовлетворен не был: не нашел истории сотен интересовавших меня домов. Свои замечания и претензии изложил автору в подробнейшем письме. Петр Васильевич назначил мне встречу в издательстве "Московский рабочий". Увидев пожилого, почтенного и очень доброжелательного человека, я устыдился запальчивого тона некоторых моих замечаний. Автор не пожалел времени, чтобы подробно разобраться в моей критике, при этом справедливые замечания принимал без тени досады, а наоборот — с благодарностью. Бывал я потом у него и дома, в Калашном переулке. На входной двери бросался в глаза большой плакат: "Молочка не надо". Не сразу я понял, в чем дело. В те годы подмосковные молочницы ходили с бидонами по квартирам, назойливо предлагая "молочко". Это отрывало Петра Васильевича от трудов, отсюда и странное на первый взгляд объявление.

Постепенно я подступал к теме "Москва". П. В. Сытин охотно консультировал меня. Знания его по московским домовладениям казались бездонными. Квартира его представляла собой чуть ли не научно-исследовательский институт. Рассказывали, что после изгнания Коммунального музея из Сухаревой башни он, бывший его директор, спас от гибели немало ценных документов по истории Москвы.

После демобилизации я поступил работать во Всесоюзное общество культурной связи с заграницей — ВОКС. Рабо-

та моя ничего общего, увы, с историей столицы не имела, кроме разве того, что я рассказывал иностранным гостям о прошлом столицы, водил их по городу и его музеям. Это заставляло меня глубже изучить все, что касалось Москвы. Потерянными я эти годы не считаю: пришлось немало поездить по стране, иногда бывать и за границей. Самое же главное: работа в ВОКСе привела к деловому общению со многими видными деятелями культуры. Это расширило кругозор, развило вкус к истории, искусству. С благодарностью назову имена тех, контакты с которыми оказались наиболее тесными и плодотворными для меня: К. А. Федин, Д. Д. Шостакович, Г. В. Александров, И. Л. Андроников, Я. В. Флиер, академик АМН Н. И. Гращенков.

Погружение в тему

В 1958 году наша организация переехала в новое здание — знаменитый морозовский особняк на Воздвиженке. Никто о нем тогда ничего толком не знал, в литературе встречались лишь отрывочные данные. Я взялся "открыть" этот дом, мной овладела страсть исследователя. Основу заложил П. В. Сытин: он любезно составил для меня справку о владельцах участка начиная с XVI века. Затем я погрузился в изучение архивных материалов ГИНТА. Потом беседовал со старожилами-знатоками: архитекторами Н. Д. Виноградовым и Ю. Ф. Дидерихсом; бывшими сотрудниками Пролеткульта, владевшего домом в послереволюционные годы; художником С. В. Герасимовым. Отыскал И. В. Мазырина, сына архитектора, который многое рассказал мне об отце и показал ряд семейных документов. Толстовед Н. С. Родионов подтвердил мою догадку о том, что строительство особняка описано Л. Толстым в 12-й главе второй части романа "Воскресение". В результате всего этого родилась объемистая справка, получившая широкое хождение в ВОКСе.

Многие советовали опубликовать интересный материал. Но времена еще были не те: убедившись с первых строк, что речь в значительной мере идет о владельцах-фабрикантах, т. е. прежде всего "эксплуататорах и кровососах", в редакции на меня испуганно замахали руками. Только через 10 лет вспомнил я о забракованном очерке: его охотно, почти без правок опубликовал журнал "Вопросы истории". Так изменилось за эти годы отношение к прошлому.

Между тем я поступил работать в Совинформбюро, затем АПН, где вплотную занялся журналистикой. Не последнее место в ней заняла московская тема.

Изучая москвоведческую литературу, я с особым интересом читал монографии о связях деятелей русской культуры с Москвой: "Пушкин в Москве", "Лев Толстой в Москве", "Репин в Москве" и т. п. Знакомясь с биографией П. И.

Чайковского, моего любимого композитора, я не без удивления узнал, что большая часть его жизни и творчества была связана с Москвой. Между тем ни одной научной, обобщающей работы на эту тему не было. Собрав большое количество материалов, я написал для издательства "Московский рабочий" книгу "Чайковский в Москве". Перед выходом ее обнаружилось, что книга с таким названием — повесть для детей А. Алтаева (Ямщиковой) уже существует. Заставили изменить заголовок: я ничего не мог придумать лучшего, чем "Чайковский в родном городе", — композитор как-то назвал так Москву. Но об этом мало кому известно, до сих пор многие думают, что речь в книге идет о Воткинске.

Увы, за истекшие 30 лет с лишним почти все установленные, с указанием точного адреса места жительства Чайковского оказались снесенными. Книга превратилась в синодик жилищ композитора.

Затем я написал для венского издательства "Эуропа" книгу "Москва вчера, сегодня и завтра", выпущенную в переводе на немецкий язык в довольно изящном оформлении.

Между тем зрела мысль написать путеводитель по центру Москвы, описывающий не только выдающиеся сооружения, но и все или почти все дома по избранному маршруту. "Вовсе неинтересных домов, как и людей, нет, — не уставал повторять я. — Есть здания более и менее интересные, но каждое заслуживает изучения". Такой подход я связывал с наступлением качественно нового, более ответственного периода в москвоведении, — назревшей потребности *микроизучения* Москвы, всех ее сооружений. Это требуется не только для удовлетворения естественной любознательности коренных москвичей, не только для хозяйского учета городской застройки, но прежде всего для наилучшего выполнения задачи сохранения сложившегося облика столицы.

Опытом таких путеводителей стали "Бульварное кольцо" (1972), "Лучи от Кремля" (1978), "Москва в кольце Садовых" (1982). Хотелось поведать читателям обо всем, заслуживающем внимания в сохранившемся историческом центре, не перегружая повествование данными о давно исчезнувших, непамятных постройках и малоизвестных землевладельцах. Описывал в основном то, что на сегодня зримо и осязаемо.

В книгах и статьях, написанных для заграничного читателя, я, наоборот, избегал подробностей, а старался представить Москву в аспекте, наиболее интересном читателю данной группы стран. Так, в последней такого рода книге, изданной на английском языке издательством "Иппокрена" в Нью-Йорке, я акцентировал факты и памятники, особо значимые для англоязычного читателя. Практика работы в ВОКСе много этому помогла.

Не изменил я и языкознанию, хотя лингвистом не стал — им стал мой сын, ныне доктор филологических наук, преподаватель Московского педагогического университета им. Ле-

нина. Я же увлекся антропонимикой — областью языкознания, изучающей собственные имена людей. Уже двумя изданиями выходил мой популярный этимологический словарь "Русские фамилии" — первый словарь такого рода вообще. Он раскрывает происхождение и значение более 2500 фамилий.

Путеводители стареют и постоянно требуют обновления. Этимологический словарь переживет мои путеводители, так как требует лишь частных уточнений и дополнений. Так что неизвестно, кто я больше — москвовед или этимолог.

Не забыта мною и литература, прежде всего обожаемая русская. Постоянно читая и перечитывая классиков, я каждый раз нахожу в давно знакомых строках что-то новое и важное для себя. Этому посвящены мои "Заметки о пользе "медленночтения", публиковавшиеся в журнале "Наука и жизнь". А сейчас в издательстве "Детская литература" готовится к изданию мой новый труд — "Что непонятно у классиков" — обширный историко-литературный комментарий, помогающий юному читателю глубже и полнее понять произведения русской классической литературы. Одновременно готовится второе, расширенное и дополненное издание путеводителя "Москва в кольце Садовых", осуществляемое нашедшим и взрастившим меня издательством "Московский рабочий".

Но больше всякого рода публикаций радует меня вспыхнувший в последние годы невиданный, поистине массовый интерес к истории нашей столицы. Дело охраны и возрождения ее исторических памятников приобрело характер широкого общественного движения. Однако кое-что и огорчает: свойственные всякому поветрию крайности, запальчивость и нетерпимость в отстаивании своих взглядов, не всегда зрелых и обоснованных, а подчас и уродливая короста шовинизма. Знакомая мне по 1930-м годам точка зрения "Все старое было плохо, все лучшее — в настоящем и будущем" сменилась диаметрально противоположной: "Все старое было великолепно, все недавнее и новое — из рук вон плохо". Обе крайности неприемлемы, как любые крайности. Думается, что углубленное, строго научное изучение Москвы поможет достигнуть здравой оценки как ее прошлого, так и настоящего, найти верные пути к будущему. И в этом одна из насущных задач москвоведения.

Мне видится Москва XXI века не только возрожденной в своем неповторимом историческом облике, но и обогащенная новыми достижениями цивилизации и искусства, в чем порука — неиссякаемая творческая энергия нашего народа, который породит и великих мастеров-градосозидателей. Остаюсь неисправимым оптимистом. Закончу любимыми строками поэта Аполлона Майкова, созданными еще полтора века назад: "Жива Москва — сильна Россия, и божий свет рассеет тьму".

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Свой автобиографический очерк Юрий Александрович написал по просьбе составителей этой книги еще в сентябре 1990 г. К нашему глубокому сожалению, увидеть второй выпуск "Краеведов Москвы" ему не довелось: 7 апреля 1993 г. Юрий Александрович скоропостижно скончался. Похоронен он на Введенском кладбище.

Талантливый филолог, языковед и журналист, Ю. А. Федосюк был и подлинным москвоведом. Более четырех десятков лет отдал он москвоведению и открыл в нем новый и важный этап — этап систематического "микроизучения" (по его же четкому определению) Москвы. Созданный им в итоге огромной исследовательской работы замечательный цикл путеводителей по историческому центру Москвы завоевал общее признание — от ученых до рядовых москвичей. По сути дела, Юрий Александрович продолжил спустя два десятилетия столь популярные работы П. В. Сытина, который не случайно стал первым научным консультантом Юрия Александровича и как бы передал ему эстафету.

Одним из первых Ю. А. Федосюк осознал назревшую в москвоведении необходимость перейти от изучения истории московских урочищ, площадей и улиц к изучению каждого московского владения, каждого дома и его обитателей. Нельзя останавливаться только на архитектурных и исторических памятниках, считал он, важно исследовать и описать всю так называемую рядовую застройку, которая на деле и является подлинным историческим городом, показать все своеобразие культурной жизни москвичей, как известных, так и самых простых.

Так появились книги-путеводители "Бульварное кольцо", "Лучи от Кремля", "Москва в кольце Садовых". За 10 лет, разделяющих годы выхода этих книг, Юрий Александрович воссоздал для нас как на одном дыхании впечатляющий, полифонически звучащий гимн восьмивековой Москве в ее историческом, архитектурном и культурном развитии. Как это подобает мастеру, он оставил в тени свой напряженный труд поиска и изучения материалов, составления рабочих картотек всех московских домов, персоналий, литературных источников. Содержательность, четкость структуры и прекрасная литературная форма этих книг стали "визитной карточкой" Юрия Александровича как москвоведа.

Он был очень скромным человеком. В его автобиографическом очерке много интересного рассказано о Москве, о друзьях и знакомых. О себе же Юрий Александрович говорит скупо. К примеру, не хочет "утомлять читателей своей отнюдь не героической военной биографией". А между тем факты свидетельствуют о другом, о пятилетнем трудном пути через войну вчерашнего студента, ставшего в августе

1941 г. рядовым и вернувшегося домой лишь весной 1946 г. старшим лейтенантом. На этом пути были и работа военного переводчика в 16-й армии 2-го Белорусского фронта, и участие в освобождении датского острова Борнхольм 9—14 мая 1945 г., и награждение орденом Красной Звезды и медалями.

Не рассказал Юрий Александрович и о своей активной общественной деятельности. Он был лектором-международником в 1958—1963 гг., а затем выступал с докладами и лекциями по Москве. Многим памятны его яркие телевизионные передачи. С 1958 г. он был активным членом правления общества "СССР — Дания". В 1970-х гг. началась и продолжалась до конца дней Юрия Александровича работа в Обществе охраны памятников истории и культуры. Она и познакомила нас: ведь Юрий Александрович был членом правления Московского городского отделения Общества, самым деятельным участником Комиссии по истории московских улиц, где не раз аплодисментами встречали его выступления, где становилось интереснее и уютнее от одного его присутствия и всегда доброжелательных советов. А с лета 1988 г. Ю. А. Федосюк участвовал в трудах экспертной комиссии по вновь выявленным памятникам Главного управления государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры Москвы. Его эрудиция, глубокие знания, горячая любовь к родному городу и желание сохранить память об его истории поражали и привлекали к нему общие симпатии.

Юрий Александрович щедро делился своими знаниями, помогая и делу охраны памятников, и начинающим москвоведам. "Готов помогать справками и консультациями", — писал он в анкете Комиссии по истории московских улиц в 1987 г. И помогал. Именно ему была обязана "путевкой" в москвоведение Н. А. Шестакова, безвременно ушедшая из жизни тоже в 1993 г. По собственному ее признанию, Юрий Александрович поддержал ее первые шаги в изучении театральной Москвы и тем помог так быстро раскрыться ее способностям.

Известно, что серьезным исследователям всегда было трудно публиковаться. Постоянная "борьба" издательств за экономию, за сокращение объемов вынуждала авторов во многом работать без надежды быть напечатанными. Вот и у Ю. А. Федосюка остались неопубликованными по меньшей мере четыре большие интересные работы: "Отчеты памяти" — его воспоминания о старой Москве (11 авт. л.), "Портретная галерея" — заметки о выдающихся современниках, с которыми ему довелось встречаться (8 л.), "Выписная книга" — авторские размышления и интересные выписки из прочитанного (13 л.), "Замеченное и придуманное" — собранные им афоризмы и знаменательные фразы (5 л.). А кроме этого, отдельные рассказы, очерки, воспоминания.

В последние годы Юрий Александрович много думал и работал над уникальной книгой — "Что непонятно у классиков. Трудные слова и понятия" (15 л.). Обращенная к молодежи, она связывает русскую классическую литературу с реалиями нашей истории. К сожалению, выход книги с 1989 г. задерживается в издательстве "Детская литература".

Как видим, опубликованные труды Ю. А. Федосюка далеко не полно отражают его многоплановое творчество. К слову сказать, давая список своих трудов, Юрий Александрович опять проявил скромность. Он назвал только 17 работ, а как выяснилось, их насчитывается более полусотни (не считая его корреспондентских работ и статей по линии АПН, в том числе шедших за рубеж). К счастью, многим из нас посчастливилось слушать выступления и доклады Юрия Александровича. У него была удивительная образная память и, конечно, подлинно московская речь. Непосредственные впечатления ребенка, затем юноши, а позже мудрые мысли знатока Москвы, сочетаясь, рождали яркие картины, воскрешали характерные черточки московской жизни. Поистине он был не только историком, но и бытописателем Москвы. Просто необходимо опубликовать воспоминания Юрия Александровича: они дают объективный, живой и добрый портрет Москвы советских лет, в которой вначале многое было от старого, дореволюционного облика и быта, а затем наряду со страшными утратами рождались и новые хорошие традиции, которые мы не должны забывать.

Несмотря на все жизненные и общественные коллизии, которые выпали поколению Юрия Александровича, он всегда оставался оптимистом, верил, что история Москвы со временем будет звучать как "многоголосная и цельная симфония". Юрию Александровичу по заслугам принадлежит почетное место в оркестре, исполняющем эту симфонию. Родившийся в советские годы, он впитал в себя лучшие черты русской культуры, подлинного интеллигента — талантливость, трудолюбие, совестливость, скромность и любовь к России, любовь к Москве.

* * *

Благодарю Раису Яковлевну и Михаила Юрьевича Федосюк за помощь при написании этих страниц и составлении списка трудов Юрия Александровича.

Л. В. Иванова

Список работ Ю. А. Федосюка

Вагнер в Москве // Вечерняя Москва. 1958. 12 февраля.
Такое пособие необходимо // Вопросы литературы. 1959. № 6.
Чайковский в родном городе. М., 1960.
Москва сто лет назад // Москва. 1965. № 1.
Прогулка по Москве 1966 года // Вопросы истории. 1966. № 8. С. 198.

Москва вчера, сегодня и завтра (на нем. яз.). Вена, 1967.
Москва сто лет назад // Вопросы истории. 1968. № 2. С. 209—216.
Из истории Москвы XIX века // Вопросы истории. 1969. № 5. С. 209—212.
Как Ваша фамилия? // Наука и жизнь. 1968. № 8—10; 1969. № 4.
Илья Репин // Спутник. 1969. № 1.
Что означает Ваша фамилия? М., 1969.
Русские фамилии // Наука и жизнь. 1970. № 2—12.
Чистые пруды // Московская правда. 1972. 28 января.
Тверской бульвар // Вопросы истории. 1972. № 2. С.207.
Бульварное кольцо // Наука и жизнь. 1972. № 6.
От Никитских ворот до Петровских // Наука и жизнь. 1972. № 6.
Бульварное кольцо: Путеводитель. М., 1972.
Там, где жили герои А. Н. Островского // Московская правда. 1973. 1 апреля.
Русские фамилии: Популярный этимологический словарь. М., 1972; 2-е изд. М., 1981.
Русские фамилии: Популярный этимологический словарь // Наука и жизнь. 1974. № 8, 11.
Прославленные фамилии // Наука и жизнь. 1976. № 12; 1979. № 9.
Лучи от Кремля. М., 1978.
Москва в будни и праздники: Альбом с текстом на четырех языках. М., 1980.
Дом, который помнит Ильича // Правда. 1980. 4 апреля.
Бульварное кольцо Москвы: Текст к серии открыток художника Л. Корсакова. М., 1980.
Бульварное кольцо // Русская речь. 1980. № 6.
Красная Пресня // Русская речь. 1980. № 6.
Москва в кольце Садовых. М., 1982; 2-е изд. М., 1991.
Кузнецкий мост // Наука и жизнь. 1983. № 1. С. 68.
История здания Московского Дома дружбы с народами зарубежных стран. М., 1984.
Еще один адрес Венявского // Вечерняя Москва. 1985. 12 июля.
Заметки о пользе "медленночтения" // Наука и жизнь. 1985. № 2. С. 120; 1986. № 11. С. 88.
Улица Герцена, 13. Серия "Биография московского дома". М., 1988.
Москва, Ленинград, Киев (на англ. яз.). Нью-Йорк, 1989.
"Живу в сердцах всех любящих...": Воспоминания о Д. Д. Шостаковиче // Советская музыка. 1991. №9.
Двор моего детства // Вечерний клуб. 1992. 29 марта.
Одна, но пламенная страсть // Вечерняя Москва. 1992. 11 мая.
В чем суть аферы Чичикова? // Словесник. 1992. № 3—4.
Москва в годы нэпа: (Записки старого москвича) // Московский журнал. 1992. № 7.
Ледоход в старой Москве: Что видели и говорили на Большом Каменном мосту в 1935 году // Вечерний клуб. 1993. 1 апреля.
Комментарии // *Скавронский Н.* Очерки Москвы. М., 1993.
Арбат торговый // Арбатский архив. 1994. № 1.

СОДЕРЖАНИЕ

Научно-популярное издание

КРАЕВЕДЫ МОСКВЫ

(Историки и знатоки Москвы)

Редакторы *Л. Сурова, Ю. Трифонов*
Художник *А. Волошин*
Технический редактор *О. Музникова*
Корректор *Ю. Черникова*

Лицензия № 061544 от 18.08.92.

Сдано в набор 15.08.94.
Подписано к печати 30.11.94.
Формат 84х108 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 15,96 Усл. кр.-отт. 16,11. Уч.-изд. л. 21,52
Тираж 3000 экз. Заказ № **838.**

Издательство «Книжный сад»
119619, Москва, Боровский пр., 6—36.

Московская типография № 6
Комитета РФ по печати
109088, Москва, Южнопортовая ул., 24